

Юрий Волгин После нас



Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=606795
«После нас»: Крылов; Санкт-Петербург; 2011
ISBN 978-5-4226-0179-0

Аннотация

Великая цивилизация сгорела в пламени ядерного огня. Уцелевшие в геенне Армагеддона предпочитают отсиживаться на руинах городов, пересказывая друг другу истории о безвозвратно ушедших временах. Охотиться на коровьих улиток, праздновать Мутов день, да искать хабар в развалинах – вот и вся их бесхитростная утеха. Однако теперь и эти жалкие поселения бедолаг сминает чудовищная поступь адского Легиона.

Да, мало осталось отважных. Мало любителей ездить и жить во всеядных бронемашинах, взламывать древние схроны и глодать у костра окорок собаки-мутанта. Но они есть. Имя им – странники пыльных дорог. Их боятся, ненавидят, уважают. Только они еще способны расшевелить инертную массу, вдохнуть мятежный дух в дремотные умы, поднять людей на борьбу с Легионом. одному из них, владельцу автокорабля Густаву, однажды придётся выбирать между людьми и богомерзкими тварями. И выбор его будет нелёгок. Выбор его будет чудовищен.

Юрий Волгин После нас

Глава 1

Густав потянулся и открыл глаза. Датчики показывали ночь. В кабине было темно, хоть глаз выколи. Густав лениво щелкнул тумблером – заработал кондиционер. В последнее

время он доставлял ему немало хлопот, все время грелся, а программа автоматической настройки не работала. Густав лениво чертыхнулся, когда вместо свежего прохладного воздуха потянуло гарью. Но на этот раз, слава богу, автоматика сработала и кондиционер отключился. Получилось как всегда, он дотянул до полной поломки механизма. Крек давно предлагал ему ремонт за небольшое (в его понимании) вознаграждение. Но Густав не был в тех краях уже месяцев шесть или семь. Июнь в...

Кряхтя, Густав включил локационную карту.

...июнь в России жаркий, без кондиционера здесь не протянуть, а если учесть, что корабль в целях безопасности почти закрыт, то от одной мысли о тридцати градусах в тени бросает в пот. За этот месяц он исколесил Евразию от Парижа до Москвы. Побывал и на развалинах Кремля, где-то в багаже лежал обломок красной звезды. Обгорелый и оплавленный. Большой Взрыв задел и ее. Весьма символично.

Подняв электронный перископ, Густав осмотрелся через плохонькую, но до сих пор работающую черно-белую камеру: чертовых мутантов здесь вроде бы не было. На сей день Россия вообще оставалась самой нормальной территорией в этом плане. В Европе муты ходили чуть ли не толпами – несколько сотен килограммов сумасшедшей гниющей плоти на один квадратный километр. А здесь можно было жить более-менее спокойно.

Сенсоры на бортах тоже ничего подозрительного не показали, кроме рельефа почвы и слегка повышенной радиации. Нажав на ручку, Густав открыл боковую салонную дверь. Она с легким шипением ушла вбок. На мгновение застыв, он выпрыгнул из корабля.

Быстро взглянул влево, вправо – техника не подвела, все было спокойно. Прошелся вдоль машины, размялся, попинав все шесть пыльных колес. Неподалеку, сквозь ряд нестройных деревьев, проблескивала шумная речка, и редкими порывами ветра от нее несло прохладой. Справа рос лесок, а в нем, наверное, пища.

Но стоило начать с воды. Спустившись к речке по отлогому сырому берегу, Густав бросил туда индикаторную таблетку. Таблетка сказала «пафф» и растворилась. «Хорошо, даже отлично», – подумал он. Вода если и была заражена, то разве что чуть-чуть, то есть не смертельно. Полностью незараженными в этом мире были лишь невинные белоснежные облака, да и на те не стоило полагаться, так как иногда они извергали разноцветный дождь.

Набрав воды, Густав поднялся с прохладным бурдюком за плечами, увязая в сером рыхлом песке, походил по лесу, посмотрел на сосны. Сосны были здоровые, но среди них иногда попадались сосны-кусты – слабаки, не перенесшие Взрыва, цепляющиеся за жизнь уродливыми, скрюченными, как пружина, иголками.

Многие не перенесли Большого Взрыва. Но прадед Густава выжил, выжил и сам Густав, выжили и эти сосны. Российские сосны. Они, наверное, еще видели какого-то там президента России, кажется, Горбачевски его фамилия. Густав не помнил точно. Да и не было у него нужных знаний, как и не было образования. Все, что нужно, он умел делать, а те редкие обгорелые книги, которые он иногда находил в развалинах домов, помогали ему лишь скрасить бессонные ночи. Не более. И все чаще в качестве топлива для костра.

Внезапный шум насторожил Густава. Шум вроде бы далекий, но... Надо было действовать, это подсказывал опыт. Густав выбежал из леса и устремился к кораблю. Бурдюк с водой подпрыгивал и встревоженно хлюпал за спиной. На горизонте появилось облако пыли, и с каждой секундой оно становилось все ближе. Инстинктивный порыв бросил Густава к машине, но разум приказал: «Стоп!»

Нет, облако казалось странным. Во-первых, теперь уже ясно было видно, что это машина, а не песчаное торнадо или что-нибудь пострашнее, вроде стада диких коров, однажды чуть не затоптавших Густава насмерть. Во-вторых, двигалась она рывками, с большими ускорениями; ее дергало из стороны в сторону, и такой водитель не мог представлять опасности, если... если это только не ловушка или принявший галлюциногенные средства странник. На всякий случай Густав достал из-за пояса пистолет и, держа его дулом вниз, передернул затвор.

Корабль приблизился уже на расстояние пятидесяти метров, когда сзади в нем что-то

взорвалось. Он мгновенно задымился, подпрыгнул на кочке, как будто завис в воздухе, и рухнул, зарываясь носом в сухую почву.

Довольно скоро, по инерции, остановился.

Но никто из корабля не вылезал.

Теперь уже разум приказывал Густаву поскорее уходить от греха подальше, а инстинкт умолял разобраться, в чем там дело. Победил инстинкт. Густав осторожно пошел к кораблю. Никаких признаков жизни в нем не наблюдалось, только проблески пламени и колышущийся жар. Он хотел обойти его со всех сторон, оглядеть как можно внимательнее, но время поджимало – с минуты на минуту должен был произойти взрыв, если он не ошибался в расположении топливного бака на этом корабле. А здесь, судя по конструкции машины, основным было именно бензиновое топливо.

Густав потянул на себя ручку двери (старая модель, на более поздних никто уже не делал такие ручки снаружи), дверь не поддавалась. Густав отошел назад и чуть вбок и пару раз выстрелил в замок. Дернул дверь на себя, чуть не сорвав ее с петель. Изнутри повалил черный дым, – видимо, салон потерял герметичность, и те, кто находился в корабле, если не пострадали от взрыва, то уж точно наглотались ядовитого газа.

Густав влез внутрь. Там ничего не было видно, но застонал водитель. Зажмурившись и чувствуя на своей коже цепкие пальцы огня, Густав подхватил человека под мышки, выдернул из сиденья и потащил к выходу. Там уже перекинул его к себе на спину и побежал, если это так можно было назвать, что есть духу от пылающего в смертельном мареве корабля.

Пять...

Четыре...

Три...

Два...

Один...

Взрыв? Маленький такой взрыв?

Ну давай, взрывайся, не томи! Ну же!

...а может, не взорвется? Какой же тяжелый...

Повезет, если все обой...

БАХ!!!

...дется.

Густава снесло с ног ударной волной, и оба они, он и пребывающий без сознания водитель, упали. В ушах звенело. Голова наливалась медленным свинцом боли.

Густав оглянулся – на месте корабля зияла воронка, чуть поодаль были разбросаны куски железа, рама остова, горящее дымящееся колесо. «И как же меня не задело?»

Потряхивая головой, чтобы избавиться от звона в ушах, он повернулся и посмотрел на спасенного им водителя. Это был седой мужчина, даже скорее старик лет шестидесяти. Сухой, жилистый, загорелый. Он очнулся и теперь пытался встать, ошарашенно вращая карими глазами.

– Эй, ты меня понимаешь? Ты слышишь? Эй, как тебя зовут? – четко и отдельно спросил Густав на иньере, интернациональном языке.

Старик промывчал в ответ что-то нечленораздельное.

– Вот блин. Глухонемой! – воскликнул Густав. – Отец! Ты меня хоть видишь? Хотя зачем я тебя спрашиваю... А?! Эй!

– Не кричи, кретин, – неожиданно четко сказал старик.

– Что?!

– Не кричи, я сказал. У тебя есть корабль?

– Есть, – сказал Густав. Он не ожидал, что старик будет таким агрессивным. И не глухим.

– Где?

– Да вот, – Густав указал на свой корабль.

– Слава богу, что близко. Помоги мне подняться.

Густав помог старику встать на ноги. Тот отряхнулся, взъерошил волосы, одернул куртку и слегка поклонился, держа руки за спиной.

– Марков, рад познакомиться.

– Густав. Я тоже.

– Ну, вот и славненько!

Марков? Странное имя. Да и вообще старик казался странным, это без учета обстоятельств его появления в жизни Густава. Появления на короткий срок, как он искренне надеялся.

– Давай-ка, Густав, выбираться отсюда поскорее. И чем быстрее, тем лучше, поверь мне.

– Давай, но позволь спросить кое-что для начала. Хорошо? Я буду предсказуемым и оригинальничать тоже не собираюсь, поэтому не удивляйся моему неожиданному вопросу: что, собственно, с тобой случилось?

– Нарвался на Легион.

– На легион? Какой такой легион?! Тебя сильно ударило, Марков? – спросил Густав. – Или дыма наглотался? Нет, гляньте на него! Рыбы в той речке сейчас крутят плавниками возле своих тухлых голов, поверь мне! Легион! Не знал, что в таком возрасте верят в сказки.

– Это не сказка. Я не раз предупреждал свою общину, чтоб были осторожней, но... Кто слушает стариков?

– Никто. В том числе и я, если они болтают о Легионе. Это удел психов. Но постой, ты был в общине? И где же она?

– Она уничтожена. Вся. Я один спасся.

– Ха! Кто мог уничтожить *целую* общину? Я странник, меня можно убить, не спорю, но целую общину! Или это была община безруких стариков и детей в младенческом возрасте? Нет, это невозможно, – Густав удрученно покачал головой и прислушался к звону уже теперь только в левом ухе. Вроде бы и свинцовый привкус боли куда-то подевался. Наверное, сказки Маркова спровоцировали небольшое лечебное волшебство. Говорят же, что смех лечит.

– Я повторяю, мы наткнулись на Легион. Целый строй этих голодных тварей встал у нас на пути. Целый строй. Штук десять, не меньше, я точно не считал.

– Хватит нести чушь! Залезай в корабль, поговорим спокойно, – рявкнул Густав.

Марков хотел еще что-то сказать, но Густав его уже не слушал, а торопливо шел к машине.

Они подошли к кораблю и вошли внутрь. Густав сел за ручное управление, а старик без спроса прилег на маленькую кроватку за водительским креслом.

– В общем, так, – начал Густав. – Я с тобой нянчиться не собираюсь. Чтобы ты знал, я странник, бродяга, вольный стрелок и любитель прочих шалостей этой невеселой жизни. Иметь собеседника я не желаю, друга – не хочу. Старика в качестве обузы – тем более. В любовники ты мне не годишься ни по возрасту, ни по полу. Так что пользы от тебя мне никакой, одни убытки. Но я человек добрый. Поэтому подброшу тебя до твоей общины. А там сам знаешь, будешь волен делать все, что захочешь. Но только без меня. Сейчас воды в баки наберем и поедем.

– Нет! У нас нет времени! Они могли выследить меня и, может быть, уже идут по следу. Мы будем часа четыре наполнять твою машину, и за это время нас успеют не только сожрать, но еще и устроить себе послеобеденный сон.

– Не беспокойся, старик, тут полная автоматика! – хмыкнул Густав. – Пять минут, не больше, насосы в хорошем состоянии.

– Ну... не знаю...

– А я знаю, – зло сказал Густав, завел двигатель, развернулся и направил корабль задом к реке.

Через пять минут они уже неслись по чистой, покрытой горизонтальными неглубокими трещинами дороге со скоростью сто двадцать километров в час в сторону, откуда прибыл корабль Маркова.

– Послушай, Густав, не стоит ехать туда. Там Легион, там смерть, там... Да там конец нам настанет! Останови свою колымагу, я тебя очень прошу. Каким ты богам поклоняешься, а? Ими прошу. Христианин? Тогда Им заклинаю! Поверь мне, нет больше никакой общины, Легион там!

– Никаким богам, отец, я не поклоняюсь, успокойся и не вопи. Если ты боишься, то слазь, а я поеду дальше один. Я должен узнать, что там произошло. И почти уверен, что община твоя цела, а ты просто немного сбрендил. Признайся, а? Тебя бросила молодая жена? Ну, или тебе приснился ночной кошмар, что-то в этом духе. Я скорее поверю тому, что твой корабль сам решил совершить прогулку, а заодно и поджечь себя. Но если же там и правда случилась какая-то заварушка, то я не буду подъезжать близко, посмотрю издали и уеду. Я циничная сволочь и дорожу своей жизнью. Ясно?

– Запомни мои слова – велика вероятность, что мы умрем. Девяносто девять процентов, а то и больше. И я бы сказал сто, если бы не знал закона вероятности.

– Мы все умрем, это сто процентов. Но не сегодня. А ты же, я погляжу, силен в математике! Ты откуда?

– Я из Латвии.

– Из Латвии? А это где? Опять напридумывал? Старость на выдумки хитра?

– Я из Латвии, сынок, это моя родина, а ты, как я понимаю, даже не представляешь, где родился. Ведь так? Максимум, что ты скажешь, это – север Евразии или – юг Африки.

– Ну-ну.

Густав наклонил голову в одну сторону, затем в другую, до упора. Каждый раз раздавался щелчок затекших позвонков. Это его расслабляло, иногда даже лучше секса или вкусной еды. Вот же попугчик попался! Повезло, ничего не скажешь. «Старая ты скотина», – подумал Густав, чувствуя за собой дыхание Маркова и едкий запах паленого. Наверное, где-то его зацепило, когда загорелся корабль.

Минут двадцать ехали молча, потом Густав спросил:

– Долго еще?

– До смерти-то? Да минуты три, не больше. Готовься, скоро ты увидишь своего деда. В лицо, прям как меня. Сможешь даже за руку с ним поздороваться. Правда, я сомневаюсь, что у призраков есть руки. Но ты сможешь это проверить.

– Сукин ты сын, – сквозь зубы процедил Густав и уставился на дорогу.

Через минуту локатор запищал, показывая большое скопление объектов на дисплее. Приехали. Корабль сошел с обочины и начал мягко тормозить. На сухой песчаной почве его немного занесло, Густав чертыхнулся, дернул руль и выровнял машину. В клубах желтой пыли они остановились.

Густав выдвинул перископ, ориентируясь по радару. Никого и ничего, кроме некоего подобия свалки. Одни покореженные и какие-то... пожеванные машины. Он приблизил картинку, чтобы разглядеть место побоища получше. И тут раздался звук. Резкий, пронизывающий насквозь звук вспорол хлыстом эту тихую заводь. Земля дрогнула, и в воздух взвилось что-то быстрое.

Оно застыло в десяти метрах над поверхностью земли. Сквозь существо просвечивал весь мир. Оно было почти прозрачным, вроде мутного сигаретного дыма, заключенного в невидимую оболочку. Только маленькие красные глаза выглядели реальными. Угловатая и шустрая фигура полетела навстречу кораблю Густава, но тут же остановилась, будто ее кто-то одернул. Существо взмахнуло рукой с огромными острыми когтями, сорвало с близлежащего корабля крышу, как кусок материи, и унеслось куда-то, вытянувшись черной стремительной молнией. Все это представление длилось секунд двадцать, но произвело на

Густава незабываемое впечатление.

Он сглотнул застывшую слюну. Сзади раздался шорох. Густав оглянулся – Марков сидел и дрожал, вжавшись в стенку.

– Ты видел *их* ?

– Да. То есть нет. Он был один.

– Но ты видел его?

– Да.

– Теперь веришь?

– Да, теперь да.

Марков откинулся на подушку, затем вскочил, опять сел, наклонился, упершись руками в колени, и тяжело, с сиплыми хрипами задышал.

– Астма... астма меня убивает, когда я волнуюсь. Но... почему он нас не тронул?

– Без понятия, – задумчиво сказал Густав, все еще глядя в перископ.

– Жаль, что я ничего не видел. Что он сделал?

– Посмотрел на меня, порвал крышу у машины и улетел.

– Порвал крышу у машины... боги... ты ведь говоришь не о крыше из целлофанового пакетика. Куда он полетел?

– На запад.

– Странно. Почему же он нас не тронул?.. Почему? Хотя, послушай, если он полетел на запад, то это определенно грозит... Нет, этого не может быть.

– Чего не может быть?

– На запад! – Марков вскочил, чуть не ударившись головой о низкий потолок корабля. – На запад, сынок. Если на самом деле туда, то это очень плохо! Очень и очень.

– Да почему?!

– На западе есть еще одна крупная община. Они были спутниками нашей, дорожные братья. У многих общин есть такие друзья, так как мы путешествуем по кругу и один раз в пять лет пересекаемся. Даже праздник такой есть – День друзей, если ты знаешь о нем, странник. В этом краю общин очень мало, поэтому если Легион наткнется на кого-то, то это точно будут те ребята. Их больше, чем было нас, но и они не справятся даже с одной такой штуковиной, ты же видел эту тварь!

– Там для нее будет много добычи, факт.

– Добычи. Много пищи для Легиона. А ведь они точно знают, куда идти и где устроить кровавую жатву. На запад... Может, нюх у них особый? Или зрение? Как у орлов. Только эти видят не с высоты, а сквозь расстояния.

– Слушай, мы поедem туда. Мы должны как-то помешать чертову Легиону.

– Да ты с ума сошел? Ты уже испытал судьбу! Успокойся! Тебя не тронули – и радуйся. Мы ведь для них всего лишь комбикорм, земляные червяки в цветочном горшке. Вкусные паразиты и вредители, от которых нет никакого толку, кроме вкусовых ощущений и того, что нас даже жарить не надо. Своей смертью мы не поможем детям и женщинам, которых там множество.

– Марков, один раз я тебе уже предлагал, и ты знаешь, что я тебе на этот раз скажу. Выбирай. Либо ты едешь со мной и мы хоть как-то попытаемся увести общину от удара Легиона, не забывая и о своей шкуре, конечно же. Либо ты остаешься здесь и направляешься пешком на восток. Уж там-то точно нет никакого Легиона. По крайней мере, этого. Там вообще, похоже, никого нет, одни российские леса. А я устал от безделья, от этой бесконечной дороги. Мне необходимо хоть какое-то действие, осмысленное движение. Немного приключений в этом беспроектном дерьме.

– Значит, так, да? Ты у нас любитель ставить ультиматумы людям, которые старше тебя, только потому, что тебе захотелось повеселиться? Может, прислушаешься к моему совету и сохранишь свою никчемную жизнь?

Густав пожал плечами, повернул ключ зажигания и выжидающе посмотрел на Маркова.

– Ладно, у тебя очень убедительный взгляд, поехали, но знай...
– Знаю, знаю! – с усмешкой перебил его Густав. Но руки его предательски дрожали, когда он нажал кнопку и отдал команду перевода маленького бортового пулемета в режим боевой готовности. – Ты меня предупреждал, так ведь? Учту.

Глава 2

Густав не любил ночь. При всех ее преимуществах ехать приходилось практически ощупью, делая максимум двадцать километров в час. Камера ночного видения и спутниковая навигация помогали лишь отчасти. Однажды, лет пять или шесть назад, он ехал по итальянской земле. На камере впереди стелилось вполне себе целое асфальтовое шоссе. Странники и общины уже успели очистить его от брошенного транспорта, и в общей навигации оно значилось «чистым». Карта показывала, что это полотно дороги тянется практически без крутых поворотов аж до границы с Францией. Вернее, до того места, где была когда-то граница. В общем, благодать.

Было темно, накрапывал дождь, но Густав делал около шестидесяти километров в час. Он наслаждался тишиной и покоем. На такой дороге не было тряски, корабль шел легко и ровно. Позади протяжно засвистел бурлящий чайник и щелкнул терморегулятором, отключаясь. Густав лишь на мгновение отвлекся, на какой-то жалкий промежуток времени: секунда, чтобы повернуть голову, секунда, чтобы посмотреть на чайник, секунда, чтобы вернуть голову в обратное положение, и за это время успел врезаться в палатку. В ней находилось трое. Два парня и девушка. Чертовы извращенцы трахались посередине скоростного шоссе, под дождем. Их машина стояла на обочине, а они... прямо на потрескавшейся от времени двойной сплошной...

Когда Густав вылез, то позади, между двумя черными полосами его тормозного пути, лежал бесформенный куль. Он подошел и увидел еще один след – багряный. На мокром асфальте он выглядел таким же черным, как и следы от шин, но Густав знал, что он красный. Иначе быть не могло. Потому что кровь всегда красная, как бы ни менялся этот мир.

Ножом он разрезал полотно палатки и увидел этих молодых людей. На мертвом лице девушки застыл страх, голову второго парня просто раздавило, а третий улыбался. На той стороне лица, которой он проехался по асфальту, у него не осталось ничего, кроме белой кости и ряда желтых зубов. Но он улыбался. Наверное, ему было в тот момент хорошо.

Но не Густаву.

Это была долгая ночь, которую он запомнил на всю жизнь. На палатке была надпись Времо, на левой руке девушки – механические часы с цельным тоненьким браслетом. Одного из парней звали Клод, как было понятно из татуировки на его груди. А в машине этой шведской семьи бензина оставалось совсем немного, на самом дне.

Густав оттащил трупы с дороги, прямо в палатке, как куль с мусором. Взял только самое необходимое: чистую воду и еду. И еще часы. Теперь они болтались у него перед носом, над водительским сиденьем и всегда напоминали о том, чего не стоит делать – отвлекаться.

Он больше не мог позволить себе такую роскошь – слишком большие жертвы выпадают за трехсекундный порыв. Могло случиться что угодно, поэтому ночью Густав был предельно сосредоточен.

А по такой дороге, по которой они сейчас ехали с Марковым, так вообще стоило бы не ехать, а ползти, выставив впереди поводыря с палочкой. Колеса корабля все время попадали в какие-то рытвины и ямы, подвеска глухо ухала, а Марков по-стариковски стонал во сне.

Это порядком раздражало Густава, поэтому на очередной кочке он крикнул:

– Проснись и пой! Составь мне компанию, старик. А то как-то скучно. И твои стоны, знаешь ли, не отдают эротизмом. Мне все время кажется, что ты вот-вот отдашь богам душу.

– Ага. – Марков потер сонные глаза и зевнул, показав на удивление зубастый рот. – Ты, как я погляжу, остряк. Легион любит таких. Когда тебя сожрут, они, наверное, неделю будут

хохотать, до животных колик. Если у них, конечно, есть живот.

– Есть, есть. У них и яйца есть, и уязвимые места. И мне кажется, что если я схвачу одного из них за эти самые яйца, то он согласится побеседовать со мной час-другой. И расскажет, откуда они взялись, чего хотят и как долго будут крутить здесь своими черными задницами. Как ты думаешь, прокатит такой план?

– Я думаю, что ты дурак, – сказал Марков. – Ты или прикидываешься, или не понимаешь всей серьезности происходящего. Сначала ты в них не верил, теперь ты думаешь, что это... гм... ряженые монахи в черных рясах, у которых есть какие-то слабые места. Но ты, малой, упускаешь один момент.

– Какой же?

– Они – не люди.

– У каждого есть свои слабые места. Камень точит вода, целлофан горит в огне, люди умирают от пули, солнце садится к вечеру, рыба клюет на червяка. Понимаешь? Все, что есть в этом мире, имеет к себе подход. Важно лишь найти его и знать, с какой стороны зайти.

– И ты знаешь с какой?

– Нет, – сказал Густав, потягиваясь. – Слушай, сделай мне кофе, пожалуйста. Там чайник, а справа от него в шкафчике кружка с ложкой. За ней банка с кофе и сахар. Две ложки кофе, пол-ложки сахара и кружку до краев. А я тебе еще раз за это спасибо скажу.

Марков встал с кушетки и, придерживаясь за стенки, прошел по узкому коридору на маленькую кухню.

– Но тут всего одна кружка...

– И? Я тебе сказал две ложки кофе, а не в две кружки кофе.

– А как же я? Мне бы тоже хотелось...

– Твою мать! Что ты будешь делать. – Густав ударил по рулю. – Тебе не кажется, что ты переходишь все границы?! Ты думаешь, что я всю жизнь возил с собой две кружки только потому, что знал – придет время и я встречу чокнутого старика Маркова?!

– Но ведь...

– Давай без «ведь»! Если ты хочешь гребаный кофе, то сделай мне его. Я выпью. Потом отдам кружку тебе, если все окажется так, как я сказал. Две ложки этого, пол-ложки того и до краев! Понял?!

– Да.

Марков, морщась, кивнул. Но ему ничего не оставалось, как подчиниться. Через пятнадцать минут кофе был готов, и Густав остановил корабль, съехав на обочину того, что можно было считать дорогой, около какого-то небольшого строения.

Светила луна, возле каждой лампочки габаритных огней, цепью тянувшихся по борту корабля, кружила мелкая мошкара. Немного подумав, Густав отключил питание, и огни погасли. Они остались втроем: он, Марков и луна. Небо было подернуто чередой облаков, и они периодически разрывали своими тенями бледный пятак луны. Строение, возле которого они остановились, больше походило на комнату, вырванную неведомой силой из многоэтажного дома и перенесенную сюда. Правда, у этой «комнаты» остались лишь потолок, пол и три стены, четвертой не было, зиял проем.

Густав осторожно вошел внутрь, достал из рюкзака солнечный фонарь и с мягким щелчком повернул выключатель. Свет в таком устройстве разгорался медленно, но довольно-таки ярко. Поэтому из темноты постепенно появлялись разные предметы, как будто кто-то сдувал с них черный вязкий песок ночи. Сначала пол, захлащенный всякой мелочевкой вроде конфетных оберток, разбитых бутылок и грязного целлофана. Затем деревянная скамья. Она тянулась вдоль стен и вся была изрезана и исцарапана. Стены, к которым крепилась скамья, были исписаны граффити и просто словами да буквами, некоторые из которых складывались в знакомые Густаву ругательства.

– Что это такое? – прошептал он.

Он поднял фонарь повыше, но на потолке ничего не было, кроме темных пятен сажи и засохших плевков.

– Что это такое, Марков?

– Это остановка.

Старик подошел к Густаву, держа в руках большую теплую кружку с кофе. Он уже успел отхлебнуть пару глотков.

– Что за остановка? Перевалочный пункт?

– Нет, обычная русская остановка. Здесь они ожидали транспорт, который отвозил их... куда-нибудь. В город или на работу. Или, наоборот, на отдых.

– Погоди. Я видел такие штуки в городах, в Европе. Остановки. Но там они сделаны из прозрачного пластика, тонкий витраж из металла, рисунки интересные. А это... это больше похоже на какую-то тюрьму, на камеру.

Густав перевернул тюльпанообразный фонарь ручкой вверх и положил его на скамью, сам сел рядом. Теперь почти всю остановку изнутри освещал вполне себе уютный, домашний свет.

– Я прожил больше тебя, сынок. Поэтому могу сказать точно, что это русская остановка. У них практически все такое. Я не могу похвастаться, что часто бывал в Европе, так как большую часть своей жизни прожил в общине. А община, как ты знаешь, имеет закрепленный маршрут и не выходит за его рамки. Но до того как вступить в нее, я был таким же вольным странником, как и ты. – Марков машинально отхлебнул кофе, не обращая внимания на расширившиеся от злости и удивления глаза Густава, и продолжил: – Так вот. Я был в нескольких европейских городах, а целью моей был Париж. Говорят, что там есть Эйфелева башня...

– Эйфелева башня. И ее уже нет. Растащили на строительные материалы, после того как по городу прошелся жуткий ураган.

– Да? Вот черт! Но это веселая история, на самом деле. Так как в пути меня подстрелили, и я чуть не умер в каком-то бельгийском городке. Там я провалялся месяц, меня выхаживала одна милая девушка.

– Дикарка?

– Да, она жила в этом городе со своей семьей. Кстати, я бы не стал называть их дикарями, так как это обычные люди старого режима или те, у кого нет средств на корабль.

– Они дикари, Марков. Все люди, живущие в этих постройках, в этих городах, как ты их называешь, – дикари. Тебе повезло, что она не съела тебя. И отдай мне, наконец, мою кружку.

Марков поспешно отхлебнул и передал кофе Густаву. Тот недовольно сморщился, но ничего не сказал. Откинулся на когда-то синюю, а теперь пыльную, но все же разноцветную и пеструю стенку, сделал большой глоток с другого края кружки и блаженно выдохнул.

– Ну, так вот. Эта девушка, ее звали Арина, она выходила меня. В какой-то момент я понял, что влюбился. Но я был таким же дураком, как и ты, только не обижайся. Я был дураком, странником, вольной птицей. Меня манили все эти просторы, я должен был двигаться вперед, не мог сидеть на одном месте. Знаешь ли, сейчас я уже жалею об этом, но тогда я был по-дурацки решителен. И ночью я уехал. Не скажу, что это вылилось в романтическую ситуацию, что, мол, она проснулась утром, а меня нет, только мой трепетный запах и записка с признанием в любви. О нет, я бежал трусливо, в гари и грохоте. Мотор моего корабля после той перестрелки здорово троил, и я, наверное, разбудил весь город своим отбытием, как только включил зажигание.

– У тебя всю жизнь был один корабль? Тот, который взорвался?

– Да, я не слишком богат, – задумчиво сказал Марков. – И вот я поехал назад. Мне уже не хотелось видеть эту Эйфелеву башню, я ехал к себе на родину. Опять по Европе, только в другом направлении. Здесь-то и вся соль. Европа здорово отличается от России. Я не скажу, что там все медом намазано, нет. В конце концов, ведь именно в Европе мне прострелили плечо, которое ноет каждый раз, когда начинается гроза.

– Кстати, сейчас не ноет, а то я зонтик потерял?

– Сейчас нет. Но погоди, дай я закончу. Любой русский город опасен. Я бы не стал там

задерживаться. Меня настораживает даже эта остановка, но вряд ли рядом здесь есть более или менее большой город, так как он не отмечен в навигации. Русские города опасны для чужаков, запомни. Их жители не любят, когда кто-то пытается влезть в их жизнь. И вряд ли они были бы рады, если бы узнали, что ты называешь таких, как они, дикарями. Я встречал немало русских странников, они получше городских жителей. Но все немного сумасшедшие. И не любят иньеру, разговаривают на своем.

– А ты русский не знаешь?

– Немного. Все же у нас общие корни. Но в наше время глупо знать какой-то местечковый язык, когда ты можешь повстречать кого угодно. Например, азиаты болтают не пойми о чем, и лучший для них язык – это язык пули. Не раз проверял на своей шкуре.

– Да уж.

Густав сполз по стенке еще больше вниз, поставил кружку на живот и вытянул ноги. И хотя на них были надеты удобные полуботинки, он все равно почувствовал усталость и легкую вибрацию в ступнях. Так всегда бывало после долгих переездов.

Он положил ногу на ногу, сделал большой глоток и прислушался. Ничего, кроме монотонного пения сверчков и шума ветра, стелющего траву по земле, не было слышно.

– Пойду отолью. – Марков поднялся со скамейки, брезгливо отряхивая зад от пыли.

– погоди. Держи. – Густав потянулся и достал из рюкзака второй фонарь, включив его. – Если чего или кого увидишь, то кричи, не вздумай сам лезть в лапы лягушки-убийцы.

– Я тебе не говорил, что ты тот еще шутник?

– Ох, кто мне этого не говорил, старик! Ты даже себе не представляешь. Кстати, ты далеко не ходи. На борту корабля есть влагоприемник. Отлей в него, воду беречь нужно. Пить не пить, но в качестве технической она идет неплохо.

– Я не могу. – Марков угрюмо и нервно повел щекой, как будто его укусила пчела.

– Почему?

– Потому что я ссу кровью.

Не останавливаясь, он побрел за остановку, освещаемый фонарем. С минуту Густав просто смотрел перед собой, прокручивая кружку большим и указательным пальцем и грея об нее левую ладонь. Затем встрепнулся и крикнул:

– Эй! А почему кровью-то?!

Некоторое время ничего не было слышно, и Густав даже напрягся, привстав со скамейки, готовый в любой момент помочь Маркову, если с ним что-то произошло. Но потом раздалось знакомое кряхтение, звук застегиваемой молнии и едкий, преисполненный цинизма голос:

– Потому что у меня камни в почках, придурок.

Глава 3

Когда-то Тиски, с ударением на первом слоге, были красивым маленьким городом, в котором размеренным чередом текла полноценная жизнь. Мир, в котором каждый знал каждого, а если и не знал, то мог узнать от своего приятеля. Мир, в котором многое было заведено по своим правилам, и отступать от них никто даже не думал.

Хорошие дороги ласковой сетью окружали большое городское озеро. Между дорогами, как будто разбросанные чьей-то невидимой рукой, стояли дома. У всех у них был один отличительный признак – белый цвет. Тиски можно было назвать Белым Городом, в лучшие свои времена, после проливного дождя, он просто ослеплял непривычные глаза. В остальном же дома при детальном рассмотрении выглядели абсолютно разными – от панельных высоток с новыми, еще не дребезжащими лифтами, до двух- и одноэтажных старых домиков. Последних было больше, но это смотря с какой стороны заезжать в город. Попади вы с него с запада, и вас встретил бы целый спальный микрорайон. С востока – и вы оказались бы в урбанизированной деревне.

До Взрыва Тиски были одним из самых важных железнодорожных пунктов в России,

сюда стекались тысячи рельсовых путей, сливаясь в одну величественную развязку на большом, построенном еще во времена СССР, вокзале: бетонные советские звезды, неохватные колонны, высоченные потолки. Когда-то все рельсы здесь лениво блестели на солнце, и, прикоснувшись к любому из них, вы бы почувствовали мощную дрожь подходящего поезда.

Поезда находились здесь круглосуточно. Одни уходили, проскальзывая под черной витой аркой с надписью «Счастливого пути!», другие приходили, осторожно проползая под точно такой же аркой, но с другой надписью – «Добро пожаловать в Тиски!».

Но сейчас на когда-то многолюдном вокзале не было ни души. Не слышался детский смех, не журчала вода в декоративном фонтане. Никто не стоял в тени, обмахиваясь свежей, только что купленной газетой с кроссвордами. Никто не тащил на своих плечах раздувшиеся, как верблюды после водопоя, сумки. Здесь было тихо. Мертвенно тихо. И сумрачно. Несмотря на яркое утреннее солнце.

Оно пробивалось через полуразрушенный вогнутый навес, соединявший правый и левый перроны. Раньше он был прозрачным, но теперь под слоем пыли, грязи и птичьего помета превратился в непроницаемую для света мутную преграду. И только там, где в крыше виднелись рваные дыры, сделанные то ли градом, то ли выстрелами из помпового ружья, солнце проникало яркими резкими лучами и ложилось на железнодорожные пути мирными брызгами.

Неожиданно в желтом ярком круге появилось какое-то существо. Оно было похоже на собаку, но двигалось на шести лапах, причем четыре были задними, а две – передними. Из пасти существа свешивался темно-бордовый язык, покрытый мелкими белыми точками.

Существо ловко перескакивало шпалы, иногда прыгая из стороны в сторону, но всегда двигаясь по тому маршруту, который пересекался с солнечным светом. На свету оно ненадолго останавливалось, довольно жмурилось и иногда звонко тявкало, оглашая умерший вокзал эхом, а затем двигалось дальше.

Наконец оно достигло лестницы, ведущей на перрон. Смешно задирая задницу и клацая желтыми зубами, существо взобралось наверх и остановилось, настороженно озираясь.

Могло показаться, что это излишняя мера предосторожности, но существо не зря прожило на свете уже целых шесть лет и за эти годы испытало на себе столько, что другим и не снилось.

Наконец, убедившись, что никого вокруг нет, собака побежала дальше.

Она пересекла перрон, вбежала в здание вокзала и, цокая когтями и грубыми подушечками лап по мрамору, побежала к выходу. Проскользнула под турникетом, впрыгнула в разбитую раму когда-то самодвижущейся по типу карусели двери и вышла на улицу.

Тут было уже веселее, не так мрачно, не так одиноко, не так... опасно. Отсюда можно было убежать, случись что.

Вокзал находился на главной площади города, но здесь не было традиционного для России памятника Ленину. Здесь водрузили огромного бронзового железнодорожника, машущего позеленевшей от времени рукой светлому будущему и мертвенно улыбающегося тому, что ждет его впереди. К сожалению, человека, когда-то позировавшего для этого памятника, впереди не ждало ничего хорошего. Этот человек был мертв. Как и миллиарды других. Но память о нем осталась.

Хотя вот, например, собака не знала, кто он такой. Для нее он был всего лишь верстовым столбом, меткой. Она подбежала к постаменту, привычно задрала лапу и помочилась. Эта традиция продолжалась уже в течение трех лет, изо дня в день, а на месте метки пожелтевшая полированная мраморная плита стала рыхлой и сыпалась при малейшем ветре, обнажая бетонную арматуру. Наверное, если бы собака ходила на клумбу, то там к этому времени лежала бы бесплодная выжженная земля. Но в Тисках клумб больше не было. Все захватила трава, сорняки и летающий мусор.

Изнеженные слабаки подошли. Сильные и закаленные остались. Вышло так, что

человеческий мусор оказался сильнее человека.

Существо относилось к сильным. Поэтому, справив нужду, оно оскалило зубы и тихонько зарычало, поджав хвост. На всякий случай, обращаясь к невидимому противнику.

Теперь ее путь лежал к реке, питавшей огромное озеро, около которого расположились Тиски. Возле реки когда-то была большая свалка, которая теперь превратилась в место встречи тех немногих обитателей Тисок, что остались в городе. Собаки, кошки, птицы, дикие звери. И, конечно же, муты. Неизвестно, к кому причисляло себя существо, может быть к собакам, но половые инстинкты были ему незнакомы.

Оно родилось без яиц, и поэтому из всех желаний, которые у него должны были быть изначально, у него осталось: есть, пить, спать, жить.

Дорога была не очень близкой, но бежать ему нравилось, и оно бежало всласть. В те времена, когда здесь жили люди, Тиски славилась хорошими дорогами. И даже сейчас, по прошествии стольких лет, они оставались вполне пригодными для использования. Серые пыльные полотна, аккуратные бинты на лице планеты.

Собака хорошо знала местность, поэтому двигалась рывками, иногда исчезая между полуразрушенных домов, иногда выскакивая из-под какого-то забора. Если бы за ней можно было следить сверху, с высоты птичьего полета, то выяснилось бы, что она двигается к своей цели строго по прямой, выгодно сокращая путь.

Инстинкт или разум? Люди прошлого сказали бы, что инстинкт, люди настоящего – разум. А муты просто сожрали бы ее, попали она к ним в лапы. Даже несмотря на шесть конечностей и ядовитую, словно природная кислота, мочу. Мутов это не смущало.

Поэтому они селились ближе к свалке. Чем меньше до нее оставалось расстояния, тем меньше становилось травы и сорняков в тех местах, где не было асфальта, на почве. Да и дома все больше походили на жилые. Существо по запаху знало, в каких из них живут муты, поэтому обходило их стороной. Ведь там его могли убить, и даже не из-за мяса, а, например, из-за испорченного огорода.

Некоторые муты сохранили остатки человеческого разума и пытались вести жизнь, похожую на обычную, людскую. Ту, что была до Взрыва. Они неловко копали огород, раскидывали невесть откуда добытые семена скрюченными руками (если у них были руки). Пололи, уничтожали сорняки, поливали. Даже заводили себе пары и жили вместе, иногда за всю свою жизнь так и не прозрев и не подозревая, что грудастая лысая женщина на самом деле мужчина с атрофированным членом и раздутыми вялотекущим раком гниющими молочными железами.

Это была имитация, в которой они угасали. Мясные куклы в театре абсурда.

Но они умели кидать острые палки, существо знало это и не стало бы смеяться над мутами в открытую. Если бы могло смеяться.

Наконец послышался запах свалки. До нее было еще километра два, но запах гниения разливался по земле липкой, сладкой испариной. Собака любила этот запах, поэтому даже бежать стала по-другому: опустив голову и скользя шершавым черным носом примерно в пяти миллиметрах от земли.

В этой зоне зловонного отчуждения тоже попадались населенные мутами домики, но голод притуплял чувство опасности. Желудок урчал, требуя пищи, и все шесть ног работали все быстрее и быстрее.

Еще немного, и существо выбежало на улицу, идущую вдоль свалки. Здесь когда-то лежал асфальт, но теперь он был покрыт следами сотен и даже тысяч ног, ступней, подошв и лап. Все эти полчища голодных и жаждущих растаскивали свалку прямо на себе, по крупичкам, в течение многих лет. И свалка росла. Она походила на зловещую пустыню, которую никак нельзя остановить. Только здесь ее движущей силой были живые существа, а не ветер.

Наверное, лет через сто все Тиски станут свалкой. Огромной большой свалкой. Собаку это радовало, но она не знала, что жить ей осталось совсем немного. Года два, не больше. Муты долго не живут. Даже если они не знают, что они муты.

В это утро на свалке паслось не слишком много потенциальных соперников. Где-то в трехстах метрах от собаки прямо на земле сидела небольшая группа людей-мутов. Это были высохшие скелеты, обтянутые грязной безволосой оболочкой и покрытые какой-то тряпичной рванью. Хотя вполне возможно, что так выглядела их отслоившаяся кожа. Они передавали из рук в руки что-то блестящее, кусали, с видимым усилием вгрызаясь в пищу, и, с трудом отрывая ее от основного куска, передавали дальше. Собака принялась. Рыба. Это была рыба.

Вряд ли муты могли поймать ее сами, у них не хватило бы для этого ни мозгов, ни инструментов. Но случилось так, что из речки на сушу прибывало дохлую рыбу. Собака сама иногда ходила по вязкой и липкой прибрежной полосе, морщась и подвывая от ужасного запаха, литрами лившегося внутрь легких. Так как свалка расплзалась не только в город, но и в реку, отравляя ее, то вонь возле нее стояла неимоверная. И собака еле-еле себя сдерживала, чтобы не броситься прочь от этого мерзкого места.

Именно поэтому рыба в ее рационе считалась большой редкостью.

Чуть ближе в рыхлой земле копалась другая собака. Почти настоящая. У этой было всего четыре лапы, но зато имелся раздвоенный хвост. Правда, трудноразличимый из-за густой шерсти, и поэтому собака жила в стае, откуда ее не выгоняли, как когда-то это случилось с нашим существом.

Собака рыла, потом подпрыгивала, отрываясь от земли всем телом и бухаясь как можно сильнее, затем опять рыла. Время от времени она прислушивалась, наклоня голову и смешно отставляя одно ухо. На ее черно-белой морде можно было прочесть как охотничий восторг, так и усталость – существо подошло к свалке к тому моменту, когда двуххвостая собака провела здесь четыре бесплодных часа, охотясь за подземными крысами.

Крысы в Тисках для многих являлись основной дичью. Они жили практически везде, но чаще всего их можно было встретить на свалке. Там они устроили целую сеть подземных катакомб, питаясь всем тем, что не валялось на поверхности и еще сохраняло какую-то пищевую ценность.

Последний раз существо ело три дня назад. Пищей тогда была крыса. Вернее, крысеныш. Маленький, худосочный. Он даже не пытался убежать, когда собака наступила лапой ему на хвост, оскалив клыки.

Но этого было мало, слишком мало, чтобы утолить голод. Существо семенящей походкой направилось вдоль свалки. Там, где рыла землю черно-белая собака, ему ничего не светило. Во-первых, это потенциальная драка. Во-вторых, все крысы уже давно разбежались от этого здоровенного прыгающего придурка. А там, где завтракают муты, тоже не бывает ничего интересного.

У существа имелось свое волшебное охотничье место. Вообще, в последнее время охотиться на крыс становилось все труднее и труднее. Если бы существо могло предполагать, то оно решило бы, что крысы уже изучили все его ходы и знают их на два шага вперед. Старые способы охоты не работали. Крысы либо удирали, либо не реагировали на приманки. А однажды даже попытались напасть на существо целой группой. Но пара щелчков зубами и один удачный захват какой-то самой наглой крысы сделали свое дело – нападающие ретировались, а существо осталось наедине с жирной добычей.

И вот конечная цель замаячила на горизонте. Большое дерево, невесть как выросшее почти на самом краю свалки, давно умерло, остался только полый трухлявый ствол, внутри которого жила целая колония крыс. Собака остановилась шагах в пятидесяти и осторожно втянула воздух. Тут следовало быть крайне разборчивой, так как запахов на свалке витало множество, среди которых преобладала резкая вонь, и разобрать крысиный дух стоило большого труда.

Но, кажется, хозяева были дома. Множество вкусных жирных жильцов. Существу даже показалось, что оно слышит их писк внутри ствола. Оно стартовало с места, переходя в галоп, и вдруг резко остановилось.

Причиной тому послужил посторонний шум, которого собака давно уже не слышала.

Сначала он показался ей незнакомым, но затем она поняла – это люди! Не муты, а люди. Причем не обычные, пешие, а те, что на своих жутких повозках.

Прятаться было негде, и существо просто прыгнуло с обочины, легло на землю, уткнувшись носом в раздавленный пластиковый стакан, и принялось исподлобья наблюдать. Если придется бежать – оно побежит, будьте уверены. Но лучше знать, от чего скрываться. Потому что о таком противнике собака знала крайне мало.

Спустя полминуты в клубах пыли показались люди. Это неспешно ехала большая машина на шести колесах, практически родственник собаки по количеству конечностей. Она сбрасывала скорость и в конце уже медленно катилась, шурша шинами, пока не остановилась возле дерева. Существо встрепелось. Неужели люди узнали про ее тайное место?!

На боку машины со щелчком отошла дверь и отъехала в сторону. Из нее вышел молодой человек в футболке, не скрывающей его развитой мускулатуры, за плечами у него висел какой-то мешок, откуда он достал тряпку и приложил ее к лицу, глухо воскликнув:

– Бог ты мой, ну и вонь тут!

Он сделал несколько шагов по направлению к свалке, затем остановился и огляделся. Внезапно существо почувствовало на себе его внимательный взгляд. Напряглось. Каждая шерстинка на его теле встала дыбом, мышцы собрались в единый спусковой механизм, и оно уже было готово рвануться, чтобы бежать, но тут человек перевел взгляд в другое место. Существо тяжело вздохнуло и расслабилось, чувствуя, как дрожат задние ноги.

– Что это за мать твою? Где мы? – сказал человек, повернувшись к машине и заглядывая внутрь ее.

Существо видело лишь его широкую спину, рюкзак на двух лямках и задранную штанину, зацепившуюся за высокий борт ботинок.

– Мы в городе, называется Тиски, – раздалось из машины.

Собака опять напряглась, это был второй голос, значит, людей как минимум двое.

– Город? Стало быть, здесь полно мут и дикарей?

– Я же просил тебя, Густав, не называй их дикарями. Может, здесь вообще никого нет, чудный заброшенный городок, в котором можно найти аптеку.

– Никого нет? А это что тогда, по-твоему?

Человек с рюкзаком резко развернулся, вскинул руку, и последнее, что услышало существо, был громкий хлопок. Спустя секунду его тело, отброшенное выстрелом, неподвижно легло на плодородную землю свалки, так притягивающей жителей этого города. Кровь толчками вытекала из развороченного черепа.

Крысы запищали, возбужденные приятным запахом. Сегодня у жертв на обед предполагался охотник.

Глава 4

– Эй, что случилось?!

Марков испуганно выглянул из корабля, но увидел лишь Густава, задумчиво нюхающего пистолетное дуло.

– Ты меня слышишь? Что случилось, кто стрелял?

– Я. Подожди в корабле.

Густав засунул пистолет за пояс, сделал из тряпки более удобную повязку и крепко завязал ее, стараясь, чтобы в узел не попали отросшие за лето волосы.

Собака-мут, в которую он выстрелил, лежала без движения. Густав подошел к ней и осторожно пнул в тощий живот – ничего. Муты иногда показывали чудеса жизнелюбия. У этой собаки была снесена половина черепа, но она запросто могла вскочить и побежать или даже наброситься. Густав уже имел опыт общения с такими экземплярами.

Но похоже, что этот мут упокоился навеки. Мясо его есть нельзя в принципе, но если бы такая возможность существовала, Густав все равно ею бы не воспользовался, так как

поедать шестипалое, покрытое плешинами серо-розовой кожи и живущее неизвестно где существо он бы не стал.

К черту такие гурманские эксперименты.

Покончив с осмотром мута, он залез обратно в корабль и с силой захлопнул дверь.

– Воняет просто ужасно, – сказал он.

– Здесь когда-то была городская свалка, наверное, – сказал Марков. – Где у тебя кондиционер включается и вентиляция? У меня такое ощущение, что скоро кровь носом пойдет.

– Сейчас.

Густав включил кондиционер, надеясь, что он проработает без проблем хотя бы час. Тот оправдал ожидания: включился, загудел, повеяло холодным свежим воздухом, и Густав смог снять защитную повязку.

Свалка, как было видно из машины, тянулась вдоль реки. Вдоль свалки проходила дорога. На некотором от нее расстоянии теснились дома. Этих домов Густав опасался больше всего, так как неизвестно, что тебя в них ждало – прогнивший пол с ржавыми гвоздями или какой-нибудь агрессивный мут, не съевший за последний год ничего, кроме своих пары-тройки собственных рук.

В навигации город обозначался как Тиски, и они заехали в него лишь затем, что у Маркова не было с собой лекарств от камней в почках. Вещи старика остались в сгоревшей машине, и ему становилось все хуже и хуже. Иногда он даже не мог сдерживаться и кричал от боли, пронзающей поясницу и живот. Как будто кто-то очень медленно отделял туловище от ног самой тупой на свете пилой – так ему казалось.

Приступы начали проходить, когда они подъехали к городу, но боль могла возобновиться в любой момент, и Густав не хотел, чтобы старик умер у него в машине. Да и вообще, честно признаться, с некоторых пор он вовсе не желал ему смерти.

Они въехали в город с востока, через район частных домов, и Густав сначала даже подумал, что навигатор ошибся, привел их в какую-то деревню. Но когда на горизонте показались вышки многоэтажек, дающие Тискам гордое название «города», они как раз заехали на территорию свалки. Нужно было каким-то образом добраться до центра и отыскать там аптеку. Ну, или хотя бы магазин. Обычно в маленьких городах все, начиная от аспирина и заканчивая совковыми лопатами, продавалось в одном помещении какого-нибудь занюханного магазинчика.

Густав завел корабль, и они медленно двинулись дальше, оставляя на перегное две глубокие борозды.

– Я не думаю, что мы сможем раздобыть здесь что-то дельное, – сказал Густав уже после пяти минут езды вдоль свалки, которая, казалось, не желала заканчиваться.

Они оставили за собой труп собаки и труп большого дерева, населенного крысами. Как только шум двигателя пропал, из дупла потек серый поток пищащих созданий. Они окружили тело собаки-мута и практически в мгновение разорвали его на куски своими острыми зубами. За те несколько минут, в течение которых Густав доехал до поворота, позволяющего выехать со свалки, от собаки остались лишь кости, которые крысы быстро утаскивали в свое гнездо. Кто-то из них даже съел пулю.

Свернув на улицу, уходящую немного вверх и ведущую подальше от зловонной свалки, Густав успокоился. Здесь дышалось немного легче. Они ехали по двухполосной дороге, которую с обеих сторон давила немногочисленная, но жесткая и грубая, серая от пыли трава. У всех домов были большие ворота, и у всех они были либо распахнуты, либо сломаны. Закрытые же свидетельствовали о том, что в домах кто-то жил. Возможно, муты, возможно, люди.

Густаву это не нравилось. И чем глубже они продвигались, тем меньше умиротворяющего спокойствия в нем оставалось. Он не любил города, потому что чувствовал себя здесь загнанным в угол.

Как крыса, которую запустили в трубу. Если сзади и спереди трубу закрыть, то крыса

сдохнет. А Густав подышать не хотел, поэтому нажал на педаль газа посильнее.

– Смотри, там вроде какой-то парк.

Подъем на горку закончился, и теперь они катились вниз. В самом конце дорога переходила в Т-образный перекресток, с которого имелась возможность уехать направо или налево. А за перекрестком Густав видел невысокий узорчатый забор и густые деревья, мерно качающиеся на ветру. Туда-сюда, кач-кач...

– Если это парк, то мы недалеко от центра. Или от того места, где здесь когда-то кипела жизнь. Ты смотришь вообще по сторонам, Марков? Аптеки, магазины? Наблюдаешь?

– Да-да. Нет тут ничего пока. Одни дома и почтовые ящики.

– Чего?

– Почтовые ящики. Коробки такие, куда людям приносили письма. Они здесь все почему-то сорваны с домов и валяются на земле.

– Черт с ними, с этими ящиками, мы уже у парка. Или это... – Густав внезапно замолчал.

Они выехали на перекресток. Видимо, Тиски стояли на холмах. Дорога, ведущая вправо, снова уходила куда-то вниз. Над ней смыкался сумрачный тоннель из крон разросшихся деревьев. Та, что вела влево, простиралась довольно-таки далеко и где-то поворачивала, но где – невозможно было разглядеть из-за выпирающих с тротуаров деревьев и кустов.

Густав подъехал еще ближе, заехав на бордюр и почти ткнувшись носом в ограду.

– Это... это же кладбище.

– Да, вполне очевидно, – сказал Марков.

Он слез с кушетки и перебрался на пассажирское место, рядом с водителем.

– Причем типично русское кладбище – все тут абсолютно разное. Ты только погляди. Кресты, памятники. Такое ощущение, что на тебя смотрит армия разнокалиберных мертвецов. Мне больше по душе европейские крематории. Чисто, аккуратно, компактно. Ты был когда-нибудь в крематории, Густав?

– Нет и не спешу.

– Зря. Если будешь писать завещание, то укажи, чтобы тебя сожгли после смерти. Зачем тебе вся эта роскошь, чужой памятник, крест, ограда? Я вот...

– Ты-то да. Я только почему-то не заметил, чтобы у тебя было особое желание сгореть в своем автомобиле. Чем не крематорий, Марков? Нет, ты, мне кажется, даже рад был, что я тебя вытащил. Разве не так?

– Так.

– Ну вот и все. Давай без этих стариковских разговоров о смерти. Я не хочу о ней думать и вообще не хочу находиться рядом с этим местом. Поехали дальше.

– Как скажешь, – уныло сказал Марков.

И пока Густав разворачивался, он все смотрел на огромное кладбище с какой-то неожиданно нахлынувшей тоской в глазах.

Решили повернуть налево. Куда уходила другая дорога, они так и не поняли, а вот на левой стояла бензозаправка, и Густав не преминул подъехать к ней.

Заправка находилась всего в ста метрах от кладбища, но Густав не стал приближаться к ней вплотную. Во-первых, там было мало места для корабля. Во-вторых, асфальтированный пятак с узким въездом и выездом мог послужить отличной ловушкой. Ну и, в-третьих, крыша, закрывающая колонки с бензином от непогоды, выглядела уж слишком хрупко и могла обвалиться в любой момент.

Поэтому странник принял решение оставить корабль прямо на дороге.

– Я здесь подожду, – сказал Марков. – Мне не особо хорошо.

– Ладно.

Таскать за собой больного старика не хотелось, поэтому он легко согласился с таким поворотом событий. Тем более что на заправке долго делать было нечего, только осмотреться в поисках чего-нибудь полезного и отправиться дальше, в центр города.

– Я тебя закрою, – сказал Густав и вытащил ключ зажигания.

Марков неопределенно пожал плечами, подождал, пока Густав выйдет из машины, и перелез обратно на койку, морщась от боли.

– Опять приступ?

– Да. Давай поскорее.

– Я постараюсь.

Густав надел рюкзак (как всегда, на две лямки), захлопнул дверь и нажал кнопку на ключе. Раздался щелчок – дверь и все окна заблокировались. Открытым осталось лишь водительское окно на механической тяге, но через него могла пролезть разве что кошка.

Он обошел машину вокруг и крикнул:

– Закрой окошко и включи кондиционер, если захочешь. Я скоро!

На заправке царил разруха. Густав достал пистолет и передернул затвор. Предохранитель на этом пистолете был сделан очень удобно, и Густав научился снимать его за какие-то доли секунды. Не раз ему это здорово помогало. Некоторые странники вообще убирали предохранитель с оружия, но Густав чувствовал себя с ним спокойнее. Не надо постоянно думать о том, что пистолет может отстрелить тебе яйца при каком-нибудь неудачном движении.

Пистолет в руке придавал уверенности. А отличное им владение, реакция и меткость позволяли Густаву чувствовать себя как рыба в воде практически в любой ситуации, в основном там, где не хватало слов.

Сейчас вроде бы ничего не предвещало опасности. Правда, шумел ветер, раскачивая не только деревья, но и крышу над бензоколонками, состоящую из приваренных металлических балок. Почти как мост. Крыша иногда издавала протяжный стон, а некоторые из несущих брусьев были оторваны от сварных швов. Скорее всего, это сделала стихия, вряд ли кому-то пришло в голову разрушать навес специально.

Колонок было четыре. Три оказались разбитыми до такой степени, что если бы не антураж и их месторасположение, то Густав никогда бы в жизни не догадался, для чего они раньше предназначались. Лишь одна осталась в более или менее хорошем состоянии, с разбитым циферблатом, но целым шлангом и пистолетом, валяющимся на земле.

Густав поднял его и понюхал. Пахло бензином, но очень слабо. Похоже, колонкой давно не пользовались. Значит, Тиски обходили стороной общины и странники. Но могло быть и так, что из колонки нельзя было выжать бензин чисто физически. Оставались еще подземные резервуары с топливом, на которые Густав очень рассчитывал, но в первую очередь нужно было осмотреть здание заправки.

Битое стекло вперемешку с опавшей листвой и ветвями, занесенными сюда ветром, хрустело под ногами. В здании отсутствовали стекла, и оно смотрело на Густава провалами черных глаз. Он подошел к дверям, которые когда-то автоматически раздвигались при появлении человека, и остановился. Достал фонарь из рюкзака.

На этот раз он выбрал настоящий электрический фонарь, дающий сильный поток света. Густав оглянулся назад: с кораблем все было в порядке. Он пошарил лучом фонаря по разрушенному помещению, но ничего толком не увидел. Только поваленные друг на друга стеллажи, мусор на полу. Ничего нового.

Густав сошел со ступенек и подошел к окну. Рукоятку пистолета сбил толстые осколки в раме, похожие на чьи-то хищные кривые клыки, еще раз оглянулся и с пистолетом в руке и фонарем в зубах подтянулся на подоконнике.

Окно располагалось не очень высоко над землей, поэтому залезть через него не составило особого труда. Густав выпрямился во весь рост и осветил помещение фонарем. Справа стойка с кассой и обязательным щитом, за прозрачным пластиком которого раньше выставлялись пачки сигарет. Теперь их, естественно, не было. Курить после Большого Взрыва отучились немногие, что странно.

Полки, на которых когда-то стояли всяческие продукты, сорвались со стены, причем только с креплений на одной стороне, и теперь напоминали огромный веер без перекрытий.

Густав осторожно прыгнул. Опять хруст разбитого стекла. Про себя он уже назвал Тиски Городом Хруста. Поднялась пыль, и луч света превратился в длинную колбу, внутри которой заплесало множество маленьких светлячков. Густав осторожно прошелся по периметру помещения. Здесь как-то... резко и сухо, что ли, пахло. Скорее всего, от надоевшей всем мелкой пыли, которая тут присутствовала в огромных количествах.

Витринные холодильники оказались пусты, в одном из них, с разбитым стеклом, на дне виднелась лужа засохшей крови. Судя по всему, кровь пролилась здесь очень давно, но Густаву это все равно не понравилось. Он верил в некоторые приметы и верил в знаки. Если здесь кого-то убили, значит, это место нехорошее и от него стоит ожидать неприятностей.

По крайней мере, не следует расслабляться. Осмотр показал, что заправка пуста. Но имеется еще одна дверь, ведущая в служебное помещение. Через нее кассирши обычно бегали в биотуалет, стоявший на заднем дворе. Да еще в нем, в ночную смену, занималась сексом Лена Горбунова, местная «честная давалка», жить не могущая без мужского внимания. Лена погибла при Взрыве. Как и все остальные, кто имел хоть какое-то отношение к этой заправке. Если бы у Большого Взрыва был фан-клуб, то его главный офис располагался бы именно здесь.

Не выпуская пистолета из рук, Густав взялся за один стеллаж и с трудом поставил его на место. С него посыпались мелкие товары – упаковки ссохшейся жвачки и старых засахаренных леденцов. Густав поднял их с пола, подул, очищая от пыли, и засунул в задний карман джинсов. Такие вещи в этом мире почему-то не ценились. В жвачке нет питательных элементов, а леденцы только усиливают жажду. Но он любил эти пережитки прошлого, когда можно было целый день жевать химическую формулу и сосать перцовые леденцы, не думая о том, хватит ли тебе чистой воды до завтра и не разбудишь ли ты и так с трудом перевоспитанный на новый лад аппетит.

Густав прошелся между стеллажей, ведя по ним лучом фонаря, словно пальцем.

– Жвачка, конфеты, презервативы, жвачка, суфле, шоколадка... О, шоколадка!

В картонной упаковке в самом углу лежала одинокая плитка. Такие шоколадки Густав называл «сувенирными», потому что не знал значения этого слова, которое когда-то, еще в детстве, слышал от матери. Но он не знал и назначения этих маленьких шоколадок, просто не понимал, зачем делать такое микроскопическое убожество? Наестся ею уж точно нельзя. Поэтому название «сувенирная» подходило подобному продукту как нельзя кстати.

Он сорвал упаковку, сдернул фольгу. Шоколад был покрыт белесым слоем, но Густав знал, что он еще съедобен, добавки творят чудеса. Положил его в рот, за щеку, довольно хмыкнул и продолжил исследование стеллажей. Под горько-сладкий вкус тающего шоколада жить стало существенно веселей.

Но больше на заправке ничего интересного не обнаружилось. Пыль, затхлый запах и ощущение, что вот-вот все здесь рассыплется на атомы. Придется ехать дальше и искать аптеку. Жаль, Густав рассчитывал найти здесь все, что им было нужно. Но судьба иногда делает вид, что не слышит того, чего мы желаем. Она отворачивается, зевает и кривит лицо, когда мы, вконец взбешенные ее безразличием, даем ей звонкую оплеуху. Но даже и тогда ничего не происходит. Ничего из того, чего вы хотели бы. Все идет своим чередом.

В фонаре что-то треснуло, и он мигнул. Свет, бывший до этого ослепительно-белым, стал водянисто-желтым. Наверное, сели батарейки. В корабле лежал большой фонарь на аккумуляторах, но Густав взял с собой именно этот – легкий и удобный. С ним, если придется бежать, как-то легче, да и выбросить его можно без особого сожаления.

Сейчас же расставаться с ним никак не хотелось, ситуация не располагала. Нужно было найти батарейки. Густав подошел к стойке и перегнулся через нее. На внутренних полках и в выдвижных шкафчиках, в которых продавцы обычно прятали всякую необходимую им по работе мелочь, включая и денежную, ничего полезного не нашлось. Стопка чеков, перевязанных растрескавшейся резинкой, протекающая и навсегда застрявшая в собственных чернилах авторучка, использованный примерно наполовину моток скотча, синяя упаковка давно скисших и разложившихся пальчиковых батареек. Густав осторожно потрогал их

дулом пистолета, в воздух поднялась белесая пыль, и он почувствовал неприятный химический запах. Вот дерьмо. Не годится. Но липкая лента ему могла понадобиться, поэтому он положил ее в рюкзак.

Что ж, уходить отсюда с шоколадкой, скотчем и без батареек? Густав немного постоял в раздумье. Хотя стоило еще проверить служебное помещение. Вдруг там, в темноте и сухости, лежат какие-то товары (например, батарейки в герметичной упаковке или аптечка?), не выставленные на прилавок в день Большого Взрыва?

И он пошел к двери.

Обычная железная дверь, выкрашенная бордовой шероховатой краской. В углах и возле ручки краска слезла, обнажив темный металл. Замок обычный, запорный, не английский, и дверь всегда держали либо открытой, либо закрывали на ключ. Густав потянул ручку, на всякий случай, но дверь, естественно, оказалась заперта.

Если бы он начал стрелять в замок, то, возможно, это был бы последний его день в этой жизни. Пули могли отрикошетить куда угодно, включая лоб Густава. Поэтому нужно было решить, как открыть служебное помещение по-умному.

У Густава в рюкзаке имелся набор отмычек, которыми он пользовался практически каждый раз, когда оказывался в том или ином городе. Неоднократно этот инструмент помогал ему раздобыть то, что, казалось бы, запирали надежнее Люцифера (хотя Густав имел веские основания думать, что Люцифер таки оказался на свободе в тот миг, когда случился Большой Взрыв).

Эти отмычки ему подарил странник, которого Густав однажды, чисто случайно, выловил из реки. Тот свалился туда с моста, когда ехал на своем корабле ночью. И никак не мог выбраться, потому что в момент удара заклинило дверь, а окна были настолько маленькими, что вылезти через них не представлялось возможным.

Густав подцепил эту медленно тонущую железную скорлупу тросом, когда странник пробыл в холодной воде часов пять или шесть. Сказать по правде, он не ожидал, что странник окажется жив, и приготовился увидеть распухшего утопленника. Однако спасенный им человек оказался вполне себе жизнеспособным. И благодарным.

Он вручил Густаву эти отмычки и научил ими пользоваться. Они находились в ручке из черного лакированного дерева, и если их вытащить все сразу, то отмычка походила на швейцарский нож или странного плоского ежа-панка. Конечно, за один урок Густав не мог научиться открывать любой замок. Но опыт, помноженный на полученные основы мастерства, сделали из него профессионала.

И он очень удивился бы, узнав, что до Взрыва вскрывать замки полагалось либо спасателям, либо грабителям. В новом мире домом Густав считал лишь корабли. У дикарей, живущих в городах, не могло быть своего дома. Как нет дома у обезьян, живущих на деревьях, или у медведей, живущих в пещерах. Если кто-то или что-то сгоняет их с насиженного места, они идут дальше, только и всего.

Поэтому, проникая в бывшие жилища людей, Густав не считал, что нарушает чью-то личную жизнь. Жизни у дикарей тоже не было – так он решил для себя.

Замок двери в служебное помещение оказался легким. Довольно мощный, он мог выдержать попадание среднекалиберной пули, так как его защищала бронированная пластина. Но ловкие пальцы странника открыли его минуты за три, не больше. Густав даже немного разочаровался, потому что столь легкое открытие замка по всем канонам и правилам не обещало, что за дверью хранятся сокровища, включая злополучные батарейки.

Густав поднялся с колен, положил отмычку обратно в рюкзак, осторожно потянул за ручку. Дверь медленно открылась, с трудом поворачиваясь на толстых и проржавевших металлических петлях.

Луч фонаря осветил довольно большую комнату. Низкий столик с разбросанными по нему журналами. Бесчисленные картонные коробки разной величины вдоль стен. Пыльный кожаный диван. Дверь, ведущая куда-то дальше, возможно на задний двор. И одинокая, свисающая с потолка на шнуре лампочка, прикрытая простеньким пластмассовым плафоном,

похожим на перевернутую тарелку.

Густав вошел в комнату, ожидая встретить затхлый запах спертго воздуха непроветриваемого в течение многих десятков лет помещения. Но, к его удивлению, воздух тут ничем не отличался от того, которым он дышал всю жизнь.

Возможно, здесь все еще работала вентиляция. Но Густаву было уже не до этого. Фонарь светил все хуже и хуже. Поэтому он направился к одному из картонных ящиков, перевязанному металлическими полосками крест-накрест.

Он достал большой нож из переднего кармана, в котором прятались ножны, и просунул его под пластину. Полоски отскочили в стороны с противным дребезжанием, и тут же где-то на заднем дворе раздался крик.

Человеческий крик.

Глава 5

– Кто ты такой, блядь? Кто ты, мать твою, такой?!

Густав, щурясь от солнца, целился и смотрел на верещавшего человека. Тот был очень худой, потрепанный и лохматый. В одной руке он держал бутылку, другой же опирался о ржавый железный столб, поддерживающий навес из зеленого пластика. Но, как понимал Густав, бутылка предназначалась не для драки. На дне ее болталась какая-то мутная жидкость. Проорав очередную порцию ругательств, человек приложился к ней, жадно глотая. Кадык на его тонкой шее двигался вверх-вниз, словно затвор стреляющего автомата.

– Ну что, скажешь, кто ты такой, или молчать будешь?

Дикарь сказал это неожиданно трезвым голосом. Отер рот тыльной стороной ладони, сделал два шага назад и плюхнулся под навес, на кучу тряпья, служившую ему кроватью.

– Я странник, – сказал Густав, не опуская пистолет.

– Ох ты ж, странник, твою мать. И чего ты забыл, странник, в этом богом позабытом дерьме? Заехал сюда поразвлечься? Так тут, кроме мутов, ни одной нормальной телки не осталось. Я сначала даже думал переключиться на собак, но чертов самогон... иногда я теряюсь во времени и не знаю, что сегодня – вчера, завтра или неделя уже прошла. Поэтому, если ты по бабскому вопросу, то я тебе не помощник.

– Мне нужны батарейки.

– Че?

– Батарейки. Такие штуки, которые вставляются в электроприборы.

Густав убрал пистолет и показал дикарю фонарь.

– Не знаю, что это за хреновина. Похожа на черный член. Прямо как у меня. Ты видел, что у меня член почернел? Не знаю, с какого хера. Может, я все-таки как-то по пьяни нашел тут одну симпатичную собачку. Слушай, посмотри, а?

Он начал подниматься с кровати, одновременно с этим пытаясь развязать шнурок, поддерживающий штаны на тощей заднице.

– Я не собираюсь тебе яйца осматривать! – сказал Густав. – Если снимешь сейчас свое тряпье, то я не поленюсь и в жопу тебе его затолкаю. Можешь мне поверить. А потом пристрелю, но перед этим ты немного помучаешься.

Дикарь изумленно посмотрел на странника, икнул и развел руками:

– Все, понял, не дурак. Так что тебе от меня надо, странник? И где твоя тачка?

– Моя... что?

– Тачка. Ну, машина. Корабль. Хренотень, которая возит твою жопу по этому миру и делает вгры-ы-ы-м, вгrr-р-р-р-рым!

– Стоит возле заправки.

– Эт хорошо. А то я подумал, что ты ее сюда за собой притащил, прямо вот сюда, ага. А это дерьмо дорого мне, как дом, милый дом. – Дикарь расхохотался и снова приложился к бутылке. – Меня, кстати, Андрей зовут, я русский. Но мы же с тобой сейчас на иньере общаемся, так? Поэтому зови меня Эндрю. Я согласный. Ты откуда сам?

– Неважно. У меня к тебе один вопрос – есть тут батарейки или нет? И где у вас аптека в городе?

– Это два вопроса.

– Неважно! Ответь на оба, какая разница?

– Я люблю точность, даже сам святой отец так говорил.

Эндрю важно поднял грязный указательный палец вверх и сделал глоток. В бутылке булькнуло, и она опустела вконец.

– Мать твою, твою мать, – разочарованно пробормотал он. – Придется идти за следующей, это была последней.

– Послушай, дикарь. Я задал тебе два вопроса. Первый. И второй. Если ты не ответишь хотя бы на один из них, то я спущу вот этот курок. Это несложно, и я так делал, дайте боги памяти, тысячу раз. Нажал – и все, нет проблемы. Но ты вроде бы не проблема, просто раздражаешь меня. А когда меня что-то раздражает, то это целая проблема. Понимаешь, о чем я толкую?

– Дикарь понимает. – Эндрю медленно кивнул и хмыкнул. – Ты ведь из настоящих странников, да? Считаешь нас дикарями, а сам гребанный летчик в белом костюме и с кучей молоденьких стюардесс в мини-юбках. Но я тебе отвечу, потому что верю. Мне хочется жить, как это ни странно.

– Ну так что?

– Батареек нет. На заправке есть много чего, я все давно уже пересмотрел, но чего-либо называемогося батарейками нет. Второй вопрос... а какой был второй вопрос?

– Где у вас тут аптека?

– А, аптека! Она в центре. Отсюда, значит, едешь налево, по дороге. Только не гони, там много поваленных деревьев и... таких бугров на асфальте. Их раньше делали, чтобы по городу не летали всякие придурки типа тебя и не сбивали несчастных бабушек. Так вот. Дорога эта приведет тебя к перекрестку, не промахнешься точно. Там круг, на нем раньше росли цветы и стоял памятник. Да он и сейчас стоит, памятник этот, какой-то мужик лысый. Короче, круг, по нему – направо, и скоро увидишь аптеку. Но там мало чего осталось. Почти все уже вычистили. Одно хорошо, что ее мало кто знает. В центральной так вообще ничего больше не найти, даже пипеток.

– Спасибо.

Густав проговорил маршрут самому себе еще раз, запоминая его.

– Спасибо, и я пойду.

– Слушай, странник. А возьми меня с собой, а? Мне нужно затариться пойлом в одном домишке, тут недалеко. Кинешь меня возле него да дальше поедешь.

– Мне некогда, Эндрю. У меня там пассажир умирает, ему бы побыстрее в аптеку.

Дикарь вздрогнул и растерянно потер грязный лоб.

– Кто там у тебя?

– Пассажир, мой... гм... друг. Мы путешествуем вместе.

– Старик? Он старик?

– Да, откуда ты знаешь?

Эндрю отбросил бутылку в тряпье и, упираясь спиной в кирпичную стену, окружавшую задний двор заправки, встал. Пошатываясь, подошел к Густаву. Тот снял предохранитель, но не отошел и не дернулся. Пьяный представлял собой слишком малую угрозу, чтобы принимать его за полноценного противника.

От Эндрю несло непередаваемым букетом из запахов старой мочи, спирта, заплесневелого черного хлеба и сгнивших сладких фруктов. Его лицо покрывала жесткая щетина с проплешинами, а под густыми бровями горели карие глаза. Вернее, они постоянно мигали, и Густав не мог уловить момент, когда дикарь смотрел на него ясно и трезво, а когда глаза его вдруг мутнели. С ним определенно творилось что-то неладное.

– Ты странник. Одинокый, мать твою, бродяга. Вроде бы. И приехал сюда со стариком на закорках. Так?

- Да.
- У меня для тебя послание.
- Что?!
- Стой тут.

Эндрю хлопнул Густава по плечу и побрел в угол двора. Встал на колени возле кабинки биотуалета и начал рыть землю. Прямо руками.

- Что за послание, Эндрю?
- Сам увидишь, погоди. Я тут тайничок оборудовал.

Дикарь быстро докопался до куска фанеры, обнаружившегося на глубине сантиметров пятнадцати. С довольным лицом постучал по нему кулаком – раздался глухой звук. Он разгреб землю по сторонам, подцепил фанеру грязными ногтями. Под фанерой обнаружилась ямка с лежащим на утоптанном дне полиэтиленовым свертком размером примерно с половину ладони.

Эндрю достал сверток и пополз обратно к Густаву, даже не вставая с земли. Остановился возле ног странника, восторженно посмотрел на него сверху вниз и сказал:

- Смотри, это тоже я придумал. Чтобы не промокло.
- Что там?
- Сейчас увидишь.

Эндрю вцепился зубами в бечевку, которой был обвязан целлофановый пакет. Густав инстинктивно сделал два шага назад, направил пистолет на дикаря, продолжая наблюдать за его действиями.

Когда с веревкой было покончено, Эндрю осторожно развернул целлофан, внутри которого оказался непонятный черный предмет прямоугольной формы, в свою очередь упакованный в прозрачный пластик. Дикарь протянул его Густаву на вытянутой грязной дрожащей ладони.

- Что это такое, Эндрю?
 - Это тебе. Тебе, странник. Тут даже написано – «Густаву».
- Колени у Густава предательски дрогнули. Какого черта?!

* * *

Густав неуверенно взял непонятный предмет. Легкий. Практически невесомый. На нем действительно была криво наклеена белая полоска бумаги со словом «Густаву».

На другой стороне предмета имелись клавиши управления.

– Это какое-то устройство, – сказал он. – Похоже на плеер. У меня такой на корабле валяется.

Клавиши были сенсорными, а прозрачная упаковка никак не хотела поддаваться. Густав вцепился в нее зубами и с хрустом разорвал по шву.

- Тут нет наушников, – сказал он, посмотрев на Эндрю.
- Но тот лишь пожал плечами, не сводя глаз с плеера.
- И как мне его включить, как слушать? Ладно, разберемся.

Густав нажал обычную, не сенсорную кнопку «Power» на боку плеера. И тот включился, тихонько завибрировав. Мигнули синие индикаторы, зажглась подсветка навигации, вспыхнул маленький монохромный дисплей. На нем мелкими черными буквами прокручивалось название текущего трека, на английском языке.

- «Fog you», – прочитал Густав.
- Фо ю, – как замороженный, повторил Эндрю.

Странник прибавил громкости, и неожиданно с обратной стороны плеера раздался треск. Немного подумав, Густав наконец догадался сдвинуть тонкую декоративную пластину, защищающую внешний динамик.

- Так-то лучше.

Он выкрутил звук на максимум и приготовился слушать. Но ничего не происходило.

Только непонятный треск, шуршание и противный писк, повторяющийся каждые пять секунд. Наконец кто-то кашлянул на записи и сказал: «Раз-раз, раз-два».

«Привет, Густав, – сказал голос под аккомпанемент зафонившего микрофона. – В лучших традициях жанра, если ты меня сейчас слышишь, то мое послание дошло по назначению. Скажем спасибо Эндрю, надеюсь, что ты его не обидел».

Эндрю восторженно хохотнул и потер кадык. Ему неожиданно захотелось выпить. Хоть что-то, хоть химический реактив. Но лишь бы расслабило.

«Наверное, ты сейчас удивлен. Может быть, даже поражен. Но когда я вкратце расскажу тебе суть вопроса, ты поймешь, что к чему. Мне не хотелось бы держать тебя в неведении, и я прошу прощения за те дни, что ты провел в дороге, не зная того, что тебе предназначено».

Но давай обо всем по порядку. Чтобы ты понял, что я не вру, я расскажу тебе следующее. Ты родился на территории Германии в две тысячи восемьдесят пятом году. У тебя была полноценная семья, отец и мать, все как полагается. Может быть, ты удивишься, но изначально вы жили в городе, и ты не был странником, Густав. Ты был дикарем».

Густав нахмурился и сжал челюсти так сильно, что у него заложило уши. Дикарем? Что мелет этот чепушила, это же невозможно, он хорошо помнил свое детство. Бросил быстрый взгляд на Эндрю: не смеется ли тот над ним? Но тот слушал голос и, казалось, ничего для него сейчас больше не существовало.

«До трех лет в Баден-Бадене жил маленький дикарь Густав. Затем твой отец убил одного странника, который остановился в вашем доме на ночлег. Он болел и не мог вести свой корабль дальше, ему нужен был отдых. Твой отец устроил ему отдых, Густав. Сначала уложил на подушку, а затем положил еще одну подушку сверху. Немецкий бутерброд. Он понимал, что жизнь в городе дикарем – не то, о чем бы он мог мечтать в этом новом мире. Ты вырос весь в него, знаешь ли. Он привил тебе ненависть к городу. Ты впитал ее не с молоком матери, хорошей и мудрой женщины, а с сигаретным дымом отца».

Твой отец курил „Бланш“, Густав. Обычно целый блок этого дерьма бултыхался в багажнике вашего корабля.

Твоя мать умерла от рака. Возможно, его усугубил твой вечно смоливший отец, но я не буду делать необоснованных заявлений. А сам он, Густав, однажды пропал, бросив тебя в корабле. Тебе было двенадцать лет, и в одно прекрасное утро ты проснулся в одиночестве.

Наверное, тебе было страшно, потому что ты плакал и хныкал, стоя на крыше своего собственного, теперь уже, корабля».

– Откуда? Откуда он все это знает?! – воскликнул Густав.

Но Эндрю молчал. Замолчал и голос в плеере.

Странник потряс устройство, но оно работало, из динамика шел мерный гул молчащего микрофона, отсчитывался хронометраж. Густав сел рядом с Эндрю, опершись о каменную стену плечом, и положил плеер на землю, динамиком вверх. Вскоре вещание возобновилось:

«Всю свою жизнь ты думал, что твоего отца похитили дикари. Эти выблядки, живущие в городе и пожирающие своих матерей, они словно рак. Ты даже как-то наведалься в тот город, возле которого вы тогда заночевали. В тебе взросло зерно отмщения, ты питался пламенем злобной ненависти. Если бы в тот день тебе встретился хоть какой-нибудь житель города, ты бы убил его, не задумываясь. Любого. Девочку, мальчика, старика. И ты сейчас ждешь, что я назову тебе причину, по которой исчез твой отец».

Но ее нет.

Я ее не знаю.

Я знаю все о тебе, но вот о твоём отце не слышал ничего с тех пор, как ты проснулся под холодным липким одеялом в сентябре две тысячи девяносто седьмого. Один».

У Густава дрогнул подбородок.

«Затем твоя жизнь не отличалась праведностью. Ты воровал, ты крал, ты грабил, ты убивал. Помнишь тех троих на трассе? Каждому из них было не больше двадцати лет. Совсем как тебе. Но это ничему тебя не научило. Ты глуп, Густав. Ты считаешь городских

жителей дикарями, но сам не далеко ушел от них. Ты всего лишь странник, который забыл свое дикарское прошлое.

А теперь немного фактов. У тебя есть шрам под ребрами – остался после драки. Ты заезжал к Креку и искал того, кто может сделать хорошую татуировку без заражения. Не знаю, что ты себе набил, но сам факт мне известен. У тебя за всю твою жизнь было одиннадцать женщин. Три из них мертвы! И лишь ОДНА смерть не лежит на твоей совести! Ты знал об этом, Густав?! Ты знал, что Наташу избили ДО СМЕРТИ за то, что она спуталась с чужаком не из общины?! Ты знал, что Стефани, эта малютка с наивными голубыми глазами, вскрыла себе вены после того, как ты уехал от нее, не сказав „Прощай“, ничего не сказав?! Знаешь ли ты это?!»

– Нет, нет, – зашептал Густав. – Да этого не может быть, просто не может.

«Две смерти только потому, что ты засунул свой член не в те дырки. Ты угроза для этого мира, Густав, для мира, который пропитан смертью, ты – угроза! Только вдумайся! Тебе не страшно?

Мне вот страшно.

Но ты нужен мне. И я готов закрыть глаза на то, что ты совершал раньше. Я не буду тебя наказывать, хотя могу это сделать. Ой как могу.

Сейчас ты двигаешься на запад со стариком по фамилии Марков. Его, кстати, зовут Михаил. Я знаю даже это, Густав. А ты, проводший с ним несколько дней и ночей, спасший его из горящего пекла, не знаешь его имени! Ха! Ты хоть сам себе приятен, скажи мне? Тебе не омерзительно твое поведение? Или страннику все позволено? Что ж, я не буду тебя переубеждать, придет время, и ты сам все поймешь.

В данный момент важно другое. Община, которую вы ищете, хранит одну вещь, которая мне необходима. Когда ты найдешь общину, я сообщу тебе и о вещи, как она выглядит и что с ней нужно сделать. Сейчас это не имеет смысла, пока ты здесь. Просто знай, что это не очередная редкая побрякушка, типа работающих золотых часов. Эта вещь могла бы спасти наш мир, но вот община... Вот кто уж действительно дикари! Они не хотят отдавать ее мне. И я не могу забрать ее сам, так как вещь эта очень сильная.

Они под ее защитой. Ото всех. От Легиона, от Маркова, от мутов, от Взрыва. От всего, в том числе и от меня. Но не от тебя. Только ты можешь найти их. Сейчас я скажу пошлость, мне самому противно, но ты вроде как последний герой. Потому что в тебе тоже есть часть этой вещи, и вы – как магнит. Ты и она. Тебе ведь иногда снятся непонятные сны, Густав?

В них ты такой маленький и одновременно такой большой, что в тебе есть целая вселенная. Но и над тобой другая вселенная, в которой все такое огромное. И этот сон сводит тебя с ума, потому что не умещается в твоей голове. Он шире твоего сознания, но каким-то образом иногда забирается вовнутрь, и тебе кажется, что ты умираешь. Летишь в бездну.

И все потому, что у тебя есть талисман на шее».

Густав автоматически поднес руку к горлу и взялся за серебряную цепочку, на которой висела плоская серая пластинка с выбитым на ней изображением спящего льва с одной стороны и того же льва, но в прыжке, с другой.

«По воле судьбы этот талисман когда-то принадлежал одному страннику. Которого однажды придушил подушкой один дикарь. Он не знал, зачем ему эта штука, но сорвал ее с его синей шеи. И передал своему сыну. Наверное, на счастье, вроде как отцовское наставление: убивай всех, у кого есть хоть что-то, и будешь счастлив.

Ты вырос вместе с этим талисманом и ни разу его не снимал. Это часть той вещи, которая мне необходима, поэтому даже такая мелочь, ее малая составляющая, имеет очень большую силу. Ты пропитался ею, Густав. Как когда-то легкие твоей матери пропитались сигаретным дымом твоего отца. Но на этот раз все будет хорошо, не бойся. Ты не должен умереть. Мне это невыгодно.

Если ты послушаешься меня, найдешь эту общину и принесешь мне вещь, о которой я говорю, тогда мир изменится к лучшему. И не только мир. Ты хочешь вернуть своего отца, Густав?»

– Да.

Микрофон опять зафонил, переходя на какие-то чуть ли не ультразвуковые волны, и голос выругался.

«Знай, что я помогу вернуть его. Я не обещаю, но постараюсь изо всех сил. Даже если я не найду твоего отца живым, то узнаю все о его судьбе. А я могу узнавать правду, Густав, ты, надеюсь, понял это, мой мальчик?»

Теперь же дело за малым. Я не хотел, чтобы ты шел на поиски вслепую. В конце концов, ты бы мог отказаться идти дальше на любом этапе, правильно? И я бы никак не смог повлиять на тебя, так как нахожусь сейчас слишком далеко. Это послание, мой голос – единственный способ достучаться до тебя и рассказать правду.

Найдешь вещь – найдешь себя.

А теперь, напоследок, у меня для тебя небольшой сюрприз. Так сказать, аванс. В этом мире есть двери, которые нельзя открыть силой или даже твоими великолепными отмычками. Для них нужен особый, универсальный ключ. Один есть у меня, а один – у Эндрю. Он в его голове. Буквально. В черепе, в затылочной части.

Если ты захочешь, то можешь взять этот ключ себе. Он пригодится тебе в дальнейшем, можешь быть уверен. И есть еще одна причина, по которой он тебе понадобится, Густав. Тебя впереди ожидают неприятности, и в одной из них, я уверен, ты потеряешь кое-что, возможно свой дом. Корабль. Ключ, который спрятан в этом немытом грязном дикаре, откроет тебе выход из ситуации. Ты сможешь спасти и себя, и корабль. Ведь без корабля тебе не добраться до моей вещи, а без вещи я и пальцем не шевельну, чтобы вернуть тебе отца. Я действительно беспокоюсь о тебе.

Веришь мне, Густав?

Я серьезен, как никогда. Я знаю о тебе все. Я знаю многое из того, что случится с тобой в будущем. Я знал, кому нужно отдать это послание. Знал, что ты придешь сюда, к этому непросыхающему алкашу. И я не только знал, я ЗНАЮ...

Выбор.

За.

Тобой».

Шуршание. Короткий писк. Голос замолчал. На дисплее появилась новая надпись «Rammstein – Frühling in Paris». Послышались гитарные переборы, но Густаву это уже не было нужно. Он выключил плеер и положил его в рюкзак.

Эндрю продолжал сидеть рядом, потряхивая головой и как будто прислушиваясь к чему-то внутри себя.

– Он сказал, что у меня какой-то ключ в черепашке?

– А? – Густав рассеянно посмотрел на него.

– В черепашке! Ключ какой-то, мать его! Что за бред говорил этот придурок?!

Эндрю вскочил, его тут же отбросило назад, и он чуть не врезался в кабинку туалета, но смог удержать себя на ногах. Глаза его пылали, а по лицу ходили такие волны эмоций, какие появляются только на лице студента, когда на экзамене профессор задает ему неудобный, «валящий» вопрос.

– Послушай, кто отдал тебе эту запись? – спросил Густав.

– Какой-то хмырь, боже ты мой. – Эндрю рухнул на колени, обхватив голову руками. Сквозь растопыренные пальцы, как черная трава через асфальт, вылезли всклокоченные грязные волосы. – Он засунул в меня чертов ключ. Чертов ключ во мне! Прямо так, в голову, бог ты мой...

– Успокойся. Может, он пошутил насчет этого.

– Пошутил?! А по поводу твоего отца, твоей матери, твоих одиннадцати шлюх – он тоже пошутил?! Он вообще похож на шутника, этот тип?!

– Это я у тебя хотел спросить. На кого он похож, как выглядит?

– Да не помню я! Я пьяный был! Вечером появился этот мудака и дал мне эту штуку! Обычный мужик вроде бы. Сказал, чтобы я передал ее страннику по имени Густав. Мол, он

придет к тебе, ты сразу поймешь кто, и спроси у него, с кем он едет. Если со стариком и зовут его Густав, то отдай ему посылку. И дал мне целую сумку с пойлом.

Эндрю внезапно зарыдал. Слезы хлынули из его глаз бурным потоком, прорезая на грязном лице русла чистой кожи. Он упал на бок, поджал ноги к груди и тихонечко завыл, не отпуская руки от головы, как будто боясь, что она сейчас взорвется.

– А когда это было?

– Не помню. Ни хрена не помню. Может, вчера, может, месяц назад. Я не веду счет времени.

«Грязный непросыхающий дикарь», – подумал Густав и вздрогнул от этой мысли, озвученной голосом из плеера.

– Перестань реветь.

– Да?! Ты меня сейчас грохнешь, а мне чего – радоваться?

– Я не буду тебя убивать.

Густав поднялся на ноги, поправил рюкзак и отряхнулся.

– Я вообще не верю ему. Это все похоже на шутку. Или дурацкий розыгрыш.

– Розыгрыш? Да, может, и правда шутка. Веселая такая. Может, и нет у меня ничего. – Эндрю заискивающе улыбнулся и шмыгнул носом. – Ты прав, скорее всего ты прав, странник. Я вот смотрю на тебя и вижу, что не мог ты родиться в городе. Только в корабле. И зачат был, наверное, на скорости. Нет, ну точно бред это все. А, как думаешь?

– Наверное.

Странник вытащил талисман из-под рубашки и внимательно осмотрел его. Ничего удивительного или необычного, всего лишь кусок железа с гравировкой. Он уже хотел вложить его обратно, как вдруг заметил кое-что на торце. Густав никогда не рассматривал эту безделушку так внимательно, поэтому открытие стало для него неожиданностью. Все равно что после двадцати лет совместной жизни узнать, что твоя жена трахалась со всеми направо и налево последние лет девятнадцать.

Талисман висел у него на груди практически всю жизнь, с тех пор как (если верить голосу) ему его подарил отец. Но Густав раньше не замечал неглубоких бороздок, шедших от торца на каждую сторону, длиной примерно два миллиметра. Словно талисман был составной частью какой-то детали. Интерфейса? Или соединительным элементом? Или ключом? Или предохранителем? Система типа «мама-папа»? Или «вход-выход»? Таких деталей, только пластиковых, было полно во внутренностях корабля.

Мама-папа...

Папа.

Густав посмотрел на Эндрю, затем опять на талисман. Спрятал его под рубашку и спросил:

– Можно осмотреть твою голову?

– Что? Что?!

– Голову. Можно посмотреть?

– Зачем это тебе?

Эндрю сжался, а глаза его расширились настолько, насколько возможно. Теперь он не был похож на спившегося дикаря-алкаша, обычный испуганный парень. Вполне даже симпатичный. Если его умыть, причесать, откормить и дать ему корабль, то он был бы похож на странника. Но он не был странником, Густав знал это. Он был всего лишь низшей ступенью. Пожирателем себе подобных, пожирателем самого себя. Дикарем.

Густав не хотел его убивать, ему просто нужно было удостовериться, что голос говорил правду. Вот и все.

– Я подойду. Посмотрю. И уйду.

– Нет! Ты ж убьешь меня прямо тут! Как крысу задавишь! – Эндрю перевернулся на спину, взбрыкнул ногами и пополз куда-то, не вставая, словно плыл кролем в земляном бассейне.

Густав без труда нагнал его, обошел сзади, схватил за шиворот и уложил лицом вниз.

Эндрю слабо сопротивлялся, кричал какие-то ругательства, но странник не обращал на него внимания. Голос сказал, что ключ в затылке.

Брезгливо сморщившись, Густав положил ладонь на немывтую шею дикаря и начал медленно вести руку вверх, против роста волос.

Примерно в десяти сантиметрах от того места, где начинали расти волосы, обнаружился большой белый рубец. Густав поставил колено на спину Эндрю и вытащил пистолет. Дикарь заверещал:

– Не убивай, прошу тебя! Не убивай меня! Человек ты или кто?! Я тебя прошу, пожалуйста! Я все сделаю, не убивай! Все что хочешь! Служить тебе буду, отсосу у тебя, хочешь? Только не убивай! Я человек ведь, человек! Как и ты!

Густав медленно выдохнул и засунул дуло пистолета Эндрю в рот. Тот вертелся, стараясь вывернуться из крепкого захвата, поэтому мушка рассекла ему верхнюю губу. Брызнула кровь. Дикарь замычал, языком стараясь выпихнуть холодный смертельный металл, пахнущий порохом.

Ключ. В его голове был ключ. Густав не хотел убивать дикаря. Но голос был прав во всем. То есть вообще во всем. Сейчас нельзя было это проверить, но ту информацию, которую знал только лишь странник, голос передал абсолютно точно. Включая сны. Они снились Густаву не слишком часто, но минимум раз в месяц он вскакивал со своей кушетки, обливаясь холодным потом и стараясь унять скачущие, словно сумасшедшие блохи, мысли.

О многом можно знать, куда ни шло. Но о снах?

Такое возможно, если бы голос побывал в голове Густава. Но он успел побывать только в голове Эндрю. Прямо там, внутри. Оставив дикаря при этом в живых. Как и когда? Неважно. Если существовал способ поместить ключ в человека без вреда для его здоровья, значит, имелся способ извлечь его.

Но Густав не знал, как это сделать. Тут не помогли бы даже отмычки, потому что эта дверка была закрыта покрепче других. К этой дверке он имел всего лишь один ключ. Нажми на курок – и пещера Аладдина откроется.

Это будет ЕЩЕ ОДНА смерть, еще одна невинная жертва, но, в конце концов, он же не человек, правильно? Какой-то вонючий дикарь из города. А терять свой корабль Густаву не хотелось. Корабль был для него больше чем дом. Больше даже, чем жизнь. Он был частью его существа. И если он к чему-то еще искренне тянулся, то только к этой машине на шести колесах. Случись его потерять, и Густав погибнет. Просто умрет, упадет бездыханным.

Густав сильнее надавил на спину Эндрю, и тот начал тонко выть то ли от боли, то ли от страха.

Решись. Решись. Решись.

Левый глаз дикаря, обращенный к Густаву, бешено вращался в орбите. Густав накрыл его ладонью. Ресницы защекали ее. Вдохнул полной грудью. Навалился на Эндрю сильнее. Закусил нижнюю губу. Направил дуло как можно выше, чтобы не задеть то, что было в его затылке, под шрамом.

– Прости меня. Прости меня, если сможешь.

Он не знал, но точно такие же слова однажды сказал его отец, темной ночью, когда в их семье неожиданно появился корабль и талисман на серебряной цепочке.

– Прости.

Густав на секунду отвернулся. Нажал на курок.

Раздался выстрел.

Наступила тишина.

Андрея больше не стало.

Глава 6

Мягко открылись замки, отъехала дверь, впуская в сумрак корабля солнечный свет, и прозвучал спокойный голос:

– Выходи, если жив. Мне понадобится твоя помощь.

Марков, дремавший лицом к стенке, ошарашенно повернулся на звуки, беспардонно доставшие его из сладкого, становившегося все глубже и глубже сна. Он увидел темную фигуру Густава на светлом фоне дверного проема. Тот участливо поинтересовался:

– Нормально себя чувствуешь? Мне просто одному не справиться, там надо будет открыть резервуар с бензином.

– А, хорошо.

Марков потер глаза и встал. Вроде бы ничего уже не болело, приступ прошел, и жизнь снова начала приобретать смысл. Многие могли бы поспорить с этим заявлением, поскольку считали, что жизнь потеряла любой смысл сразу же после Большого Взрыва. Но Марков был категорически с ними не согласен. И хотя он родился уже практически в новом мире, проведя детство в только что опустошенной и обезглавленной среде, он отлично знал прошлую историю человечества по рассказам своего деда. Кое-что добавили родители, некоторые вещи объяснили друзья и просто знакомые. А уж о картинках и видео говорить не приходилось.

Он знал настолько много о том мире, что мог не сожалеть о его потере.

О чем он действительно сейчас беспокоился, так это о лекарствах. За них можно было сказать спасибо не самому комфортному прошлому, а камни в почках, судя по тому, что против них изготавливались многочисленные лечебные средства, существовали в организме человека всегда.

Они иногда выходили из него естественным путем. Мелкое крошево. Но он представлял себе, что где-то там, в почках, сидит король-камень. Большой, шершавый, с гнилым перекошенным ртом. Иногда он недовольно ворочает своими неровными бугристыми боками, раздирая плотную и гладкую плоть почек. И тогда становится больно, очень больно.

Но не сейчас. Сейчас нужно помочь Густаву, чтобы он там ни задумал.

– Цистерны вон на том холме, вернее, они в нем зарыты. Ты иди к ним, а я сейчас подгоню корабль поближе, насколько это возможно. И да, вот, держи.

Странник дал Маркову пару железных арматурных прутьев, и тот пошел к небольшому взгорку, на который он показал. Место это находилось поодаль от заправки и колонок и напоминало маленький корт для гольфа. Прямоугольная площадь оказалась залитой потрескавшимся бетоном, и в нее были врезаны две коричневые ржавые крышки. Марков взялся за кольцо на одной из них и несильно подергал, чтобы не спровоцировать приступ.

Никакой реакции, сидит как влитая.

Густав подогнал корабль задом к бакам. Подъехать ближе мешал весьма крутой уклон, поэтому он остановился там, где корабль мог более или менее уверенно стоять на ручном тормозе. Вышел с парой больших деревянных брусьев и подложил их под передние колеса, чтобы машина не укатилась.

Потом он опустил в задней части корабля маленькую дверку, за которой находились мощный компрессор и шланг. Система обладала такой особенностью, что компрессор мог подключаться к любому функционалу корабля – им можно было накачивать и водные, и топливные резервуары.

– Теперь нужно открыть эту штуку. – Странник ногой смахнул с люка грязь и мусор. – Есть идеи?

– Нет.

– У меня тоже. Я сегодня постоянно что-то открываю, открываю, открываю. – Густав странно ухмыльнулся. – А вот с этим прям какая-то засада.

Он достал нож, присел и просунул лезвие в щель между крышкой и железным ободом – горловиной огромной канистры с бензином, находящейся под ними. Нож влез без труда, до самого основания. Значит, либо Густав попал в специальное техническое отверстие, либо поддон, на котором держалась крышка, не был сплошным.

Он принялся раскачивать нож, стараясь сдвинуть крышку вбок и расширить щель как

можно больше. И крышка начала медленно поддаваться.

– Тут нет никакого замка, – сказал Густав. – Просто нужно поднять ее, и все. Тяжелая, зараза.

Он взялся за кольцо, уперся ногами покрепче и потянул на себя. Крышка со скрежетом начала подниматься. Из резервуара потянуло знакомым резким запахом бензина.

– А мне сил не хватило, – сказал Марков куда-то в сторону.

За то время, что топливо находилось в канистре, оно уже давно перестало быть тем, каким его заливали изначально. В новом мире все запасы его превратились чуть ли не в дизель, бензин с очень низким октановым числом. И этот процесс разложения продолжался.

Корабль Густава мог питаться практически любым топливом, тут страннику повезло, но некоторые жители дорог столкнулись с тем, что их более требовательные машины давно колесили по земле с иссохшими баками, аккумулируя альтернативную энергию – вроде солнечной или водородной. Если существовала подобная возможность, конечно же. Иные корабли, что называется, старой школы, не выдержав жуткого водянистого пойла, ломались раз и навсегда, так и оставаясь лежать на дорогах с переклинившими двигателями.

– Давай, – пропыхтел Густав, и Марков потянул шланг за головку.

Аккуратно сложенный рукав начал мерно раскладываться по частям. Старик направил конец в горловину бака, и остальное за него сделала сила притяжения.

Шланг со свистом ушел вниз и плюхнулся в бензин.

– Теперь поставь прутья в какую-нибудь щель, чтобы подпереть крышку, а то перебьет шланг. И нажми на синюю кнопку, – сказал странник. – Быстрее же, будь добр, а то эта хрень все время валится обратно из рук.

Марков послушно кивнул и сделал все, как надо. Корабль начал жадно впитывать бензин.

Глава 7

Аптека располагалась именно там, где указал Эндрю. Большое монументальное здание с широкими квадратными колоннами. Когда-то они были кипенно-белыми, но теперь от прежнего медицинского величия и стерильности ничего не осталось. Где-то опала штукатурка, где-то выцарапали неприличные стишки, где-то нарисовали неприличную же карикатуру. Густав не знал русского языка, но по рисункам догадывался, что неизвестные поэты и писатели оставляли здесь явно не самые мудрые послания будущим поколениям.

Здание аптеки было угловым и находилось на перекрестке. Дорога отсюда довольно-таки хорошо просматривалась во все стороны. Но подъехать непосредственно к дверям было невозможно, так как все пространство перед ними загромождал крупный кирпичный мусор. Целые куски стен, части фундамента, железная арматура, вывороченные с корнем и покореженные пластиковые рамы без стекол валялись повсеместно, разбросанные в каком-то феерическом исступлении. Очевидно, раньше здесь стояло еще одно здание, которое приняло на себя неизвестный удар, разнесший его в пух и прах, но оставивший целой аптеку.

Вдоль осколков прошлого тянулись тропинки. Их трудно было заметить, но, если приглядеться, выстраивались некие слаборазличимые кривые, по которым можно было обойти непроходимые места. Тут уже давно не видели асфальта, лишь каменное крошево, и через него упорно пробивалась жухлая трава. Но на тропинках ее практически не встречалось. Значит, люди или муты здесь появлялись. Не слишком часто, но и не слишком редко.

Густав огляделся по сторонам. На сколько хватало глаз, все пустынно и безжизненно. Мертвый город. Но странник знал, что город жив. Это лишь его оболочка, как панцирь улитки. А сам хозяин спрятался внутри. Может быть, испугался, и это хорошо. Если же он затаился, чтобы сделать смертельный бросок...

Что ж, пистолет Густава отлично знал свое дело.

– Ты пойдешь со мной, потому что я без понятия, какие тебе таблетки нужны, – сказал

странник Маркову.

– Хорошо, я и не собирался здесь отсиживаться.

Густав поставил корабль боком, так, чтобы от аптеки до двери было наикратчайшее расстояние. Взял с собой пистолет, рюкзак, нож. Солнце пекло нещадно, но в здании могло быть прохладно или сыро, поэтому он надел легкую обветшалую толстовку с капюшоном. Марков же, как всегда, все свое имел с собой.

Закрыв корабль, они медленно двинулись к аптеке.

– Если мы нарвемся на мутов, я буду стрелять. Если на людей – тоже. Поэтому учти это и не дергайся, – сказал Густав.

– Людей-то за что?

– На всякий случай. Вряд ли они предложат нам выпить чашечку кофе и принять ванную. Ты дожил до седых волос, а так и не понял законов этого мира?

– Городские могут быть и хорошими, – сказал Марков стальным голосом, так что Густаву не захотелось развивать с ним эту тему.

Очевидно, старик имел какие-то положительные воспоминания, связанные с городом. Пусть продолжает думать о городе хорошо. Густав будет очень благодарен судьбе, если ничего плохого тут с ними не случится, и они отправятся дальше, искать эту проклятую общину.

Странник шел первым, успевая глядеть себе под ноги и по сторонам. Маркову было велено идти след в след. Тропинок, ведущих к аптеке, насчитывалось немного. К сожалению, они напоминали звериные тропы, по которым животные ходят на водопой. Густав знал такой охотничий прием, когда вычислялась тропа и возле нее устраивалась засада. Либо там ставилась ловушка.

Идеальный вариант, беспроегрешный, потому что звери предпочитают легкие пути, испробованные не один раз. Они идут по пути наименьшего сопротивления. И натываются на пулю. Если бы не Марков, Густав пошел бы прямо по камням и мусору, прыгая по ним, как по скалам, при переходе через бурный горный поток. Так вышло бы безопаснее даже с учетом возможности подвернуть ногу или упасть, ударившись виском о какой-нибудь кирпич с острой кромкой.

Но оставлять старика одного было нельзя. Густав чувствовал за него ответственность. Поэтому, если они наткнутся на ловушку, выбираться из нее будут вдвоем. К тому же они шли по тропинке почти бесшумно. Если не считать редких мычащих стонов Маркова – у него опять начался приступ.

Тропинка виляла из стороны в сторону, обходя наиболее крупные препятствия. Уже практически на подходе к ступенькам, ведущим к аптечному входу, Густав увидел что-то блестящее в мелком белом песке. Жестом остановил старика, присел и осторожно подул на предмет. Им оказалась золотая женская сережка. Странник несколько раз воткнул нож в землю вокруг находки, так как это могла быть или ловушка, или сигнальный спусковой крючок. Но никаких ниток к сережке привязано не было, поэтому она тут же исчезла в недрах рюкзака. Марков хмыкнул.

– Не смешно. Продадим – выручим что-нибудь полезное, – огрызнулся Густав.

И вот ступени. Истертые тысячами ног, в выщербинах и трещинах. Одна из плит съехала вбок, и на том месте, где она лежала, вырос большой купол муравейника. Крупные рыжие муравьи суетливо бегали взад и вперед, что-то строя, переноса и выслеживая. Говорят, что до Взрыва они были поменьше. Но сейчас такие насекомые размером с ноготь большого пальца могли причинить крупные неприятности тому, кто погрузил бы руку в их жилище.

Можно было бы разворошить это гнездо, так как яйца муравьев хоть и невкусные, но питательные. Густав решил так и сделать на обратном пути. Со вчерашнего вечера в животе у него ничего не бывало, и тот предательски урчал, видимо пытаясь переварить воздух в укор своему хозяину.

Как и следовало ожидать, двери в аптеку никто не запирает. Они зашли под козырек, в

тень, и тут же Густав почувствовал прохладу. Из огромного трехэтажного здания с толстыми стенами несло свежим воздухом, как будто какой-то великан засунул себе в рот целый вагон с мятной жвачкой, засел внутри и теперь мощно дышал. Густаву не хотелось попадаться на зуб этому великану, и он надеялся, что тот окажется беззубым вегетарианцем.

Марков поежился:

– А тут не жарко.

– Есть немного. Мы не задержимся, если ты быстро определишься с таблетками.

Аптека оказалась поистине огромной и занимала как минимум два этажа. Целый медицинский супермаркет. Всюду царил полнейший беспорядок. Выбитые витрины, рассыпанные ампулы, мусор, вездесущая пыль. С потолка свисали лампы в круглых белых абажурах, целыми из которых остались от силы два или три. Конечно же, они не горели. Марков кивнул на синее табло над двумя эскалаторами.

– Видишь, что там написано?

Густав подошел поближе и остановился.

– Я вижу другое, – сказал он.

– Что, что там?

Но странник ничего не ответил, только показал пальцем. Марков проследил за его жестом и вздрогнул. На самом верху, там, где заканчивался (или начинался?) правый эскалатор, кто-то установил грубо сколоченные крест-накрест буквой «Х» доски. На них висел распятый человек. Вернее, то, что от него осталось, так как труп уже давно разложился.

– Пошли.

Густав уверенно шагнул вперед, но Марков не двинулся с места, испуганно глядя на страшную находку.

– Пошли, чего встал? Твой отдел на втором этаже, – нетерпеливо сказал странник.

– Может, уйдем отсюда, а? Здесь явно небезопасно.

– Пошли. Ему уже много лет. И больше лекарств в этом городе искать негде.

Марков послушно пошел за ним. Пропустив мимо ушей то, откуда Густав знал так много о запасах лекарств.

Рифленая и прорезиненная лента эскалатора чуть дрогнула, когда они вступили на нее, но не поехала. Примерно половину пути в тридцать ступеней Марков проделал, отвернувшись от трупа, а остальную – смотря себе под ноги. Густав же почему-то веселился и даже что-то насвистывал бодрое.

– Долго тут висит, – констатировал он, когда они наконец добрались до верха и подошли к распятому.

Под ним засохло черное пятно жидкостей, вытекших при разложении, одежда была сорвана, а черное лицо, упавшее подбородком на грудь, в эту самую грудь практически вросло. Или продавило, Густав не стал уточнять. Судя по свернувшемуся крючку гениталий, перед ними находился мужчина. На груди у него висела табличка с непонятной надписью. Густав осторожно, двумя пальцами, взял ее за край и повернул к Маркову.

– Что здесь написано?

Тот глянул одним глазом и отвернулся.

– Вот черт!

– Чего? – спросил странник.

– Там по-русски. Написано: «Он хотел нас обокрасть».

– Стало быть, здесь суровые нравы, – сказал Густав задумчиво.

– Уйдем отсюда, пока не поздно, как думаешь?

– Я же сказал: нет. Тем более мы же не воровать сюда пришли, а взять взаймы. Даже если они попросят заплатить, одна золотая сережка решит проблему, я так считаю. Поэтому будь со мной солидарен.

На втором этаже они нашли много бумажных и целлофановых пакетов, разбросанных по полу. Немного погодя Густав понял, что эти штуки надеваются на ноги. «Бахилы», –

пояснил Марков. Но странник так и не понял их назначения, то есть – зачем они нужны? В этом мире грязь и пыль находились практически везде, кроме корабля странника. И бояться ее – все равно что бояться дышать. Густав еще раз сделал вывод, что не понимает людей прошлого.

Наконец они нашли отдел, в котором когда-то продавались таблетки, нужные Маркову. Но все лекарства были сброшены с полок и валялись на полу, за прилавком, грязной кучей. Старик выругался, перелез через стойку и начал искать нужные ему препараты.

– Знаешь, на кого ты похож? На мута, – сказал Густав. – Тебе бы еще пару рук на спине, и был бы вылитым чудовищем. Так и кажется, что ты сейчас хрипло закаркаешь, засунешь пригоршню этого дерьма себе в рот и накинешься на меня, выпустив длинные ядовитые когти.

– Да уж, – прокряхтел Марков из-за прилавка.

– Да-да! Но ты смотри, без ваших мутовских штучек! Если что, то я и выстрелить могу. Реакция у меня хорошая, а вот думаю я с запозданием.

– Заметно!

– Пошутил? Ха-ха! Я оценил твой юмор, Марков. Слушай, а как тебя зовут, если без фамилии?

– Чего? – Марков даже встал, держа в руках какие-то грязные упаковки с таблетками.

– Ну, зовут как? Имя?

– Михаил. Майкл.

– Красивое имя. Ты продолжай, продолжай.

Густав заложил руки за спину и начал ходить по павильону, чеканя шаг. Толстые каучуковые подошвы не издавали нужного шума, но Густав старался. Вскоре он уже сам себе отдавал приказы: «Левой, левой, ать-два!» – нарезая круги вокруг безуспешно копающегося в таблеточном мусоре Маркова.

И когда тот уже совсем отчаялся найти нужные таблетки, в ладонь как будто сама легла пластиковая круглая баночка синего цвета.

– Кажется, оно!

– Кажется или оно? А то не откачаешь тебя потом.

– Погоди.

Трясущимися руками Марков открутил крышку, вытряхнул капсулу и поднес ее к самым глазам. Да, это было нужное лекарство, о чем свидетельствовали три маленькие буквы TVG, аккуратно отпечатанные на капсуле. Он сделал пару энергичных движений языком, набирая побольше слюны, кинул капсулу в рот и проглотил.

– Надо бы воды выпить. Кажется, в горле застряла. Скоро оболочка растворится и будет очень горько.

– А может, и не будет. Вдруг ты чего другое проглотил? Яд крысиный, например.

Густав хохотнул, наблюдая за реакцией старика, и хлопнул его по плечу:

– Ладно, пошли, страдалец. Там внизу еще аспирин, захватим его. И муравейник разворошим.

Но планам Густава не суждено было сбыться.

Когда они вышли из здания, солнце уже почти скрылось и над городом стягивались серые тучи. Серые тучи над серым городом. Даже зеленые деревья и трава стали какими-то грязно-блеклыми. Муравьи, чуя приближение непогоды, спрятались где-то в недрах своего дома. Густав сжимал в руке толстую пачку аспирина, состоящую из нескольких скрепленных степлером частей. Но все это не имело значения, так как возле их корабля стояла группа людей, весьма настойчиво шупавших и осматривавших его.

Густав спокойно положил аспирин в рюкзак, достал пистолет и крикнул:

– Эй! Отойдите от корабля.

Жители обернулись на окрик, перебросились парой фраз между собой, и уже через секунду в Густава и Маркова целились из ружей по крайней мере четверо мужчин из шести. Еще двое держали руки в карманах, и нельзя было сказать, что у них там – засушенный

цветок или револьвер. А еще один, видимо, главный, судя по габаритам и пижонской широкополой шляпе, дружелюбно махнул рукой, как бы приглашая путников присоединиться к их беседе. Если, конечно, у них шла какая-то беседа.

– Хорошо, – сказал Густав тихо. – Я припомню тебе твои почки, старик.

Последняя фраза прозвучала еще тише, но Марков ее услышал.

Они прошли по тропинке и остановились в пяти метрах от незнакомцев. Марков спрятался за широкой спиной странника, стараясь сделать так, чтобы ружейные дула не смотрели в его сторону.

– Приветствую, – сказал главный бархатистым голосом. У него были редкие усы, плавно перетекающие в модную бородку. Но картину портила трех- или пятидневная щетина, грубой порошей покрывающая его крупное лицо. – Ваш корабль?

– Да, мой, – сказал Густав.

– Прекрасно, великолепно. Ребята, опустите оружие. А ты, дружище, спрячь свой пистолетик.

– Я спрячу его, как только мы с вами распрощаемся, дикарь.

– Ах, вот оно что. Герой. Странник! – Главный широко улыбнулся, обнажив редкие, но целые зубы. – Давай посчитаем. Нас восемь человек. Вас двое, вернее, полтора. Я хорошо отношусь к старикам, но твой какой-то уж больно квелый. Скольких ты убьешь за секунду? Одного? Ладно, двоих, ты же странник. Но затем один из этих милых парней разнесет твое наглое лицо в клочья вместе с головой. Останется лишь глупое туловище, у которого нет восьми рук с восемью пистолетами, чтобы перестрелять нас тут всех за один раз. Так что? Предлагаю второй раз – убери пушку.

– Ладно. – Густав хмуро осмотрел дикарей и засунул пистолет сзади за пояс.

Городские тоже опустили ружья. Марков облегченно вздохнул.

– Откуда вы и что делаете в нашем городе? – Главный сел на крыло корабля и сдвинул шляпу чуть на затылок, чтобы лучше видеть путников.

– Мы ниоткуда. Мы странники. Вернее, я один. А он, – кивок на Маркова, – жил в общине. Заехали к вам в аптеку, так как ему понадобились лекарства.

Еще один кивок, и старик пожелал стать меньше ростом, чтобы на него не обращали внимания. Как бы не вышло так, что дикари выставят его виноватым. Хотя в чем он, черт побери, виноват?!

В этот момент пошел дождь. Редкие крупные капли шлепались о землю, наиболее интересный звук раздавался, когда они ударялись о полы шляпы главного: «Памс! Памс, кпамс!»

– Не люблю сырость. Давай продолжим разговор в корабле, странник?

– Нет. – Густав покачал головой.

– Что значит «нет»? Ты не хочешь пригласить меня к себе домой? Боишься чего-то или брезгуешь?

– Нет значит нет.

– Это не разговор, странник. Дай мне ключи.

– Нет. – Густав сделал шаг назад и потянулся за пистолетом.

Тут же поднялись ружья, и один из целящихся что-то пискляво сказал главному на незнакомом языке.

– Не надо стрелять! – внезапно крикнул Марков, очевидно поняв сказанное. – Мы отдадим вам ключи, отдадим корабль. Только не надо стрелять!

– Ни хера мы им не отдадим, придурок, – процедил Густав. – Это мой дом, и я им его не сдам. Если будет нужно, пристрелю хотя бы одного. Быть может, двоих, как ты и сказал, дикарь. Но первым будешь ты.

– А ты бы прислушался к своему престарелому дружку, – абсолютно спокойно произнес главный. – Говоришь, это твой дом? А ничего, что ты пришел в мой дом и обокрал меня?

– Я?!

– Да, ты, не я же, тупоголовый ты кретин! – Главный развел руками, и его друзья услужливо заготовили. – Или ты скажешь, что пришел в аптеку просто так, поглазеть? Там же висит предупреждение для таких придурков, как ты. Но ты либо близорукий, либо чрезвычайно смелый. Я не люблю ни тех ни других.

– Мы взяли немного лекарств, потому что у меня закончился аспирин, а моему товарищу нужны таблетки от почек.

– Вот оно что. Ну, а дальше как мы поступим? Ты взял, взял просто так и без спросу. Я же сегодня не получал никаких писем, в которых звучала бы такая просьба. Правильно говорю, Серый?

– Да, Бояр, – кивнул один из горожан, державший руки в карманах. У него была большая голова, длинная тонкая шея и выступающая вперед верхняя челюсть. Очевидно, Большой Взрыв добрался до него изнутри, еще немного, и он родился бы мутом.

Главарь, которого звали Бояр, удовлетворенно кивнул.

– Вот и ребята подтверждают, что ты мерзкий нахаленок. Расплатиться не хочешь?

– Хочу. Вот. – Густав снял рюкзак, открыл его и достал из внутреннего кармана сережку. Показал ее главному и кинул.

Тот ловко поймал украшение, попробовал его на зуб и перекинул Серому. Сережка исчезла в его карманах.

– Отличная штука. Надеюсь, не твоя была. – Опять услужливый хохот. – Но это цена за лекарства. Цена же за твое нахальство – корабль. Отдашь его мне, и вопрос решен, иди куда шел.

– Ты совсем меня за дурака держишь?

Рука у Густава уже потихоньку затекала, находясь за спиной, но отпускать пистолет или, наоборот, вытаскивать его сейчас не имело смысла. Дикари могли пристрелить его просто так, без всяких разговоров. Тут нужен был особый подход, чтобы выкарабкаться. Но, похоже, что Бояру этот подход уже изначально не нравился.

– Нет, я держу тебя за маленького вонючего мудака, который решил показать мне, какой он умный. У меня огромное желание заглянуть тебе в голову. И знаешь что? Мне кажется, что я там ничего не найду. Пустота. Если крикнуть тебе в ухо, то ты сойдешь с ума от эха. Короче, давай так – ты даешь мне ключи, и я тебя отпускаю. Вместе со стариком. Либо ты не даешь мне ключи, мы вас убиваем, я забираю корабль, и мы с ребятами уезжаем. К вам претензий никаких, сумеете свалить из города без бошек на плечах – ваше право, задерживать не стану.

Серый визгливо захохотал, брызгая слюной. Густаву внезапно захотелось пустить первую пулю именно в него, а не в главного. Пальцы сжались так, что побелели костяшки, но пистолет оставался на месте. Пока оставался.

– Давай попробуем договориться по-хорошему. Мне не хочется отдавать тебе корабль. Я могу отдать что угодно, но не корабль.

– С тобой мне договариваться не о чем, странник. На раздумье даю тебе пять секунд. А вы, ребята, пока можете хорошенько прицелиться.

Разномастная дружина Бояра вскинула ружья. И вот теперь пришло время заговорить пистолету Густава. Он быстро, насколько это вообще возможно было, сделал четыре вещи: взмолился, чтобы пистолет не зацепился за ремень, выхватил его, прицелился в Бояра и прокричал:

– Я успею нажать курок до того, как это сделают они!!!

Главный дернулся в сторону, но было поздно: рука Густава проследовала за его движением и, что удивительно, не дрожала. А вот парни Бояра хоть и участвовали во многих драках, но почему-то испытывали страшное нервное напряжение. Этот странник нервировал их, раздражал, но одновременно они его боялись. Было в нем нечто такое, что заставляло сперва слушать приказы Бояра, потому что так легче, а затем уже и действовать. Будь их воля, они бы прошли мимо или убили бы странника на расстоянии, но не вели бы с ним никаких разговоров.

И если бы не непонятная аура силы, которая окружала его, то Густав был бы расстрелян через мгновение после того, как повторно вытащил пистолет из-за пояса.

Главный ухмыльнулся чему-то и сказал нарочито громко:

– Пора бы уже заканчивать эти бабские игры! Пора!

После этих слов и он, и его бойцы широко заулыбались. Снова загоготал Серый, ружья опустились, а дождь пошел еще сильнее.

– Это шутка у тебя такая? – спросил Густав. – Оценил.

– О, нет. Если ты сейчас медленно обернешься, то увидишь одного парня. У него очень чуткие руки, а тут еще этот ливень. Так вот, я сказал ему проследить за вами. Вообще-то он следил за твоим кораблем с момента, когда ты приехал в город, потому что в Тисках ничто не пройдет мимо моих глаз. И он вел вас со стариком от самой свалки. А когда ты убил того придурочного на заправке и вы поехали в сторону аптеки, я уже обо всем знал, и мы с парнями ждали вас неподалеку.

– Ты убил кого-то? – спросил Марков.

Дождь превратил его из вполне респектабельного пожилого мужчины в какую-то белую мокрую крысу. Волосы лежали патлами на лбу, вода текла по морщинам, а загорелая хилая грудь, видневшаяся через ворот расстегнутой рубашки, покраснела. То ли от переживаний, то ли от гнева.

– Потом расскажу, – коротко ответил Густав и медленно обернулся.

Метрах в двадцати, на куске разваленной стены, стоял мужчина. Отсюда было трудно разглядеть его черты, но он вполне определенно целился в него из снайперской винтовки. Густав посмотрел себе на грудь, потом на Маркова.

– Лазерный прицел у тебя на лбу, если ты про это, – радостно сообщил Бояр. – Ключи, господин хороший, ключи.

Густав опустил пистолет, левой рукой стер дождь с лица, хотя это было бесполезно, и упрямо закусил губу. Всем своим существом он понимал бесплодность дальнейшего разговора. Если он отдаст корабль, то будет шанс его вернуть. Если же не отдаст, то его убьют и все закончится прямо здесь, прямо сейчас, на этих развалинах. Погибнуть из-за лекарств от камней в почках? Глупо, чертовски глупо. Он запрокинул голову и открыл рот, ловя крупные капли дождя. Это хоть немного освежило пересохшее горло.

Затем повернулся к Бояру и спросил:

– Пистолет я могу себе оставить?

– Да что угодно, хоть этого седого педика.

– Ладно.

Ключи никак не желали вылезать из мокрого слипшегося кармана джинсов, но наконец Густав справился с ними. Подкинул на ладони и бросил Бояру. Тот ловко их поймал и хохотнул:

– Отличная сделка, сынок! Я очень надеюсь, что ты ухаживал за своей деточкой. Я подарю ее сыну! Ему исполняется шестнадцать лет, и парню надо валить из этого сраного места.

Серый залился смехом. Его даже согнуло пополам, но он продолжал смеяться, ловя воздух своим уродливым ртом. На бойцов же Бояра «сраное место» произвело обратное впечатление. Они переглянулись, один недоверчиво хмыкнул, но никто не посмел ответить. Главный это знал, поэтому не обратил внимания на затлевший и тут же потухший бунт среди личного состава.

– Я останусь тут, в этом городишке, который боится меня больше, чем Легион из сказки на ночь. А ты уберешься, хорошо? Я дарю тебе жизнь, придурок. А ты даришь моему сыну возможность прожить свою не так, как я. Это великий дар! Я благодарен тебе. – Бояр снял шляпу, обнажив глянцевую лысину, по краям которой висели длинные черные патлы, и низко поклонился. – Я умею быть благодарным, именно поэтому урок, который тебе преподадут мои парни, будет не слишком жестоким.

– Что?..

Не успел Густав задать свой вопрос, как ближайший из бойцов Бояра сделал быстрый шаг вперед и нанес страннику тяжелый удар прикладом в переносицу. Странник рухнул на спину, смягчив падение рюкзаком. Он попытался встать, но руки не слушались, а ноги так и вообще стали поролоновыми. Заругался Марков, опять завизжал в приступе смеха Серый. Затем стало темно и спокойно.

Густав потерял сознание.

Глава 8

Солнце слепило даже сквозь закрытые веки. Густав поморщился и прикрыл лицо рукой, но тут же отдернул ее от жуткой боли, пронзившей голову. Он открыл глаза, вернее, попытался это сделать, но было такое ощущение, что в каждый из них засыпали по стакану песка.

Веки с трудом отдирались от глазного яблока, а все, что видел странник, превращалось в сплошное мутное пятно. Кончиками пальцев он осторожно коснулся лица и ужаснулся. Оно распухло, как от пчелиного укуса. Короткое обследование показало мягкие, наполненные чем-то жидким надбровные дуги, круглые нижние и верхние веки размером с теннисный мячик. Распухшему носу тяжело дышалось, а нижняя рассеченная губа кровоточила.

Со стоном он сел и осторожно повел головой из стороны в сторону.

– Жив? – раздался голос Маркова.

Густав сглотнул вязкую слюну и ответил:

– Да.

Губа при этом заныла. И когда он провел по ней языком, то ощутил медный вкус крови.

– На вот, попей. Я дождевую воду собрал, пока ты был в отключке.

Марков аккуратно сунул в руки Густава консервную банку, и тот мелкими глотками выпил из нее всю воду. Зрение постепенно возвращалось, и вскоре странник увидел, что они все на том же месте – возле аптеки. Только теперь дождь закончился и светило яркое солнце.

Старик выглядел лучше Густава: пара синяков на лице и оторванный рукав рубахи – вот и все, чем пожертвовал Марков.

– Сколько я провалялся тут?

– Часов двенадцать.

– Вот блин. – Густав поворачивал затекшей шеей.

– Ну да. Я уж боялся, что ты в коме или вроде того. Извини, что не оттащил тебя в укрытие, просто сил не хватило, ты тяжелый. Я сходил в аптеку и набрал там пакетов, но ночью разыгрался маленький шторм, и это мало помогло. Тогда я притащил кусок фанерного стеллажа и накрыл им тебя сверху. Единственное, что я смог сделать. Но это лучше пакетов.

– Да уж.

Густав с омерзением отлепил мокрые штаны от ноги. Все тело внезапно зачесалось, как будто он не мылся целый месяц. Но теперь придется обходиться без купаний гораздо дольше, потому что в корабле остались все его вещи. Мыло, пара больших бутылей с шампунями и даже его любимая синяя мочалка с мультяшкой.

Теперь у них с Марковым вообще ничего не осталось. Ни еды, ни питья, ни средства передвижения. Все перешло к городским ублюдкам. Абсолютно все, кроме пистолета, рюкзака и талисмана. Еще был ключ из головы Эндрю, но Густав надежно спрятал его под стелькой ботинка с самого начала, и никто из парней Бояра не догадался пошарить в столь интимном месте.

Он поднялся. Голова кружилась, и все тело дрожало от слабости и холода. Солнце с ясного неба пригревало достаточно сильно, от одежды даже шел легкий пар, но внутри странника точно сидела небольшая глыба вечного льда. Неприятное чувство, напоминавшее то, когда наступает болезнь. Густав всеми силами не хотел болеть. Только не сейчас.

Сейчас ему нужно быть здоровым. Даже здоровее, чем он был раньше. Потому что просто так корабль не вернуть, придется потрудиться. А трудиться с температурой и лицом, по которому прошелся коваными сапогами небольшой армейский взвод, абсолютно нереально.

На обветренном фундаменте из красного и белого кирпича лежали пистолет и рюкзак. Марков не стал разбирать вещи странника, но положил их на просушку. Густав это отметил, сделал маленький пунктик в своей голове. Из подобных мелочей обычно строится образ человека. И пока что образ Маркова не вызывал у странника особых опасений. Напротив, Густав все больше и больше проникался к нему симпатией. В конце концов, оказаться одному в незнакомом городе гораздо хуже, чем с приятелем. Пусть и не закадычным.

Густав расстегнул рюкзак. Оттуда пахло неприятным запахом нагретых солнцем слежавшихся мокрых вещей. Пожитков там хранилось немного, но все по делу. Фонарь, нож, кусок прочной и мягкой веревки из металлического волокна. Отмычки во внутреннем кармане, там же складной стаканчик. На самом дне лежали какие-то разбухшие от дождя бумажки. Густав аккуратно собрал эту желеобразную массу в комок и выбросил.

Во внешнем клапане имелся механический компас (и это хорошо, так как электронный умер бы под таким дождем) и герметичная пачка крекеров.

Странник распечатал крекеры и разделил их примерно на две равные части. Себе высыпал на рюкзак, а те, что остались в пакете, отдал Маркову.

– Я не хочу есть.

– Придется их слопать, – сказал Густав. – Или возьми их себе, распихай по карманам.

– Как скажешь.

Марков послушно съел один крекер, а остальные довольно быстро разлетелись по его одежде, немного пострадавшей после встречи с городскими жителями.

Когда с печеньем было покончено, Густав попросил старика помочь ему раздеться. В одежде, мокрой и противной, не существовало сейчас никакой необходимости. Правда, пришлось немного разрезать ворот толстовки и майки, чтобы через них без боли прошло распухшее лицо. Когда одежду разложили для просушки, Густав тут же взял пистолет в руку.

– Самое страшное – быть застигнутым врасплах голым. Все равно что ты сел посрать, а на тебя наткнулась голодная семейка мутов.

– Вряд ли кому-то захочется лакомиться твоим дерьмом, ты уж извини, – сказал Марков.

– Это как посмотреть. Задница у меня весьма симпатичная, не находишь? – Странник повернулся к старику спиной, и тот брезгливо простонал. – Не нравится? А мне нравится. Правда, с лицом она смотрелась куда лучше. Ты бы тоже разделся и просушился.

– Да я не мокрый. Я присматривал за тобой из-под навеса.

– Отлично. – Густав мысленно зачеркнул пре-ды-дущую галочку в своей голове и поставил новую. – Ты не перестаешь меня удивлять своей заботливостью.

– Мне не было смысла сидеть рядом с тобой под ливнем. Я взял пистолет и всю ночь смотрел за тобой. Этого достаточно.

– Ладно, ладно, верю.

Густав махнул рукой и замолчал. Примерно через час его одежда и вещи просохли.

Вместе с Марковым они решили идти на запад и постараться найти хоть какие-то следы Бояра в этом городе. Наверняка о нем тут знали. А если знали, то и могли сказать, где он живет со своими бойцами. Густав был полон решимости вывести все и даже больше у первого встречного, который сможет говорить на иньере.

Но сперва они снова зашли в аптеку, где странник набрал много разных лекарств, прежде всего от температуры, пока Марков дежурил на входе. Старик не захотел вновь проходить мимо распятого.

И когда рюкзак Густава наполнился нужными медикаментами, они пошли. Пешком. Два странника, которых волею судьбы сбросило с их кораблей на искореженную городскую

землю. Смириться? Нет, смирение – это для порабощенных.

Густав продолжал чувствовать себя странником. Черт возьми, да он и был им! Просто временно остался без своего корабля. И это ничего в его положении не решало. Марков чувствовал это и боялся. Волк, вытщенный из леса и побритый наголо, не перестает быть волком. Он скалит клыки пуще прежнего.

Глава 9

Ходить в тяжелых полуботинках оказалось труднее, чем ездить на корабле. Они шли по дороге уже вторые сутки, и Густаву казалось, что его ступни – это спички. А асфальт – зажигательная сторона коробка. Еще немного трения, и ноги начнут гореть. Ярко и непринужденно.

Марков мог бы чувствовать себя лучше, так как был обут в легкие спортивные кроссовки. Крепко сшитые, из хорошего материала. Но они не спасали его от собственного возраста.

Поэтому в итоге, пройдя около тридцати километров пути, оба странника чувствовали себя предельно вымотанными. Лучшим решением было сбавить и без того невысокую скорость. Со стороны их движение походило на романтическую прогулку. Странная парочка: изуродованный парень с рюкзаком и пистолетом, засунутым за ремень; седой загорелый старик, изредка отламывающий кусочек печенья и неторопливо жующий его; и две тени, которые становились все короче по мере того, как солнце восходило к зениту.

Наступил полдень второго дня, а они так и не встретили ни единой живой души.

Возвращаться назад не имело смысла, потому что в той стороне Тисок нельзя было встретить ничего, кроме разрухи, свалки и мутов. Значит, велика вероятность повстречать людей в западной части города. Но пока что надежды не оправдывались, а рушились с легкостью картонных домиков.

Асфальт был пыльным, но следов корабля на нем разглядеть нельзя, так как ветер постоянно перемешивает и разглаживает верхний легкий слой мусора, покрывающего дорогу. И даже своих следов Густав не обнаружил, когда однажды обернулся. Только застывшая рябь серой пыли. Природа с радостью утюжила человеческое наследие.

Вдоль дороги, примерно через каждые двадцать метров, стояли фонарные столбы с размещенными на них жестяными флагами. Все они, на удивление, остались целыми. А вот лампочки такого великодушия местной публики не дождались.

– Это чей флаг? Российский? – спросил Густав.

– Да. Белый, синий, красный.

– Они любят свою страну?

– Я не знаю. Наверное, любят, если размещали флаги на фонарных столбах.

«Наверное». Густав опустил голову и пошатнулся. Солнце грело слишком сильно, и кровь буквально пульсировала в избитом лице. Казалось, она начинает закипать где-то в районе висков, распространяясь рваными нервными импульсами дальше. Он бы все отдал за то, чтобы оказаться сейчас в прохладе кондиционера.

Пот заливал глаза, и не было никакой возможности его вытереть – любое прикосновение к голове причиняло боль. Губа зудела, нос ломило. Если Густав встретит хотя бы одного из шайки Бояра, то ему точно не жить. Он прикончит его, и рука не дрогнет.

Жажда мести и желание вернуть себе корабль двигали Густава вперед и придавали ему сил. Однажды он шел точно так же, один, без корабля, только потому, что из-за сгоревших, словно гирлянда, предохранителей вырубилась вся электроника, затем кончился бензин и машина встала. Густаву ничего не оставалось, как покинуть ее и добираться хоть до кого-нибудь.

Он шел три дня, пока не наткнулся ночью на корабль. Дело было поздней осенью, и по ночам странник, просто умирая от холода, заставлял себя идти без передышки. Остановись он хоть на пару минут, и больше не смог бы подняться. Спать приходилось днем, под

солнцем, совсем немного, чтобы никто не убил и не съел.

У него тогда не оставалось вообще никакой надежды, потому что наткнуться на живого и нормального человека в той глуши не представлялось возможным. Разве что выйти к какому-нибудь городу или поселению. Но Густаву повезло встретиться со странником, который отвез его обратно и помог с предохранителями. Сработала взаимовыручка, и о ней стоило помнить всегда. Негласный кодекс странников.

В дороге могло случиться все, что угодно, и каждый раз рассчитывать только на себя было глупо. Густав и сам не раз выручал других странников. Но сейчас их не было. Сейчас он шел по городу, который населяли дикари. И вряд ли они пойдут против Бояра и его компании. Потому что Густав странник, а Бояр местный. Если он так свободно чувствует себя в Тисках, значит, за ним тянется шлейф страха. А страх подавляет все: ненависть, гордость, голод, абсолютно любое желание. Страх – это пульт управления человеком.

Рассчитывать в городе можно только на себя, на свою собранную в комок злость и ненависть. Ну, и на товарища типа Маркова. Хотя полезность старика в таком деле весьма проблематична.

Густав поднял рукав толстовки, которую он обвязал вокруг пояса, и промокнул пот на лице. Потом свернул ткань в плотный конус, намочил кончик слюной и вытер соленый едкий пот вокруг глаз. Стало намного легче смотреть по сторонам, исчезло неприятное пощипывание.

Дома, дома, дома. Остановка, ржавые старые машины. Дома, дома, дома. Тут когда-то строилось много домов, скопления которых образовывали дворы. Туда вели ответвления от главной дороги. Но делать там странникам нечего. Слишком опасно соваться туда, куда не следует. Да и не найти там самого главного.

– Я пить хочу, – сказал Марков тихим голосом. Он отставал от Густава примерно на три шага, и с каждым пройденным метром это расстояние ненамного, но увеличивалось.

– Что я могу сделать?

– Нам нужно найти воду.

– Здесь нет воды. Здесь только камни и асфальт. Можешь пожевать листья деревьев.

– Я пить хочу, – упрямо повторил Марков.

– Хорошо.

Густав остановился и облегченно вздохнул. Это была первая их остановка после ночевки и вторая после аптеки. Ноги сладко заныли, и захотелось сесть, но он не стал этого делать. Попрыгал на месте, помассировал мышцы и даже разок присел, с трудом после этого поднявшись. Марков смотрел на него равнодушно, уперев руки в бока и изогнувшись, как переломленная острога.

Странник огляделся по сторонам. Везде тут росли тополя, но возле дороги он заметил густую шапку ивы, прячущейся в тени высотного дома. Это хороший знак. Значит, тут достаточно влажно. Густав подошел к иве и увидел неподалеку заплесневелый канализационный люк. Стало быть, дерево питалось влагой старых сточных вод, пронзая своими корнями землю на многие метры.

Но пить именно оттуда никак нельзя, даже пытаться не стоит. Зато можно воспользоваться ивой как естественным насосом. Густав сорвал несколько листьев, засунул их себе в рот и пожевал. Выделилось немного пресной жидкости, вяжущей рот. Затем он отломил самые молодые, еще мягкие побеги и тоже начал их жевать. Из них влаги сочилось больше, но на вкус она оставалась такой же противной.

– Не смотри, делай как я, – сказал он Маркову, но тот только поморщился.

Старик был прав – таким способом нельзя напиться, и Густав это хорошо понимал. Они выпили последние остатки воды, которой и так выходило не слишком много, перед сном, и находились без жидкости примерно двенадцать или четырнадцать часов. Одна шестая срока, после которого человек умирает от обезвоживания. Поэтому оставался последний шаг. Вода нужна организму, и ее следовало достать любым путем. Жара медленно убивала их, по праву считаясь одним из самых жестоких палачей в мире.

Густав достал из рюкзака подхваченную на дороге пластиковую бутылку и отрезал у нее горлышко. Затем сказал Маркову:

– Дай мне рукав своей рубахи.

– Зачем?

– Оторви, кому говорю. Все равно он болтается, как кусок дерьма в проруби. Или ты им дорожишь как памятью о встрече с милым Бояром?

Марков что-то пробормотал в ответ, но смирился. Взял рукав и с силой дернул его. Оставшиеся три стежка с треском порвались, и выцветший рукав перешел, словно трофей, к Густаву.

Тот в свою очередь оторвал от него тоненькую полоску, затем сложил оставшуюся часть в четыре или пять слоев и положил на бутылку. Крепко обвязал полоской и поднялся.

– Теперь я туда помочусь.

От неожиданности Марков даже улыбнулся:

– То есть ты взял мою рубаху, чтобы пописать на нее?

– Нет. Просто так пить мочу нельзя. Нужен какой-нибудь очиститель. Твоя рубаха поможет нам протянуть этот день хотя бы до вечера. Конечно, это не вино, да и полезного в ней мало, но иного выхода нет. Ждать момента, пока начнем падать, мне не хочется. И просто выливать мочу я тоже не желаю, а время подошло.

– Я тебе не верю. Ты меня разводишь, Густав.

– Неужели? – Странник улыбнулся в ответ и расстегнул штаны. – Отвернись, я не могу сосредоточиться.

И, пока Марков стоял к нему спиной, Густав наполнил бутылку примерно наполовину. Затем снял тряпку и брезгливо бросил ее на обочину.

– Я оставляю тебе порцию. Уж извини, но лучше мы выпьем мое, чем твое. Ты же на меня не обидишься, правда? Я не люблю коктейли с кровью и песком. Ну, или с камнями, как повезет.

Густав подмигнул Маркову, взболтнул прозрачную желтую жидкость, закрыл глаза, зажал нос и начал быстро глотать. Пару раз в горле у него что-то клокотало, и Маркову казалось, что странника вот-вот вырвет. Но нет, Густав сдержался и выпил ровно половину содержимого бутылки.

С отвращением вытер рот рукавом и рыгнул.

– Это... это ужасно, мать твою.

Марков поморщился в знак солидарности.

– А теперь ты, – сказал Густав. – И не вздумай отказываться. Хоронить тебя здесь я не намерен, так что бери и пей.

– Но я не хочу *это* пить!

– Тогда ты сдохнешь, придурок! Давай так: мы подождем вот здесь, в тенечке. Пока ты не начнешь умирать от обезвоживания. Это и так произошло бы метров через двадцать с твоими-то успехами в области перешагивания столетнего рубежа. А после этого я посмотрю, как ты отнесешься к этому чудному горячему напитку.

Густав бросил рюкзак и лег на траву прямо под ивой.

– Ты уверен? – спросил Марков, растерянно держа в руках бутылку.

– Я уверен, что второй раз спасаю твою шкуру, старик. На этот раз своим мочевым пузырем. Экзотично, но выбирать не приходится. Действуй.

Густав закрыл глаза и расслабился. Здесь, в тени ивы, на мягкой траве, ему было хорошо. Даже слишком хорошо. Уходить не хотелось, и желание напоить Маркова мочой было одним из поводов побыть в покое и тишине хотя бы с минуту. Звук шаркающих позadi подошв уже начинал раздражать, а сопение и кашель старика тем более.

Правда, всхлипы и причитания давившегося мочой Маркова тоже не были похожи на пение райских птиц, но... Приходилось довольствоваться малым. И все вроде бы начало налаживаться, пока старик не отшвырнул с ненавистью пустую бутылку и не начал задавать вопросы. Они снова зашагали по залитой солнцем желтушной дороге, а Маркова словно

прорвало:

- Кого ты убил на заправке, Густав? Бояр правду сказал?
- Если бы я не убил его, то он убил бы меня.

Странник опустил голову, наблюдая, как развязавшийся шнурок на ботинке то попадает под подошву, то подскакивает вверх. Наклоняться и завязывать его он не желал. Как и отвечать на вопросы, на которые сам не знал ответов. Если бы странник имел в своем словарном запасе слово «аффект», то он употребил бы его, описывая сложившуюся на заправочной станции ситуацию.

- Зачем ты оправдываешься? – спросил Марков.

– Я не оправдываюсь, отстань.

– Нет, оправдываешься. Я лишь спросил тебя – кого ты убил? А ты начал мне рассказывать почему. Или ты так всегда? На любой вопрос начинаешь оправдываться? Тебя в детстве сильно обижали, Густав? Наверное, это все идет оттуда.

– Никто меня не обижал, все любили. Пока ты дрых в моем корабле, который угнал один полоумный придурок в дебильной шляпе, меня на заправке пытался прикончить какой-то парень. Тут все чокнутые! Это же город. Ясно?

- А ты взял и убил его, так?

– Да. Он набросился на меня, и явно не для того, чтобы расцеловать.

– Понятно. Почему же ты мне сразу об этом не сказал?

– Потому что ты испугался скелета в аптеке. Зачем мне тогда рассказывать о том, что в пятидесяти метрах от нас лежит еще совсем свежий труп, сделанный моими же руками?

– Странно.

– Что странно?

Марков кашлянул и потер поясницу. В ней кольнуло, но не так ощутимо, чтобы можно было пугаться. Приступ оставался в подавленном состоянии, таблетки заметно купировали его.

– То, что в аптеку мы заехали после заправки. Откуда ты мог знать о моей реакции на трупы?

– Да не важно, старик, не важно. – Густав почувствовал себя загнанным в угол, и это здорово его обозлило. – Что с того, если бы я тебе рассказал о нем, а? Ты бы начал расспрашивать, кто он такой, почему, как, зачем. Я не люблю подобные разговоры, мне не доставило удовольствия его пристрелить, клянусь.

– Да вы же убиваете просто так! Я был странником, я знаю ваше отношение к городским!

– О, боги!

Странник попытался изобразить гримасу отчаяния, но распухшее лицо не позволило ему это сделать, сигнализирував острой болью и спазмом в мышцах. Поэтому он лишь скривился в страшной ухмылке.

– Нет, правда, объясни мне. Мы с тобой сейчас в одной связке, ты и я, и мне не хотелось бы каких-то недомолвок. Понимаешь, я должен быть в тебе уверен, как и ты во мне. И если опять что-то случится, на кого мне рассчитывать? На незнакомых людей? На странников, жителей, мутов, шестиногих собак? Или на тебя? Представь, каково мне слышать от тебя какой-то несвязный бред, если я понимаю, что все это очень легко связать. Если рассказать правду.

– Ладно, стой. Стой!

Густав остановился и повернулся к Маркову. Скептически осмотрел его. Затем сел и начал завязывать шнурок. Кровь прилила к голове, и лицо отяжелело, как будто под него залили свинец. Наконец странник справился со шнурком и поднялся. Цвет кожи у него перешел в бордово-фиолетовый, и Марков не мог этого не заметить.

– Ты как себя чувствуешь? У тебя такой вид, будто ты сейчас лопнешь.

– Почти так и есть. Слушай меня внимательно.

И странник рассказал Маркову все, что случилось с ним на заправке. Умолчав лишь

про общину и вещь, которую ему нужно достать. Он решил, что эта правда еще подождет. Да и, в конце концов, он же не врет старику. Он лишь умалчивает кое о чем, заменив свой интерес к загадочной вещи интересом к способу применения ключа. И к поискам своего отца, конечно же.

Марков слушал его внимательно, иногда почесывал грудь, которая от волнения снова покраснелась, как тогда, в момент их встречи с Бояром. Когда Густав закончил, он кивнул и молча пошел вперед. Густав немного постоял, прочитал одно понятное слово из двух на покосившейся выцветшей вывеске «Магазин Streeter» и лишь потом быстрой трусцой догнал Маркова.

– То есть я рассказал тебя все, а ты так ничего и не скажешь?

– А что я могу тебе сказать? Ты думаешь, я поверил в то, что какой-то неведомый голос узнал в будущем, где ты появишься? Затем оставил послание этому несчастному алкашу, засунул ему в голову какой-то «Ключ от всего» и принялся ждать? А потом появился ты, выслушал сказку о том, что твоей отец жив, и пристрелил беспомощного парня?! Слишком складно. И невероятно.

– Но так оно и было! погоди!

Странник грубо остановил старика, схватив его за плечо. Сел прямо на асфальт и принялся снимать правый ботинок.

– Ты ж его только что зашнуровал, – сказал Марков.

Густав без лишних слов снял ботинок, вытащил оттуда стельку, засунул руку в самую глубь и достал оттуда маленький плоский предмет, похожий на пластиковую карточку, только очень узкую, примерно в треть от обычной. Марков осторожно взял его в руки. Почти невесомый, гибкий и плотный материал. По одному краю нанесена черная окантовка, при ближайшем рассмотрении в ней видны какие-то запаянные микросхемы толщиной чуть ли не с человеческий волос.

– Это я вытащил из его головы. Ножом. Поэтому на нем кровь, если ты не заметил. Я оттер ее об его одежду, но, видимо, не до конца. Кстати, если бы знал, то никогда бы этот нож при тебе не вынимал.

– Ну, спасибо за доверие. – Марков брезгливо отдал ключ Густаву и потер пальцы друг о друга. – Получается, вот эта штука была в нем?

– Да, прямо в нем.

– Получается, что ты поставил чью-то жизнь на кон против даже не жизни твоего отца, а лишь информации о том, где он и что с ним?

– Да. – Густав спрятал ключ, надел ботинок и встал перед Марковым, стараясь не смотреть ему в глаза. – И дело не только в этом, не в отце. Этот ключ поможет нам вернуть корабль. Голос оказался прав, я лишился дома.

– Ты понимаешь, что ты сумасшедший сукин сын? Ты понимаешь, что ты убийца? Причем не просто убийца, а отмороженный на всю голову?!

– Возможно, этот ключ поможет нам. Если он и вправду спасает в безвыходных положениях, то мы сейчас как раз в одном из таких. И вот тут наши с тобой жизни ставятся на кон против жалкой жизни алкоголика, засраного дикаря из города, – отчеканил Густав.

– Да неужели! – Старик всплеснул руками.

Солнце светило ему прямо в глаза, и он нервно слизнул соленый пот с верхней губы. Вместе с ним в рот попала вязкая пыль, противно заскрипев на зубах.

– Ты можешь меня считать кем угодно, но вот увидишь – ключ спасет нас.

– А что, если это не ключ? Обычный кусок пластмассы! И твой голос просто испытывал тебя? Сможешь ли ты сломаться или нет? Ты и рад был сломаться, Густав. Хоть и считаешь, что поступил правильно. Странник, убивающий дикаря! Пасторальная картина! Я прямо плачу от гребаного умиления!!!

Марков, сам того не замечая, с каждой фразой подвигался все ближе и ближе к Густаву, пока не вцепился в его футболку и не начал трясти странника, словно кошка своего новорожденного котенка. Тот не сопротивлялся, лишь отклонил голову и теперь уже

пристально наблюдал за действиями Маркова, хотя по-прежнему старался не смотреть ему в глаза.

– Будь ты сейчас в моей общине, тебя бы казнили! Привязали бы руками к одной машине, ногами к другой и разъехали бы в разные стороны. Но отъезжали бы медленно, чтобы ты почувствовал боль. Почувствовал, как твой кишечник распрямляет свои кольца, а позвоночник держится лишь за счет немыслимого натяжения хрящей. Ты бы чувствовал такую адскую боль, что свихнулся бы. И даже не смог бы закричать, потому что твои легкие оказались бы сдавленными грудной клеткой. А потом бах, – и нет Густава. Есть Густ и Ав. Две части. И мы бы прокатали тебя по этой земле, которую ты облил невинной кровью по двойному тарифу. Хорошая забава?

– Отличная.

– Да, отличная. – Марков приблизился к Густаву вплотную, и тот почувствовал тошнотворный запах нечищеного рта и прелой мочи. Впрочем, из его собственного, наверное, воняло не лучше. – Но пока мы с тобой в одной связке, ты и я, помнишь? Поэтому нам нужно беречь друг друга. Только я тебе клянусь, слышишь, клянусь тебе, что никогда не забуду твой поступок. И всегда буду знать, даже во сне, что если какой-нибудь голос вдруг скажет тебе, что у меня в яйцах вечный запас пресной воды, то ты без раздумья кастрируешь меня.

Густав отлично различал крупные поры на коричневом от загара мясистом носу Маркова и видел, как воинственно начинают раздуваться его ноздри. В густых бровях блестели бусинки пота, а морщины на лбу стали бездонно глубокими и на удивление ровными, практически параллельными. Он аккуратно отцепил руки старика от себя, одернул футболку и сказал:

– Твое дело – верить мне или нет. Но я не из тех, кто бросается своими людьми. Закроем эту тему и пойдем дальше, ладно?

Старик смотрел на Густава. Морщины на лбу не разглаживались, но из глаз исчез мерцающий огонек ненависти. Теперь он мыслил разумом, а не эмоциями. Или близко к этому.

– Ладно. Но я не забуду, – сказал он тихо.

Глава 10

– Что здесь написано, можешь прочесть?

– «Тополевы. Не входить, будем стрелять».

– Тополевы? Это фамилия?

– Похоже, что да.

Марков и Густав стояли перед большими воротами, на которых зеленой краской кто-то нарисовал аршинные буквы. Ворота эти преграждали вход во двор, состоящий из трех девятиэтажных домов, расположенных под углом друг к другу. Вся территория была обнесена двухметровым забором из железных, окрашенных примерно год или два назад панелей. В некоторых местах их сорвали, но вместо дыр на улицу смотрела пусть и кривая, но крепкая кирпичная кладка.

Густав прошел бы мимо этого места, если бы не голоса и... общая ухоженность строения.

Они забрели уже достаточно далеко на запад и, судя по всему, оказались в районе новостроек, на окраине Тисок. Все дома, мимо которых они шли, были когда-то хорошо отделанными. Большинство из них окружали заборы – некоторые сплошные, некоторые из ажурных прутьев, так сказать «под старину».

Многие составляющие былого величия и свежести исчезали со временем, например части секций заборов, пластиковые стекла или номерные таблички с домов. Но все же именно здесь страннику казалось уютнее всего. Тут город был похож на милую тетюшку с горячим ужином, которую Густав видел на обложке одной детской книги. Даже бордюр тут

был выкрашен в белый цвет, хоть и порядком выцветший со временем. Тем не менее странник ощущал себя здесь как-то спокойнее. Определенно тут должны были жить люди, которые умеют думать. Не муты, а обычные городские жители. Хоть и дикари.

Густав кулаком постучал по воротам. Раздался глухой звук, как будто он бился головой в пустую бочку. Послышались осторожные шаги, и кто-то остановился по ту сторону.

Странник тоже замер, внимательно вслушиваясь. Но ничего не происходило. Тогда он постучал еще раз. И только после этого раздался вопрошающий мужской голос, но Густав при этом не понял ни слова. Он посмотрел на Маркова, и тот утвердительно кивнул в ответ:

– Он спрашивает на русском.

Марков сказал несколько слов на незнакомом, но четком и ясном языке, в котором промелькнуло только одно знакомое Густаву: «иньера». За забором кашлянули и затем неуверенно спросили уже на иньере, как будто с большой осторожностью собирая предложение в единое целое:

– Кто вы такие и что вам от нас надо?

– Мы странники, – ответил Густав.

– Где ваш корабль?

– Мы его потеряли и остались без еды и воды.

– Где вы его потеряли?

– Это неважно. – Всего пара вопросов, но Густав уже начал терять терпение. Разговор с дикарем выходил не столь гладким, как он себе это представлял. – Нам бы поесть и попить. Или хотя бы скажите, где тут можно раздобыть чистой воды?

– Где вы потерял свой корабль? – Мужчина на той стороне словно не слышал странника.

– Его забрали грабители. Люди Бояра, если вы знаете такого, – вмешался Марков, и Густав шикнул на него.

Но было уже поздно. За забором воцарилось молчание. Затем мужчина медленно сказал:

– Нам не нужны ваши проблемы. Идите куда шли. И не возвращайтесь, иначе мы будем стрелять.

– А то как же! – крикнул Густав. – Другого ответа и нельзя было ожидать. Сидите там у себя, как крысы. Если бы умели стрелять, то давно уже продырявили бы мне голову. Но я даже разговаривать с вами больше не хочу, если для вас какой-то шакал в шляпе – это проблемы. Можете и дальше закрывать глаза на то, как у вас под ногами умирают люди. Пойдем!

Густав ногой врезал по воротам, схватил Маркова за плечо и подтолкнул вперед. Но не успели они сделать и пяти шагов, как раздался скрип открывающихся ворот, и их окликнул женский голос:

– Стойте! Подождите!

Странник медленно повернулся. Неужели эти дикари все же поняли, с кем имеют дело? К ним спешила невысокая женщина лет пятидесяти с гладкой прической и в больших круглых очках. Очевидно, она плохо видела, так как линзы в очках казались очень толстыми и чрезвычайно увеличивали ее глаза. За ней следовал мужчина с ружьем наперевес. Но держал он его стволом вниз и лишь хмуро глядел на путников, стараясь не отставать от женщины.

Она остановилась возле них, наклонила голову набок и спросила мелодичным голосом, больше подходящим юной девушке:

– Вы точно странники?

– Какие они к черту странники! Только посмотри на них, – сказал мужчина с ружьем, но женщина не обратила на него внимания.

За их спиной, в открытом проеме ворот, мелькали чьи-то силуэты.

– Я странник, а мой друг – из общины. Это такие люди, которые ездят на кораблях, но собираются вместе, потому что так легче.

– Да-да, я знаю. Мой муж был странником. Меня зовут Мария. А вас?
– Я Густав, а это... Михаил Марков.
– Очень приятно. – Марков приподнял воображаемую шляпу и слегка поклонился.
– Вы попали в передрагу, да? Это сделали с вами люди Бояра? – Мария сощурилась, разглядывая опухшее лицо Густава.
Он, сам того не осознавая, потянулся рукой, чтобы прикрыться, но вовремя спохватился. Еще не хватало строить тут из себя девицу.
– Да. Их было много, поэтому...
– Поэтому они надрали тебе задницу, – подал голос безымянный мужчина.
– Игорь, прекрати. – Женщина слегка улыбнулась и махнула рукой куда-то назад. – Я приглашаю вас к нам. Поедите, попьете. Расскажите, как вас занесло в Тиски. Узнаете, что такое русское гостеприимство. Согласны?
– Маш! – Мужчина с ружьем сверлил взглядом затылок Марии, но та продолжала улыбаться Густаву.
– Пойдемте. Я на правах хозяйки этого дома настаиваю.
– Да, конечно. Спасибо.
Густав улыбнулся в ответ, и они пошли вслед за Марией. Процессию замыкал что-то злобно бурчавший себе под нос Игорь, но путники старались не замечать его.

Глава 11

За высоким забором и воротами скрывалось гораздо больше, чем это могло показаться вначале. Густав и Марков вошли во двор, образованный тремя домами, выстроившимися буквой «П». Внутри этой подковы находилась не просто пустая площадь, а еще множество маленьких строений. Между ними тянулись дорожки, где-то протоптанные большим количеством ног, где-то выложенные плиткой, а где-то асфальтовые, оставшиеся еще со времен до Большого Взрыва.

В глаза Густаву бросилось остроконечное деревянное здание с крестом на крыше, рядом с которым веселилась группа маленьких детей, облепивших компактную спортивную площадку с горками, брусьями и турниками. Они висели на них, кто-то даже вниз головой, зацепившись ногами, и глазели на вновь прибывших людей.

Игорь захлопнул ворота, закрыл их на замок и легко задвинул мощный засов на хорошо смазанных полозьях.

Здесь были посажены деревья, правда не очень много, но каждое из них было заботливо окопано, огорожено маленьким заборчиком из кирпичей и покрашено белилами. Пара скромных цветочных клумб и одна большая, опоясавшая здание с крестом, довершали идиллическую картину яркими и буйными мазками.

Густаву почему-то вспомнились прохладные материнские руки, которые гладили его по голове, когда он бредил с высокой температурой, а отец гнал и гнал корабль вперед в надежде найти хоть какую-то аптеку.

Впрочем, Густав стеснялся подобных воспоминаний. Он повел плечами, стараясь избавиться от нахлынувших чувств. В это время кто-то из детей воскликнул:

– Смотрите, какой урод!

Странник отреагировал моментально. Руки сами выхватили пистолет, и он повернулся к детям, чтобы показать этим дикарям, кто тут лучший и главный. Но ему помешал Игорь. Дуло ружья уперлось в грудь Густава, как барьер для лошади, находящейся на старте и роющей землю копытами.

– Не вздумай. Иди вперед, – сказал он и рукой вежливо подтолкнул странника.

Мария обернулась и опять ласково улыбнулась:

– Это дети, Густав. А ты и впрямь выглядишь не слишком здорово. Тебе нужно подлечиться. Пойдем, я покажу тебя доктору, а затем устроим вас с Михаилом. Хоть отоспитесь.

Странник молча кивнул и угрюмо двинулся следом за женщиной. Из подъезда выбежал подросток в одних лишь шортах и крикнул:

– Матушка, вас ждет отец Захарий!

Мария кивнула ему в ответ. Густав краем глаза заметил какое-то движение за домами и с удивлением обнаружил, что забор окружал не только этот двор. Он простирался еще дальше, и та часть, вокруг которой он шел за зданиями, огораживала металлическая сетка. А за ней странник увидел коров. Самых настоящих коров. Три рыжие и одна черно-белая, с чрезмерно раздутыми боками. Они мирно ходили в загоне между охапок скошенной травы и задумчиво щипали ее.

Густав показал это Маркову, и тот в задумчивости почесал подбородок.

– Да, кажется, они тут не недавно поселились.

– Что, простите? – Мария обернулась на голос Маркова.

– Мы про коров. Вы их разводите?

– Ах, это! У нас их четыре штуки, одна сейчас беременна. А бычок умер, к сожалению. Как ни старались, но два месяца назад наш дом нашли муты. Они перелезли через забор и успели убить Капрала. С тех пор мы всей живности отрезаем языки, чтобы не шумели. У нас, кроме коров, еще много чего есть. Но вы не задерживайтесь, пойдемте, пойдемте.

И они пошли дальше. К детям постепенно присоединялись взрослые, и со всеми Мария вежливо здоровалась, а они в ответ называли ее матушкой.

Они подошли к подъезду, возле которого в выкрашенной автомобильной крышке росла маленькая ель, а по обеим сторонам стояли длинные скамьи. Мария поднялась по ступенькам и встала на небольшое возвышение. Кивнула Игорю, и тот негромко сказал сопровождавшим его людям:

– Собирайте всех.

В течение пяти минут странников, вместе с матушкой и Игорем, окружила порядочная толпа. Кто-то вышел из подъезда, кто-то – из других домов, кто-то – с заднего двора. По мере увеличения количества людей Густав чувствовал себя все хуже и хуже. У него разболелась голова, и он еле сдерживал себя, чтобы не броситься прочь от этой бурлящей человеческой массы. Все эти многочисленные лица, тела, запахи, гул голосов... Они как будто залезали к нему в голову и разрывали ее изнутри заскорузлыми пальцами.

Странник никогда еще не сталкивался с таким большим сборищем в одном месте. И дело тут было не в том, что он чувствовал свое бессилие перед толпой, а страх собственного бессилия – это больше чем страх. Это первобытный ужас. Нет, просто сама ситуация была для него в новинку. Он видел перед собой целую толпу дикарей, которые обосновались в этом городе и пытаются вести жизнь, похожую на жизнь своих предков, тех, кто допустил Большой Взрыв. И вот они перед ним, и их человек шестьдесят, не меньше. Такие же, как и он. В них нет ничего отталкивающего или низкого. Только посимпатичнее, с учетом последних обстоятельств, украсивших лицо Густава. Быть может, это обусловлено их общей силой, тем, что они вместе? В новом мире такое положение вещей редкость.

Когда прибыли все или, по крайней мере, больше никого не осталось, кто мог бы подойти, Мария начала говорить:

– Братья и сестры! Господа! Только что, буквально несколько минут назад, я не знала о существовании этих людей. Но если бы не Игорь, который был столь громогласен, – матушка опять кивнула Игорю, а Густав хмыкнул, – то они бы прошли мимо, и Бог его знает, что бы с ними приключилось. Я привела их в наш дом, и я не думаю, что они принесут нам несчастье. Потому что они – странники, вольный народ.

По толпе пронесся шепот, из задних рядов начали вытягивать шеи наиболее любопытные, кто-то принялся толкаться и лезть вперед, чтобы рассмотреть диких людей, редко бывающих в этих краях. Густав напрягся и инстинктивно подвинулся ближе к Маркову, плечом к плечу.

– Все мы знаем, что странники – благословенный народ. Мой покойный муж тоже называл себя странником, и, видит Бог, это был замечательный человек. Многие из вас

помнят его и помнят ту пользу, которую он приносил нашему общему дому. Поэтому я не смогла оставить в беде людей, разделяющих судьбу моего мужа. Судьбу странников. Я думаю, что они будут столь же полезны нам, если, конечно, захотят остаться здесь жить.

– Почему они без кораблей?! – крикнул кто-то из толпы.

Матушка Мария поджала тонкие губы и посмотрела на путников, ожидая от них ответа. Густав перехватил ее взгляд и смутился:

– Нам нужно отвечать, да?

– Конечно! Или ты язык проглотил, как наши поросята?

Послышался одобрителный смех толпы, и Густаву стало тошно.

– Нет, язык вроде бы на месте. Мы проездом в вашем городе и остановились возле аптеки, чтобы найти немного лекарств. И нас встретили городские жители. Правда, они не были столь любезны и гостеприимны, как вы. И нам пришлось расстаться с кораблем. Не по собственному желанию, конечно.

– Это они тебя так разукрасили?

Каждый раз вопросы задавали разные люди, но тон их был одинаков. Густаву он казался насмешливым, Маркову – нахальным, но оба сходились во мнении, что здесь им не особо рады и держатся с ними осторожно. Хотя и откровенную агрессию они не проявляли. Просто хотели узнать, с кем имеют дело.

– Да, они. Били сильно, не знаю, кто именно, но главный у них человек по имени Бояр. Такой, в широкополой шляпе.

– Бояра мы знаем! Бандит тот еще, почище мутов!

– Ну так вот, он и его люди забрали у нас корабль, избili и уехали. Затем мы пошли на запад, чтобы хоть куда-то выбраться. И вот наткнулись на вас. Я, если честно, не знал, что в городах есть такие, гм, общины.

– Мы тоже не слыхали, – теперь опять заговорила Мария. – В нашем городе только мы живем одной большой семьей, и держится все это во имя Бога. Ты веришь в Бога, Густав? А ты, Михаил?

Улыбки толпы сменились сосредоточенным выражением лиц. Густав внезапно увидел перед собой, во втором ряду, мужчину в темных одеждах, которые больше походили на какой-то плащ или мантию. Он был молод, не больше сорока, но с окладистой бородой. Длинные пышные волосы, связанные в хвост, не скрывали уродливый шрам, тянувшийся по левому виску вплоть до середины брови. Он смотрел на странников очень внимательно, однако в его взгляде таилось что-то еще, но что именно, Густав не понимал.

Вопрос прозвучал, и ответить на него следовало правильно. Если по-честному, то Густав плевать хотел на бога, на богов и на их отсутствие либо присутствие. Он верил лишь в себя, и на этом все заканчивалось. Богов он вспоминал иногда, чаще всуе, и не придавал этим упоминаниям никакого значения, используя их просто как речевой оборот. Поэтому он мог с легкостью сказать то, что так хотели услышать жители.

И он сказал:

– Да, я верю в единого Бога.

– Я тоже, – сказал Марков следом, понимая, что сейчас ответить нужно именно так. На самом деле в нем твердо сидела вера во множество богов, как мелких, так и крупных, которые управляют разными аспектами жизни. Начиная с еды и заканчивая людскими болезнями. Он даже Легион считал некими темными божествами, но не хотел делиться своими соображениями с Густавом. Странник точно засмеял бы его. Вера вещь одинокая.

– Да, Бог един, потому что Бог – единственный на свете, кому мы можем доверять свою душу. Отец Захарий, ты смог бы доверить души этих странников нашему Богу? – спросила Мария, обращаясь в толпу.

Такой вопрос не вызвал одобрения у Густава, но он старался не подавать виду. В конце концов, слова – это лишь слова, и при любом раскладе своей душой мог распоряжаться только он. А матушка пускай себе говорит. Если наградой за терпение будут горячая еда и возможность искупаться, Густав готов простоять здесь до вечера.

Из толпы вышел тот самый человек с бородой и шрамом. Еще одной деталью, которую сначала не заметил Густав, являлся большой остроконечный крест, вытканый бежевыми нитями на его одежде. Отец Захарий медленно осмотрел странников с высоты своего внушительного роста.

– Всяк человек имеет право на жизнь, если он верует в Бога и не является бездушным мутом, – сказал он глубоким голосом, берущим начало из живота, а не из груди. – И если ты, матушка, веришь этим странникам, то верю и я. И доверяю им, как и тебе, коль ты за них теперь в ответе. Добро пожаловать в наш дом!

Отец Захарий поочередно пожал руку Маркову и Густаву, повернулся и пошел к высокому деревянному сооружению. Теперь стало очевидным, что это храм, в котором молились жители дома.

Судя по всему, авторитет отца Захария в этом обществе достиг высочайшего уровня, а его слово имело силу последнего. Поэтому сразу же после того, как он скрылся в храме, Мария сказала:

– Добро пожаловать! А теперь вам нужно отдохнуть с дороги. Я могу попросить вас разойтись, братья и сестры, чтобы не смущать наших гостей? Только пусть останется Семен.

Как по мановению волшебной палочки, люди в кратчайшие сроки разбрелись кто куда. Это напомнило Густаву воду, пролитую на истощенную засухой землю. Раз – и нету. Остался только один человек, тот самый Семен. Парень лет двадцати пяти, с широким добродушным лицом и плотным, мясистым телом.

– Семен, проводи Михаила и Густава. Михаил пусть поселится на первом этаже, ему трудно будет подниматься по лестнице, а у нас там как раз пустая комната есть, так ведь?

– Да, матушка. Только квартира, а не комната.

– Тем лучше.

– Позвольте. – Марков поднял руку. – Во-первых, что такое квартира? Во-вторых, я не так уж и стар, чтобы нужно было меня беречь и оставлять на первом этаже, как какого-то инвалида.

Семен хохотнул и тоже поднял руку:

– Давайте я объясню, матушка. Дело в том, что у нас есть два свободных места в обычном доме. Одна комната в моей квартире, на девятом этаже. Другая на первом, но это не комната, а целая квартира. А что такое квартира, понять очень просто – наши предки называли так место, где можно было делать все и сразу.

– То есть? – теперь уже вмешался Густав. – Единственное место, где можно все и сразу, это загробный мир. Да и то там, кажется, нельзя употреблять спиртные напитки.

– Густав! – сказала Мария укоризненно.

– Нет, нет. – Семен широко заулыбался. – Я имел в виду, что в квартире есть душ, туалет, большая комната или несколько и кухня. И все это принадлежит семье или одному человеку. Я живу, например, в квартире с двумя комнатами. Одна явно лишняя. Так что я не против хорошего соседа. А Михаил будет жить в отдельном помещении, совсем как царь!

– Ну, в принципе неплохо, – сказал Марков. – Получается, что меня разлучат с этим замечательным парнем? Я же привык к нему!

– Мы любим друг друга, – пошутил Густав и тут же осекся.

Пока Марков улыбался, поняв сарказм слов странника, Мария и Семен смотрели на них с недоумением. И странник внезапно понял, что они восприняли его слова буквально. Еще не хватало, чтобы их приняли за гомиков!

– В смысле, по-братски. Даже больше, он мне как отец, – объяснил странник и приобнял Маркова за плечи.

– А, вот оно что! Ну и хорошо. Семен, проводи гостей и устрой их. Я думаю, что до завтрашнего утра вы должны отдохнуть, ребята. Я же пока поработаю. Дел невпроворот. До завтра и чувствуйте себя как дома! – Мария кротко кивнула и отошла в сторону, пропуская их в подъезд.

«И до какой скорости разгоняется ваш дом?» – решил спросить Густав, но передумал.

Еще раз огорчать хозяев своими плоскими и непонятными для них шутками ему не хотелось. Дикари, они и есть дикари, придется тренироваться в остроумии с самим собой, пока они с Марковым застряли здесь на какое-то время. Лишь бы не начать разговаривать вслух, озвучивая все свои мысли.

Глава 12

Марков остался внизу, а Густав с Семеном пошли наверх. Путь до девятого этажа был не очень близким, и за это время странник успел удивиться чистоте, царившей внутри дома. Почти все здания, в которые он заходил за свою жизнь, захлебывались грязью и постепенно разрушались. Ни Взрыв, ни сами люди не щадили ничего, что осталось в новом мире. Здесь же все было наоборот.

Вымытые полы, например. Когда они зашли в подъезд, то Густав почуял легкий и свежий запах сырости. На некоторых этажах полы оставались еще немного влажными, и Семен легко перескакивал их, цепляясь за аккуратные синие перила. Стены здесь были окрашены в светло-зеленый цвет, а потолки побелены так хорошо, что отливали голубизной. Иногда на подоконниках низких окон, которые выходили с соединительных площадок между этажами во двор, стояли горшки с цветами, на иных висели трогательные накрахмаленные занавески.

Все здесь говорило о том, что в доме живут. Живут по-настоящему, а не зашли переночевать и отправиться в дальнейший путь. Сознание странников по большому счету было потребительским, они брали то, что им нужно, и продолжали идти вперед, зная, что не вернутся обратно. Но Густава впечатлила такая забота о доме.

Он не мог представить себе, что вместо корабля у него был бы кирпичный дом или квартира в городе. Многие странники не любили мир, в котором они жили, но любили путешествовать. Густав был в их числе. Большой Взрыв дал ему свободу, да только воздух этой свободы бывал порой не очень приятным для дыхания.

Мог бы он остаться в этом оазисе прошлого? Среди добрых людей, цветов в кадках и мерно жующих коров? Скорее всего нет. Но где-то в глубине души Густав начал испытывать сомнения. Непонятно, по какому поводу, но устойчивый образ дикаря в его сознании несколько пошатнулся.

Наконец они добрались до девятого этажа. Как и везде, здесь располагалась площадка с тремя квартирами. Дальше, еще выше, вела уже железная лестница, примыкавшая к железному люку. Очевидно, это был выход на крышу.

Безо всякого ключа открыв дверь квартиры номер 117, Семен вошел внутрь и сказал:

– Вот мы и дома. Заходи.

Густав осторожно вошел и неловко встал у порога.

– Чего маешься? Закрывай дверь и проходи. Твоя комната напротив, справа.

Квартира Семена была для Густава в диковинку. Она оказалась тесной, но, благодаря светлым стенам и потолку, все же создавалось впечатление какого бы то ни было пространства. Конечно, по размерам она превышала салон корабля, причем любого корабля, на каких только бывал странник, но ее неподвижность, бетонные стены и перекрытия – все это нагнетало тоску. Будто тымышь, загнанная в каменную коробку.

Довольно большой холл. Сразу же слева кухня, судя по тому, что там стоял стол с парой консервных банок. Дальше, опять же слева, комната Семена. Прямо напротив входа, в конце холла, две узкие двери, ведущие в маленькие помещения. Густав заглянул в них поочередно – душ и кладовая, забитая каким-то хламом.

– Тут был раньше туалет, – сказал Семен, стоя за спиной Густава. – Но канализация не работает, ходим на улицу.

– А душ?

– Естественно, у нас нет никаких нагнетателей, подогревателей и прочего. Воду добываем просто, я тебе покажу попозже. Сначала поедим. В свою комнату заглянешь?

– Да.

Новое жилище понравилось Густаву. Не сказать, что он по-щенячьи скакал от восторга, но комната ему досталась довольно-таки просторная. Уже клонящееся к закату солнце полностью освещало ее. На полу стояла кровать без ножек, возле окна низкий столик. Вот и все. Но странника смутило окно. Он подошел поближе и с недоверием провел по нему рукой:

– Пластиковое?

– Ага, а ты думал какое?

– И как оно здесь оказалось?

– У нас почти в каждой квартире такие окна. Причем чем выше этаж, тем больше таких целых окон.

– Получается, у тебя вроде как элитное жилище? – спросил Густав.

– Получается так. Но если ты не старый пердун, конечно же, – рассмеялся Семен. – Просто, когда мы выбирали место для нашего общего дома, эти здания оказались самыми целыми. Те окна, которых не доставало, собрали по всему городу, в этом нет ничего сложного. Но на первых этажах стоят еще и ставни. Хотя некоторые предпочли просто заложить проемы кирпичами. Тоже хороший вариант, особенно зимой.

– Значит, тут можно с комфортом жить дикарями?

– Дикарями? Я не считаю, что мы дикари. Мы просто живем там, где жили наши предки, вот и все. И когда-нибудь мы вернем всю Землю людям, как в прежние времена.

Густав выглянул в окно, и у него закружилась голова. С девятого этажа все казалось таким маленьким. Крохотные фигурки детей играли в песочнице, туда-сюда сновали люди, кто группами, кто поодиночке. Возле храма стоял отец Захарий и втолковывал что-то женщине. Кажется, это была матушка Мария. И еще странник заметил то, чего не увидел ранее, – по периметру забора располагались вооруженные люди. Примерно через каждые двадцать метров к забору примыкал деревянный сруб, на котором сидела охрана. По прикидкам Густава, если они охраняли только двор, не включая заднюю часть с животными и огородами, то их насчитывалось около двадцати человек. Весьма внушительная армия, если не учитывать, что у них обязательно должна быть хотя бы вторая смена, иначе теряется весь смысл.

– А ты хочешь вернуть все назад? – спросил странник у Семена, разворачиваясь.

– В смысле? Мир, который был до Взрыва?

– Да, он самый.

– Конечно хочу! Разве ты против этого? – Семен пожал плечами.

– Меня устраивает и этот мир. И знаешь почему? Потому что в нем никто никогда не сможет устроить еще один Большой Взрыв. И я останусь жить. Пусть меня убьют где-нибудь за пачку сушеных крекеров, но это будет честная смерть, а не та, что приключилась с предками.

– Ты фаталист, Густав.

– Кто?

– Ну, – Семен улыбнулся, – ты веришь в судьбу. В то, что ничего нельзя изменить. Мы же, все, кто живет здесь, верим в обратное. Что жизнь можно повернуть вспять, что нет таких рек, течение которых невозможно перенаправить.

– И часто ты управляешь реками?

– Нет, но если нас будет много и мы будем хотеть одного и того же, то через какое-то время, не скоро, я не спору, но мы сможем исправить то, что случилось. Вместе с Богом.

– Забавно.

– Что именно?

– Что Бог допустил Взрыв, а теперь помогает вам избежать его последствий.

– Ты не веришь в Него, так ведь? – Семен сощурил глаза, ухмыльнулся и сразу превратился из добродушного парня в пронизательного следователя, подловившего обвиняемого на несоответствии.

– Если и так, то что из этого? Я не собираюсь переубеждать тебя и говорить, что Бога

нет. Просто я верю логике, а логики здесь никакой.

– Скоро ты согласишься в Него, Густав. Может быть, даже завтра.

– Почему же?

– С утра будет служба, и каждый должен на ней присутствовать. Тебе понравится.

– Надеюсь на это. А теперь покажешь, как ты живешь?

– Конечно. – Семен широко улыбнулся и опять совершил виртуозное превращение из сложного в простое.

Следуя за ним в его комнату, Густав вдруг подумал: а не показалось ли ему? Разве может так менять людей вопрос веры? Причем веры во что-то мифическое и несуществующее?

Комнату свою Семен обставил побогаче той, в которой поселили Густава. Оно и не удивительно, все же он здесь жил уже давно. Но здесь не было ничего лишнего. Узкая кровать с твердым матрасом, возле нее пушистый коврик. Возле стены большой шкаф, через открытую дверцу которого странник увидел несколько небрежно скомканных вещей на полках, пластиковый контейнер и нечто в глубине, похожее на рукоять револьвера.

На подоконнике стоял уже привычный коричневый горшок с одиноким цветком. Возле него трехлитровая банка с водой и рамка с фотографией. Густав взял ее в руки, чтобы разглядеть поближе.

С фотографии на него смотрела весьма симпатичная черноволосая девушка с большими чувственными губами. Внезапно фотография потускнела, а затем и вовсе исчезла, а на ее месте возникла другая картинка. На этот раз вместе с девушкой на лавочке возле подъезда сидел Семен. Он весело улыбался, и Густав даже по снимку почувствовал, что парень влюблен.

– Это электронная рамка?

– Да, на солнечных батареях. У нас один фотоаппарат на весь дом, с помощью него мы и запечатлеваем хорошие моменты. – Семен осторожно взял фоторамку у Густава и поставил ее на место.

– Стало быть, здесь твои лучшие моменты жизни? Как ее зовут?

– Вика.

– И где она сейчас?

– Она... – Семен напрягся и вдруг перевернул рамку экраном вниз. Отошел от окна, сел на кровать, вытянув ноги, и откинулся на стену. – Она сейчас замужем.

– Понятно.

Густав тоже захотел куда-нибудь присесть, но только не на кровать. У него заболела отбитая спина, и поэтому он просто лег на пол, почувствовав, как хрустнули все позвонки. Но после этого наступило облегчение, из спины ушли тяжесть и тупая, мычащая боль. Семен не удивился такому поведению своего нового соседа. Или просто не подал вида.

– И ты любил ее, так? – спросил странник.

– Еще как.

– Судя по фотографии, ей было с тобой тоже весело. Почему же вы не вместе?

– Да очень просто. Можно я закурю? Иногда очень сильно тянет вкусить эту гадость.

– Конечно, я не против. – Густав закрыл глаза. Спать. Может, к черту эти купания, еду, доктора и завтрашнюю службу? Взять и уснуть на пару суток. Прямо так, на полу.

Щелкнула зажигалка. Семен выпустил дым изо рта, и странник почувствовал аромат табака. Иногда ему нравился этот запах, иногда нет, видимо, все зависело от конкретного сорта сигарет. Но сам он не курил и не представлял себе, чтобы мог получать удовольствие от дыма, который будет драть и уничтожать его легкие.

– Я здесь охотник. Добытчик – так называют нас матушка. На самом деле нас не то чтобы много, около десяти человек, которые умеют охотиться и сносно владеют оружием, ловушками. И так как полезной еды на всех не хватает, я имею в виду не консервы и сухой паек, а мясо, то где-то раз в две недели мы едем на охоту. Тут недалеко лес. Раньше он был

не слишком большой, но теперь разросся и в нем полно дичи.

– Муты?

– В основном нет, но иногда попадаются уродливые твари. Я бы не рискнул есть их мясо, поэтому мы их просто убиваем, чтобы они не размножались. И вот... Это было около года назад. Я любил Вику и хотел создать с ней семью. У нас есть правила, по которым каждый мужчина должен завести семью и родить одного ребенка. За этим следят отец Захарий и матушка, чтобы не получилось кровосмешения.

И вот с Викой у нас было все хорошо, Бог свидетель. Ей вроде бы тоже неплохо. Иногда мы ссорились, ругались, но из этого не выходило ничего страшного, понимаешь? Мы жили вместе, еще не назначив свадьбу. Матушке такое не нравится, хотя отец Захарий говорит, что, мол, лишь бы не уходили из дома, не покидали нашу семью и слушались заветов Бога. А в Его заветах нет ни слова о том, можно или нельзя жить вместе до свадьбы.

Ну и вот, мы однажды пошли на охоту, уже в который раз. Знаешь, я до сих пор помню ее глаза. Она поцеловала меня и улыбнулась. У нее такие мягкие теплые губы... Поцеловала, обняла, сказала, что любит.

И я ушел. Но получилось так, что мы наткнулись на человеческих мутов. Не знаю, что они делали в лесу, но их было много и они явно кого-то ждали. Я не верю, что они охотились на нас, наверное, хотели поймать кабана или оленя. И тем не менее мы попались в их ловушку. – Семен глубоко затянулся и закашлялся.

Веки у Густава вздрогнули, но он не открыл глаз, а продолжал парить где-то между сном и реальностью, не упуская и истории Семена.

– Короче, было уже темно, и началась паника. Мы только пришли на место, где хотели переночевать, чтобы утром пойти по следу, проверить капканы, а тут такое. Ну, не ожидали как-то. Пальба, крики, фонари никак вообще не помогали. У мутов оказались камни и железные прутья. Они бросали их, били нас, мы стреляли в ответ, практически вслепую. Вышло так, что в какой-то момент мы разделились и начали стрелять друг по другу, а муты очутились сзади нас и могли беспрепятственно делать все, что взбредет в их недоразвитые мозги.

Они поймали нас. Грубо и основательно. В живых остались трое из десяти. Мы кое-как сумели вырваться и вернуться обратно домой. У меня было разорвано ухо, прострелено бедро и из рассеченной брови лило так, словно там поселилась грозовая туча, до краев накачанная кровью.

Мы вошли во двор под утро, осторожно, чтобы не волновать и не будить никого. Доктор, охрана и матушка встретили нас. После того как меня подлатали и перебинтовали, было решено подождать с новостью до того, как все проснутся. У многих охотников остались семьи, а у одного так вообще новорожденные близнецы. Теперь нужно было заботиться о них в первую очередь. И нас отправили по домам.

Я тогда жил на третьем этаже, а здесь, на девятом, жил Леня-Леон. Он погиб в ту ночь, ему снесли половину черепа арматурой, прямо с одного удара...

Я еле поднялся на свой этаж. Ноги болели ужасно, сердце выскакивало из груди. В голове просто не укладывалось, что вот так вот – раз, и нету семерых моих друзей. Те, кого мы раньше убивали ради очистки нашей земли от тварей, ударили нас так больно, насколько это возможно. Пусть это и получилось случайно, потому что я не верю в преднамеренную засаду именно на нас.

– Так что ж это, они отомстили вам за себя? – приоткрыл один глаз Густав.

– Муты? Какая месть, их соображалки не хватит для высоких материй.

– Ну, не скажи. Я встречал разных мутов. Некоторые действительно тупые, а другие очень даже умные и смелые. Как будто внутри их уродливого тела сидит обычный человек.

– Не знаю. В Тисках таких нет, уж я-то знаю, не раз сталкивался. – Семен потянулся, достал из-под кровати пустую консервную банку и затушил в ней окурок. – В принципе это дела давно минувших лет, с тех пор муты себя никак не проявляли. Мы даже сделали пару

рейдов на них, но, как ты понимаешь, никакого толку с этого, жизнью людских не вернешь.

Но в ту ночь, когда я буквально полз по лестнице наверх, я не думал о том, чтобы мстить или почему все так случилось. Мне хотелось плакать. Хотелось увидеть Вику, обнять ее и реально заплакать. И вот я подошел к двери. Открыл ее. Повернул выключатель, зажегся солнечный фонарь. Я, помню, тихо сказал что-то типа «Привет» или «Здрате», но все дальнейшие слова застряли у меня в горле.

Мы жили в однокомнатной квартире с такой большой круглой кроватью. Я нашел ее в богатом доме и на переноску потратил целые сутки, уж больно тяжелая оказалась, зараза. И вот на ней лежала Вика. Помню ее глаза, большие, распахнутые, и одеяло, натянутое почти до носа. А рядом с ней лежал... в общем, этот. Он еще так переводил взгляд то на меня, то на нее, то на мою ногу. Я, наверное, странно выглядел – распоротая до пояса штанина болтается, окровавленный бинт, лицо с засохшими пятнами крови.

Вика начала кричать. Не от испуга, нет. Она кричала, чтобы я убирался вон, что она видеть меня не хочет, что между нами все кончено. Казалось, что чем больше она кричит, тем сильнее себя распаляет и начинает верить в то, что поступает правильно. Но это же очевидно, что она повела себя как шлюха, за моей спиной... Именно в тот момент, когда я в ней так нуждался.

– Следовало бы их убить, – сказал Густав. Теперь он лежал с открытыми глазами, рассматривая практически безупречный белый потолок.

– Я хотел. Я хотел взять стул и разнести его о голову этого мудака. Я хотел видеть боль и страх в их глазах, то есть отражение моих чувств в них. Но они оказались сильнее. В тот момент был убит я, а не они, причем на всех фронтах. Я потерял друзей, любовь, веру и смысл жизни.

Короче, я просто развернулся и ушел, даже не хлопнув дверью. Часа полтора я, стиснув зубы, добирался до квартиры Лени-Леона. Зашел. Лег вот на эту кровать, на которой сейчас лежу, и, ты не поверишь, завыл. Именно завыл, а не заплакал. Не дай бог кому-нибудь испытать такое. Мне казалось, что еще немного, еще секунда, и я сойду с ума. Я хотел выгнать из головы все эти образы – друзей, Лени-Леона, Вики, этого доктора, который трахал ее в мое отсутствие. Но не получалось. Они обступили меня со всех сторон.

Мне пришла в голову мысль открыть окно и прыгнуть вниз. И я бы сделал это, если бы не рана на бедре. Оказывается, пока я поднимался, она открылась, сильно пошла кровь, и в тот момент, когда я вцепился в оконную ручку, ко мне пришло облегчение – я потерял сознание.

Так бы и умер, наверное, если бы меня не отыскивали по следам крови на ступеньках лестницы.

– Стремная история, – сказал Густав. – Но ты же простил ее?

– Вику? Нет.

– Тогда что тут делает ее фотография?

– Не знаю. Никак не могу расстаться. Она вроде как часть этой комнаты, часть меня.

– Все же ты ее по-прежнему любишь?

– Самое интересное, что нет. Осталась только обида. – Семен вздохнул. – А обида от предательства самая сильная на свете. Я уже это понял. Даже сильнее любви.

– Это уж точно.

Густав с наслаждением потянулся, опять хрустнули позвонки, и он поднялся с пола. Семен пребывал все в той же позе, только теперь он что-то меланхолично искал у себя под ногтями, видимо отвлекаясь таким образом от мыслей о прошлом.

– Ну, так что сначала – поедим или покажешь меня доктору?

– Сначала тебе нужно искупаться. В душе полная бочка с водой комнатной температуры, пользуйся свободно. Полотенце там же возьмешь, у меня их много. Потом поедим и к доктору.

– Слушай, а не к тому ли доктору, с которым твоя Вика сейчас?

– Нет. У нас их двое. И я всегда обращаюсь к тому, что спас мою жизнь однажды

ночью. – Семен подмигнул Густаву и рассмеялся.

Видимо, упражнение с ногтями принесло свои результаты и внезапно разбуженные призраки прошлого отступили.

Глава 13

Густав искупался, смыв с себя практически всю пыль и грязь, что прилипла к нему за последние дни. Все, кроме подпорченного лица. Мыльная вода сама уходила из пластиковой ванной по трубам куда-то вниз, эта часть системы дома работала, в отличие от канализации.

Когда он вышел, вытираясь полотенцем, Семен уже приготовил на маленькой электрической плите макароны с консервами. Как и многие здешние предметы, плита тоже заряжалась от солнца – через достаточно большое гибкое полотно батареи, занимавшей почти все окно.

Готовить в доме можно было лишь тогда, когда солнце выходило на сторону с батарей. Почти на каждом этаже работала хотя бы одна плита, но некоторые жильцы предпочитали есть в общей кухне. Вернее, это был ужин, который готовился посменно, уже на большой плите, но все из тех же продуктов. Особый выбор здесь не вставал ни перед кем. «Что Бог послал» – так говорила матушка Мария. Бог посылал обычно то, что находили в домах и магазинах, а потом хранили в запасниках третьего, пустующего здания. Ходить за едой каждый раз приходилось все дальше и дальше от места жительства, и, конечно же, в один не очень прекрасный момент идти станет уже некуда, они достигнут края города, опустошив абсолютно все доходные места.

Поэтому жизненно необходимыми здесь стали и огород, и разводимые домашние животные. Но получаемые с них дары либо заготавливались на зиму, либо предназначались самым нуждающимся. Например, молоко давали женщинам и детям, иногда – охотникам перед очередным выходом их в лес, раз в месяц охране.

Чего здесь было в избытке, так это различной зелени типа щавеля или петрушки. Некоторые любили использовать ее в качестве приправы для уже приевшихся продуктов.

Когда новоявленные соседи быстро поели прямо со сковороды, пришел черед найти доктора и показаться ему перед сном. Но сначала Семен решил сделать для Густава небольшой экскурс в историю жизни дома.

– Главная проблема для большой семьи – это вода. – Семен вышел на лестничную площадку и указал пальцем на двери лифта. – Как ты думаешь, что это?

– Шахта. Для лифта. На ней предки поднимались на высокие этажи. Я много таких видел, но они все на электричестве, поэтому сейчас ничего не работает.

– Да. И поэтому мы устроили там колодец. Смотри.

Семен поднял непонятный инструмент, прислоненный к стене в углу, который больше всего походил на большие ножницы, вставил их между створок дверей на уровне пояса, нажал, и те легко разошлись в разные стороны под давлением рычагов. Образовался проем, в который при желании мог протиснуться взрослый человек. Семен защелкнул на «ножницах» фиксатор.

– Это у нас такие меры предосторожности от детей. Сначала вообще хотели двери открыть и заблокировать, но как-то парочка сорванцов решила попутешествовать в шахте и чуть не рухнула вниз. С тех пор внушаем мальчикам с малых лет, что в колодец соваться нельзя.

Густав подошел поближе и заглянул в шахту. Далеко внизу действительно плескалась темная вода. Ее отблески хорошо виднелись, потому что этажа на три или четыре внизу кто-то также открыл створки и сквозь них в колодец проникал свет. Мелькнули чьи-то руки, затем раздался грохот ведра и сочное жужжание.

– Трос.

Семен похлопал по распорке между двух стенок шахты, на которой крепился валик с намотанным на него тонким стальным тросом, который шел через специально выдвинутый

кронштейн, чтобы не задевать точно такие же распорки, стоящие ниже, и заканчивался на свободно болтающемся ведре.

– Мне можно не убирать ведро, потому что я на самом верхнем этаже, – начал объяснять Семен. – А вот те, кто ниже, вешают его на специальные крючки на задней стенке, чтобы не мешать при спуске другим. На каждой распорке кронштейны тоже расположены не одинаково друг над другом, а в ряд, по той же причине.

– А откуда у вас вода?

– О, это долгая история.

Внизу захлопнулись створки, и Семен начал быстро спускать ведро, регулируя скорость его падения специальной ручкой.

– Так расскажи.

– Попробую покороче.

Ведро плюхнулось в воду и начало сначала медленно, а затем все быстрее наполняться.

– На самом деле у нас есть то, чего нет у других. По крайней мере, в этом городе. В Тисках вообще очень мало вмняемых людей, в основном муты. Мы тут единственные, кроме стаи Бояра, кто держится вместе и старается жить хоть по каким-то правилам.

Семен начал крутить ручку в обратном направлении, поднимая ведро вверх. Сначала Густав хотел помочь, но потом понял, что это ни к чему. С помощью хитроумного переключения скоростей катушка с тросом крутилась и поднимала полное десятилитровое ведро достаточно легко.

– Мы однажды нашли локальную электростанцию. Она работает на водороде и солнечных батареях. Правда, мощности в ней маловато, например, для того чтобы освещать дома. Но для насоса ее хватает. А насос подключен к глубокой скважине, подходящей прямо к подземной речке. Оттуда и качаем воду. Чистая, вкусная, безвредная. Некоторые предпочитают только кипяченую, но я как-то пью без разбору, и ни разу мне не было плохо. Еще, кстати, генератор питает большую плиту на общих вечерах, когда отключаем насос.

Семен поднял ведро, отцепил карабин от ручки и вытащил его на площадку.

– Вот такие дела. Закрой створки, а я пойду поставлю воду.

Довольно скоро они спустились вниз, и это было гораздо легче, чем подниматься. Доктор жил в соседнем, как выразился Семен, «элитном» доме. В нем поселяли наиболее значимых в семье людей, как то: рожаящих женщин, новые молодые семьи, докторов, поваров, мудрых стариков и так далее.

С виду он ничем не отличался от дома, в котором поселился Густав, разве что на двери крепилась бумажка под стеклом, на которой обозначались квартиры самых нужных для локального общества людей.

Доктор, к которому Семен вел странника, жил на первом этаже. Удобно и быстро, что очень важно в запущенных ситуациях. Стоило подняться всего на пять ступенек и постучать в металлическую дверь справа.

– Да! Входите!

Семен открыл дверь и подтолкнул Густава. Тот вошел и оказался в весьма странном месте. Сначала он даже испугался и отшатнулся, потому что в углу стоял самый натуральный скелет, а рядом с ним манекен с содранной «кожей» и обнаженными внутренними органами, костями и мышцами. К тому же, тут горела лампочка накаливания, что весьма удивило странника. По помещению распространялся едкий холодный запах, а сам хозяин в нелепом, косо сидевшем на полноватой фигуре халате с закатанными рукавами нюхал какую-то бутылку из синего стекла.

– Проходите, проходите. Знаете, тут пришли ребята из медицинского рейда, я проверяю лекарства на срок годности и не пойму, что с этой мазью. То ли она так должна вонять, то ли нет. И для чего она вообще? Ни этикетки, ничего...

Густав обернулся и тихо спросил у Семена:

– Это точно доктор?

– Еще бы!

Доктор перестал возиться с бутылкой и обратился к Густаву:

– Вы, как я понимаю, наш новый брат? Странник?

– Да, Густав.

– А я доктор Шомов. Присаживайтесь на кушетку.

Доктор улыбнулся и, блеснув голубыми глазами на широком загорелом лице, ушел куда-то в глубь квартиры, то и дело поднося синий пузырек к носу. Густав сел на обитую черным, лоснящимся кожаменителем кушетку и огляделся. Все тут было в принципе неплохо обустроено. За полузадернутой белой ширмой скрывалась кухня, которую доктор, судя по всему, переоборудовал то ли в смотровую, то ли в операционный зал. Густав увидел там стол, кресло, несколько солнечных ламп, пару хромированных ящичков для инструментов и еще несколько непонятных ему вещей.

В приемной, кроме натуральных пособий, лампочки, горящей белым светом, и кушетки, больше ничего не было.

Вернулся доктор, уже без бутылки, но на этот раз в резиновых перчатках.

– Итак, вы странник. Давно путешествуете?

– Всю жизнь.

– Замечательно! Наверное, геморрой, больная спина, недосыпание, воспаленная простата, ноющие суставы?

– Ничего такого нет, я слежу за собой. Следил. Пока не наткнулся на одних серьезно настроенных парней...

– Верю, верю, с виду вы весьма крепкий. И они вот так разукрасили вас? Бояр, как я слышал?

– Точно, он.

– Ну. Я имел дело с этим господином. Неприятная личность, надо заметить.

Доктор подошел ближе, наклонился и бесцеремонно раздвинул веки Густава, чтобы осмотреть глаза. Странник тихонько вскрикнул от боли.

– Так. Небольшое кровоизлияние в левом, но ничего страшного. Нос болит?

Густав даже не успел ничего сказать, как цепкие пальцы ухватили его за нос и дернули туда-сюда. На этот раз боль оказалась более сильной, и восклицание не удалось сдержать.

– Болит. Но он цел, не сломан. Так. Челюсть тоже на месте. Так. Небольшое сотрясение мозга, скорее всего. Голова кружилась, тошнило?

– Я два дня шел по дикой жаре и ничего не пил, кроме собственной мочи. Как думаете, тошнило меня?

Доктор Шомов усмехнулся:

– Моча – это сильно. Уважаю уринотерапию, когда она спасает жизнь. В вашем случае, видимо, так и было. Ну что, заключение мое таково: ничего страшного. Я дам вам пакет с охлаждающим веществом. Надавите на него посильнее и встряхните. Потом приложите ко лбу, глазам, затем на губы, голову. Короче, как будете чувствовать, что совсем уж холодно, перекладывайте на следующее место. Холодные компрессы еще никому не вредили. Действовать такой пакет будет часа два, поэтому не засыпайте. Если начнет клонить ко сну, снимите с лица. Понятно?

Густав кивнул, так как ничего не мог сказать – ловкие и сильные пальцы доктора зачем-то полезли к нему в рот.

– Зубы тоже в порядке. Не сломаны, не сколоты. Странно для странника, простите за каламбур. Вы же не отличаетесь праведной жизнью. Пьете, курите, нерегулярно едите.

– Я не такой, как вы считаете.

Густав поднялся, давая понять, что пора уходить, но доктор Шомов не хотел его отпускать.

– А какой же вы?

– Нормальный. Не курю, пью... пил только кофе. Все странники, с которыми я общался, мало подходят под тот образ, что вы себе придумали.

– Я не придумывал, я лечил пару таких. – Шомов скрестил руки на груди. – Кофе, говорите? Бог ты мой, в Тисках его почти нет. Я однажды пробовал этот напиток, его дарует нам отец Захарий после исповеди, в награду за очищение. И только из-за одного его вкуса мне хочется пойти к нему и исповедаться еще раз. Но это невозможно.

– Почему?

– Только раз в три года разрешено, – пояснил Семен. – Доктор, может, дадите моему другу компресс и он пойдет спать? Последние несколько дней у него были нелегкими.

– Ах да, конечно!

Шомов встрепнулся, сходил в соседнюю комнату и принес прозрачный пакет, наполненный кристаллами, похожими на крупную соль.

– Там внутри активатор. Надавите посильнее, и пойдет реакция. И не держите слишком долго, а то простудите голову!

– Спасибо, доктор. – Густав улыбнулся, пожал руку в перчатке, которая только что побывала в его ротовой полости, и они вместе с Семеном вышли на улицу.

Наступал вечер. Повсюду медленно загорались солнечные фонари. Их натащили со всего города, и они не отличались похожестью и стройностью композиции, но функцию свою выполняли на ура. Особенно страннику понравились фонари, размещенные на заборах, возле охранников. У них имелся широкий козырек-батарея с отражателем, и довольно-таки сильный поток света освещал смотровые пункты и территорию около них. Дети уже исчезли с улиц, взрослые тоже. Лишь со стороны огорода шли трое жильцов с садовыми инструментами на плечах. Они о чем-то оживленно беседовали.

Во многих окнах тоже потихоньку разгорались огни солнечных лучей, пойманных в западню хитроумными человеческими приборами. Пожалуй, это была одна из немногих доставшихся от предков вещей, которую странник по-настоящему уважал. И еще корабли. Корабли и солнечная энергия. Остальное же в этом мире стало либо опасным, либо абсолютно никчемным, странным и непонятным. Вроде бесполезной мази в рамках, которую можно и сейчас встретить почти в каждом заброшенном доме.

Когда Густав и Семен уже подходили к своему подъезду, странник спросил:

– А откуда он взялся, этот твой доктор? Читал медицинские книжки?

– Нет. У нас два доктора, и оба владеют этой профессией по отцовской линии. У них это семейное.

– А электрическая лампочка? Ты же говорил, что генератор работает только на насос и кухню.

– О, это приятная особенность элитного дома. Для них специально установлены ветряки на заднем дворе, которые генерируют электричество в аккумуляторы. Но это слишком слабый источник тока, чтобы его можно было использовать на всех. Да и больше подобных штук мы по всему городу не нашли, как ни старались.

Густав задумчиво подкинул шуршащий компресс в ладони. Неожиданно к нему откуда-то подбежала девочка лет шести в коротком платье и протянула руку. У нее были огромные, широко открытые карие глаза и лицо, измазанное чем-то сладким; странник ни капли в этом не сомневался, потому что от нее сладко же и пахло. Вроде шоколада или меда.

Она встала на цыпочки и еще настойчивее протянула руку, беззвучно шепча что-то одними губами.

– Эй, что ты хочешь, подружка? – Странник присел на корточки и постарался улыбнуться как можно дружелюбнее. Из своего арсенала улыбок он выбрал самую милую.

Но девочка не обратила на него внимания. Она по-прежнему протягивала руку, смотрела куда-то вверх и что-то шептала. С каждой секундой ее лицо становилось все мрачнее.

Густав в недоумении встал, подкинул пакет с кристаллами в ладони и вдруг с ужасом понял, что это не пакет, а дохлая крыса со вспоротым животом. Он хотел отбросить ее в сторону, но девочка внезапно закричала, как будто кто-то включил у нее громкость:

– Отдай бяку, отдай бяку, отдай бяку, ОТДАЙ БЯКУ!!!

Странник в ужасе отбросил крысу в сторону девочки. Та ударилась об ее лицо, отскочила, махнув мертвым хвостом по тоненькому плечу, и плюхнулась на асфальт, разбрызгивая кровь. Да только девочка не обратила на это никакого внимания. Она продолжала указывать на Густава крохотным пальчиком и кричать:

– Отдай бяку! ОТДАЙ БЯКУ! Отдай!!!

Ее лицо стало синюшным, на шее выступили вены, и Густаву захотелось бежать. Бежать, убежать отсюда как можно дальше. Он дернулся, но все его тело как будто погрузилось в густое машинное масло. Движения стали плавными и медленными, практически бесконтрольными. Странник понял, что если он захочет развернуться, то на это у него уйдет не меньше получаса, а ведь еще хотя бы минута этих приближенных к ультразвуковому уровню криков, и он сойдет с ума.

И тогда он закричал сам. Голос выходил из горла сиропной патокой. Липкой, едкой, дерущей, неторопливой.

А девочка все менялась в цвете, переходя на темно-синий, пока не почернела, словно свежесрезанный асфальт. Глаза ее становились все больше, и зубы... Густав мог поклясться, что ее зубы превращаются в острые клыки. Он попытался ударить это чудовище, но рука лишь слабо дернулась без каких-либо шансов на повиновение.

Еще немного крика, и перед странником предстал маленький черный Легионер в детском цветастом платье, то ли сползавшем, то ли просачивающемся в его тело. И он орал уже хриплым вибрирующим басом, сотрясая свою полупрозрачную студенистую плоть:

– Отдай бяку! Отдай бяку! Бяку отдай!!!

Густав закрыл глаза и начал падать назад. Он чувствовал, что это единственное на данный момент, что он может позволить себе сделать со своим телом. Закрыть глаза и расслабиться, перестав контролировать все мышцы.

Он падал очень долго.

ОТДАЙ БЯКУ!!!

Словно в вечность.

БЯКУ ОТДАЙ!!!

А голос высверливал ему мозг изнутри.

ОТАДАЙ!

БЯКУ!

Голос внезапно исчез. Как и девочка. Как и Легионер. Как и цветастое платье со сборками. Густав открыл глаза. Вокруг царил темнота. Ничего не видно. Он попытался пошевелить рукой. Вроде бы нормально, но ее тоже не было видно, поэтому с равным успехом у него могло вообще не существовать руки.

Рук. Ног.

Тела.

Парение в беззвучной невесомости. Такой большой в таком маленьком и одновременно огромном, бескрайнем мире. По ощущениям это похоже на его кошмарный сон. Или...

– Я умер? – спросил он вслух, не ожидая услышать ответа.

Но ответ был:

– Ты жив, придурок!

– Семен? – Странник потряс головой. – Это ты?

– Да я, я. Очнись. Открой глаза. Эй!

Звонкий шлепок и жгучая боль в районе щеки. Внутри Густава что-то напряглось, выгнулось и затем рвануло наружу. В глаза ударил свет – яркий и слепящий. Он перегнулся и свалился с рук Семена на землю, забрызгивая все вокруг фонтанирующей рвотой. Когда спазмы в желудке закончились, Густав опрокинулся на спину.

Его окружало человек десять, среди которых крутился и встревоженный полусонный Марков.

Ослепительный свет ушел куда-то, уступив место свету мягкому, от фонарей. Черное звездное небо кружилось над ним то в одну, то в другую сторону, цепляя за собой хоровод

склоненных лиц, словно множество бледных лун. Странник со свистом втянул в себя прохладный ночной воздух и сжал кулаки. Раздался хруст. Он поднял руку и увидел перед собой прозрачный пакетик с кристаллами, которые заливала синяя густая жидкость. Легкий холод тронул запястье Густава – в компрессе наступила реакция.

– Что это было? Где девочка? Вернее, Легион...

– Какая еще к черту девочка и Легион? Ты грохнулся в обморок и часа три валялся без сознания, – говорит Семен.

– Это из-за сотрясения мозга, я же говорил, – слышится голос доктора Шомова, но странник его не видит.

– Значит, всего лишь сон.

– Сон, сынок, сон. Поднимайся, – а это Марков. Старик Марков. Как всегда, рядом в трудный момент.

– Я... – Густав приложил холодный пакет к раскаленному лбу и застонал от наслаждения. – Я в порядке. Только полежу тут и встану.

Одобрительный смех.

Жителям нравится такой ответ, достойный настоящего мужчины. Даже больше – странника. Его поднимают и группой ведут на первый этаж, на место Маркова. Старик суетится, подбадривает странника и сообщает, что с радостью поспит и на девятом, с такой-то оказией.

Густав кивает ему. Вернее, ему кажется, что он кивает. Смотрит себе под ноги и видит на полу отражение девочки, указывающей на него пальцем. Он моргает, и видение исчезает.

Странника кладут на кровать, он разжимает пальцы, отпуская ледяной компрессор, и практически мгновенно засыпает.

Облегчение.

И в эту ночь ему больше не снятся кошмары.

Глава 14

Густав окончательно проснулся от мелодичного звона колокола. Но прежде его разбудило давящее ощущение всеобщего возбуждения, мобилизации чувств и эмоций. Это напомнило ему детство, когда он засыпал перед своим днем рождения, а когда просыпался, то в корабле никого не было. Тишина, стоп машина, бросить якоря. Но он всей кожей ощущал, что готовится что-то интересное. Потому что иначе и быть не может, потому что каждый день рождения – это маленький праздник для маленького странника, так говорила ему мать.

И когда он выходил из корабля, то чувство радости достигало предела, щекотало горло и раздвигало уголки рта как можно шире. Всего их было трое – он, мать и отец, но их общие эмоции заставляли Густава смеяться и весь последующий день провести в прекрасном настроении.

Здесь же, в городе, жило гораздо больше людей, и именно поэтому эмоции толпы буквально вырвали Густава из сна, а колокол лишь помог все осознать и окончательно проснуться.

Он протер глаза. С лицом стало уже получше, но все равно оно еще болело. На теле то там, то здесь виднелись желто-фиолетовые пятна синяков.

В комнату заскочил Семен. Он был умыт, выбрит, влажные волосы аккуратно причесаны, а в руках открытая консервная банка и початая пачка крекеров.

– Доброе утро! Кошмары больше не снились?

– Нет. – Густав улыбнулся, застегивая ремень. – Ничего такого, спал как младенец.

– С соседом не виделся?

– А он у меня есть? Я только проснулся, уж извини.

– Понятненько. Вот, держи. – Семен протянул страннику еду. – Поешь по-быстрому. Тут бычки в томатном соусе, объеденье! С крекерами просто супер, мое самое любимое

блюдо, если не считать настоящего мяса. Умойся и бегом к церкви.

– Куда?

– К церкви. Здание с крестом, там отец Захарий службу каждое утро проводит, нужно быть всем жителям дома.

– А. – Густав сел на стул, отломил половину крекера и намочил его в красном, густом томатном соке. – У храма.

Семен, уже в дверях, резко обернулся. В его глазах опять вспыхнуло стальное пламя, свидетельствующее о том, что Густав сказал нечто ему неприятное.

– Не храм, а церковь, – тихо сказал он.

– И в чем отличие?

– Храм у язычников. Например, у людей Бояра, где они поклоняются Легиону.

– Кому?! – Густав поперхнулся крекером и закашлялся, стуча себя по груди. Во все стороны полетели крошки.

Семен сходил на кухню и принес жестяную кружку с водой. Странник с благодарностью взял ее и выпил чуть ли не залпом, стараясь одновременно подавить кашель и промочить сухое от консервов с крекерами горло.

– Легиону, – продолжил Семен, забирая кружку обратно. – Они верят в Легион и думают, что находятся под его защитой. Какой-то бред в общем-то. Верят, что придет день и придет Легион, чтобы забрать их с собой куда-то. Наверное, в райские кущи.

– Ты, стало быть, в Легион не веришь?

– Я? Нет. – Семен посмотрел на Густава так, словно тот сморозил полную чушь, типа Земля плоская или что можно достигнуть линии горизонта. – Конечно нет. Кто может верить в Легион, кроме детей?

– Ну, например, я.

– Ты?! Да не разыгрывай меня.

– Я правду говорю. Можешь спросить у Маркова. – Густав доел консервы и теперь аккуратно пальцем собирал остатки со дна, стараясь не зацепиться за острые края отогнутой крышки. – Я видел Легион прямо как тебя.

– Или прямо как вчера?

– Вчера было не то, галлюцинация. А вот Легион мы с Марковым видели вместе, так что тут никаких вариантов про сотрясение и помешательство, все происходило на самом деле.

– Так я и поверил. – Семен усмехнулся и поправил прическу, глядя в заляпанное и подбитое с одного бока зеркало, висящее на стене.

Стены тут покрывали шершавые светло-желтые обои в мелкий синий цветочек. Возле кровати они уже вытерлись и смотрелись не слишком хорошо, как будто кто-то упорно вылизывал их жирным, мокрым языком.

– А ты поверь, Семен, поверь. Как-никак я странник. Ты же прожил всю свою жизнь здесь, в городе.

– Это да, но ведь и я много повидал. Мы с ребятами достаточно исследовали здешние места. Ходили далеко, дальше, чем ты можешь себе представить.

– Уж я-то да. – Теперь пришла очередь усмехаться Густаву.

– Я не в том смысле. Просто ты думаешь, что мы – дикари, как вы нас называете, правильно? Сидим тут, пожинаем плоды того, что осталось после предков, и тихо умираем. Но на самом деле все не так. Я общался с мужем матушки Марии. Он поначалу тоже был таким непримиримым, как ты, но обстоятельства... или вера в Бога изменили его. И он понял, что все в этом мире строится не так, как вы, странники, себе представляете.

– А как же?

– Мы многим интересуемся. Я, например, знаю Тиски как свои пять пальцев. Знаю, где живут муты, знаю, где можно охотиться, пить, найти пропитание или настоящих дикарей – тех людей, которые хотят жить в одиночестве, без братьев и сестер. Я знаю много полезного об этом месте. Я бывал даже в краю висельников и в курсе, где живут люди Бояра.

– Да? – Густав быстро поднялся со стула и нервно облизнулся. – Где же они живут?
– Хочешь их навестить? – Семен оперся плечом на стенку и внимательно посмотрел на странника.

– Допустим, хочу.

– И у нас ты не останешься?

– Послушай... – Густав почесал затылок и вдруг спросил: – Мне же надо умыться? Мы вроде как опаздываем?

– О, точно. Давай тогда быстрее, в ванной стоит бидон с водой, я проверил уже.

Странник проскочил мимо Семена, вышел в коридор и без труда нашел ванную. Все здесь было абсолютно такое же, как и в той квартире, в которой он собирался заночевать еще вчера, но обстоятельства решили иначе.

Вода оказалась прохладной, но не ледяной. Фыркая, Густав умылся, обтерся по пояс, выдавил немного зубной пасты на палец и поскреб зубы. Причесываться и бриться времени не оставалось, но он решил намочить волосы и хоть как-то их пригладить. От отца в наследство он получил шевелюру, которая после сна превращалась в пособие по изучению ядерных взрывов. Если сон протекал беспокойно, – а он в эту ночь таким и был, – то наутро шевелюра представляла собой зрелище поистине фантастическое. Густав даже лишний раз старался не смотреть в маленькое зеркало у себя на корабле.

Со щетиной проблемы складывались примерно такие же, только здесь суть заключалась в том, что бритва странника уехала вместе с кораблем и Бояром в неизвестном направлении. Поэтому пока он решил походить с быстро отрастающей бородой, редкой в районе щек и почему-то густой вокруг рта и на шее. Опять же наследство от отца. Тут он хорошо постарался, ничего не попишешь.

– Так почему же ты не хочешь остаться у нас? – снова спросил Семен, держа полотенце наготове.

– Потому что я странник. Я не могу сидеть в городе. Неделя, две, три. Месяц. Я свихнусь, честное слово, я никогда не находился в одном месте больше трех-четырёх дней. Это не мое. Меня тут ничего не держит да и не может удержать в принципе!

– Ну, а если попытаться?

– Слушай! – Густав оперся на край ванной, вода холодными струйками стекала с волос и билась о белую никелированную поверхность. – Ты можешь полизать себе яйца? Собака вот может, а ты нет. И я нет. Потому что мы с тобой не собаки. Я, Семен, не городской житель, я странник. Тут различие не в названиях, тут все дело в образе жизни и смысле... жизни же.

– Все с тобой понятно. Просто я подумал: вдруг ты захочешь помочь нам всем? Я так понимаю, ты не обычный человек, не пустая оболочка, у тебя много знаний и опыта, они могли бы пригодиться всей семье... А что означает эта татуировка у тебя на спине?

Семен кивнул на черную перевернутую восьмерку, выбитую между мускулистых лопаток странника.

– Это как раз то, о чем мы с тобой говорим. Она отражение моей души и означает бесконечность. Если бы ты сделал себе похожую татуировку, то знаешь, что там было бы?

– Что?

Семен подал полотенце, и Густав осторожно вытер лицо, затем тело и подсушил уже порядком отросшие волосы.

– Одно лишь слово – «Тиски» там значилось бы. Это твой мир. А мой мир бесконечность. Ехать куда глаза глядят и не оглядываться назад.

– Понятно. Наверное, ты прав.

– Конечно. Ну так что, покажешь, где живет Бояр?

– Покажу. – Семен повесил полотенце на пластиковый держатель. – Но не сразу. Потому что одному или даже с твоим другом, Михаилом, вам не справиться. Все не так просто, как ты думаешь.

– Но ты мне хотя бы объяснишь, в чем там дело? А тогда уже мы на ходу и план

придумаем, как вернуть корабль. Силой или уговорами.

Густав пригладил волосы, прополоскал рот, надел футболку, и они пошли на службу. В подъезде еще царила прохлада, а вот на улице уже припекало. Основная масса жителей дома к тому времени собралась возле церкви, окружив ее и не заходя внутрь, так как для всех там не хватило бы места. Отец Захарий стоял возле открытого входа на сколоченном из досок постаменте и совещался с матушкой Марией.

Охрана, как отметил для себя Густав, сменилась, но со своих постов не уходила. Только Игорь мог себе позволить участвовать в службе непосредственно. О безопасности здесь беспокоились не меньше, чем о пропитании или спасении души.

На выходе из подъезда их окликнул Марков. Он выглядел выпавшимся и гораздо бодрее, чем вчера, даже улыбался. Пожал руки Густаву и Семену, закинул в рот таблетку, морщась, проглотил и пояснил: «Для почек».

Они пошли по чистой, подметенной дорожке к церкви. Семен, все это время о чем-то думавший, вдруг продолжил мысль, оборванную еще в квартире:

– Вряд ли ты решишь дело с Бояром уговорами. Он не из тех людей, которые отдают присвоенное за какие-то слова.

– Вы это о корабле? – спросил Марков.

– Да, – сказал странник и обратился к Семену: – Я тоже за силу, потому что оторвать яйца этому ублюдку просто дело чести. Но если ты говоришь, что нам двоим не справиться, получается, что у них там все серьезно?

– Серьезнее, чем у нас. Мы большая, трудолюбивая, живущая под единым Богом семья. А люди Бояра – это звери, живущие ради того, чтобы убивать. Они солдаты, практически пираты, если тебе это о чем-то говорит. Я слышал, что существуют такие парни на кораблях, которые устраивают налеты на все, что попадаете им под руку.

– Вернее, под колеса, – подтвердил Густав.

– Или так. Если бы Бояр мог обеспечить своих людей машинами, то их давно уже не было бы в Тисках, потому что первым делом они бы разнесли этот город к чертям собачьим, а затем вся земля дрожала бы от их зверств.

– Ну, тут на кого нарвешься. – Странник потянулся и с удовольствием хрустнул пальцами. – Окажись мы в равных условиях, один на один, сомневаюсь, чтобы этот олух и дальше наслаждался своим ничемным существованием.

Они подошли к толпе. Семен, на правах давнего и уважаемого обитателя дома, провел их как можно ближе к отцу Захарию. Тот уже перестал говорить с матушкой Марией и стоял молча, ожидая, когда можно будет начать собрание, и молчание это, словно хлыст, подстегивало опаздывающих.

Когда во дворе не осталось никого, кроме охранников, и внимание присутствующих сконцентрировалось на святом отце, тот начал говорить.

Глава 15

Густав сразу заметил, что с ним что-то не так. Еще даже не начав проповедь, отец Захарий принялся странно дергать шеей, будто ее сводило судорогой, причем только с правой стороны. Было видно, что он старается унять эти подергивания, но они происходили непроизвольно, рывками, провоцируемые явно сильным сокращением мышц. Но, возможно, никто из собравшихся этого не видел.

Странник посмотрел на Семена, но, судя по выражению его лица, для него все происходило в пределах нормы. Он с обожанием глядел на Захария и улыбался одними уголками губ. «Улыбка болвана» – так назвал ее Густав. Марков вроде тоже ничего не замечал, он, как и все, стоял смиренно и ожидал что-то услышать. Только, в отличие от этих всех, что именно он услышит, старик не знал. Поэтому он скрестил руки на груди, инстинктивно защищаясь и от слов, и от своей непредвиденной реакции. Если ему что-то не понравится, уйти отсюда будет нельзя, придется слушать. И Марков приготовился ко всем

возможным вариантам развития событий.

Как оказалось чуть позже, кое-что даже он предугадать не смог.

Отец Захарий откашлялся в кулак, дернул шеей (в четвертый раз, отметил про себя Густав) и начал громким, сильным голосом:

– Братья и сестры! Каждое утро мы просыпаемся и благодарим Бога за то, что Он подарил нам жизнь. Что мы без Него?

– Ничто, – ответили собравшиеся хором.

Густав тоже успел что-то пробормотать вместе с ними, чтобы не казаться белой вороной. Обратная реакция людей на службу стала для него сюрпризом.

– Ничто! Но Бог дал нам все, дабы мы стали Чем-то! И даже не чем-то, а Кем-то! Людьюми! Людьюми с душой, которые начнут новую, здоровую жизнь на этой опустошенной земле. Которые не боятся труда и преград. Бог дал нам инструменты и свое благословение. У нас же есть руки и голова на плечах. И мы знаем, как всем этим пользоваться! Разве это не благословение?!

– Благословение! – На этот раз странник ничего не говорил, а просто открывал рот в такт слогам. Марков же, наоборот, проникся всеобщим настроением. Служба оказалась не таким уж страшным действием, и он слушал Захария с удовольствием, слегка повернув голову направо, так как одно его ухо стало плохо слышать после аварии и взрыва.

– Перед нами великие просторы! Нам дали глину, и мы должны вылепить из нее наше будущее. Каждый из нас – это неотъемлемая часть будущей счастливой жизни. Когда-то, во времена наших предков, Бог решил, что хватит. Видимо, как ни прискорбно это говорить, наши предки не отличались праведным поведением. И мы знаем об этом, потому что постоянно находим доказательства их существования без Бога в душе. Они нагрешили!

– Нагрешили! – воскликнула толпа.

– Нам выпала великая честь исправить грехи наших дедов! Мы те, кого избрал Бог для новой жизни. Для того чтобы построить эту жизнь и сделать так, чтобы подобное больше не повторилось! Мы прошли много километров, прежде чем нашли наш новый дом. И что? Разве хуже мы живем, чем все остальные? Мне кажется, что гораздо лучше! Потому что мы семья! И потому что с нами Бог!

– С нами Бог!

На этом выдохе толпы Густав взял на вооружение поведение Маркова и скрестил руки на груди. Хотя старик уже вовсю влился в новое для него общество и руки больше не скрещивал, как и не обращал внимания на скованное поведение своего друга и спасителя.

– Мы берем Его дары, – произнес Захарий и дернул шеей два раза подряд. Он пошатнулся и даже положил руку на плечо сидевшей рядом на стуле матушки Марии, чтобы не упасть. – Но мы не должны только лишь брать. Мы должны еще и отдавать. Сеять, жать, разводить скот, рожать детей, создавать здоровые семьи. Это ли не то будущее, в котором мы станем благостно жить все – от мала и до велика? Это ли не послание Бога?!

– Послание Бога!

– Да будет так! – выкрикнул отец Захарий и упал, схватившись за голову.

Сначала собравшиеся даже и не поняли, что произошло. Секунд пять все стояли в ступоре, тупо глядя, как Захарий катается по деревянному полу перед церковью, а потом бросились на помощь.

Но их опередила матушка Мария. Одним мановением руки она остановила желающих помочь и встала рядом с отцом Захарием на колени. Попыталась прижать выгибающееся тело святого отца к полу, но это оказалось просто невозможно.

– К нему пришел Бог! – отрывисто сказала она, и у Густава похолодело в груди. Что? Отец Захарий умирает, то есть его забирает к себе этот их бог?

Но Захарий вдруг перестал биться в судорогах и застыл с прижатыми к вискам ладонями. Затем медленно встал на четвереньки и пополз к церкви, метя бородой доски. Его била крупная дрожь, буквально сбивающая с ног, но Мария не последовала за ним, оставшись сидеть на месте.

Захарий дополз до двери и схватился за ручку. Только сейчас Густав заметил, что, в отличие от всего здания храма, дверь сделана не из дерева, а из какого-то темно-серого матового металла.

Подтянувшись за ручку, отец Захарий встал на колени и прислонился лбом к двери. Все замерли. Семен, задрав голову, с открытым ртом наблюдал за происходящим. Марков тоже не отставал от него, как будто ожидал, что святой отец сейчас начнет летать или станцует на голове. В общем, явит какое-либо чудо. Но все прояснил Семен. Свистящим шепотом он тихо сказал Густаву и Маркову:

– С ним говорит Бог.

– В каком смысле «говорит»? – переспросил странник.

– Так всегда бывает, когда он слышит Бога. И Он, Бог, разговаривает только с отцом Захарием. Лично.

– Что за бред? Ты на самом деле веришь в это? – сказал Густав как можно тише.

– Естественно. Бог всегда говорит Захарияу правильные и полезные вещи. Ни разу еще не было, чтобы произошло что-то, позволяющее усомниться в его словах.

– Кого? Бога или Захария?

– Это одно и то же. Он глас Божий.

– Блин. – Густав ожесточенно потер подбородок и огляделся по сторонам.

Абсолютно все люди смотрели на отца Захария, буквально не сводя с него глаз. Десятки пар широко распахнутых глаз ловили малейшее его движение. Это походило на всеобщее помешательство. А вдруг они правы? И с этим священником действительно говорит сам Бог?

Странник потряс головой. Что за бред? Быть такого не может, этот мужик просто ловко манипулирует всеми, делая вид, что имеет выход на того самого босса, который когда-то позволил уничтожить большую часть человечества.

Но как же ему удастся заставлять их верить во все это? Глас божий и так далее? С помощью корчей на полу и стонов? Вряд ли. Наверное, это какие-то психологические штучки. Однажды Густав ночевал в гостинице у Крека, и к нему подсела немолодая женщина в цветастом платье. Она назвалась цыганкой и сказала, что может рассказать страннику будущее по линиям на его ладонях. Как же это было смешно! Он тогда еще спросил, а не делает ли она предсказания по одной-единственной линии на заднице, но ее темные глаза, смотревшие на него то ли с упреком, то ли с усмешкой, заставили протянуть руку.

Цыганка наговорила много всего, и Густав, к своему удивлению, ей даже поверил. Когда же он расстался с хорошими, еще работающими механическими часами в обмен на ее пророческую услугу, Крек очень долго смеялся над ним. Все оказалось просто до безобразия. Цыганка рассказывала лишь общие вещи, ориентируясь по внешнему виду и поведению Густава. Странник? А кто еще может остановиться в эту зимнюю ночь в таверне у Крека? Нет родителей? Большинство странников одиночки. Недавно случилась передрыга? Посмотри на свой сходящий синяк под глазом и заживающую бровь, придурок!

В следующий раз, когда в такой же гостинице для странников к Густаву подсела похожая особа, он послал ее куда подальше. За работающие часы он и сам кому угодно мог рассказать про его будущее, исходя из волос в ушах и цвета глаз при свете солнечного заката.

Но случай с отцом Захарием был посложнее. Одного обмануть легко, особенно в первый раз. А вот обманывать такое количество народа каждый день, то есть постоянно, ой как непросто... Даже если половина из них клинические дураки, верящие любым фантазиям. Но есть ведь и умные личности? Например, Семен, который не поверил в существование Легиона. Легко бы он поверил словам какого-то мужика с бородой?

Навряд ли.

Густав посмотрел на отца Захария. Тот наконец зашевелился, оторвался от дверной ручки и повернулся к людям, прислонившись спиной к двери. Странник увидел его мокрое

от пота и до жути бледное лицо, контрастирующее с черной бородой и длинными густыми волосами. Уродливый шрам на левой стороне головы горел алой изломанной чертой. И, как показалось Густаву, шрам пульсировал.

– Бог говорил со мной, – еле выдавил Захарий, как будто все эти пять минут он непрерывно орал, стараясь достучаться до небес.

Но толпе понравилось то, что он практически прошептал. Люди заулыбались, облегченно выдохнули и превратились в одно огромное ухо, готовое внимать.

– Бог сказал, что будет долгое лето, до конца ноября, и мы сможем снять два урожая.

– Вот те на! – воскликнул Семен. – Нет, ты слышал? Два урожая!

– Бог сказал, – продолжил отец Захарий, – что мы идем правильным путем. И что наши труды будут вознаграждены.

– Скажем Богу спасибо! – взревела толпа.

Семен от восторга даже умудрился подпрыгнуть, несмотря на то, что за время «разговора» Захария с богом люди встали так плотно, желая разглядеть чудо, что не было возможности даже пошевелить руками, прижатыми к бедрам, не то что прыгать.

– Но он сказал и кое-что еще, – отец Захарий тяжело вздохнул и вдруг посмотрел Густаву прямо в глаза.

Странник вздрогнул и подумал, что это ему только кажется. Что точно такие же ощущения сейчас у всех, кто стоит рядом с ним. Но он мог поклясться, что Захарий высмотрел и смотрит теперь точно на него, прямо на него... в него.

– Он сказал, что скоро перед нами встанет тяжелый выбор. И это будут непростые времена. И чем быстрее мы сделаем этот выбор, тем быстрее все вернется на свои места.

– Что за выбор? – крикнул кто-то из ближнего ряда.

– Бог не стал уточнять. Когда придет время, Он скажет конкретно. Сейчас же мы должны продолжать жить, как жили. И все у нас будет хорошо.

Отец Захарий слабо махнул рукой, и Мария бросилась к нему, чтобы помочь подняться. Тут же к ней присоединилось еще несколько человек, но на этот раз она им не мешала – служба закончилась. Захария подхватили под руки и повели в «элитный» дом, чтобы показать доктору. Примерно на полпути у него из носа хлынула кровь, но, кроме Густава, похоже, этого опять никто не заметил. Людей здесь в большей степени интересовало возвышенное, божественное в святом отце. Он говорил им нужные вещи, был гласом Бога, и за всем этим величественным антуражем никто не видел в Захарии человека. Они смотрели на него как на говорящую статую, воплощение веры, единственно возможное и справедливое во всем мире.

Но Густав видел в нем именно человека. Обычного, со своими проблемами и интересами. Наверное, потому, что во всех остальных он видел дикарей. А этот... он как-то из них выделялся.

Марков и Семен что-то дружно обсуждали, уводимые потоком толпы. Густав оставался на месте. У него возникла мысль, которую хотелось либо подтвердить, либо опровергнуть. Прошел мимо Игорь, осмотрев его с головы до ног тяжелым взглядом, пробежала пара молодых девушек в легких футболках и без бюстгалтеров, дружно захихикавших при виде странника, прошла мать с грудным ребенком, проковылял худой хмурый старик с титановым протезом вместо ноги. Странник опустил глаза и принялся ждать, когда все разойдутся.

Через две-три минуты возле церкви не осталось ни одного человека. Здесь все действия приобретали массовый характер, что удивляло Густава. Все разошлись, все сошлись, все пошли работать, все пошли спать. Все вместе, заодно, в едином порыве и стремлении.

«Хочешь ли ты быть таким, как они?» – задал себе вопрос Густав, направляясь к церкви.

Нет, не хочу, практически мгновенно прозвучал ответ. Ни за что и никогда.

Перед церковью располагался небольшой деревянный помост высотой в два кирпича. Доски приятно пружинили под ногами, когда странник поднялся, переступив через одну абсолютно ненужную ступень, и направился к входу. Дверь в церковь действительно была

железной. Он прикоснулся к теплой, нагретой солнцем поверхности, но ничего не почувствовал. На ней все еще оставался темный след, очертания потного лица Захария там, где он прислонялся к металлу.

– Не хочешь ли поговорить со мной, бог? – прошептал странник.

Затем взялся за ручку и толкнул дверь. Она безропотно открылась.

Внутри церкви царила духота, но вместе с тем пахло свежим срубом, деревом, опилками и смолой. Еще здесь витал какой-то легкий, неуловимый запах, приятно защекавший ноздри Густава. Судя по всему, посетители тут появлялись редко, так как желтые, грубо обработанные доски на полу даже не успели впитать в себя грязь под многочисленными стопами страждущих приобщиться к Богу. Людям хватало службы.

Густав огляделся. Помещение не поражало большими размерами, но одновременно с этим почему-то казалось просторным. Может быть, из-за очень высокого потолка. Впереди стоял алтарь. Через вырубленные в бревнах окошки, примерно на уровне двух метров от пола, внутрь попадал солнечный свет, в котором плясали пылинки. На стенах развешаны картины. Осторожно ступая, странник принялся обходить их по очереди. Ничего интересного. Какие-то бледные изможденные лица, рядом с ними непонятные надписи. Некоторые картины были заключены в тяжелые рамы, две за стеклом, а остальные просто прибиты гвоздями к стенам.

Но возле одной картины странник задержался. На ней был изображен распятый на кресте юноша, похожий на того, которого они с Марковым встретили в аптеке. Только этого нарисовали, наверное, в момент самого распятия. Густав прикоснулся пальцами к шершавой маслянистой поверхности. Внизу картины белела приклеенная полоска бумаги, на которой кто-то написал всего три буквы. Странник присел, чтобы получше разглядеть их, но, скорее всего, это был русский язык, не имеющий ничего общего с иньерой. Какие-то странные, изломанные буквы с острыми углами.

«Вэ»? «Дэ»? «Бэ»? Постойте-ка, если это «бэ», значит вот эта «о», и получается...

– Бог, – раздался голос, и Густав резко обернулся. Отец Захарий стоял у входа и промокал белой тряпичей уже не кровоточащий нос. – Ты захотел приблизиться к Богу, Густав?

– Нет, просто стало интересно и решил зайти. Я никогда не бывал в таких местах.

– Вот оно что. Повернись, пожалуйста, нельзя стоять к алтарю спиной.

Густав пожал плечами, но выполнил просьбу святого отца.

– Значит, стало просто интересно? – Захарий встал рядом с ним.

– Да, все эти картины, запах. Но я думал, может, здесь все будет вроде как... в корабле богов, что ли.

– Эти картины называются иконами. Иногда они плачут. Ты видел, чтобы картины плакали, Густав?

– Нет. Но я однажды видел робота, который умел жать руку. – Густав добродушно улыбнулся. – Мне его хотел продать один странник, причем очень дорого. А робот этот больше ничего и не умел. Ну, я и отказался, зачем мне такая безделица?

– Роботы – бездушные создания. Как и корабли. Что такое твоя машина, Густав? Это средство, с помощью которого ты едешь куда-то далеко. Так далеко, что и сам не знаешь куда. Корабль делает твое существование бессмысленным. А иконы помогают людям обретать веру. Когда видишь, что из глаз нарисованного Бога текут слезы, то как-то сразу начинаешь понимать, что к чему, не правда ли?

Отец Захарий тяжело опустился на деревянную скамью возле стены и похлопал по ней, предлагая Густаву присоединиться. Но тот отрицательно покачал головой, с любопытством осматриваясь по сторонам. Помимо картин, тут еще были щепки, воткнутые в чаши с песком на тонком постаменте. И, судя по обгорелым концам, их когда-то зажигали. Больше же всего странника заинтересовал живописный алтарь, состоявший из множества разных вещей, о предназначении которых можно было только догадываться. Но самыми странными казались металлические полоски, тянувшиеся от подножия алтаря куда-то к стенам. Их трудно было

заметить из-за малой толщины. По три штуки с каждой стороны, они от пола тянулись к основанию алтаря и еще, наверное, выше, исчезая из поля зрения Густава.

Густав начал беспокойно озираться, в то же время стараясь поддерживать беседу.

– То есть все люди на этих картинках... вернее, на иконах, это и есть Бог? – спросил странник.

– Да.

– Но тут даже женщина есть! А остальные – старцы, мужчины или юноши.

– Бог не просто человек в твоём понимании, Густав. – Отец Захарий аккуратно сложил тряпицу вчетверо и убрал куда-то в складки своих обширных одежд. – Он может принять любой облик.

– Это удобно, – улыбнулся странник.

– В этом нет ничего смешного. Пути Бога неисповедимы. Сегодня Он старец, а завтра молодая женщина. Только вот суть остается одна. И отображена она тут! – Отец Захарий торжественно показал на икону с подписью «Бог».

– Но почему он распят?

– Потому что страдает за наши грехи, за грехи наших предков. Своей кровью Он искупает их.

– А затем?

– Что «затем»?

– Ну, затем он умирает на этом кресте? Как же он тогда разговаривает с вами? Например, сегодня? Мертвые не умеют говорить.

– Тут, знаешь ли, вот такая ситуация. – Захарий погладил свою бороду, пропуская густые волосы сквозь пальцы. – Бог бессмертен. Он не может умереть.

– А к чему тогда страдания на кресте, если он не может умереть?

– Это... это... – Захарий начал нервно теребить бороду.

– Если смерть ему не угрожает, то и страдания бессмысленны. Любые страдания – это главная составляющая страха перед смертью. – Густав, наконец, сообразил, куда подходят металлические пластины от алтаря. Он посмотрел вверх, затем повернул голову назад, к двери, и все стало на свои места. Его догадка оправдалась. – Смысл страданий – в грозной смерти и неизвестности. Нет смерти, нет страданий. То есть ваш болтающийся Бог не более чем бессмыслица?

– Вон!!! – закричал отец Захарий, вскакивая. Из его правой ноздри снова полилась струйка крови, прямо в шикарные усы, но он этого не заметил, наступая на Густава своим плотным телом. – Ты в церкви, прилюдная овца! В святой церкви, там, где все пропитано Богом! И ты смеешь так говорить о Нем?! Вон из церкви, и чтобы я тебя больше здесь не видел! А если попытаешься сказать еще хоть одно свое поганое слово, то мне достаточно увидаться с матушкой Марией, и вас вышвырнут из нашего дома, как поганных мутов. Вон!!!

Густав поднял руки и задом, чтобы не поворачиваться к алтарю спиной и не вызвать еще большего гнева у Захария, попятился к двери.

Уже снаружи он снова прикоснулся к металлической поверхности двери и сказал:

– Одно, по крайней мере, стало понятным. Но зачем? И почему? И, главное, как?

Постояв еще немного, переводя взгляд с двери на блестящий на солнце крест и обратно, Густав поспешил удалиться от церкви на приличное расстояние.

Глава 16

Три следующих дня Густав работал наравне со всеми. Его определили в напарники к Семену, а Маркова взяли в «элитный» дом в качестве помощника доктора, хотя он этому весьма сопротивлялся. Но когда старику сказали, что от него потребуется исполнение весьма простых обязанностей, а Шомов за это еще и подлечит его почки, то пришлось согласиться. Запас таблеток сокращался, и рассчитывать на них всю оставшуюся жизнь не хотелось. Марков никогда не имел дела с докторами, в его общине их просто не было. И Шомов для

него стал кем-то вроде отца Захария – человеком-спасителем, открывающим глаза на новый мир. К Густаву он подобных чувств после случая на заправке уже не питал.

Семен в семье работал охотником, и его никогда не ставили в сад или на огород. Соответственно, Густава тоже избавили от этого неприятного для него занятия, потому что ничего тоскливее, чем копанье в земле и возня с растениями, он не знал. Судьба никогда не забрасывала его на грядку, но то, что он видел со стороны, ничуть не радовало.

Участок позади домов занимал примерно гектар. Третья часть его отводилась под скот, а остальное – под сад и огород. Два неровных куса земли разделял такой же забор из металлической сетки, что отделял и жилую часть двора от хозяйственной, дабы животные не съели урожай.

С раннего утра и до заката общий насос работал исключительно на хозяйство. Вода качалась в общий резервуар, представляющий собой большую бочку с вечно барахлившим компрессором, поднятую повыше с помощью деревянных козел и подмостков. Оттуда вода уже перетекала по специально проложенным водостокам к поилкам, а также разливалась по всей площади огорода. Подобная система водоснабжения заинтересовала Густава, так как вручную здесь ничего не поливалось. Умная система водоотвода строилась так, что жидкость поставлялась прямиком к корням всех посаженных строго по схеме и по своим площадям растений.

С животными было сложнее, чем с огородом, но и веселее. Их участок, в свою очередь, делился на загоны, вдоль которых тянулся единый проход, так сказать мертвая зона между вечно голодными молчаливыми козами и вкусно пахнущей морковью. Даже при желании ни одно животное не могло дотянуться до урожая, как бы ни вытягивало свою шею. К счастью, никаких жирафов во дворе не держали.

В обязанности ухаживающих за животными входила уборка и кормежка. А вот коров, находившихся ближе всего ко двору, доили специальные женщины. Впрочем, они не проходили мимо и четырех коз, хотя их молоко не пользовалось у жителей большим спросом из-за постоянной горчинки во вкусе.

Как сказала Мария, у всех животных, кто мог издавать хоть какие-то звуки, при рождении либо после поимки сразу же отрезали язык. Это было безмолвное разношерстное стадо. Конечно, их запахи и прочие метки могли привлекать к себе мутов с окраин города, но все же лучшим решением было оставить их без средств звукового сообщения.

Дни в подобном ритме тянулись для Густава мучительно долго.

Каждые двадцать четыре часа повторялись раз за разом, словно ужасающе тоскливая карусель проносилась мимо его потускневших глаз. Подъем, служба, работа, еда, отдых, работа, сон. На следующий день подъем, служба, работа, еда, отдых, работа, сон. И снова подъем, служба, работа, еда, отдых, работа, сон. Страннику казалось, что он насквозь пропах скотом. Его руки, раньше сжимавшие руль и знающие толк в работе со множеством сложных механизмов, теперь покрывали царапины, ссадины, вдобавок под ногти въелась грязь. По вечерам он мыл руки до красноты, но все было тщетно.

К четвертому дню Густав готов был выть от безысходности. Семен не торопился рассказывать, где живет Бояр, вежливо уклонялся от расспросов, и поэтому странник решил уйти из семьи как можно скорее. С Марковым или без него – не важно. Старику здесь нравилось, он наконец-то возвратился в общество людей и вряд ли поддержит Густава в его начинаниях. Менять уютную квартиру на неизвестность было не для него.

Густаву же неизвестность стала сниться по ночам вместо кошмаров. Там он ехал куда-то вдаль по бесконечной гладкой дороге, на максимальной скорости, высунув руку в открытое окно, подставляя ее навстречу ветру, и чувствовал, что вот-вот что-то случится. Дорога кончится, будет стена, овраг, что угодно. И когда напряжение достигало предела, Густав просыпался. Открывал глаза, смотрел в белый потолок и слушал сопение Семена в соседней комнате, изредка перемежавшееся храпом. Закрывал глаза и ждал темного, провального сна, без картинок и образов, как спасения. Определенность его новой жизни убивала. Он не привык к этому. И не хотел привыкать.

После утренней службы, на пятый день работы, Густав побрел включать насос для хозяйства. Сегодня пришла его очередь сделать это. Насос находился метрах в десяти от дома, его огораживал хлипкий деревянный забор пять на пять метров и дверь на щеколде, чтобы дети случайно не испортили там что-нибудь важное или сами не покалечились, так как поршень работающего насоса мог играючи раздробить кирпич.

Весь механизм укрывала специальная солнечная батарея-крыша, которая раскрывалась над насосом, как зонтик, и регулировалась по высоте через один тонкий шток. Внутри насосной станции, как важно ее называл Семен, всегда пахло сыростью. Но лишь по утрам. Уже к обеду, если ярко светило солнце, туда нельзя было войти из-за сущей парилки, сшибающей с ног.

Через рычаг ручного управления Густав подкачал немного ушедшую из трубы за ночь воду и нажал на красную кнопку с вытертой надписью «tart». Насос ожил, низко загудел и завибрировал. Странник открыл маленький, специально отведенный кран с угольным фильтром, и оттуда тоненькой струйкой потекла питьевая вода. Он набрал полную пригоршню, умылся и сделал пару глотков.

Для него было удивительным, как вода может течь где-то под землей, и еще более странным казалось то, как ее там нашли. Маленькое чудо. Но Семен рассказывал, что, когда они заселились здесь тринадцать лет назад, во дворе уже стояла колонка. Оставалось только отыскать и приспособить на нее насос.

Вытирая лицо подолом футболки, которую он стирал каждый раз на ночь, странник медленно и неохотно пошел в сторону хозяйственного сектора. Там уже работало множество людей, практически все население дома. Его поприветствовали, и Густав в ответ махнул рукой. Кем они были, как их звали – он старался не запоминать подобную информацию. Зачем, если через некоторое время Тиски забудутся как личный, персональный кошмар? И еще он надеялся, что этот город не будет беспрестанно являться к нему по ночам.

На скотном дворе людей крутилось меньше, и Густав сразу заметил, что среди них нет Семена. Ближе всех ко входу находился один смышленный парень, имени которого он тоже не помнил. Обычно тот возился с коровами и козами, вот и сейчас он мочил тряпку в теплой, оставленной еще со вчерашнего вечера воде, и мыл корову, заботливо протирая ее вздутые бока.

– Эй, привет, – сказал странник, просунув пальцы в ячейки сетки. Пока что он не собирался заходить внутрь.

– Привет, Густав. – Парень вежливо улыбнулся и продолжил свою работу.

– А где Семен, не видел?

– Он сказал, чтобы ты, как появишься, шел к нему. Тут, – парень огляделся по сторонам и приблизился к Густаву, выжимая тряпку, – тут такое дело произошло. Лучше бы об этом знало поменьше народу. Теперь у нас три коровы вместо четырех. Ты сейчас выйди за ворота и иди направо, заверни и где-то там увидишь Семена, доктора и остальных.

– Что случилось-то?

– Увидишь, – загадочно ответил парень и вернулся к своему занятию, всем своим видом показывая, что больше от него и слова не добьешься.

Странник пожал плечами и направился к воротам.

С того момента, как они с Марковым впервые вошли во двор, Густав ни разу не выходил за его пределы. Как-то ни к чему, да и делать ему там, откровенно говоря, было нечего. И возможность сделать это именно сегодня, когда он уже внутренне готов к тому, чтобы сорваться с места и покинуть семью, радовала его.

Он быстро прошел пятьдесят метров до ворот и уткнулся в хмурое лицо Игоря. Тот, как всегда, дежурил возле главной стратегической точки двора с заряженным ружьем, перекинутым через предплечье.

– Куда собрался?

– Твое какое дело?

Странник посмотрел на ворота – они были открыты, засов сдвинут, а замок просто

болтался раскрытым в мощных стальных «ушах». Но Игорь явно не хотел пропускать его наружу. Он осклабился, вскинул ружье и легонько толкнул им Густава в плечо.

– Послушай, ты, странник хренов. Главный тут я, что бы ты ни думал и как бы тебе ни казалось, что круче тебя нет никого во всем мире. Здесь ты всего лишь скотник, понимаешь? Я нормально отношусь к скотникам. – Игорь ухмыльнулся, и в его глазах определенно прочиталось, какого он на самом деле мнения о нынешней профессии Густава. – Бог любит всех нас, чем бы мы ни занимались. Но я воин, охранник. И мимо меня просто так пройти нельзя. Так что ты сейчас либо отвечаешь, куда ты собрался, либо я вставляю дуло в твой рот и отвожу тебя обратно, на рабочее место. Ну, что скажешь?

Густав широко улыбнулся. В его голове уже промелькнул сценарий, как он перехватывает ружье, ставя его в упор к груди Игоря, и нажимает на курок, всаживая пулю прямо в его разрывающиеся от крика легкие. Но при всей своей ловкости странник не смог бы уйти от остальной охраны, а место возле ворот простреливалось с вышек просто отлично, если, конечно, за безопасностью приглядывали хорошие стрелки. Проверять их умения на себе Густаву не хотелось.

Именно поэтому он заставил себя улыбнуться еще шире и сказал:

– Я не знаю зачем, но я знаю куда. Меня попросил Семен подойти к нему. Сейчас он где-то за забором, в правой стороне.

– А, Семен. Охотник, да? Такой дружелюбный паренек? – задумчиво спросил Игорь, вопросительно подняв левую бровь.

– Да, именно он, – поддержал Густав странную игру. К чему эти расспросы, если Игорь и так прекрасно знает всех, кто живет в семье?

– Ну, тогда проходи.

Игорь вытащил дужку замка и распахнул одну створку, придерживая ее ногой. Густав шагнул вперед, но внезапно дуло ружья переместилось и встало перед странником на уровне живота.

– Что еще?

– Вы же вместе с Семеном живете? – спросил Игорь, невинно распахнув глаза.

– Да. И что?

– Просто так спросил. В наше время, знаешь ли, сложно найти себе пару. У меня вот жена и прекрасная дочка, которая знать не знает ни о каких сраных странниках. Она проживет счастливую жизнь, и я все сделаю для того, чтобы так оно и было. Я даже надеюсь, что она застанет расцвет новой цивилизации, мир с чистого листа. – Игорь легонько качнул ружьем, стукнув Густава по ребрам. – А вот о чем мечтаешь ты, гомик? Как бы засадить своему дружку-охотнику, пока тот спит и видит тебя во сне голым?

Густав застыл, сжав кулаки. Игорь криво улыбался, но ружье не убирал, видимо ожидая ответной реакции странника. И уж тогда бы он позабавился. Тогда бы он применил всю данную ему власть, исполнил бы обязанности, возложенные на него Богом (так сказал отец Захарий), и этот задирающий нос странник, думающий, что он лучше их всех, вместе взятых, будет лежать с выпущенными наружу кишками.

Но странник уже понял правила игры. Поэтому он молча, аккуратно убрал ружье с пути и вышел за ворота. Там обернулся и сказал:

– Если я что-то делаю и о чем-то думаю, то так угодно Богу, не правда ли? И если Ему будет это не по душе, то я прекращу думать и делать неуютное Богу. Так вот, этот момент еще не настал. А пока что можешь быть спокоен за себя, за меня и за свою дочку.

Густав сам закрыл ворота, оставив Игоря в недоумении, с полуоткрытым ртом. Охранник так и не понял, что ответил ему Густав, но в словах странника явно звучало что-то про Бога. Стало быть, он был в этом прав. Или нет? Игорь дернулся вперед, чтобы догнать странника, но остановился. Черт с ним. Еще будет время с ним разобраться.

Оглядываясь по сторонам и прислушиваясь, странник шел вдоль забора, со злостью обрывая растущую на обочине высокую траву. Он принял правила игры, да, переступив

через себя, но принял. Но эта игра скоро закончится. И тогда Густав начнет свою. В которой будут уже совершенно другие законы. И, он был уверен в этом, кое-кому скоро расхочется играть в любые игры.

Глава 17

Густав свернул за угол и почти сразу же увидел Семена и группу людей. Они находились метрах в двадцати от забора, сгруппировавшись вокруг какого-то предмета, и о чем-то совещались. Странник свистнул, махнул рукой и направился к ним.

Когда-то здесь было что-то вроде спортивной площадки. Еще дальше располагалось большое поле с двумя железными рамками на обоих концах. Вокруг него, кольцом, тянулась потрескавшаяся дорожка из какого-то упругого материала. На взгорке, словно на трибуне, были понатыканы различные железные конструкции, среди которых Густав узнал и турники, и лестницу, а много чего не узнал вовсе. Тем более, что время не пощадило железо и основная масса спортивных снарядов выглядела удручающе – потрескавшаяся краска, гнутые, изломанные трубы, целые колонии ржавчины и прочие прелести.

А вот то место, куда шел странник, когда-то занимала детская площадка. Очевидно, часть ее перенесли в периметр двора, а часть осталась здесь. Качели с пустыми цепями, без сиденья, лабиринт из низких труб, заросшая буйным сорняком песочница – вот и весь комплекс для цветов жизни.

Когда Густав подошел ближе, то увидел, что люди столпились вокруг круглой примитивной карусели. Раньше ее делили на секторы поручни, по одному сидячему или стоячему месту на ребенка, теперь же поручень остался один, а на круглом рассохшемся деревянном блине без движения лежала корова, покрытая большим куском полиэтилена, из-под которого торчала ее голова со спиленными рогами.

– Что у вас тут случилось? – спросил Густав.

К нему обернулись Семен, доктор Шомов и еще трое парней, двое из которых были охотниками, а один специализировался на разведении кур и считался в своем деле чуть ли не мессией. Его способность точно находить яйца под наседками, основываясь лишь на их поведении, поражала.

– У нас проблема, которую нужно быстро решить, – сказал за всех Семен.

– И в чем проблема? – сказал Густав.

– В корове. – Семен кивнул на тушу.

– Она сдохла, не пойму? В этом, что ли, проблема?

– Не совсем. Посмотри на нее внимательнее.

Густав подошел к каруселям ближе. Корова как корова. Правда, под прозрачным полиэтиленом на ее теле виднелись какие-то темные бугры. Густав наклонился и увидел, что эти бугры шевелятся. С виду они походили на речных пиявок – черные и продолговатые, но не в пример крупнее, размером в два, а то и три кулака.

Он протянул руку, чтобы разгладить полиэтилен и рассмотреть странные наросты получше, но Семен вовремя перехватил его за запястье.

– Не советую этого делать.

– Почему? Что за хрень у нее?

– Это так называемая коровья улитка, – сказал доктор Шомов. Он стоял чуть поодаль, скрестив руки на груди, и выглядел растерянным.

– Коровья что? Улитка? – Густав выпрямился и на всякий случай отряхнул руки.

– Мы так называем этих паразитов, – сказал один из охотников. – Потому что без понятия, что это такое на самом деле. Когда увидели это дерьмо на Белле утром, то тут же укрыли ее как можно тщательнее и решили вывести со двора.

– А потом я вколол ей лошадиную дозу снотворного, – продолжил доктор Шомов. – Лошадиную, ха-ха. Теперь она спит, но где-то через полчаса, самый крайний срок – час, должна проснуться. И тут я тоже без понятия, что с ней делать. Я же говорю им, давайте

позовем доктора...

– Не надо никого звать! – резко перебил Шомов Семен. – Мы сами справимся, без него. Ты говорил, что сталкивался уже с этой заразой. Как вы от нее избавились тогда?

– Да я откуда знаю? Мне было всего четырнадцать лет. Как-то избавились. Может, убили корову. Или сожгли. Меня никто не посвящал в эту ситуацию, я только знаю, что это коровья улитка.

– И что она делает с коровой? – спросил Густав.

– Судя по всему, ничего хорошего.

– А откуда эта улитка берется?

– Не знаю.

Странник покачал головой, взялся за поручень и с большим трудом прокрутил корову на карусели. Раздался отвратительный лязг, и все поморщились, словно от зубной боли. На шее животного виднелось еще одно черное образование. Густав подобрал с земли тоненькую ветку и осторожно приподнял полиэтилен.

Существо, прицепившееся к корове, явно было живым. По его тельцу периодически проходила какая-то волна в виде уплотнения. Может быть, оно так сосало кровь. Густав просунул палочку под улитку и попытался ее отцепить, но поддался лишь один конец, второй был намертво приклеен к шее коровы.

Он убрал палочку, и улитка шлепнулась обратно. И тут же ее тело завибрировало, а туша коровы содрогнулась, дернув связанными ногами. Существо зашевелилось и вдруг начало входить прямо в коровью шею с легкостью, с которой раскаленный гвоздь проникает в глаз. Оно вошло примерно на два сантиметра и остановилось, а из другого ее конца, вероятно, из хвоста или чего-то вроде того, полилась густая бордовая жидкость, похожая на кровь.

– Твою мать! – Густав с отвращением отбросил ветку и отошел от коровы на несколько шагов. – Что это за тварь такая? А если она к нам прицепится?

– Насколько я помню, – сказал доктор Шомов, – коровья улитка на то и коровья, что цепляется почему-то исключительно к животным. Не могу сказать, что только к парнокопытным, но про людей я ничего не слышал.

– Ага, – сказал Семен. – Прямо настоящий профи в этом деле. Но есть одна вещь, которую я не могу упустить из виду, – ты ни хрена не знаешь об этой штуке, кроме ее названия!

– Я знаю хоть что-то, в отличие от тебя. И я знаю, что нам мог бы помочь доктор Полтов, если бы не твоя дурь и ничем не обоснованная к нему ревность.

– Не твое собачье дело, – сквозь зубы процедил Семен и обратился к Густаву: – Ты захватил с собой пистолет?

– Нет, а надо?

– У тебя есть пистолет? – встревоженно спросил Шомов.

– Да, а что тут такого?

Густав сразу же после переезда на девятый этаж спрятал пистолет, завернутый в пакет, в вентиляционную шахту. Постоянно ходить с оружием по двору, особенно во время работы, он посчитал ненужным. Но сейчас ему вспомнился настрой Игоря. Что, если тот решит устроить обыск, пока странник занят и вне дома? Чутье охранника вряд ли подведет, тем более, что он знает о том, что Густав появился в их семье с пистолетом. Нужно обязательно перепрятать оружие в более надежное место, либо всегда носить его с собой.

– Ничего, просто я думал, что оружие есть только у охранников и охотников, – сказал Шомов.

– А я кто, по-твоему? – со злостью спросил Густав.

– Ну, ты...

– Скотник что ли? Я на «эс», да, но я странник. Запомни это – странник! Семь букв, первая «эс», последняя «ка», как в слове «док». Это очень просто. И поэтому я сейчас схожу домой и принесу пушку, чтобы пристрелить это несчастное животное.

– Нет, стой, погоди. – Семен взял его за плечо. – Может, их нужно как-то срезать? Если ты будешь стрелять, то переполошишь весь двор. А нам ни к чему лишняя паника.

– Ладно. – Густав тяжело посмотрел на доктора, но тот опять уставился на корову рассеянным взглядом и что-то шептал одними губами. – Слушайте, а когда вы обнаружили этих улиток? Сегодня утром?

– Нет, вроде как Данила еще вчера заметил на ней бляшки. Он подумал, что это дерьмо засохло, и хотел смыть их сегодня утром. А потом сам знаешь что произошло, – сказал все тот же общительный охотник.

Остальные двое не известных страннику людей молчали и явно были напуганы. Они привыкли слышать решения и приказы от главных, и сейчас этим главным тут, судя по всему, был Семен.

– Данила – это кто? – спросил Густав.

– Тот, который с коровами вечно возится, – сказал Семен.

– А он ничего не знает про этих улиток?

– Вряд ли. Если бы знал, то сказал. Он не меньше нашего перепуган и чуть ли не плакал, когда мы Беллу упаковывали и из стойла выводили.

Семен обошел вокруг карусели и поднял с земли топор и большой нож для разделки мяса, лежавшие там под промасленной тряпицей. Провел ножом по острию топора – раздался звук гораздо более мелодичный, чем скрип заржавевших и стершихся шарниров карусели, но не менее противный.

– В общем, я эту улитку отрежу по-быстрому. Ножом или топором – это уж как пойдет. Может, они на вид такие склизкие и мягкие, а на самом деле твердые, как матушкины макароны.

Все рассмеялись, даже доктор Шомов улыбнулся, а Густав недоуменно обвел их взглядом и тоже улыбнулся за компанию. Видимо, прозвучала какая-то шутка для посвященных, смысл которой нужно впитать с молоком. А Густава воспитали на сухих смехах, далеко-далеко от этого места. Настолько далеко, что он почему-то подумал: а не сон ли это был? Тот, другой мир? Может, реальность – это только Тиски? А все остальное – бред, придуманный его воспаленным воображением?

Какие дороги, какой корабль?

Скотный двор, служба, Бог и спокойная старость – это ли не счастье? Странник так часто касался смерти кончиками пальцев, что и представить не мог, что способен закончить свою жизнь тихо и мирно. Но, похоже, тут, в этом подышающем городе, это вполне могло случиться.

Однажды придется закрыть глаза, как эта корова, и заснуть. Навсегда. И тогда не будет уже никакого однообразия или, наоборот, грозящей опасности. Настанут тишина и спокойствие. Может, именно это и есть счастье для любого человека?

Густав тяжело вздохнул, отгоняя от себя эти странные мысли, поставил одну ногу на карусель и сказал:

– Ну что, начнем операцию?

Семен кивнул, оценивающе посмотрел на оружие в своих руках и, немного поколебавшись, отдал топор Шомову. Странник же нашел толстую сухую ветку и разломил ее пополам, но не до конца, сделав своеобразный пинцет.

Корова все еще была без сознания, только изредка сучила ногами и глубоко дышала.

Густав отодвинул полиэтилен, прицелился и осторожно взял деревянным пинцетом тельце улитки. Семен попробовал большим пальцем острие ножа, откашлялся и положил нож плашмя на корову, чтобы резать по самому основанию.

Он вопросительно посмотрел на странника, и тот утвердительно кивнул.

Но когда острие коснулось матового черного бока твари, раздался женский крик:

– Ребята, вы что делаете?!

Семен вздрогнул, а Густав сильнее, чем стоило, сжал ветки, и из тела улитки опять брызнула красная жидкость, едва не попав на одежду странника. Все обернулись. День

сегодня определенно не задался и шел кувырком.

К ним чуть ли не бегом приближалась загорелая девушка с русыми, но начавшими выгорать добела волосами. На ней было легкое платье на широких бретельках и, странник отметил это отдельно, кольца на всех пальцах рук. Она подбежала, запыхавшись, растолкала охотников и звенящим голосом спросила, обращаясь к Семену:

– Что вы тут делаете? Кто вам разрешил убивать корову?!

Тот почему-то промолчал.

– Послушай. – Густав отложил ветки в сторону. – Тебе не стоит здесь находиться. Потому что произошло кое-что странное и хорошенькой девушке не стоит на это смотреть.

Он огляделся, ища поддержки, но Семен стоял, опустив голову, Шомов же чему-то улыбался и даже не сделал попытки заговорить с девушкой, а от остальных толку вовсе не было никакого.

Девушка удивленно подняла брови:

– То есть ты, насколько я в курсе, странник и чужак, гонишь *меня* отсюда? По-моему, немного самонадеянно для новичка.

Густаву вдруг показалось чрезвычайно знакомым лицо этой девушки. Но откуда он мог ее знать? Вероятно, что просто типаж или манера поведения похожи на какую-то другую женщину из его бурного прошлого. У этой была отличная фигура, которую удачно подчеркивало белое платье. Большая грудь, густые волосы и, что самое главное, пухлые губы. В общем и целом девушка была совершенно во вкусе странника, так что не следовало удивляться смутному чувству дежавю. Вполне возможно, что она просто приходила к нему в эротических снах, как эталон сексуальности и женственности.

Но странник на девушку обратного впечатления не произвел. Даже больше – она на него явно злилась, и искорки ярости без всякого стеснения мелькали в ее серых глазах.

– Семен! – сказала она. – Может быть, ты мне все же ответишь, что вы тут делаете?

Сосед Густава по квартире встрепнулся, но головы не поднял, продолжая пялиться на свои ноги.

«Да что с ними происходит?» – подумал Густав. После прихода этой странной девушки возникла какая-то непонятная неловкая атмосфера. Вон и доктор Шомов криво улыбается, и охотники с птицеводом глядят куда-то в сторону, вроде бы и не присутствуют здесь, а проходили мимо и случайно застряли.

– Я отвечу за него, – сказал Густав. – Мы пытаемся избавить это несчастное животное от коровьих улиток. Теперь понятно?

– Улиток?

Злость мгновенно исчезла с лица девушки и сменилась искренним беспокойством. Она на цыпочках подошла к коровьей туше, внимательно оглядела ее и ойкнула, прикрыв лицо руками.

За это время Густав успел пихнуть Семена в бок, чтобы тот проявил хоть какие-то признаки жизни, но тот лишь неопределенно мотнул головой и как-то безнадежно хмыкнул.

Девушка обернулась. На ее глазах блестели самые настоящие слезы.

– Она умрет, да? – на этот раз вопрос был задан именно страннику.

– Я не знаю. Когда мы пытались отрезать эту штуку, появилась ты и прервала нашу затею на самом корню.

– Извините, я случайно. Я просто думала, что вы хотите ее убить непонятно зачем. А я ведь ее люблю, я помню еще, когда она была маленьким теленочком. Я ж даже имя ей сама придумала, у нее глаза такие добрые были и нос – мягкий, нежный... А потом мне на дворе сказали, что вы ее увели вот сюда, и я побежала за вами.

У девушки задрожал подбородок, и она закусила нижнюю губу, захлопав ресницами и подняв глаза вверх, не давая слезам вытечь. Странник вежливо приобнял ее за плечи и отвел от карусели подальше.

– Тебе нет никакой необходимости находиться здесь. Мы сделаем все, что возможно, чтобы избавиться от этих улиток. И Белла будет и дальше радовать тебя мягким носом,

красивыми глазами и вкусным молоком. Родит таких же красивых телят и проживет долгую, счастливую коровью жизнь.

– Правда?

– Да, – соврал Густав. На самом деле он не имел представления, что произойдет дальше. То есть вообще без вариантов.

– Но вы же не сделаете ей больно?

– Нет, нет, что ты. – Странник подвел девушку к птицеводу и сказал ему: – Проводи ее. Возвращайтесь во двор, мы тут сами справимся.

Парень молча кивнул и повел девушку в сторону ворот. На полпути она остановилась и обернулась. Слезы ее уже подсохли, но она старалась не смотреть на неподвижную корову в полупрозрачном саване, ловя взглядом Густава.

– Спасибо тебе, странник! – крикнула она и улыбнулась.

Это была такая красивая и искренняя улыбка, что Густав сразу же вспомнил, откуда ему знакомо ее лицо. Вика! Вика, бывшая любовь Семена. Как же он сразу не вспомнил? Да, у нее немного изменилась прическа, но в остальном же один в один. Теперь он понимал, почему его сосед так страдал по своей потерянной любви. Тут было из-за чего страдать. В жизни Вика оказалась еще лучше, чем на тусклом экране фоторамки.

Он кивнул ей в ответ, затем отвернулся и посмотрел на Семена. Тот угрюмо, исподлобья следил за уходящей Викой. На его лице отчетливо виднелись вздувшиеся желваки, а руки безотчетно сжались в кулаки.

– Что же ты молчал? – тихо спросил Густав Семена.

– Я... – Голос у Семена сорвался. – Я не молчал. Просто не хочу с ней разговаривать. Вообще ни о чем.

– Да, да, старая любовь не греет раны, – усмехнулся доктор Шомов. – Она лишь портит ожидание новой.

– Не твое это дело, – огрызнулся Семен. Он снова поднял нож и уверенным шагом пошел к карусели с коровой. – Продолжим, напарник?

– Продолжим.

Густав взял ветки и приподнял улитку. Семен положил лезвие на шею коровы. Одной рукой прикрыл себе рот и глаза, оставив щель между пальцами, а другой сделал резкое секущее движение. Нож отрезал улитку играючи, оставив малую ее часть в корове, и рана на шее теперь смотрелась словно большой черный след от тушения окурка.

А вот часть, оставшаяся у странника, повела себя не совсем предсказуемо. Тварь начала тоненько свистеть, словно сдуваемая шина, и бешено вертеться, разбрызгивая тягучую кровь. Семен успел отпрыгнуть от коровы, как и все остальные, а вот Густаву ничего не оставалось делать, кроме как отбросить существо подальше от себя, запачкав одежду.

Улитка упала на землю, изгибаясь коленчатым телом. Из круглой дырки на шее коровы потекла кровь. Но не быстро, а скорее даже засочилась, словно смола из вишни.

Тварь дергалась, ее бросало во все стороны. Она подняла целое облако пыли, обвалившись в ней и тут же став грязным, серым, потрепанным слизняком. Она еще пару раз дернулась, умудрившись сбросить с себя деревянный пинцет, и замерла. В наступившей тишине даже ветер, так показалось Густаву, перестал шуметь в кронах тополей.

– Похоже на кусок дерьма, – философски заметил Семен, прервав воцарившееся молчание.

Корова по-прежнему не подавала никаких признаков жизни, а вот остальные улитки, прицепившиеся к ее телу, активизировались. Они с тошнотворным чавканьем начали буквально вгрызаться в ее тело, хотя лучше было сказать, что их стремительно втягивала в него какая-то неведомая сила. Некоторые совсем исчезли во внутренних полостях коровы, другие частично – кто наполовину, кто на треть.

– Бог ты мой, они же почувствовали, что мы убили одну из них, – прошептал Густав.

– А точно ли убили? – спросил доктор Шомов, показывая на грязно-серый кусок слизи, валяющийся на земле.

– Она... оно тоже движется что ли? – спросил Семен.

– Нет. Оно изменяется, – ответил Густав.

И правда, тельце улитки менялось, как кусок глины. Его что-то преобразовывало, сминало, вылепливая новую форму. Невидимые руки трудились очень усердно и очень быстро.

Сперва из бока улитки вытянулось четыре длинных отростка. Затем та сторона, что не присасывалась к корове, увеличилась в размере, набухла, и из нее вышел еще один отросток, но тоньше и меньше. Улитка дернулась, загребая отростками, будто пыталась поползти или... встать на них.

Густав поманил остальных людей рукой, и они молча повиновались ему, словно заворуженные или загипнотизированные творившимся на их глазах.

Улитка продолжала реконструировать свое тело, но теперь сосредоточилась на мелких чертах, приобретая некоторую угловатость и узнаваемость форм. Еще немного, и Семен с легким недоверием в голосе произнес:

– Это же теленок.

– Да. Только без головы, – подтвердил Густав.

– Твою мать.

В конце превращения тело улитки совсем уж сюрреалистично покрыл короткий слой шерсти, выросший за какую-то секунду. Она дернулась пару раз и замерла. Теперь абсолютно все определенно видели перед собой маленькую копию Беллы. Только без головы. Но черно-белая расцветка совпадала полностью. Густав подошел к неподвижно лежащей тушке и пнул ее ботинком, тут же отскочив назад.

Ничего не произошло, тело лишь отпружинило.

– Видимо, оно мертво, – сказал Шомов.

– Как это мертво, если мы только что видели превращение этой твари? – Голос Семена дрожал от волнения.

– Вот так. Какой-то внутренний процесс. Ногти и волосы растут у мертвых, а тут, получается, что корова растет на...

Но доктор не успел закончить свои предположения, так как безголовое тельце теленка зашевелилось, неловко взбрыкнуло колченогими конечностями и начало вставать, шатаясь из стороны в сторону.

– Черт! – воскликнул Густав, привычно шаря по поясу. Но пистолет остался дома. «Больше никогда, никогда не оставлю его без присмотра», – поклялся странник, отступая от медленно поднимающейся с земли твари.

Теленок встал. Его тонкие ножки дрожали, но держался он весьма уверенно. Сделал шаг и чуть не упал. Второй шаг оказался более удачным, а третий вообще получился на ура. Он остановился и тряхнул телом, сбрасывая с себя налипшую пыль. Хвост его заработал, как маленький маятник.

На месте среза по шее явно виднелась подсохшая кровь и забитая грязью глотка. То есть по всем правилам это существо должно было быть мертвым. Но оно двигалось и жило, вернее, существовало, весьма уверенно.

– Мне кажется, я все понял, – сказал доктор Шомов, отступая вместе со всеми.

– Что ты понял, доктор? – спросил Семен, перекидывая нож из руки в руку. – Поделись с нами.

– Эта улитка, она приняла форму коровы. Она сосала не ее кровь, она высосала ее сущность. То есть это полная копия Беллы. Если бы вы не отрезали у нее голову, то я на сто процентов уверен, что там, на лбу, красовалось бы белое пятно.

– Но мы отрезали этой суке не голову, а просто часть, бесформенный кусок!

Два шага назад. Теленок повел обрубленной шеей и махнул хвостом, отгоняя большую перламутровую муху, севшую ему на круп.

– Вот именно, что отрезали вроде бы голову. Судя по всему, она для улитки не самое важное. Дождевой червяк, если разрезать его пополам, превращается в двух дождевых

червяков. Наверное, сущность улитки осталась внутри теленка. Только оболочка изменилась.

– И что же нам теперь делать? – сказал Густав.

– Единственный вариант... Пусть кто-нибудь как можно быстрее бежит во двор. Там, в моей квартире, слева в кладовке стоит канистра с керосином. Зажигалка при мне. Нужно сжечь тут все, полностью уничтожить.

– Все? И корову?

– Да! Ну же, вперед! – Шомов сгреб охотников в охапку и толкнул их.

Они, не сговариваясь, что есть духу побежали к воротам.

– Я бы тоже мог сбегать за керосином, – сказал Семен. – Я быстро бегаю. Особенно когда сталкиваюсь с неприятностями.

– Заткнись. – Шомов нервно облизал губы. – Сейчас не до шуток. Надо хотя бы отойти в сторону, чтобы эта тварь на нас не наткнулась.

– А что она нам сделает? Засосет своим обрубок, что ли? – Семену явно стало полегче с той поры, как он понял, что теленок не собирается на них нападать.

Но Шомов на этот счет имел противоположное мнение.

– Может, и засосет. Откуда мне знать? А ты разве предполагал, что улитка превратится в маленькую корову без головы и будет разгуливать здесь, как ни в чем не бывало, словно по пастбищу?!

– Я... нет, – промямлил Семен.

Густав не вмешивался в их перебранку, а внимательно следил за поведением теленка. Сначала он хотел попросить охранников захватить еще и его пистолет, но потом подумал, что это будет излишним. Мало ли что случится, к тому же оружие для него являлось не менее священным предметом, чем корабль. И позволить взять его в руки кому-нибудь постороннему – это все равно что дать поносить чужому человеку трусы в сорокаградусную жару пару суток, а потом надеть их на себя, как будто ничего не произошло.

Теленок, похоже, был совершенно нормальным, и нормальность эта заключалась в том, что без головы он не видел и не слышал, как и любое нормальное животное. Да, отсутствие этой части тела и последующая жизнь организма смотрелись чудовищно, но логика поведения не могла не радовать.

Значит, теленок не таил в себе кладезь неожиданных поступков – этаким пустой ларчик на ножках. Он не был опасным. Станным – да, но не опасным. Так петух, которому снесли голову, носится по комнате, тратя последние силы, перед тем как оказаться в супе. Очевидно, и теленок скоро упадет, поняв в глубине души своей (или что там у него есть? улитка?), что в такой комплектации жить нельзя.

Но если насчет безголового теленка страннику все было понятно, то с коровой начало происходить что-то ужасное. Ее тяжелая туша вдруг подпрыгнула на карусели, а затем рухнула на землю, чуть покосив деревянную площадку.

Корова с хрустом выгнула шею и распахнула глаза, смотря прямо на людей.

– Она проснулась, да? Она проснулась? – спросил Семен.

– Не задавай глупых вопросов. Я вижу только то, что видишь ты, – сказал Шомов.

А видели они следующее. Тушу коровы начало словно распирает изнутри. Кто-то метался в застенках ее ребер и толстой кожи. Тряслось, как малиновое желе, вымя.

При этом корова продолжала смотреть на людей, но это был мертвый, пустой взгляд. Беллы не стало в тот момент, когда она, собственно, и открыла глаза, проснувшись и дав сигнал к действию тому, что находилось у нее внутри.

– Спокойно, – уверенно сказал Шомов. – Это все улитки. Максимум, что нас ожидает, – маленькое стадо телят. Ничего страшного в этом нет.

– Да уж, – сказал Густав и вдруг схватил топор и со всей силы ударил по ногам безголового теленка, который повернулся всем телом и двинулся в его сторону.

Теленок взбрыкнул, раздался треск поломанных костей, и он плюхнулся на землю.

Странник поднял топор и со всего размаху, по длинной амплитуде, опустил его прямо на середину тощей туши. Лезвие вошло между ребер и с легкостью рассекло позвоночник и

мышцы. Две части теленка разлетелись в разные стороны, но абсолютно без крови. Словно Густав разделял поленницу.

– Режь корову! – крикнул странник Семену, а сам принялся рубить все еще шевелящиеся части теленка.

Внутри него не было органов, только какая-то кашеподобная черная масса. Она вываливалась и разлеталась от каждого удара топором. Густав не упустил ничего, но даже, когда каждую ногу теленка он разделал на три части, они продолжали жить. Существовать по отдельности. Ноги припадочно сгибались в суставах, хвост крутился волчком, а искромсанный позвоночный столб мелко трясло.

Семен тем временем, несмотря на протестующие крики Шомова о том, что стоит подождать, когда принесут керосин, подошел к корове и полоснул ее по горлу ножом. Брызнула еще горячая кровь, Семен взялся за рог и загнул голову Беллы, продолжая резать плоть. Но когда голова отделилась и тяжелым кулем упала в пыльную, сухую траву возле карусели, случилось то, что испугало охотника до ужаса.

Из зияющей дыры на месте глотки Беллы возникла... новая коровья голова. Только маленькая. Семен вдруг подумал, что сошел с ума и ему только кажется, что на месте отрезанной головы появляется и растет прямо на его глазах новая.

– Что это за Змей Горыныч?! – панически воскликнул он.

– Кто?

Густав обернулся, откинул от себя пинком кусок теленка и подбежал к Семену. Не раздумывая, едва увидев то, что происходит (хотя Семен посчитал, что это видит только он), странник взмахнул топором и отхватил маленькую голову коровы.

– Они внутри нее! Понимаешь? Телята эти. И теперь они лезут наружу! Нужно закрыть тушу полиэтиленом, – выпалил он.

Странник отбросил липкий топор, взялся за край полиэтилена и натянул его на шею коровы. Прозрачный материал тут же покрылся красными мутными разводами. Не долго думая, Семен выдернул пояс у себя из штанов и туго завязал полиэтилен, словно кулек.

Теперь всю тушу коровы, за исключением ног, плотно укрывал прочный материал.

Но не успели Семен и Густав перевести дух, как корову начало натурально разрывать на куски. Вращенные за какие-то минуты телята лезли наружу. Непостижимым образом они вспарывали корову своими маленькими рожками изнутри и вылезали из образовавшихся дыр, высовывая сначала длинные ноги с аккуратными копытцами, а потом подтягивая и все остальное тело.

Полиэтилен изнутри покрылся слоем крови, расплывающейся причудливыми узорами и скрывающей все происходящее там. Но в этом и не было необходимости, так как телят не мог остановить какой-то полиэтилен, если они только что свободно миновали ребра и хрящи Беллы.

И когда, распарывая полиэтилен, появился первый неловкий превращенец, Семен почему-то с грустью и невпопад сказал:

– Ох и попадет нам от матушки за испорченную накидку для теплицы.

К счастью, теленок еще не успел полностью выбраться наружу, запутавшись в неокрепших ногах и скользком материале, а охотники уже вернулись с небольшой квадратной канистрой. Странник, увидев их, подскочил к теленку, ударил его по голове обухом и крикнул:

– Лейте, живее!

Один из охотников, не растерявшись, открыл канистру и начал расплескивать керосин по туше и карусели, а остатки вылил на разделанное тело первого теленка. Густав с наслаждением вдыхал едкий и до боли родной запах, выпускаемый горячим.

Доктор Шомов подбежал к корове, трясущими руками чиркнул зажигалкой, и огонь вспыхнул мгновенно, поднявшись кипящим столбом. Дохнуло жаром, полиэтилен моментально начал плавиться и с треском облизывать буквально все вокруг, включая находящихся под ним телят. Они жалобно замычали, но уже спустя полминуты слышался

только встревоженный рев огня. Карусель пылала, словно большой праздничный торт, а рядом с ней, как пролитый вишневый соус, медленно догорал разбросанный по земле первенец коровьих улиток.

Все молча смотрели на гигантский костер, ожидая нового подвоха. Почему бы телятам, умеющим ходить без головы, не начать делать то же самое, пылая, как сухой хворост? Но ничего не происходило. Небо спокойно вбирало в себя столб дыма, и вот уже деревянная площадка карусели развалилась, полыхнув снопом искр и обнажив железный постамент.

Густав обернулся и увидел идущих к ним отца Захария и матушку Марию. Позади них шел Игорь. Наверное, в его обязанности всегда входила охрана таких почетных жителей за периметром. Вряд ли он пошел бы сюда, зная, что опять придется повстречаться с Густавом. Ну разве что из-за дикого чувства любопытства. Но, глядя на его испещренное оспинами узкое лицо, странник засомневался, что охраннику ведомы такие человеческие слабости, как любопытство или удивление.

Доктор бросился к ним навстречу:

– Доброе утро, отец! Доброе утро, матушка! Тут...

– Я знаю. – Отец Захарий прошел мимо Шомова и остановился возле костра, на самом краю, там, где жар можно было еще терпеть. Он сердито посмотрел на Семена и спросил: – Коровья улитка?

– Да, так точно.

– Много их было? Почему мне не сказали?

– Мы не хотели никого беспокоить, решили сами разобраться с ними.

– Разобраться! – Захарий зло потряс кулаком неведомо кому. – Вы хоть понимаете, что это такое?

– Не стоит на них гневаться, Захарий. – Матушка ласково взяла святого отца под руку. – Откуда они могут знать об этих существах? Криком ты не поможешь.

– А как сказать, может, и помогу! Если у них не хватило ума поинтересоваться у людей, которые с улитками сталкивались, как с ними еще разговаривать? Вы их сами-то не трогали?

– Нет. Мы сожгли корову. Сразу же.

Семен бросил быстрый взгляд на Густава. Тот коротко кивнул. Легенда сложилась и оформилась за секунду.

– Вот оно что. Это хорошо. Потому что улитки эти и не улитки вовсе, к большому моему сожалению. Они отпрыски Легиона, дьявольские отродья.

– Кого? – Семен недоверчиво улыбнулся. – Легиона? Это же сказки для детей.

– Не сказки. – Отец Захарий вытащил платок и промокнул взмокший от жара лоб.

Густав отметил про себя, что это все тот же платок, которым он вытирал кровь из носа после памятного разговора с Богом у церковных дверей.

– Легион на самом деле существует. И если улитки нашли корову, то, стало быть, Легион где-то рядом. Странно другое – почему я об этом не знаю.

– А откуда вам знать? Мы сами только сегодня утром увидели их, – вмешался Густав.

Отец Захарий одарил его тяжелым взглядом. Медленно свернул платок в трубочку и спрятал его. Затем многозначительно постучал чистым, ухоженным пальцем себе по лбу.

– Мне бы сказал об этом Бог. Он всегда предупреждает об опасности.

– Погодите, погодите! – сказал Семен. – Значит, Легион действительно существует и Густав мне не врал?!

– Густав? Ты сталкивался с Легионом? – спросил Захарий.

Все, как по команде, посмотрели на странника, и тот тяжело вздохнул. Семену явно не следовало говорить об этом в присутствии главных жителей двора, потому что теперь они абсолютно точно будут думать, что он от них что-то скрывает. Это стало сразу же понятно, стоило взглянуть на сощуренные глаза Игоря или недоверчиво-удивленное лицо матушки Марии. С другой стороны, ничего такого странник не сделал. Не он же привел сюда Легион. Да и пришел ли Легион вообще? Нельзя же судить о присутствии этих тварей по каким-то

улиткам.

– Да, сталкивался, – твердо сказал Густав. – Примерно месяц назад. Я и Марков, мой друг. Но мы видели всего одного. Правда, перед этим, как говорит старик, их было гораздо больше и они уничтожили всю его общину. Но я видел одного.

– И он вас не тронул?

– Нет. Не спрашивайте меня – почему, я сам не знаю. Я увидел Легион первый и последний раз, а до этого, так же, как Семен, вообще в него не верил. Но то, что я увидел, было на самом деле страшно. Даже не потому, что оно плохо выглядит, нет. Просто от него веяло какой-то силой и... чем-то нечеловеческим, неживым, потусторонним.

– Так оно и есть, – вздохнул отец Захарий. Слушая Густава, он все время потирал левый висок со шрамом, и теперь там красовалось красное пятнышко. – Легион – это нежить, которая явилась из-под земли, дыша адским пламенем, и теперь хочет силой забрать у Бога нашу планету и все человеческие души. А коровьи улитки... Примерно лет пятнадцать тому назад мы уже сталкивались с ними. Тогда я еще не знал, что это за гадость. Но все познается с опытом. И нам тогда пришлось спастись от Легиона.

– Разве это возможно? – спросил Семен. Он взял у охотника канистру и присел на нее, глядя на Захария снизу вверх широко открытыми глазами. – Я слышал, вернее, мне рассказывали, что от Легиона нельзя спрятаться или убежать. И если я не буду пить молоко на ночь, чтобы уснуть, то меня заберет Легион. Так мне мама рассказывала.

Странник ухмыльнулся. Оказывается, у Семена была мама. Что же с ней случилось и вообще куда делись его родители? Все старики жили здесь в третьем доме, и он вряд ли был заполнен больше, чем наполовину. Отжившие свой век жители редко выходили на улицу, все чаще греясь в солнечных лучах на балконах. Но Семен никогда не говорил о своих родителях, вообще не упоминал о них. Наверное, с ними была связана какая-то плохая или трагическая история.

Густав посмотрел на черный, догорающий куль, который когда-то любила одна красивая девушка по имени Вика. Обещание свое он не сдержал, Белла погибла. Но и ничего поделать в данной ситуации он не мог. Оставалось надеяться, что соседство с Семеном хоть как-то оградит странника от общения с бывшей невестой охотника – ему очень не хотелось увидеть в ее глазах молчаливый упрек.

Отец Захарий перестал тереть висок. Его рука теперь стала тереть бороду, то разбирая волосы на пряди, то перекручивая их в нечто неопределенное. Воспоминания о Легионе явно не доставляли ему радости.

– Возможность спастись есть всегда, – сказал он. – Тогда я еще не слышал Бога или Он не хотел со мной говорить, не знаю. Я был молод, грешен и верил лишь в свою силу и везение. Наша община только осела в том городе, и у нас еще были корабли.

Густав вздрогнул, не поверив своим ушам. Отец Захарий когда-то водил машину?! То есть получается, что все вокруг родом не из Тисок, а жили раньше в общине, которая решила распрощаться с кочевым образом жизни? Как-то он упустил этот момент, его просто не интересовало ничто, связанное с двором. Ему было достаточно знать, что он другой, из другого мира.

– Как и сейчас, у нас дежурил один дозорный на крыше дома, – продолжал Захарий. – Именно он заметил Легион, движущийся прямо в нашу сторону. Слава Богу, у нас все было наготове и мы выбрали самое удачное место для поселения в том городе. Все быстро, не собирая вещей, сели в корабли и тронулись с места. К этому времени Легион подошел к нам уже очень близко, я даже слышал, как где-то с жутким грохотом рухнул дом, который они зацепили. Или он просто оказался у них на пути, не знаю. Дозорный сказал, что они не выбирали путь, они его прокладывали. Но мы уже уезжали оттуда, а телята, те дурашки, которых мы восприняли как чудо... Они бежали за ними по дороге, вырвавшись из загона. Их было видно в камеру заднего вида – неуклюжее стадо маленьких телят. Бежали упорно, словно котята за мамой-кошкой, пока не исчезли где-то за горизонтом. И тогда, по этому их упорству, я понял суть их предназначения. Догадались?

Все отрицательно помотали головами. На тлеющем трупe коровы вздулся пузырь полиэтилена и тут же лопнул с тихим шипением.

– Эти коровы улитки – они ищут, где живет скопление людей. И затем, превращаясь в телят, зовут к себе Легион. Уж не знаю, каким способом, но зовут упорно, сами же в ласке и комфорте ожидают прибытия хозяев, с учетом того, что люди не заметят их странной природы. Они растут, веселятся, смешно бодаются. А затем приходит Легион. Мы ведь для них всего лишь пища, они никогда не трогают животных. Я разговаривал со стариками, и они говорят, что так оно и есть. Улитки лишь приманка. Самое вкусное – это люди.

– Но почему именно коровы? – спросил Густав.

– У меня есть предположение, что Легион находит людей по признакам. А признак большого скопления человеческой массы – либо община, либо коровы, как самый распространенный в нашем мире скот. Ведь раньше почти в каждом городе были фермы и хозяйства. Куда ни приедешь, везде они. Коров много, нужно лишь их поискать и успеть найти до того, как их найдут муты, или волки, или стаи бродячих собак.

– А что, если они начнут цепляться к людям?

– Зачем им это? – Матушка Мария заправила под платок выбившуюся прядь уже седеющих волос. – Отдавать нас на прокорм улиткам? Нет, Легиону нужны датчики, сигналы. И если коровью улитку не заметить вовремя, то никто и не поймет, что телята подменыши. Легион... они хитрые существа. Чрезвычайно хитрые и непонятные для человеческого разума. И, скорее всего, они думают на два шага дальше людей. Но с нами Бог, и это значит, что мы видим на три шага вперед, на один больше, чем эти дьявольские твари.

Густав хотел сказать, что бог почему-то на этот раз решил не оповещать их об опасности, свалив ее устранение на плечи тех, кто понятия не имел, с чем столкнулся, но промолчал. Здесь, в городе, он воспитал в себе одно полезное свойство – сдержанность. Единственное, за что можно было благодарить Тиски.

Будучи странником, Густав никогда не задумывался о последствиях своих действий. Говорил что ему вздумается, делал то, что ему по душе. Здесь же, в семье, складывалось несколько иначе. И хорошо, что он вовремя успел перестроиться на новый лад.

Корова окончательно дотлела. Остался лишь остов, облепленный черным нагаром от полиэтилена. Отец Захарий попросил Игоря проверить, все ли нормально. Старший охранник осторожно поворошил кострище куском жесткой проволоки, которая раньше исполняла роль каркаса для навеса песочницы. В углях взорвался сноп искр, поднялись белые хлопья, которые тут же унес ветер, но все было спокойно. История с улитками закончилась. Надолго ли?

Потом все вернулись во двор и по приказу Марии, устроили большую и тщательную проверку животных в хозяйстве. На их счастье, никаких видимых следов разведчиков Легиона обнаружить не удалось даже после тройного осмотра каждой отдельно взятой животины. И, что немаловажно, Густав в тот день больше не встречался с Викой.

Двору объявили, что Беллу укусила клещ и она сама издохла за забором, а затем ее сожгли. Эта версия, конечно, тут же разнеслась среди жителей, и странник понадеялся, что Вика сама поймет, что случилось с ее любимицей. Объяснять ей причину, по которой Белла отправилась в коровий рай, не хотелось. Уж слишком это походило бы на оправдания, а Густав ни в чем не был виноват.

Глава 18

Накрапывал дождь. Густав шел следом за Семеном по узкому проходу, то и дело поскользываясь на молодой траве и грязи, цепляясь за сетку руками для равновесия. Она жалобно дрожала, и с нее градом летели капли. Животные попрятались под навесы и в стойла, но большая влажность все равно усиливала запах, идущий от них. Густаву он ничуть не нравился, какой-то сладко-противный, будто пьешь парное молоко, а в нем плавают кусочки

дерьма.

Наконец они уперлись в забор периметра и остановились.

– Видишь дверь? – спросил Семен.

Густав внимательно посмотрел туда, куда он указал, но заметил лишь ручку, привинченную к металлической панели, из которых состояла основная часть забора. Семен взялся за эту ручку и потянул на себя. Панель с легким скрипом отошла, он просунул в образовавшийся проем руку, потянул за вторую панель, а затем развел их в стороны.

– Проходи, – мотнул он головой, и Густав проскочил в проход.

Семен вошел следом и сомкнул панели, но не до конца, оставив щель, сквозь которую снаружи пробивался сумрачный свет. Если бы было солнечно, то, может быть, странник и разглядел в этой темноте хоть что-то, но все небо сейчас затянули тучи, и свет в щели обладал такой тусклой консистенцией, что больше походил на серую нарисованную полосу на черном холсте.

– Стой и не двигайся, а то врежешься куда-ни-будь, – приказал Семен и прошел дальше. – Достань пистолет и будь готов, я сейчас открою ворота, мало ли что за ними, понял? На раз-два. Готов? Увидишь мута или еще кого, серьезно настроенного, стреляй сразу, без раздумий.

– Понял, – кивнул Густав, хотя в такой темноте это вряд ли имело смысл.

Он достал пистолет и прицелился в сторону, откуда раздавался голос Семена, на всякий случай не снимая его с предохранителя.

– Раз-два, – сказал Семен, и ворота с лязгом распахнулись.

Некоторое время Густав стоял в напряжении, переводя пистолет из стороны в сторону, но ничего, кроме стены усилившегося дождя, отчаянно барабанившего по крыше, грязной колеи и мутных в ней луж, не увидел.

Семен вышел наружу, прикрыв голову от дождя руками, и внимательно огляделся.

– Вроде тихо. А теперь смотри, куда я тебя привел.

И Густав посмотрел. Увиденное поразило его до глубины души. Они находились в некоем подобии гаража или сарая. Вдоль стен были прибиты длинные полки, заставленные всяким хламом, деталями и жестяными банками. А посередине стояли какие-то две довольно-таки большие вещи. Зеленый брезент обтягивал их небрежно, скрывая формы, но Густав каким-то шестым чувством понял, что это машины. Не корабли, нет, слишком малы они для этого, но его ноздри уловили знакомый запах. Бензин, масло, двигатель, резина. Он благоговейно прикоснулся к брезенту и ощутил под ним твердый металл.

– Ну, догадался, что это такое?

– Машины, так?

– Да. Почти машины. Это, – Семен присел и потянул за шнурок, развязывая стянутый внизу брезент, – квадроциклы.

Он взялся за край накидки и торжественно отбросил ее. Под брезентом оказался самый настоящий квадроцикл. Густав видел такие пару раз, причем впервые случилось это при встрече с самыми настоящими пиратами. Те обычно жили свое-образными общинами, которыми и передвигались по дорогам, ища себе новую жертву. А квадроциклы использовали либо при охоте, либо для разведки. Воспоминание о них было не очень приятным, но Густав хорошо запомнил свойства подобных машин.

Быстрые и маневренные. Конкретно у этого имелось двухместное сиденье, четыре мощных колеса и защитное ветровое стекло. Густав коснулся его и с детским восторгом сказал:

– Поцарапанное.

– Ага. Дороги, сам знаешь, не очень хорошие, а когда едешь позади кого-нибудь, то летит всякое дерьмо.

– Можно я сяду?

– Конечно! У него гибридный движок. Если нужна мощь при охоте, то мы включаем бензиновый. Если нужно просто доехать до места или довезти туши, то на водяном. В

основном, конечно, они работают на воде.

– Где же вы их откопали?

Густав сел на удобное сиденье и положил ладони на ручки газа и тормоза. За них было так приятно держаться. Умное сиденье с подвижным каркасом тем временем подстроилось под Густава, и ему пронзительно захотелось вернуть свой корабль, так, что к горлу подступил комок, а к глазам – слезы.

Он нажал кнопку пуска аккумуляторов: мягко загорелась синим подсветка приборов, компьютер начал с тихим жужжанием опрашивать доступные ему механизмы. Все это было для него таким привычным и знакомым.

– Черт, – сказал странник. – Это просто... удивительно. Никогда бы не подумал, что смогу соскучиться по технике так быстро. За какие-то считанные дни. Такое ощущение, что эта штука у меня отсасывает, фигурально выражаясь. Но приятно и по ощущениям именно так, если не лучше.

– Ну ты даешь. – сказал Семен. – Прямо пугаешь меня. Неужто ты на самом деле настолько привязан к кораблю?

– Я прожил в нем всю жизнь. От начала и до того дня, как появился в Тисках. И планирую продолжить это дурацкое, как ты о нем думаешь, существование.

Густав задумчиво провел пальцами по гладкому крылу квадроцикла, оставляя полосы на тонком слое пыли. Под ним находился практически живой механизм, который требовал и кричал – странник буквально слышал его всем телом: «Заведи меня! Заведи и уезжай! Куда глаза глядят! Выжми из меня все и вперед! Вперед! Вперед!»

Похоже, что Семен понял настрой Густава, родившийся на волне воспоминаний и инстинкта странника. Он перешел к носовой части квадроцикла и оперся обеими руками о козырек, под которым помещались две мощные ксеноновые фары.

– Я привел тебя сюда не затем, чтобы просто показать их, – сказал Семен. – Это было бы глупо, согласишься?

– Еще бы. Ты только разбудил мой аппетит.

– Ну да. Поэтому скажу тебе вот что. Сегодня не получится, но завтра будет пять лет с тех пор, как у нас появилась одна небольшая традиция. Мутов день.

– Мутов день? Что это?

Густав выключил квадроцикл, чтобы не тратить электричество понапрасну. Синий экран последний раз вспыхнул и мягко погас, как будто проваливаясь в сон.

– В этот день мы с парнями веселимся. Вернее, веселюсь я и еще один человек, на мой выбор, потому что это мой второй день рождения. И в этом году я выбираю тебя.

– С чего бы это?

– С того, что нам нужно развлечься, отдохнуть. И сработаться перед тем, как мы попробуем вернуть твой корабль.

– А в чем смысл этого Мутова дня? – спросил Густав.

– Смысл простой, но очень веселый. Сначала муты прикармливаются. Где-то за месяц до этого дня я привожу в определенное место всякие отбросы. Каждый раз места разные, чтобы эти тупоголовые ничего не прознали. К отчетному дню там собирается жуткое количество мутлов. Уж не знаю, как они друг друга оповещают, но это и не важно. Просто у них хватает мозгов на то, чтобы понять периодичность. У них вырабатывается рефлекс, что каждое утро на этом месте появляется новая еда. Как у рыбы.

– И?

– Не знаю, сколько их там будет на этот раз, но должно притащиться много. До твоего появления в нашей семье я был на прикорме и ждал где-то час в одном укромном местечке, и их, представляешь, подтянулось не меньше пятидесяти – шестидесяти штук. Прикидываешь? Столько мутлов, и все в одной точке! Думаю, под конец трапезы их должно быть около сотни. Я вчера утром отвозил им еду, и все приметы говорят о предстоящем классном веселье.

– В чем же веселье?

Семен усмехнулся:

– Мы будем на них охотиться.

– Зачем?! Они же вроде как люди, кто будет есть их мясо?!

– Ты не понял. В Мутов день никто не охотится для мяса или пропитания, никто не ест этих вроде как людей. Даже больше – многие из наших против подобной охоты. Но... мне плевать. Мы будем там развлекаться. Ты хорошо стреляешь? Вот и покажешь, насколько хорошо! Потому что нам понадобится много терпения и усердия. Побеждает тот, на чьем счету наибольшее количество мутов. Разве не классно?!

– Да уж, – Густав слез с квадроцикла, достал из-за пояса пистолет, так как он неприятно давил на поясницу, и положил его на крыло. Пистолет блеснул тускловатым хромом. – То есть мы будем их убивать просто ради развлечения?

– Нет, не так, не ради развлечения. – Семен вдруг схватил пистолет, резко развернулся и прицелился в дверной проем.

Дождь теперь шел не такой сильный, и Густав даже мог углядеть, что неглубокая колея, проложенная в луговой траве, ведет прямоком к торчащему мохнатой щеткой на горизонте темному лесу.

Видимо, тому самому, в котором охотники находили пропитание для их большой семьи.

Семен продолжал целиться куда-то вдаль, дернул рукой и сделал губами «паффф!».

– Мы будем убивать из мести, – произнес он. – В Мутов день, если ты не понял, пять лет назад произошло одно важное событие. Я тогда лишился своих лучших друзей. Лишился из-за мутов. Дьявольских тварей, у которых нет ни души, ни веры в Бога.

«Паффф!»

– И, что самое смешное, Густав, я не знаю, откуда их столько. Мы убиваем их каждый год вот уже пять лет. И что? Ты думаешь, их стало меньше? Или они больше не приходят на прикорм?

«Паффф! Паффф!»

– Нет, приходят. И их каждый раз примерно одно и то же количество, плюс-минус. А на третий год так вообще сотни полторы, а то и две их собралось. Сначала мне это нравилось, а теперь по-настоящему заботит. Они что, целый день только и делают, что трахаются? Мы вымираем, а они плодятся! Или у них как-то по-другому? Они как будто сорняки на жирной и удобренной земле. Их вырубаешь, вырубаешь, а им хоть бы хны. Может, я им даже лучше делаю этой чисткой?

«Паф!»

Семен развернул пистолет рукояткой вперед и протянул его Густаву:

– Держи.

Странник осторожно забрал оружие, стараясь не показывать, насколько ему не понравились действия Семена. В любой другой ситуации он бы как минимум на кулаках объяснил любому, кто посмел бы взять его пистолет без спроса, что так делать нехорошо. А как максимум, это объяснил бы сам пистолет. Он умел это делать доходчиво и без лишних эмоций.

Но Семен был не из тех людей, с которыми Густаву хотелось портить отношения. Он явно был хорошим парнем, хотя иной раз его поведение странник отказывался понимать. Взять, к примеру, тот же Мутов день. Зачем уничтожать вырожденцев? Разве они виноваты в том, что появились на свет такими? В том, что новый мир изменил их до неузнаваемости?

Густав терпеть не мог животных-мутов и шестиногую собаку на свалке убил не задумываясь. Но люди? Одно дело – убивать их, когда они нападают или пытаются как-то тебе навредить. Другое – делать это специально. Из какой-то мнимой мести, а в большей степени ради развлечения.

Для любого своего действия странник всегда находил причины и основания. Для массового убийства мутов основания не существовало. Как и средств, собственно. Дома в рюкзаке у него остались патроны примерно на две обоймы, плюс эта, в пистолете, заполненная до отказа. И тратить пули на пустопорожнее развлечение было глупо. Тем более

что впереди его ожидала долгожданная встреча с Бояром, которую нужно было ускорить любыми средствами. И дружба с Семеном оставалась наилучшим средством для приближения этой встречи и для возвращения корабля. Поэтому Густав решил вести себя дипломатично:

– Из чего мы будем стрелять по мутам?

– О! Тут великий выбор! Смотри!

Семен ловко скинул брезент со второго квадроцикла, оказавшегося немного другим на вид. Более легким и агрессивным. На нем, помимо стандартного удобного сиденья и ветрового стекла, крепилась еще кожаная сумка с инструментами. Это было сразу понятно, так как ее перекидной верх никто не закрыл, и странник увидел внутри ворох блестящих ключей, отверток, гаек и так далее. А на сиденье, вернее, между ним и задними крыльями, аккуратной стопкой лежало оружие. Пара дробовиков, обычная винтовка и снайперская, и три длинноствольных револьвера, причем один с оптическим и лазерным прицелом.

Все это добро стягивал полупрозрачный трос, который замыкал то ли замок, то ли датчик с моргающим красным огоньком. Семен указал на него и сказал:

– Тут все не просто, как видишь. Попробуй взять хоть что-то из этого оружия.

– И что будет?

– Да ничего, просто попробуй. Представь, что ты вор и решил похитить оружие из нашего сарая.

– А оно не взорвется? – спросил Густав, с опаской косясь на мигающий датчик. – Нет привязки к хозяину или еще чего такого? Я ведь знаю подобные штучки.

– Да нет же! Просто попробуй взять!

– Ладно.

Странник протянул руку и взялся за цевье винтовки. Потянул на себя, но та не шелохнулась с места. Впрочем, как и все остальное оружие.

– Что такое? Застряло что ли?

Он потянул сильнее, но бесполезно. Тогда странник попытался взять в охапку весь ворох оружия, но оно словно приклеилось к квадроциклу и никак не хотело отрываться. Сердитые дерганья с грозным рыком тоже ни к чему не привели, оружие оставалось лежать на месте.

– И что это за хрень такая, объяснишь? – сдался наконец Густав, вытирая пот со лба. Внутри сарая становилось душно из-за тесноты и сырости, принесенной лившим все утро и день дождем.

Семен рассмеялся и вежливо отодвинул странника от квадроцикла. Взял датчик и перевернул его. На другой стороне обнаружилось маленькое цифровое табло. Быстрый набор комбинации из пяти цифр – и огонек из красного превратился в зеленый. Семен нажал на застёжки, трос расстегнулся, и он с легкостью взял из общей кучи выбранную Густавом винтовку.

– Фокус!

– Нет, серьезно, что это такое?

Странник забрал винтовку и прикинул ее вес. Довольно легкая, большого калибра и с гасителем отдачи. Голова любого мута от выстрела из такой должна разлететься на мириады осколков.

– Это магнитный охранник. Включается и выключается, как ты понял, паролем. После включения образуется огромной силы магнитное поле, которое буквально приваривает все, что в нем есть, к ближайшему металлическому объекту. В данном случае это корпус квадроцикла. Очень удобная штука, особенно во время поездки. Такой тяжелый и смертельный снаряд ни за что не слетит с места даже при самой сильной тряске. Ну, и украсть его невозможно, если только с аппаратом в придачу. Поэтому мы оставляем оружие здесь, чтобы не хранить дома. Тем более что гараж под сигнализацией.

– Seriously что ли?

– Да, тут световая и звуковая сигнализации. Питаются от солнечного света. Смотри, вот

тут и тут. – Семен указал на ворота и под колеса квадроциклов.

Везде, куда он показывал, находились маленькие черные защепки, от которых тянулось по два тонких провода куда-то под полки.

– Сигнализатор на крыше, – объяснил Семен. – Я, когда открывал ворота, датчик снял. Если же сюда кто залезет, то только через внешние ворота либо сломав какую-то часть сарая. Но тут уже опасно, так как охрана может услышать возню. А забравшись сюда, что будет делать вор? Попытается украсть квадроциклы, правильно. Поэтому под ними тоже датчики. Надо было сразу тебе сказать, кстати, а то вдруг ты бы собрался... ну, прокатиться немного тут, не правда ли?

Семен пытливо посмотрел на странника. Он задал вопрос, в любом случае зная на него ответ. И поэтому Густав сделал то, что должен был сделать. Ему надоело лавировать между корректностью и своей любовью к свободе, следовательно, теперь надлежало водрузить на себя маску толерантного человека. Усмирить свою гордость и неуместное здесь чувство юмора.

– Я и не думал кататься, – пожал странник плечами. – Придет время и покатаемся. Верно ведь?

– Да. – Семен облегченно улыбнулся. – Но когда придет время, тогда я и сниму датчики. А то от них такой вой поднимается, что если находишься в сарае, то ощущение, что мозг через уши высасывают. Я попробовал это чудодейственное средство защиты на себе. Орало знатно, слава Богу, хоть свои не пристрелили.

– Кстати, о своих. А если квадроциклы попытается украсть свой? Кто-то, кто знает, как всю эту защиту обойти? – как можно более равнодушным тоном спросил Густав, присев и вновь принявшись внимательно разглядывать малознакомую для него машину.

– Это невозможно. Чтобы завести квадроцикл, недостаточно одной лишь кнопки. Нужно, чтобы обладатель ключа зажигания находился рядом или на аппарате. Только тогда его можно включить. А ключ есть только у меня и моего напарника по охоте, он живет в нашем доме, на пятом этаже.

Семен непроизвольно прикоснулся к груди, сам не заметив этого движения, но Густав был внимателен. Под влажной футболкой парня виднелись очертания какого-то предмета, висящего то ли на шнурке, то ли на цепочке. Почти как талисман у странника.

– Хорошая система, – одобрительно сказал он. – Если бы у меня стояла подобная, то за корабль Бояру пришлось бы побороться.

– Да, есть в ней плюсы. Но есть и один большой минус.

– Какой же?

– Ключ легко находит себе нового хозяина, стоит лишь снять его с трупа предыдущего. – Семен широко улыбнулся, и страннику ничего не оставалось, как улыбнуться в ответ. Хотя шутка ему не понравилась.

– Так когда мы поедem? Завтра?

– Да.

Семен присел и накинul брезент на квадроцикл. Поднялась сухая пыль, тут же залетевшая в нос страннику, и тот два раза подряд сильно чихнул, чувствуя боль в легких.

– Будь здоров. Завтра не работаем, я договорился насчет нас. Сегодня вечером съезжу на прикорм, отвезу еще еды, чтобы к утру мутов было побольше. Тогда и рванем. Курить не хочешь? – Семен вытащил из заднего кармана джинсов пачку сигарет в мягкой упаковке и протянул ее Густаву.

Странник отрицательно покачал головой:

– Я не курю.

– Ну, как знаешь. А я вот иногда позволяю себе расслабиться. Пойдем, постоим, покурим, дождь вроде уже заканчивается.

Они вышли наружу и встали под коротким козырьком из гнутой жести. Дождь действительно уже сходил на нет, но небо как будто нахмурилось, стало еще более темным. И если бы хлынула новая порция холодного ливня, то странник этому бы не удивился.

Семен достал из пачки сигарету, привычным движением вставил ее в рот и поджег от миниатюрной тоненькой зажигалки. Потянуло дымом, который Густаву нравился даже меньше, чем пыль или запах горячей пластмассы. *Как там поживает кондиционер в корабле, кстати? Не сжег ли его Бояр окончательно?*

Густав присел, опершись о стену, и накинул на голову капюшон толстовки, защищаясь от капель дождя. Семена дождь не волновал вовсе, он вышел из-под укрытия и стоял под ним, лишь отведя руку с сигаретой чуть назад, чтобы она не намокла.

– Слушай, а я так и не понял толком вашу историю, что рассказывал Захарий вчера. Вы все тут когда-то были обычной общиной? – спросил Густав.

– Да. Ну, не совсем обычной, если мы решили осесть в городе, не правда ли? – Семен усмехнулся и выпустил изо рта аккуратное колечко дыма, чем несказанно удивил Густава – подобных фокусов он еще не видел.

– Что есть, то есть. Я вообще первый раз слышу такое.

– Наверное, так совпало, что в общине на тот момент собрались люди с одинаковыми взглядами на жизнь. Мне тогда было слишком мало лет, чтобы я принимал какие-то решения. Но если бы меня спросили, то я бы ответил положительно, потому что мне не нравится, что люди в новом мире не имеют дома и бродят, словно звери, не знающие пристанища.

– То есть тебе меня жалко, к примеру?

– Не обижайся, но да. Человек в жизни имеет две точки маршрута – начало и конец, рождение и смерть. Но есть еще две, которые между ними. Это цель впереди и место позади, куда хотелось бы вернуться. Родина. Вот у тебя есть цель, но нет дома. Он с тобой, твой корабль, но все же это не то, что нужно обычному, нормальному человеку.

– У меня есть место, куда я могу вернуться. Это дом, где я родился, – сказал Густав.

– И часто ты туда возвращался? Сколько раз ты был там?

– Один.

– Вот видишь. Все это не то, не то. – Семен меланхолично стряхнул пепел.

– Ладно, у нас разные взгляды на жизнь. Давай расскажи лучше об общине. Как вы тут оказались и куда делись все ваши корабли?

– История на самом деле очень короткая. Я знаю ее со слов матери, но она никогда мне не говорила о том, что мы сбежали буквально из-под носа Легиона. Странно, да? Ни разу не слышал от нее про Легион, только в виде кошмарных сказок на ночь, которые так любят некоторые молодые мамы, не понимающие, что их дети потом не могут уснуть полночи.

– Мне никогда ничего не рассказывали на ночь, – заметил Густав.

– Повезло. Но не в этом суть. Я знаю историю нашей семьи, большой семьи, с того момента, как мы въехали в Тиски. Со временем эта легенда обросла фантастическими подробностями, и сейчас тебе любой ребенок расскажет, что в этот миг на небе взорвалась радуга и повсюду зацвели райские цветы, но, сдается мне, все было немного прозаичнее. Мы просто наткнулись на этот не очень большой город, в котором было бы комфортно жить. И остались в нем, найдя вот этот замечательный двор. Потом началось его обустройство, первым делом построили забор. Нас, кстати, собралось не очень много, всего шесть кораблей, по два-три человека в каждом. В Тисках мы нашли единомышленников, поэтому некоторые ныне живущие в семье знать не знают ничего об общинах и кораблях, они родились тут, в городе.

– Куда же вы дели все машины?

– Сожгли. – Семен подул на кончик сигареты, и он ярко вспыхнул красным угольком. – Прямо как корову.

– Но зачем было жечь?! Ведь корабль в нашем мире, он... Нет ничего ценнее корабля! – воскликнул Густав.

– Ошибаешься. Ты просто не видишь перед собой другие ценности. И некоторые из нас их тоже не видели. Поэтому и цеплялись за машины, как за Бога. Корабли спалили для того, чтобы прозрели все, от мала до велика. Чтобы не было больше никаких соблазнов. Остались

только два вот этих квадроцикла, но на них далеко не уедешь, они годятся для охоты, но и только. Необходимые для семьи вещи.

– Я не понимаю, – прошептал Густав, взявшись за голову. Если бы эти дикари не сожгли в свое время корабли, то у него сейчас был бы реальный шанс вернуть свой мир. Во всяком случае, действовать легче именно с кораблем, чем вот так, с голым пузом и сверкающей задницей, переть на Бояра.

– Ты и не поймешь, – сказал Семен. – Но когда мы избавились от кораблей, всем стало легче. У нас исчез груз ответственности, сам посуди. Если бы мы оставили корабли, что из этого вышло? Мы бы никогда не осели здесь, потому что знали – в любой момент можем сорваться и уехать. Далее. Тот же Бояр. Он мог бы, не разбираясь, нужны нам машины или не нужны, перерезать всех нас и забрать корабли себе. Если кто-то хочет научиться летать, ему нужно отрезать ноги. Так мы и сделали.

– Вы ошиблись. Очень здорово ошиблись.

– Разве? – Сигарета уже практически дотлела, и Семен теперь держал ее между большим и указательным пальцем, спрятав в ладони. – Если бы мы ошиблись, то ты в свое время прошел бы мимо заброшенного, разрушенного двора. Но нет, ты нашел людей, живущих в свое удовольствие и строящих новую жизнь. И отец Захарий, убедивший большинство, что от кораблей нужно избавляться, оказался прав на сто процентов.

– Так это был он, – сказал Густав. – Как же я не догадался-то!

– Да, он. Вижу, что он тебе не нравится, и я тебя понимаю. Ты безбожник, Густав, и странник. Можно даже сказать, что именно ты дикарь.

Густав ухмыльнулся, низко наклонив голову, и капюшон это скрыл.

– Я вот, – продолжал Семен, – не люблю персиковый порошок. Мы нашли целый склад с растворимыми порошками и теперь раз в месяц устраиваем небольшой праздник сока. Склад этот находится на юге города, и у него прохудилась крыша. Поэтому, когда мы отыскивали его, большая часть порошка превратилась в негодный кашеобразный кисель. Но уцелевшие ящики мы притащили домой. Очень вкусная штука, особенно клубничный. Не пробовал?

– Нет. Я пью только воду.

– Попробуешь. Так вот, я не люблю персиковый сок из этого порошка, но обожаю сами персики. Если походить по городу, то можно найти персиковые деревья в некоторых дворах. Главное – успеть, чтобы никто не наткнулся на них до тебя, но у меня имеется пара секретных тайничков, о которых мало кто знает. Как-нибудь покажу тебе, если останешься у нас.

– Видно будет, – сказал Густав.

– Договорились. – Семен щелчком отбросил окурочек метров на пять и выпустил последнюю порцию дыма. – Я закончу мысль: персиковый сок не люблю, противная сладкая гадость. А вот персики люблю. Ты можешь не любить отца Захария, но должен любить Бога, потому что Он создал тебя и дал тебе жизнь. Улавливаешь?

– Как-то не хочется, – поморщился Густав. – Меня создали и дали жизнь мои родители. Бог в этом не участвовал, могу поручиться. Разве что подглядывал за ними в этот момент.

– Не говори так, – очень серьезно сказал Семен.

Он выставил руки ладонями вверх, под дождь, наблюдая, как заполняются влагой линии жизни, судьбы и все остальные, менее известные отметки Бога.

– Я говорю то, что я знаю, Семен. Извини, но я привык верить вещам, которые вижу своими глазами. Даже в Легион можно поверить, если только слышал о нем, но в Бога... нет. Все рождаются не благодаря ему, а благодаря своим родителям. Кто где. Кто в корабле, кто в подвале рушащегося дома, кто в ваших благоустроенных квартирах под присмотром доктора Шомова, кто-то на обочине дороги, не боясь попасть под колеса машины, потому что не видели их в этом краю уже год. Где сейчас твои родители, Семен?

– Отца я не знал. Говорят, он был странником, таким же, как и ты, черт бы тебя побрал. А мать... она ушла. – Семен сжал ладони в кулаки, и из них брызнула вода.

– Куда?

– Не знаю. Мне было тринадцать лет. Матушка Мария сказала, что она просто вышла за ворота и не вернулась.

– И ее никто не остановил?

– Нет. Я думаю, что с ней случилось что-то плохое, потому что просто так она бы меня не бросила.

– Получается, что Бог не уберег ее? – спросил Густав.

Семен тяжело посмотрел на него. Отер руки об одежду и начал закрывать вход в сарай. Странник поднялся и, пока еще в помещение проникали остатки света, пересек его, минуя квадроциклы, отодвинул панели забора и вышел на хозяйственный двор. Минуты через две, расставив датчики сигнализации, во двор вышел и Семен. Он плотно задвинул панели в пазы и, когда Густав, решив, что уже пора идти домой на обед, двинулся вперед, остановил его, крепко взяв за рукав:

– Отец Захарий говорит, что все, что ни делается, – к лучшему. Что так надо Ему, Богу. А Он знает, что для нас хорошо, а что плохо.

Странник посмотрел в лицо Семену и с беспокойством отметил, как оно разительно изменилось. Обычно спокойное, теперь оно стало чрезвычайно подвижным. Брови то хмурились, то поднимались вверх, морща лоб, ноздри раздувались, Семен покусывал нижнюю губу, а его глаза суетливо бегали, цепляясь за взгляд Густава, словно репейник за длинные волосы.

– А сам-то ты не знаешь, что хорошо? – сказал странник.

– Я знаю, но есть вещи, которые никому не ведомы, ни тебе, ни мне.

– Я сомневаюсь в этом, Семен. Ты лишь оправдываешь равнодушие своих соседей. Покрываешь их. Если бы они остановили твою мать или хотя бы спросили, куда она идет, – все было бы по-другому. Так ведь? Тебе же хочется верить, что все произошло по какому-то великому сценарию. Но нет. Мы с тобой в похожей ситуации, дружище, однажды от меня взял и ушел отец. Просто так, без лишних разговоров. Только я никогда не верил, что это придумал бог. И сейчас одной из важнейших моих целей являются поиски отца.

– Многие люди в этом мире уходят и не возвращаются, Густав, – сказал Семен. – На моем веку такое случалось не раз. Никто не запрещает человеку выйти за ворота и наткнуться на голодного, сильного мута или человека, любящего убивать ради развлечения. Это судьба. Но если Бог решит, что ты нужен людям, нужен в этой жизни, то Он спасет тебя. Моя мать закончила свой путь в тот момент, когда вышла за ворота. Я вроде бы хорошо помню ее, но с каждым днем все меньше и меньше остается в памяти, стираются факты, и я довольствуюсь одними лишь образами и детскими придумками. И это мне нравится, потому что так легче.

– Ты сумасшедший, – тихо сказал Густав.

Позади них раздался скрип калитки, и куры начали беспокойно бегать в своем загоне, хлопая крыльями, – наступил час кормежки, и по проходу медленно шел птичник с ведром отрубей.

– Я нормальный, я верую в Бога.

– Ты запер себя в нем, Семен. Ты запер себя в этом дворе, как в панцире. И ты еще говоришь мне, что я не понимаю смысла жизни. Ты ведь сам лишаешь себя его! Подумай о том, что произошло тогда, на охоте, когда почти всех вас перерезали муты. Воля Бога? А?!

– Нет, это была случайность. Его воля заключалась в моем спасении.

Густав бессильно сжал кулаки, глубоко вдохнул влажный воздух и выдохнул его сквозь сжатые зубы. Спор скатился в бесполезную плоскость. Просто абсолютная система защиты, лучше любого ключа хозяина и датчиков открытия. Отец Захарий со своей верой и голосом Бога в голове хорошенько окучил всех, кто был ведомым и нуждался в наставлении на путь истинный.

Но странник знал один секрет, о котором не догадывался ни один житель двора. Время раскрывать его еще не пришло, но, когда подойдет момент, Семен изменит свою точку

зрения. Буквально выбросит ее из головы, выпроводит пинками. Осталось только подтвердить догадки Густава кое-какой информацией, и отец Захарий лишится власти. Но все это случится после того, как странник вернет себе корабль. До этого Густав решил вести себя как можно скромнее, покорнее и доброжелательнее. Чужой в чужом доме только так и должен выставлять себя напоказ.

Подошел птичник и поставил довольно тяжелое ведро с кормом на мокрую землю.

– Привет, ребята. Чего делаете?

– Да так, болтаем. – Семен успокоился. У него снова было уверенное лицо, внимательное и вежливое выражение глаз. Только брови его, как сошлись в одну точку, проложив глубокую вертикальную морщину, так и не расходились.

– Тогда можно я покормлю птиц? А то не пройти никак.

– Да, да, конечно.

Семен и Густав переступили через ведро и пошли к выходу. Козы, спрятавшись от дождя, спали под навесом, а вот коров на улицу выгнал Денис и тщательно мыл их, как вчера. Появление улиток выбило его из колеи, и во время сегодняшней службы он тихо сказал Густаву, что теперь будет каждый день осматривать и купать своих подопечных. В любую погоду. Сегодня погода вышла ненастной, но Денис сдержал свое слово.

Он приветливо махнул им мокрой тряпкой, немного обрызгав, когда они проходили мимо, и продолжил работу, удерживая корову за рог.

Странник и Семен вышли во двор. На черных асфальтовых дорожках образовались лужи, и по ним уже весело прыгала босоногая детвора – в одних трусах. Охрана периметра скучала, встав под навесы, а Игорь, накрывшись большим, явно не по размеру, прозрачным дождевым плащом, читал книгу, чем несказанно удивил Густава.

Сверкнула молния, и заурчал гром. Дождь снова усилился. Дети с визгом бросились к подъезду, поднимая пятками тучи брызг. Игорь пунктуально сделал закладку, загнув уголок страницы, и положил книжку под дождевик. В церкви открылась дверь, оттуда высунулся отец Захарий, но тут же быстро спрятался внутрь. Густав и Семен оказались одни во дворе под проливным дождем.

– Послушай, странник, – сказал Семен, отбрасывая волосы со лба. – Давай больше не будем говорить о вере. Закроем этот вопрос. Вряд ли он поможет нам понять друг друга, тем более что завтра Мутов день, а дальше так и вообще... день Бояров.

– Я не против, Семен. – Густав протянул руку, и они обменялись рукопожатиями.

Из садового сектора побежал народ, до этого укрывавшийся от дождя под деревьями. Птичник и Денис, держа над головами ведра, прогалопировали по лужам, что-то крикнув страннику и охотнику, но их слова поглотили новые раскаты грома. Все быстро разбежались по своим подъездам и квартирам, и во дворе опять никого не осталось.

– Ну, хоть поливать и купаться сегодня не нужно, – сказал Густав Семену, они оба рассмеялись и неспешно направились к подъезду.

Глава 19

Семен вручил Густаву потертую кожаную куртку с криво, но крепко заштопанным длинным порезом на рукаве.

– Держи. И застегнись как следует, потом спасибо мне скажешь.

Сам он уже надел на себя кожаный полуплащ почти до колен, с высоким воротом и смешными коричневыми пуговицами на четыре крупные дырки. Густав взялся за грубую застежку молнии и с жужжанием провел ее вверх, запинаясь на немного проржавевших зубчиках.

Было ранее утро, и где-то звонко перекликались птицы. Солнце, умытое вчерашним дождем, еще не до конца разогнало тучи, но все шло к тому, что в полдень российское лето вступит в свои права. Здесь могло жарить так, как не бывало и в Испании, куда странник когда-то ездил, чтобы увидеть море.

Семен суетился вокруг квадроциклов, проверяя их работоспособность и целостность. Густав же ходил за ним следом, протирая машины от пыли, отколупывая куски засохшей грязи, оставшейся с прошлой охоты, и вытирая невесть откуда взявшиеся на хромированных частях потеки масла.

Второй квадроцикл был черного цвета и чрезвычайно походил на летучую мышь, которую принудительно посадили на четыре грубых колеса. Они уже определились, что это будет аппарат Семена, тогда как Густаву достанется первый, на котором он успел посидеть в прошлый раз. Принципиальных отличий в них не было, кроме внешнего вида и наличия у черного квадроцикла портативной мобильной станции для связи со двором.

Как сказал Семен, мощность покрытия у нее чрезвычайно большая и, находясь в любой точке города, можно без проблем поговорить с дозорным на крыше. Станция мерно мигала красной лампочкой, из нее торчала большая гибкая антенна с привязанным на конце кокетливым бантиком. Когда-то он был ярко-розовым, но многочисленные выезды на охоту порядком истрепали его.

– Ну, вроде бы все в порядке. – Семен вытер руки грязным полотенцем и бросил его на захламленный верстак, стоящий в углу сарая. – Садись и заводи.

Густав послушно оседлал квадроцикл и нажал кнопку старта. Машина дернулась и приятно заурчала, отдавая минимальной вибрацией в ноги странника. Именно в ноги, потому что сиденье обладало не только ортопедическими свойствами, но еще и амортизационным – оно было способно смягчать любые удары, которые мог получить квадроцикл в пути.

– Как тебе эта малышка?

– Малышка, то есть *она* ? – поинтересовался Густав.

– Да, это две мои малышки. Смотри, вот тут, – Семен постучал по тумблеру под навигационным монитором, – будешь переключать между бензином и водой. Туда поедет на воде, там, на месте, включишь бензин, а обратно уж как получится, скорее всего опять на воде. Топливо нужно экономить. Я имею в виду горячее топливо, ну, ты понимаешь.

– Еще бы.

– Ах да, забыл! – Семен спохватился и снял со стены два шлема, висевших на длинных ржавых гвоздях. Один протянул страннику. – Это обязательное условие нашей увеселительной прогулки. Без него никак. Надеюсь, что твоя голова влезет внутрь, потому что я помню, когда ты первый раз появился в нашем дворе, с лицом у тебя был явный беспорядок. Оно было, как бы это сказать, слегка увеличенным.

– Это уж точно, скажем спасибо Бояру, – сказал Густав, надевая шлем. Сделать это оказалось довольно непросто, но когда он наконец добился своего, то внутри шлема голове оказалось весьма удобно и комфортно. Звуки сразу же стали приглушенными, но мотор квадроцикла работал удивительно тихо, и охотники (а сегодня их обоих можно было называть именно так) слышали друг друга на твердую четверку.

Семен положил шлем у основания руля, немного приподнял плащ, чтобы не порвать, и запрыгнул в квадроцикл. Пока он заводил свой аппарат, Густав легонько нажал на газ, и его квадроцикл мягко покатылся вперед, шурша шинами по бетонному полу сарая. Выскочив на траву, он стал еще бесшумней.

Густав прибавил мощности, и квадроцикл показал свой нрав, мгновенно стартовав с места и чуть не сбросив его на землю.

– Поосторожнее! – крикнул Семен.

Он успел выгнать машину из сарая, слез с нее и теперь закрывал ворота. Хранить там внутри на момент Мутова дня было нечего, поэтому в качестве запора с легкостью подошли два кирпича, подложенных под створки.

– Ну что, обвыкся? – спросил Семен, подъезжая к Густаву. Сам он держался на квадроцикле более чем уверенно.

– Как тебе сказать, вроде да, а вроде и нет. Я просто не знаю, чего ожидать от него в какие-то моменты. Корабль я знал на сто процентов, а тут... Как он поведет себя? Черт его разберет, – сказал странник.

– Ну, ничего. Опрокинуть его трудно, слететь практически невозможно. На вот, держи. – Семен отстегнул ружье от магнитного замка, передал Густаву, и тот вставил оружие в специальную длинную кобуру возле правой ноги. – Только будь внимательнее, чтобы оно на кочке не выпрыгнуло. Лучше вообще не летать на квадроцикле, побережь его, и сам целее будешь.

– Договорились, командир, – кивнул Густав.

Помимо ружья странник захватил с собой еще и пистолет, для которого, кстати, кобуры не нашлось, и он заткнул его сзади за пояс, как в старые добрые времена, прикрыв сверху кожаной курткой. Она оказалась слегка великоватой для странника, и он прекрасно представлял себе, как выглядит со стороны – несуразный квадрат с блестящим шлемом на голове.

– Когда тронемся, опусти защитный экран. На нем раньше разная информация выводилась для водителя, когда шлем подключался к бортовому компьютеру. Но сейчас все сломалось, и никакой другой функции, кроме как уберечь твою рожу и глаза, он не выполняет, – сказал Семен.

Густав опустил тонированный экран, и внутри шлема стало еще тише, как будто кто-то захлопнул дверь. Но на видимости через экран это никак не отразилось, поэтому опасаться за себя не следовало. По крайней мере, пока они не добрались до мутов. А уж там, как предчувствовал странник, придется включить все свое умение, чтобы не подпустить мутов со спины или не оказаться еще в какой-нибудь глупой ситуации. Осталось только решить, как он будет общаться с напарником.

Но когда Семен надел шлем, его голос прозвучал в ушах Густава настолько громко, что он вздрогнул.

– Привет, привет еще раз. В нижней части шлема передатчик, – сказал Семен. – А слева, у виска, регулятор громкости. Скажи мне что-нибудь, странник, не молчи! До тебя этот шлем надевал один парень, который страдает глухотой после контузии. Как слышишь? Ау!

Густав, морщась от грохочущего внутри шлема голоса, нашел регулятор и снизил громкость почти до минимума.

– Теперь нормально, – сказал он.

– Это радует.

– А так?! – Густав напряг легкие и рывкнул что было силы.

Семен подпрыгнул в седле квадроцикла и тут же рассмеялся:

– Придурок ты, странник.

– Ну, не больше, чем ты.

– Ладно. Поехали.

Семен тронулся, с пробуксовкой выбросил из-под колес струю комьев земли, травы и песка. Густав стартовал более аккуратно и уже через несколько минут езды по пересеченной местности понял суть управления квадроциклом.

Примерно километров пять они ехали по бездорожью, находясь между жилыми постройками справа и полосой леса слева. Сиденье и амортизаторы прекрасно справлялись с неровностями почвы и довольно глубокими ямами, но иногда Густаву приходилось все же приподниматься на ноги, чтобы не отбить себе спину на особо крутых препятствиях.

Семен вел его за собой уверенно, иногда отпуская шутки по поводу манеры езды странника, но не уходил далеко вперед. В этом мире следовало быть предельно осторожным, любая невинная шалость грозила обернуться смертельным исходом.

Наконец они выехали на дорогу, по которой когда-то брели на запад Густав с Марковым. С тех пор она ничуть не изменилась, и ныне странник глядел на нее с чувством превосходства. Теперь эта штука не могла заставить его пить собственную мочу и размышлять, за какое количество времени сойдет он с ума от пота, который разъедает лицо и выжигает воспаленные глаза?

Сейчас Густав наслаждался ездой по ровному полотну асфальта. И разве нельзя было

называть это счастьем?

Сильный встречный ветер раздувал куртку, словно небольшой парашют, иногда проникая внутрь через ворот холодными короткими порывами, но Густав чувствовал себя комфортно, и все из-за шлема. Благодаря ему голове было тепло и уютно и тело реагировало на это с большим воодушевлением, веря, что и ему вот-вот станет так же хорошо. Великая сила – убеждение!

Они свернули теперь на другую дорогу, которая была уже не такой ровной – попадались ямы, а в некоторых местах так и вовсе отсутствовали целые куски асфальта, скалясь впрессованным в землю гравием. Многоэтажные дома сменились обычными, двух- и одноэтажными, и Густав понял, что они вернулись в старый центр города.

Еще поворот, и еще один.

– Осторожнее, – сказал Семен, показывая вперед.

Посреди дороги лежал старый железнодорожный вагон. Судя по тому, что слой асфальта под ним был выбит, словно в него ударил кулак разгневанного великана, вагон сюда выбросило с большой высоты. Густав посмотрел вправо и влево, когда они объезжали препятствие, и увидел, что все дома вокруг разрушены, а деревья сломаны или согнуты в одну сторону, а заборы повалены.

– Большой Взрыв? – спросил странник.

– А что кроме? Я ездил вдоль этой линии, там стоит на рельсах поезд. И у него ровно посередине не хватает одного вагона. Догадайся с трех раз, где он теперь.

– Странно.

– Не страннее того, где мы с тобой живем, Густав. Никто ведь не знает, что произошло в момент Большого Взрыва. Может, и не взрыв это был вовсе.

– Что же тогда?

– Не знаю. Что-то связанное с Легионом, как мне кажется.

Они выехали на дорогу, оставив позади покореженный символ нового мира, и молча поехали дальше. Из разбитого окошка вагона высунулась лысая морда какого-то существа, отдаленно напоминающего собаку, и гавкнула вслед уезжающим нарушителям ее покоя. Но они этого не заметили.

По прикидкам Густава, путь их занял не меньше сорока минут. Они больше не съезжали на бездорожье, а двигались практически по прямой дороге, которая тянулась вдоль города и в конце концов упиралась в место Семенова прикорма. Густав вертел головой по сторонам, стремясь прочесть надписи на изредка встречающихся блеклых рекламных щитах, ровно до того момента, когда Семен поднял руку с ружьем вверх и тихо сказал в микрофон:

– Стоп.

Странник чересчур резко нажал на тормоз, и квадроцикл на долю секунды резво дернуло, немного повело вбок, а затем включился стабилизатор устойчивости, выправивший положение.

Семен выключил двигатель, и его квадроцикл медленно покатился своим ходом. Охотник слегка жал на тормоза, так как дорога шла под уклон. Он показал куда-то вперед и сказал:

– Смотри.

В его голосе слышалось восхищение, перемешанное со страхом. И Густав этому не удивился. Потому что то, что он увидел, было по-своему грандиозно.

Чем дальше уходила вниз дорога, тем круче становился уклон, но затем она выправлялась и шла ровной линией куда-то вперед и вправо, за холмы. Но главное располагалось прямо перед глазами охотников, лежа перед ними как на ладони.

Муты.

Десятки мутов копошились большим разномастным пятном возле дороги, внизу. Их было не меньше пятидесяти, но Густав сознавал, что их может набраться и целая сотня. Они дрались, визжали и ругались, копаясь в куче отходов, которые привозил сюда Семен в

течение месяца.

Охотники спускались все ниже, и все больше деталей различалось в этом месиве пародий на человеческие тела.

Тут были совсем крохотные муты. Они сидели на спинах матерей, держась за их сальные спутавшиеся волосы, и тоже что-то пищали, вторя многоголосью взрослых. Когда им доставались пережеванные куски пищи от их матерей, они умолкали. Поодаль располагалась стая собак, и нельзя было понять, обычная ли это дикая стая или сборище уродов. Густаву не нравился ни один вариант. Если к человеческим мутам он относился равнодушно, то возможность избавить мир от мут-собак действительно его порадовала.

Эти муты не собирали еду и не запасались. Они просто ели, отбирая друг у друга вкусные куски, стараясь проглотить как можно больше, давась и кашляя. Им не приходило в голову забрать все к себе домой и наслаждаться едой там, в безопасности. Скорее всего, у них и дома-то не было.

– Какие же они мерзкие, – сказал Семен. – А сегодня они особенно противные. Тебе так не кажется, Густав?

– Не знаю. Они для меня все на одно лицо. А вот собаки действительно отвратительные, – сказал странник. – Что мы будем делать?

– Все просто. Спускаемся и начинаем веселиться. Если что – прикрываем друг друга, но эти выродки настолько тупы, что тебе не придется напрягаться – они даже не поймут, что случилось.

– Уверен? Когда-то они устроили засаду.

– Эти... они не эти, – запнулся Семен.

– Ладно, поверю тебе на слово. Я берусь за собак, а потом подключусь к тебе.

– Твой пунктик? – сухо рассмеялся в микрофон Семен.

– Не понял, о чем ты?

– Собаки – это твой пунктик, да? Мой – муты, а твой – эти лающие бесполезные штуковины.

– Угадал.

– Я даже не буду спрашивать почему, странник. Потому что мне сейчас интересно лишь одно – увидеть кровь этих тварей. Так что вперед!

Семен передернул затвор дробовика, оттолкнулся ногой и, ускорившись, покатился вниз. На полпути он завел двигатель, выжав газ на полную мощность, и этот резонанс в выхлопной трубе (гумблер «Бензин» на сто процентов уже был включен, Густав понял это абсолютно точно) заставил мут-собак наконец-то обратить внимание на то, что они тут не в полном одиночестве.

Немного помешкав, странник бросился вслед за охотником, подруливая одной рукой, а другой доставая пистолет. Ружье ему пока что не понадобится, так он решил для себя.

Со всего размаха Семен врзался в группу мут-собак, затормозив лишь в последний момент и развернув квадроцикл боком. Колеса прошлись по ногам ничего не понимающих существ. Один из мут-собак упал, воя от боли и пытаясь схватиться короткими зачатками рук за переломанные нижние конечности.

Густав услышал, как засмеялся Семен, и ему стало не по себе. Голос охотника звучал слишком уж истерично и в то же время ужасно холодно. Можно было сослаться на микрофон и на то, что тот искажает голос, но Густав подумал, что никакой микрофон не сможет в точности передать настоящий восторг, бушующий в голове Семена.

Охотник развернулся и объехал по дуге толкающихся и ревуших от страха и непонимания мут-собак. Направил дробовик в лицо ближайшего из них и выстрелил. Голова мута разлетелась на куски, блеснули кости в развороченной ключице, и он повалился навзничь, увлекая за собой своих товарищей.

Муты поняли, что обед закончился и пришло время сматывать удочки. Некоторые попытались убежать, нелепо ковыляя, но Семен сразу же пресек попытку бегства. Взревел движок квадроцикла, и еще один мут, получив удар в бок, перелетел через ветровое стекло и

рухнул на землю, сухо хрустнув худосочным, измученным телом.

Густав отвернулся и направил свой квадроцикл в сторону собак. Они пока не собирались убегать, лишь отошли подальше и оттуда наблюдали за происходящим. Теперь было видно, что это обычная собачья стая, и на душе у Густава стало еще поганее. Они стояли, поджав хвосты и подняв уши, и глядели то на кровавое месиво, в котором кружил на своем аппарате Семен, то на приближающегося странника.

Густав замедлил ход и прицелился. Квадроцикл слегка потряхивало на неровной почве, когда он съехал с дороги, но это не могло помешать выстрелу. Густав не хотел стрелять, но еще больше он не хотел принимать участие в убийстве мутлов. Эти чертовы создания кричали совсем как люди, отчаянно и тоскливо. Их возгласы эхом отдавались в ушах Густава – что-то он слышал сам, что-то приходило через микрофон Семена. Он хотел убавить звук, но потом понял, что вовсе потеряет связь с охотником, а этого допускать не следовало.

Когда Густав оказался за десять-пятнадцать метров от стаи, она, словно единый организм, зарычала, оскалив длинные и потенциально опасные клыки.

Странник аккуратно прицелился, чувствуя, как струйки пота стекают по шее и щекочут спину.

Квадроцикл теперь двигался совсем уж с черепашьей скоростью. Густав нажал на курок, но в этот момент колесо машины заехало на обломок кирпича, соскочило с него, и рука странника непроизвольно дернулась. Пуля по касательной угодила одной из собак в хвост, и стая, взвизгнув, развернулась и бросилась наутек. Чертыхнувшись, Густав выжал газ и ринулся вслед за ними.

Собаки бежали быстро, и было очевидно, что они хотят скрыться в жилом массиве. Бежать до него оставалось еще далеко, а квадроцикл догнал стаю в какие-то секунды, пристроившись за этим ковром из полностью однотипных пегих спин, под шкурами которых отчаянно шевелились лопатки и мускулы, неся своих обладателей подальше от неожиданного преследователя.

Густав прицелился снова, на этот раз не раздумывая и не сомневаясь. Он знал, что стрелять нужно сразу после того, как прицелишься. Отпускать собак он не хотел, нужен был хотя бы один труп этих гавкающих тварей, чтобы не потерять авторитет в глазах Семена. От общей массы собак отстали трое вислоухих щенков, но Густаву требовалась крупная особь.

Щенков уже почти затянуло под колеса, они отчаянно загребали короткими лапами, вытаращив расширившиеся от ужаса глаза. Еще немного, и их размолотят грубые внедорожные покрышки.

Странник привстал, выпрямил руку и нажал на курок. В этот момент одновременно произошло два события: раздался выстрел и странник краем глаза заметил какой-то темный объект, несущийся на него справа.

В следующий миг все перемешалось. Густава выбило из седла, а квадроцикл ушел своим ходом в свободное плавание. Пистолет вылетел из рук и, описав дугу, отскочил куда-то вбок. Сам же Густав, стараясь успеть сгруппироваться, покатился по пыльной земле, про себя благодаря Семена за то, что тот дал ему шлем и крепкую кожаную куртку. Иначе он просто разбил бы себе голову и исцарапал все тело.

Уже лежа на спине, странник облегченно вздохнул. Поднял защитный экран, но тот покрылся пылью и через него ничего не было видно. Отстегнул замок ремешка под подбородком и стянул шлем с головы, положив его рядом.

Над Густавом мелко тряслось, в такт ударам сердца, безоблачное ясное небо, мелькали черные точки, и он явственно слышал шум двигателя квадроцикла, работающего на максимальных оборотах. Судя по всему, машина остановилась, но что-то зажал газ, и теперь она либо зарывалась в землю, либо просто работала вхолостую, если соскочила передача.

Странник попытался подняться, но тут же на грудь ему приземлилось что-то тяжелое. Он со свистом выдохнул, почувствовав боль в шее, и с ужасом обнаружил, что на груди у него сидит огромный пес с оскаленными клыками и вздыбленной шерстью.

Густав почувствовал зловонный запах, исходящий из пасти зверя. «Зачем я снял этот чертов шлем?» – подумал он, и перед глазами возникла картинка из детства.

Ему было тогда лет десять. Они с отцом остановились, чтобы перекусить. Отец никогда не любил есть на ходу, в машине, говорил, что это плохо сказывается на пищеварении. Они находились в пригороде Берлина, отец сидел в кабине, жевал вяленое мясо и рассматривал навигатор, выбирая кратчайший путь в объезд бывшей столицы Германии. Там им делать было нечего, большие города таят в себе большие опасности, это аксиома.

Мама лежала под вентилятором на кушетке, у нее болела голова. В последнее время такое случалось с ней довольно часто, но маленький Густав не обращал на это внимания.

Он сидел на порожке корабля и ел сухари с кусочками вяленого мяса, запивая все это чистой холодной водой из мятой жестяной кружки. Ему было хорошо. Наверное, так хорошо, как еще никогда не бывало и уже никогда не будет. Семья, корабль, вкусная еда, красивый пейзаж.

Столбы линии электропередач, шедшие вдоль дороги, уцелели, кроме одного, который упал, но не порвал провода, а лишь потянул их за собой. И вот Густав смотрел на ровные черные линии, прочерчивающие небо, и как они затем плавно уходят вниз и снова поднимаются вверх, словно график средней скорости из отцовского бортового компьютера.

Птицы, круглые нахохлившееся жирные точки, сидели на проводах, и Густав размышлял о том, что будет, если они так же усядутся на «кривые», идущие под углом к земле провода. Упадут? Заскользят вниз? И вообще – смогут ли сесть на них?

Собака появилась неожиданно. Она вышла откуда-то из-за корабля, задумчиво посмотрела на Густава, понюхала правое заднее колесо, затем задрала ногу и помочилась на него.

Мальчик хихикнул и коротко свистнул, подзывая к себе эту довольно большую псину грязно-белого цвета.

Собака села возле ног Густава и преданно посмотрела ему в глаза, ослабившись и высунув длинный язык. Ее хвост дружелюбно махал из стороны в сторону, кач-кач, подметая дорогу.

– Держи, – сказал Густав и бросил ей кусочек вяленого мяса.

Собака жадно подхватила его на лету, хлопнув пастью, мгновенно проглотила и опять замерла, выжидающе смотря на мальчика.

– Больше нет, – сказал Густав, разводя руками.

Но собака не хотела этого понимать. Она, не вставая, прямо на заднице подползла ближе и ткнулась горячим носом в руку мальчика.

Густав отломил половинку сухаря и кинул ей. И этот кусок еды исчез в пасти собаки с такой быстротой, словно его никогда и не было.

– Вот теперь точно все, – сказал Густав, поднимаясь.

Он хотел уже войти в корабль, чтобы избавиться от назойливой попрошайки, но собака вдруг взялась зубами за его штанину и тихонько зарычала.

– Эй, – сказал мальчик, – отпусти меня.

Он дернул ногой, но собака не отпускала. Только расставила лапы пошире, для устойчивости, и потянула Густава на себя.

Сначала он даже не понял, что происходит. Ему казалось, что пес играет с ним, так как с его морды не сходило какое-то дружелюбно-заискивающее выражение, а глаза, смотревшие на мальчика, не выражали никакой агрессии, просто тупое упрямство.

Собака дернула изо всех сил, и мальчик упал лицом вниз, выставив вперед руки, чтобы хоть как-то смягчить удар, но ему все еще казалось, что ситуация находится под контролем. Локти ломило, сбитый подбородок саднил, но он все еще думал, что это игра.

И лишь когда собака потащила его в сторону от корабля, Густав начал кричать и брыкаться. Псу это не понравилось, и он решил уговорить крикливую... еду.

Запах. Густав до сих пор помнил запах из этой пасти. Долгое время он представлял себе, что именно так пахнут переваренные, съеденные люди. Гнилостно и тошнотворно. Он

успел подставить руку, и на его запястье сомкнулись мощные челюсти собаки. Она порвала ему кожу и тряхнула мордой, досадуя, что это не шея Густава, а всего лишь рука. Но и этого оказалось достаточно, чтобы сломать тонкую кость неокрепшего мальчика.

Густав закричал, и скорее от страха, чем от боли, и только тогда к нему на помощь пришел его отец. Спустя годы странник осознал, что борьба с собакой не заняла и минуты и что отец чисто физически не смог среагировать быстрее. Но тогда он решил, что родители бросили его.

Предательство.

И он заплакал от горя, мгновенно переполнившего его больше, чем боль и ужасная вонь, исходившая от белой собаки, весело виляющей хвостом и активно грызущей его руку.

Отец выстрелил точно в лоб собаки и пинком отбросил ее обмякшее тело. Оно плюхнулось в пыль, все еще дергая хвостом. Отец поднял Густава на руки и понес его в корабль, говоря что-то успокаивающее. Что именно – странник не помнил, но запомнил его тон. Сильный и ласковый.

Затем они на огромной скорости полетели в Берлин, чтобы найти там болеутоляющее и, если получится, вакцину от бешенства, так как их запас анальгина не помог маленькому страннику избавиться от неприятных чувств. Отец всю дорогу рассказывал разные веселые истории, а Густав лежал на коленях матери, корчась от ноющей боли в руке. И улыбался.

Ему тогда было почему-то хорошо, да, так хорошо, как никогда не было прежде. И как никогда больше не будет. Теперь он знал это точно. Не будет, да. Потому что тогда у него была семья.

И эта гавкающая тварь, восседающая сейчас на его груди, являлась прямым тому подтверждением.

Густав медленно повернул голову, ища глазами пистолет, но в серой траве его никак не удавалось разглядеть. Он пошевелился, и собака зарычала, ткнувшись в его шею и не сводя с него глаз. «Только не это, только не это», – беспокойно подумал странник. Если она вцепится ему в кадык или начнет рвать яремную вену, то ему ничего не останется, как выдавить ей глаза большими пальцами руки и побыстрее добраться до мозга. Но на все это потребуется время, а его, при плохом раскладе, будет слишком мало.

Странник вытянулся в струнку, следя за движениями собаки и готовясь к своевременному ответу. Но она не спешила грызть его или кусать. Она пока просто его нюхала. Твердые подушечки лап и когти больно давили на грудь и живот Густава, но он был этому даже рад. Все лучше, чем клыки, чавкающие у тебя в районе глотки.

Собака зарычала и оглянулась. Коротко гавкнула и снова внимательно посмотрела на Густава карими глазами. Ему вдруг показалось, что она сейчас что-то скажет на иньере, потому что ее взгляд был настолько осознанным, что...

Но собака молчала. Она оглянулась еще раз и спрыгнула с груди странника.

Он осторожно приподнялся, садясь и не выпуская ее из виду. В шее стрельнула мерзкая вспышка обжигающей боли, означающая, что он либо прищемил себе нерв, либо потянул что-то весьма серьезное. Но обращать на это внимание сейчас не было времени.

Он видел, как собака подбежала к трем щенкам, подпихнула их носом, и они потрусили в сторону домов. Прощмыгнули под забором через явно не случайный подкоп. Качнулась высокая трава, и больше здесь никого не осталось, кроме Густава и ворчащего на все лады квадроцикла, валяющегося вверх колесами.

Мать.

Эта собака была матерью тех щенков, и она спасла их, выбив Густава из седла квадроцикла. И сделала это, рискуя своей жизнью.

Все перевернулось. Мир перевернулся вместе с квадроциклом. Сегодня странник был той большой белой собакой, которая хотела убить маленького человеческого детеныша. О нет, он не хотел специально убивать этих щенят, просто мимоходом размазал бы их колесами, а затем убил бы кого-нибудь из стаи, может быть даже эту мать с двумя рядами разбухших сосков. Бах и нет. Не ради пропитания, не томимый голодом, нет, а просто так,

ради развлечения.

Густав положил руки на ноющую шею.

Из шлема доносились какое-то бульканье. Он поднял его и прислушался.

– Ты где, странник? Эй, Густав, где ты, ответь! Алло! – кричал из микрофона Семен.

Густав перевернул шлем и, не надевая его, как можно спокойнее сказал охотнику:

– Я тут, все в порядке. Поезжай прямо по дороге, только чуть дальше, за поворот, мне нужна небольшая помощь.

Глава 20

Первое, что увидел Густав, был кусок окровавленной кожи со спутанными черными волосами, прилипший к плащу Семена с левой стороны, почти под лацканом. Он подъехал, гордо выпрямив спину, словно вместо позвоночника у него был титановый стержень, и подняв забрызганный кровью же защитный экран шлема, как забрало.

Одно крыло его аппарата треснуло, и в нем застряло тоже что-то малоприятное, кровоточащее – Густав не стал уточнять, что именно.

– Все нормально? – спросил Семен, спрыгивая с машины.

Амортизаторы квадроцикла мягко качнулись с сочным звуком, все же, что ни говори, охотники содержали их в идеальном порядке.

– Да. Просто попал тут в историю, с собаками этими, и не смог удержать квадроцикл.

– Споткнулся что ли? – усмехнулся охотник. Он только сейчас заметил на себе кусочек мута и щелчком попытался сбросить его. Это получилось с третьего раза.

– Вроде того. Не поможешь с квадроциклом?

Густав заглушил двигатель, и вместе они поставили машину на все четыре колеса. Странник мельком осмотрел квадроцикл, но никаких повреждений, кроме отлетевшего, но целого, благо оно было сделано из пластика, ветрового стекла не обнаружил.

Семен с хрустом расправил плечи и снял шлем. Его волосы оказались мокрыми от пота, взъерошенными, но вот глаза счастливо блестели. Если бы Густав не знал точно, то подумал бы, что охотник где-то выпил не меньше бутылки крепкого алкоголя. Но, судя по всему, Семену было хорошо и без этого. Мутов день подарил ему ни с чем не сравнимое наслаждение.

«Интересно, а что бы он сделал, окажись в моей ситуации с собакой? – подумал Густав. – Убил бы ее, не задумываясь? Вцепился бы в глотку? Или нет, нет, все не так. Семен вообще не допустил бы подобной ситуации. В первую очередь он застрелил бы двух, а то и трех кобелей. Потом мимоходом задавил бы щенят и вряд ли после этого встретился с их мамашей на незабываемом свидании. Он просто прикончил бы ее, вот и все, никаких тебе вопросов, обжигающего взгляда и длинных клыков. Мертвые не умеют скалиться».

– Значит, все у тебя в норме? – еще раз спросил Семен.

– Да. Ты закончил с мутами?

– Почти, – сказал Семен.

– Почти? Это уж точно, ты только посмотри!

Густав показал на дорогу. По ней, размахивая руками, к ним бежал мут. Небольшого роста, плотный, но с очень тонкими и непропорциональными конечностями. Он родился с чересчур развитой заячьей губой, и щель, которая шла ровно посередине его лица, уходила далеко вверх, расщепляя передние зубы, десну и нос почти до бровей.

Он был одет в какие-то тряпки, а на каждом его запястье болталось по галстуку. Мут что-то кричал и всем своим видом показывал, что настроен очень серьезно.

– С ними никогда не закончить, – резюмировал Семен.

Он подскочил к квадроциклу, вытащил винтовку и быстро прицелился, ведя мушку вслед за бегущей фигурой. На мгновение он ускорил свое движение, опередив бег мута, и выстрелил. Пуля попала точно в цель, бесцеремонно прервав траекторию направления мута, вошла ему в шею и с багровым фонтаном вышла сзади. Мут подскочил на месте, ноги, еще

продолжавшие бежать, ушли вперед, а туловище отбросило назад.

Густав поморщился.

– Настойчивый, да? – сказал Семен, поднимая еще дымящуюся гильзу с асфальта.

– Агрессивный какой-то.

– Я убил его жену.

– Кого? – изумленно спросил Густав.

– Жену. Тварь с вытянутыми сиськами. Он ее прикрывал, а я его пожалел, дурак, ей же прямо промеж сисек засадил из дробовика. Видимо, любил он ее.

– Думаешь?

Семен внимательно посмотрел на странника, а потом вдруг расхохотался:

– Да ладно, не делай вид, что поверил мне! Ну какая любовь! Это же муты, они хуже животных, твари без души и дома! У них нет никаких чувств.

Густав кивнул. То же самое ему говорил отец, да и все странники, с которыми он общался, держались того же мнения. Только речь шла жителях городов. Дикари для странников были тем же, чем и муты для дикарей. Интересно, а существует ли подобное отношение у мутов к кому-нибудь? Может, к собакам? А у собак?

Семен покровительственно потрепал Густава по мокрому затылку:

– Веселье еще не закончилось, мой друг. Там осталась пара десятков дебилов, которые не поняли, что к чему, или подумали, что я уехал навсегда. И на твою долю хватит. Надевай шлем и погнай. И не грусти! Праздник же!

Охотник подкинул шлем высоко вверх и ловко поймал его. Затем, поправляя ремешок крепления и весело посвистывая, пошел к квадроциклу. В этот момент раздался писк портативной сотовой станции. До этого мерно мигавший красный огонек превратился в постоянно горящий синий.

Семен снял с крепления «ухо» с микрофоном, надел его и запрыгнул с ногами на квадроцикл, чтобы быть повыше и лучше ловить сигнал.

Густав не мог слышать, что там говорили охотнику, но, судя по все более и более мрачневшему лицу Семена, ничего хорошего. Разговор длился минут пять, причем за это время охотник сказал лишь два слова: «Прием» и «Отбой». Когда он слез с квадроцикла и со щелчком вставил гарнитуру в крепление, то от его веселья в честь Мутова дня не осталось и следа.

– Отец Захарий говорил с Богом, – сказал он Густаву.

– И? У него же это вроде как постоянные контакты. Или на этот раз ваш бог сказал, сколько ему осталось жить, и Захарий устраивает небольшой праздник в эту честь? – спросил странник.

– Нет. Он сказал, что случилась беда и наш брат в опасности.

– Кто же это, какой еще брат?

– Андрей.

– И кто он? – спросил Густав, запнувшись на полуслове. Он надеялся, что Семен не заметит этой его запинки, потому что полученные из двора известия добра не сулили.

Но охотник не проронил ни слова по этому поводу. Сощурившись, он смотрел куда-то в сторону.

Андрей. У них пропал Андрей. Неужели тот самый?... «Но ведь людей с таким именем немало, вдруг повезет?» – подумал Густав. Но параноидальная мысль, пришедшая к нему без спроса и разрешения, прочно засела в мозгу и требовала ответа.

– Он наш брат. Волей случая он пошел не по той дорожке. Стал пить. И отец Захарий выгнал его из семьи, так как у нас запрещено употреблять все, что меняет сознание. А Андрей, его нельзя остановить, в последний раз он нашел неподалеку в чьем-то погребе винный склад и пил круглые сутки. Это стало последней каплей, в фигуральном смысле, ведь он пил целыми стаканами.

Да, определенно это он, решил странник. Эндрю. Андрей. Спившийся дикарь с бензопилы. Густав пошевелил пальцами ноги – там, под стелькой, лежал ключ, добытый

из головы заблудшей овцы не очень-то гуманным способом.

– И что с ним случилось?

– Со мной связался дозорный с крыши. Говорит, что Бог сообщил отцу Захарии, что с Андреем беда. И нужно его срочно найти. Где и что с ним конкретно, Бог не сказал. Святой отец очень расстроен, и матушка тоже, она считает его своим сыном. Во дворе уже собрался отряд добровольцев, нам приказали исследовать эту часть города, потому что слишком далеко он уйти от двора не мог. Так сказал отец Захарий.

– Он это узнал со слов бога? – спросил Густав.

– Нет. Вроде нет. Или да. Не знаю, в общем, – задумчиво сказал Семен.

«А я знаю, что он ушел очень далеко, – подумал Густав. – Даже слишком. Почти через весь город, на другой край. Видимо, не так уж ему и хорошо жилось в этой вашей семье, если он, спившийся алкаш, без видимых последствий прошагал весь этот отрезок, на котором они с Марковым чуть не умерли от жажды».

– Когда же вы его выгнали?

– Прошлым летом.

Густав присвистнул.

– И теперь вдруг отец Захарий обеспокоился его судьбой. Тебе не кажется, что это немного странно, Семен?

– Нет. – Охотник яростно тряхнул головой. – Бог сказал так, значит, так и будет. Если бы Он не сказал про Андрея отцу Захарии, то я, как ты вот сейчас говоришь, и дальше думал бы, что его нет в живых. Но это не так, нам нужно его спасти. Как можно скорее, понимаешь? Ты со мной или как?

– Конечно с тобой, только погоди. – Густав потрогал уже почти зажившую нижнюю губу. – Тебе что, конкретно сказали: Андрей жив и находится в какой-то неведомой опасности, а нам его нужно найти и спасти?

– Да, именно так.

Лгущий бог. Просто отлично, господин охотник, просто прекрасно. Если бы ты знал, как манипулирует вашим сознанием Захарий!

– А почему ваш бог, открыв такую ценную и неожиданную информацию, не уточнил, не сказал, где искать, куда идти? – спросил Густав вкрадчиво.

– Потому что, – Семен тяжело вздохнул, – это наше испытание. И мы должны его с честью выдержать, понимаешь?

– Я ничего не понимаю, если честно. Вот поставь себя или меня на его место. Чтобы я не сказал, где найти человека, находящегося в опасности?! Да я даже представить себе такого не могу.

– Ты не Бог, – устало сказал Семен. – Поэтому просто надень этот чертов шлем, сядь в этот чертов квадроцикл и поехали.

– Куда мы поедem-то?

– Наверх. А там пройдемся по всем домам, которые идут вдоль главной дороги. Нужно постараться осмотреть как можно больше до вечера.

– Ты смеешься? – Густав надел шлем. На сей раз это было не столь приятно – внутренняя обивка пропиталась потом и не слишком хорошо пахла, отдавая чем-то затхлым.

– Разве похоже, что я шучу? – спросил Семен.

– Нет, но проверять все дома подряд – это полный бред. Может, он там есть, а может, и нет. Это все равно что искать кузнечика на посевном поле. Нереально.

– А ты откуда знаешь, есть он там или нет?

Семен тоже надел шлем и сел в квадроцикл. Антенна мерно покачивалась за его спиной, словно хвост. Дружелюбный хвост собаки. Вот только вопрос прозвучал не совсем невинно, как показалось Густаву. Или действительно показалось? А если все это одна большая игра и Семену сообщили по радио, что именно странник убил Андрея? Неважно, как они это узнали, важно, что узнали. Что делать тогда? Делать вид, что отчаянно пытаешься найти Эндрю, который в такой жаре быстро протух и нынче разлагается на

заднем дворе заправки?

Что, если это проверка и нужно ответить на вопрос максимально честно? Клянетесь ли вы? Клянусь. Правда и ничего, кроме правды! Такое Густав пару раз читал в старых и потрепанных книжках. Раньше людей судило множество других людей, и все это порой тянулось годами. Смешно и нелепо.

Странник опустил защитный экран шлема и оттер его тыльной стороной ладони.

– Я ничего не знаю, Семен, просто предположил. Я ведь не бог.

– Это точно.

Квадроциклы вздрогнули практически одновременно, оживая и готовясь нести своих хозяев куда угодно, пусть и на поиски мертвеца. Густав провел пальцем по тумблеру переключения топлива. Стоит сейчас его нажать, и включится полная мощность двигателя квадроцикла. На нем можно уехать из этого города, и вряд ли Семен погонится за ним. И даже если совершит подобную глупость, то ему придется об этом пожалеть. Ради свободы странник готов убивать, он уже подошел к самому краю самоистязания. Еще немного, и его «Я» взорвется.

Но оставался еще какой-то резерв. Запас терпения и толика смирения. На них Густав и полагался. Сегодня отыграть роль усердного поисковика, завтра сходить на службу, а послезавтра поставить Семену ультиматум – или они идут в гости к Бояру, или... Густав идет один.

Густав убрал палец с тумблера и поехал вслед за Семеном, который уже вырулил с бездорожья на асфальт.

Они опять выехали за поворот, и странник увидел на том месте, где кормились муты, огромное мокрое пятно, как от раздавленной на белой футболке черешни. Трупы мутов валялись тут и там, но были и выжившие: одни ползли по земле, таща за собой либо переломанные, либо отстреленные ноги. Других волокли их товарищи. Густав увидел, как вокруг одного мута, бездыханно лежащего на спине с рваной дырой в районе живота, собралось слишком уж большое количество мут. Сперва он подумал, что они решили съесть его, но нет.

Они сидели кружком и раскачивались из стороны в сторону. Среди них затесался совсем еще маленький ребенок-мут – крохотное рахитичное тельце, огромная голова. Он смотрел на старших и громко ревел. Плакал. Густав понял, что если он закроет глаза, то плач этого мута ничем не будет отличаться от слез обычного ребенка. Да даже от его собственных всхлипов в этом возрасте.

Если это не настоящие чувства, тогда что такое чувства? Странник уже тысячу раз пожалел, что заехал в Тиски: этот город поменял его мировоззрение, бесцеремонно влез в душу и потоптался на непреложных устоях – от отношения к дикарям до мнения о мутах.

Густав нажал на газ, и квадроцикл услужливо выстрелил ускорением, заставив странника покрепче вцепиться в руль. Он решил обогнать Семена, чтобы поскорее оставить за спиной грустные последствия Муты дня, которыми охотник откровенно любовался, но не успел.

Один из мут, сидевших в кружке, вскочил и бросился наперерез квадроциклу Семена. Нельзя было точно определить, женщина это или мужчина, но уж точно не ребенок. Остальные муты протяжно завывали ему вслед, а ребенок расплакался еще сильнее.

Густав хотел предупредить Семена по микрофону, уже открыл рот для окрика, но не успел – тот сам все увидел, выхватил дробовик из пристежной кобуры, но не стал целиться, а взялся за ствол, словно держал битую. И когда отчаявшийся в своем горе или гневе мут поравнялся с ним, Семен нанес мощный удар. Его дернуло, квадроцикл повело в сторону, но ненадолго. Цевье дробовика разможило голову мута, словно подгнивший арбуз. Череп сплюснулся и лопнул сверху, выплескивая через спутанные волосы выдавленный ударом мозг.

Мут волчком крутанулся в воздухе, рухнул, раскинув руки-ноги, и остался лежать, распластавшись крестом на дороге.

Странник осторожно объехал его и посмотрел назад: муты встали и медленно брели к своему погибшему другу. Ребенок плелся за ними, перебирая тоненькими ножками и держась за кусок грязной одежды одного из взрослых.

Густав прибавил газу и обогнал Семена. Тот торжественно махнул ему дробовиком, с приклада которого капала кровь. Солнце вошло в зенит. Оставшиеся в живых муты, не обремененные горечью потери, потянулись к водопою.

Глава 21

Становилось жарко. Так жарко, что не замечать этого было уже нельзя. Густав успел проклясть свой черный матовый шлем и позавидовать Семену, у которого был белый, с красными полосками. Но неприятные ощущения от жары сейчас являлись единственной его возможностью не чувствовать себя виноватым перед семьей.

В конце концов, он же никого не обманывал, правда? Никто у него не спрашивал: Густав, а не убивал ли ты некоего Андрея? И он не отвечал им, скрестив пальцы: нет, не убивал, что вы!

Он просто умолчал об этом событии, так как оно самому ему казалось не очень приятным. Как не сказал Маркову, так не сказал и Семену, и всем остальным. И причина была вполне понятна: этим поступком не стоило гордиться.

Да и оставалась надежда, что убитый им Эндрю все же был не тем Андреем, которого они сейчас искали, но расспрашивать Семена о том, как выглядит (или выглядел?) внезапно понадобившийся Богу и отцу Захарию беглец, сейчас было слишком рискованно.

Они въехали на горку. Ветер трепал бантик на антенне квадроцикла Семена, который успел догнать странника и поравняться с ним. Густав вертел головой, шея обильно потела в ненавистном шлеме, и в конце концов он снял его, чуть замедлив ход. Сразу стало легче дышать, и даже немного улучшилось настроение.

Семен тоже снял шлем и повесил его на руль. Они ехали бок о бок, а не друг за другом, по двухполосной дороге, поэтому пыли и другого мусора, летящего из-под колес ведущего квадроцикла, бояться не стоило.

Впрочем, Густав вспомнил, как выбила его из сиденья собака, и поежился. Но вряд ли такое сегодня повторится. Молния не бьет в одно и то же место дважды. Конечно, кроме тех случаев, когда она на это место очень рассержена.

Миновав окружную дорогу, они въехали в город, но направились не по тому шоссе, на котором лежал вагон, а по другому.

– Оно практически сквозное, – сказал Семен, – ведет от двора и без крутых поворотов через весь город. По нему удобно было бы шагать... куда-нибудь.

Густав молча согласился. Чем дальше они от проклятой бензоколонки, тем лучше.

Улица, на которую они выбрались, ничем не отличалась от остальных. Вообще, по мнению Густава, все в этом городе было каким-то незапоминающимся и, наверное, идеально подходило для оседлой, дикарской жизни, но... Странник бывал во многих городах и полагал, что жить в красивом месте всяко приятнее, чем в таких вот декорациях.

Конечно, в России все по-другому, он и приехал-то сюда только из-за этого, взяв экзотический корабельный тур на все лето, потому что зимой на эту территорию нет доступа для странников – выпадает слишком много снега. Даже с использованием единой навигации, благодаря которой странники видят проторенные дороги, по которым без проблем проезжают корабли, соваться в Россию зимой – бесполезное занятие. Несколько месяцев в году вся эта территория превращается в один огромный белый ватный матрас, и выжить тут в корабле практически нереально – чересчур настойчиво давление со стороны природы, во всех смыслах.

Поэтому Густав и не удивлялся, что большинство российских местечек, встречавшихся ему на пути, архитектурой своей демонстрировали тяготение скорее к практицизму, чем к красоте, винтажности и оригинальности.

Взять хотя бы эти пустые, заброшенные дома. Густав проехал под столбом с табличкой на русском и дублирующей его снизу иньере: «Ул. Генерала Ушакова». Кто был этот генерал Ушаков? Военным, наверное. Странник слышал, что когда-то именно военные вместе с властью допустили разрушение этого мира.

Теперь здесь унылые ряды трехэтажных домов. Те, кто жил или живет, а вернее, существует здесь, посрывали с фасадов сайдинг, вытащили часть утеплителя для собственных нужд. Рамы со стеклами тоже пошли в дело. Подъезды, обросшие вьюном, с потертыми, раскрошившимися ступенями. Дверей нет, они тоже пригодились каким-то чересчур хозяйственным дельцам.

У одного окна, на натянувшемся от веса проводе, висела спутниковая тарелка и жалобно скреблась о жестяной подоконник окна этажом ниже.

А ведь когда-то эти улицы и дома наполняло несметное количество людей. Просто в голове не укладывается. Этот город заполняли люди. Густав улыбнулся, представив себе такую картину. Что было бы с ним, окажись он в городе того, старого мира? Где всегда у тебя на глазах люди, а ты на глазах у них.

Люди, люди, люди, везде голоса и лица, чье многообразие никак не запомнить.

Слишком фантастично. И даже неприятно.

Странник знал только пустынные, огромные просторы. Иногда за время своих путешествий он не встречал людей неделями. А когда натыкался на них, то эти встречи не оставались в памяти, если только он не имел дело с агрессивно настроенными общинами или странниками. Но такое бывало редко. В мире, где можно запросто убить и получить с этого выгоду просто потому, что так принято, встретить убийцу или грабителя большая редкость, так как людей по-настоящему мало. Любых.

Либо их предостаточно, например, в удобных для жилья городах, но Густав подобные дикарские улы всегда избегал. Мог бы не заглядывать и в Тиски, да вот не получилось.

Именно поэтому он сейчас добровольно участвовал в фарсе поисков Андрея. Шины квадроциклов шуршали, моторы урчали, Семен внимательно смотрел по сторонам.

– Эй, – сказал Густав.

– Чего? Заметил что-то?

– Да нет, я вот спросить хотел: а давно ли отец Захарий стал разговаривать с Богом?

– Практически перед тем, как привести нас сюда, в это место, – ответил Семен.

– То есть вы не случайно попали в Тиски?

– Нет. – Семен ловко пропустил между колес обглоданный скелет кошки. – Бог выбрал Захария и место, в котором мы должны были остановиться для восстановления мира и богоугодных дел.

– Просто прям вот так взял и сказал, а вы ему и поверили?

– Не просто, а сложно.

Семен вытянул шею, всматриваясь в дом по левую от себя руку. Но, очевидно, ничего там не приметил, кроме пары голубей, целующихся на карнизе.

– Однажды мы остановились на ночлег, – сказал Семен, – и отец Захарий, хотя тогда он просто был Захом, пропал. Переполох страшный поднялся, так как он уже в то время имел в нашей общине большой авторитет. По крайней мере, сейчас все так рассказывают. Ну и вот, исчез он. Принялись его искать, три дня на это потратили, а потом он сам объявился. Немного другим...

– Это каким же? – спросил Густав.

– Другим. Видел у него шрам?

Странник кивнул.

– Говорят, что у него вся голова в кровище была и пробита даже. Весь избитый, потрепанный, но пришел сам. Когда стали расспрашивать, что случилось, он сказал, что ничего не помнит. Мол, вышел вечером из своего корабля облегчиться, а очнулся за километр от нашей стоянки, в таком состоянии.

– А только голова у него пострадала или еще что?

– Вроде только голова, но какая разница? – Семен пожал плечами. – Дело ведь не в этом, а в том, что дня через три с ним начал разговаривать Бог. Это неожиданно произошло, когда Захарий вел корабль. Святой отец рассказывал, мол, поначалу чувства были не самые приятные, как будто кто-то настойчиво так щекочет тебе голову изнутри, а теперь привык и даже наслаждается.

– Наслаждается? Я видел, как он наслаждается – у него кровь из носа текла рекой. Кому нравится глотать собственные сопли вместе с кровью? Но послушай, – странник нетерпеливо махнул рукой, затыкая Семена, который хотел что-то возразить, – тебе не кажется, что все эти «разговоры» с богом могли начаться после травмы головы? Сотрясение или еще что?

– Нет, ты, как всегда, неправ в своем невежестве, странник. – Семен победоносно улыбнулся. – Люди не склонны доверять другим, тут я с тобой согласен. Вот только когда отец Захарий говорит, он всегда говорит правду. И в тот день, в день первого явления к нему Бога, тот сказал ему, где нам нужно остановиться и куда для этого ехать. Он в точности описал наш двор. Максимально точно. И еще Он сказал, что там будет церковь. Так и оказалось на самом деле.

– Церковь? Вы приехали, а во дворе был уже построен храм? – недоверчиво спросил Густав.

– Да, именно! Божья благодать, иначе никак не назвать, все сразу это поняли. И церковь стала нашим отправным пунктом в будущее, которое мы строим теперь собственными руками. Будущее спасенных и просветленных людей.

– Тебе не кажется все это немного странным и нелогичным, Семен?

– Мне это кажется божественным, – отрезал охотник. – По-моему, мы договаривались больше не трогать ни мою, ни твою веру.

– Так-то оно так, но у меня есть некоторые мысли по поводу вашей ситуации с отцом Захарием и его разговоров с богом.

– Не посвящай меня в них, прошу тебя. – Семен вежливо улыбнулся.

За разговором они снизили скорость практически вдвое и теперь катились не быстрее человеческого шага. Умный двигатель при этом потреблял какое-то мизерное количество топлива, что способствовало как беседе, так и поиску возможного места пребывания Андрея, ведь неизвестно, сколько времени для этого потребуется.

Но вот на этой улице царил запустение. Очевидно, здесь не нашлось жилья не только для людей, но даже и для мутов. Скорее всего, причина заключалась в отсутствии источника питьевой воды, да и удаленность района от центра города, с его складами, магазинами и прочими полезными строениями, играла свою роль.

Густав поднял крышку бардачка, находившегося под цифровым экраном навигации, там лежали две полоски вяленого мяса в вакуумной упаковке и гибкий шланг с сифонным краном, который мог дать водителю воды из общего резервуара.

Странник открыл рот и повернул зажимное кольцо – из крана с шипением ворвалась в рот пенистая свежая вода.

Он оторвал половину порции вяленого мяса и начал медленного жевать. Мясо было лишь чуть-чуть подсоленным, а вот по питательности не уступало целой банке консервов, при этом превосходя их по вкусу.

На улице Генерала Ушакова по-прежнему ничего не происходило. Солнце жарило нещадно. Густав отпустил руль и быстро снял кожаную куртку. Оказалось, что к спине прилипли грязь и ошметки травы.

Он отряхнул куртку и положил ее сзади поперек сиденья. Ну что же, он утолил жажду и голод, в его распоряжении квадроцикл, светит солнце, вокруг тишина и спокойствие – жизнь прекрасна. Ему захотелось спать, и он зевнул, но тут же насторожился, заметив в доме справа какое-то движение.

Многоквартирные здания уже закончились, и это был первый частный, двухэтажный дом с целыми, что примечательно, окнами. И в одном из них мелькнуло чье-то лицо. Густав воскликнул, привлекая внимание Семена, и рукой указал ему на дом. Они затормозили.

– Что там? – спросил Семен.

– Вроде видел кого-то. Или показалось.

До странника неожиданно дошло, что зря он потревожил Семена. Они могли бы проехать всю эту улицу совершенно спокойно, не напрягаясь, с чувством выполненного долга, а затем вернуться во двор и сообщить, что поиски ни к чему не привели. Но теперь они точно застряли здесь. Пусть и на пять минут, но застряли.

И все осложнялось тем, что Густав действительно увидел что-то в доме. Что-то движущееся и скрывающееся, но не обязательно живое и уж совсем не обязательно человеческого происхождения.

– Так, – сказал Семен, слезая с квадроцикла. Он поставил его на ручной тормоз и, недолго думая, выбрал из своего арсенала все тот же дробовик, которым совсем недавно раскроил череп муту. – Пошли.

– Постой, постой. – Густав тоже соскочил с сиденья, но оружия брать не стал, надеясь уговорить охотника. – Мне же все это почудилось, сам посуди, кто там может жить?

Он показал на дом, заброшенный в той же степени, как и все остальные. К нему вела еле угадывающаяся, выложенная плитами дорожка, окруженная косматыми, когда-то декоративными кустами. Она упиралась в покосившуюся белую дверь с облупившейся краской. Подгнившие деревянные ступени и грязные окна – вот и весь экстерьер.

Семен посмотрел на дом, потом на Густава, потом снова на дом.

– Но...

– Мне показалось, говорю тебе. Мелькнуло что-то, отражаясь на стекле, а мне почудилось, что там кто-то есть. Поедем дальше.

– Ну, я не знаю. Может, все же надо посмотреть?

Семен сделал шаг по направлению к дому, и в этот момент в окне опять промелькнула неясная фигура и раздался стук, как будто упало что-то не очень тяжелое. Охотник вскинул дробовик:

– Кто там?! Эй! Андрей, если это ты, то отзовись!

Тишина...

– Я Семен, от отца Захария! Помнишь свою большую семью? Эй?!

Охотник уверенно пошел по дорожке, хрустя старым речным песком, который вперемешку с гравием и сухой землей покрывал плиты. Он не переставал держать наготове дробовик, вслушиваясь и всматриваясь во все окна.

Густаву ничего не оставалось, как пойти вслед за ним, достав пистолет и сняв его с предохранителя. Уж кому, как не ему, было знать, что в этом доме мог жить кто угодно, только не Андрей.

Глава 22

Ступени скрипнули под ногами входивших. Семен взялся за разболтанную ручку на полувывернутых болтах и надавил на дверь – она не открывалась. Тогда он уперся в нее плечом, вложив весь свой вес и силу, и только тогда дверь начала медленно и неохотно выходить из проема. Судя по всему, она сильно разбухла и теперь цеплялась за пол и притолоку, оставляя на первом рыжий, искрошенный след.

Они вошли внутрь. Здесь плохо пахло, но не то чтобы этого нельзя было выдержать. Просто неприятно.

Окна находились на солнечной стороне, и через грязные, мутные стекла в дом проникало достаточно света, чтобы все без проблем видеть и наблюдать. Но несмотря на это Семен все же включил подствольный фонарик своего дробовика с очень ярким лучом.

Они остановились в маленьком коридоре, и Густаву показалось, что здесь определенно мог бы кто-то жить, потому что... Он не сумел бы объяснить, если бы у него спросили, почему он так решил, его интуиция иногда давала просто катастрофический по своим масштабам эффект убеждения.

И даже видя перед собой разруху и затхлое запустение, странник, шагнув через порог, уже не мог отделаться от мысли, что здесь кто-то живет.

– Эй, Андрей! – негромко, но энергично крикнул Семен.

Молчание.

Возле стены стояла подставка с тремя разными ботинками. От времени и старости их покорежило, и они покрылись пылью. Белесые от плесени шнурки расплелись и разлезлись. Углы на потолке затянуло черной паутиной, такой же старой, как и весь этот дом. Пауки сюда явно не заходили долгое время, да и пожить тут им было нечем – все мухи ютились поближе к свалке.

Сразу напротив входа находилась кухня. Семен кивнул в ее сторону, и они пошли туда вместе. Густав почему-то с опасением ожидал, что охотник скажет: «Давай разделимся», но этого не произошло. Обычно такая тактика, как «давай разделимся», ни к чему хорошему не приводила. И странник подозревал, что в подобном сумрачном доме эта фраза все только бы усугубила.

Они, озираясь и держа пальцы на курках, вошли на кухню. Посередине ее стоял валкий, рассохшийся стол, на нем разномастные пятна, кружка с отбитой ручкой и маленькое блюдечко с чем-то липким. Варенье или мед, непонятно, но в этой массе застряло столько тараканов, что не сосчитать.

Все шкафчики и полки давно попадали со своих креплений, а электрическая плита скалилась на чужаков выбитым стеклом, когда-то закрывающим духовку. На подоконнике, под выцветшими и полупрозрачными занавесками, лежала вздувшаяся красная пачка сигарет. Семен брезгливо тронул ее дробовиком:

– «Прима».

– Что? – спросил Густав.

– Сигареты «Прима». Жуткая вещь, я как-то нашел пачку. Табак тот еще, мне сперва показалось, что туда подсыпали пороха. Как это можно было курить, не понимаю.

Так как на кухне ничего интересного не обнаружилось, Густав нетерпеливо спросил:

– Ну что, нашел своего Андрея? Может, пойдем отсюда?

– Нет. Ведь кто-то же был в тех комнатах. Если судить по количеству окон, то их как минимум три.

– Мы звали его. Мы спрашивали. Ни ответа, ни привета. И ты до сих пор думаешь, что это Андрей?

– Все может быть. А если здесь кому-то нужна наша помощь?

– А если это муты или засада, Семен? Ты не подумал об этом?!

– Мы с тобой два взрослых мужика. У нас есть пушки, которые стреляют отнюдь не горохом. И сегодня Мутов день, странник. Сказать по-честному, я недостаточно повеселился на том пятаке. Есть смысл хоть как-то поразвлечь меня в этот день, не считаешь?

Семен положил руку Густаву на плечо и заглянул ему в лицо. В его же глазах читался лишь один вопрос, озвученный ранее, и он ждал два предполагаемых ответа: да или нет. Но странник так понимал, что, скажи он «нет», это ничего не изменит, только испортит отношения.

– Да, давай походим по этому старому, обычному, одному из тысячи, дому в поисках приключений, ты прав. Давно у меня не появлялось шрамов, – сказал Густав и натянуто улыбнулся.

– Вот! – Семен пихнул Густава в грудь кулаком и крикнул во все горло: – Эй! Я последний раз спрашиваю – есть кто дома?!

Ни скрипа, ни кашля в ответ...

– Молчание – знак согласия, – констатировал Семен.

Линолеум на кухне тоже был залит чем-то липким, и, когда они вышли в коридор, их подошвы начали прилипать к полу и отрываться с противным чавкающим звуком.

Первая комната хорошо просматривалась из прихожей и была не заперта. Быстро прикинув, Густав сообразил, что с улицы он увидел что-то не в этом окне, а в следующем, и,

получается, именно начиная со следующей комнаты ему нужно подключить все свои инстинкты, не забывая про мускулы и реакцию.

Вести бой в замкнутом пространстве страннику приходилось редко, поэтому каждый такой заход вызывал у него сложные чувства. Он всегда старался избегать подобных ситуаций и вторгался в помещение только в случае крайней необходимости, если это была аптека или продовольственный склад. Но в Тисках критический порог за несколько дней превысил все допустимые нормы за год. А ведь еще предстояла вылазка к Бояру, и вряд ли тот живет в душистом стогу сена посреди бескрайнего поля.

В первой комнате – опять ничего особенного. Мягкий диван с порванной чьими-то когтями спинкой, пара разваленных кресел и плоский, но старый телевизор, упавший со стены и буквально вонзившийся в пол одним углом. Там же, на полу, по центру, вздыбленный и жесткий ковер. Наверное, его частенько заливало через прохудившуюся крышу. В доме вообще царила сырость, которую не смогла выбить даже чудовищная жара, давным-давно начавшаяся и не думающая прекращаться в ближайший месяц.

Семен задумчиво пощелкал выключателем, не глядя на пыльные, почерневшие от грязи лампочки в плетеном абажуре.

Света, естественно, не было. Здесь, как и во всем мире, уже многие десятки лет не зажигали электричество.

– Все умерло, – тихо сказал охотник.

– Ты о чем?

– О жизни, – сказал Семен.

Он присел перед телевизором и написал четыре, если Густав не ошибался, буквы на его пыльной поверхности. По-русски. Густав прочитал это как «Бука», но у него имелись веские сомнения насчет второй буквы, а спрашивать у охотника не хотелось.

– Не очень хорошо понял тебя, – сказал странник.

– Я не люблю видеть вот это все. Следы чьей-то умершей жизни. Ведь кто-то здесь ходил, ел, спал, любил, заботился, воспитывал детей и никогда не думал, что... Да, мы строим новое будущее, но и старое прошлое забыть нельзя. А оно мертво, всерьез и надолго.

– Это естественно.

– Я и не спорю.

Семен поднялся. Он, как и Густав, понимал, что за следующей дверью их кто-то ждет. И действовать тут нужно было осторожно. Нужная им дверь не открывалась просто так, и Густав безуспешно попробовал навалиться на нее плечом.

Недолго думая, Семен отошел на пару шагов и со всего размаха ударил ногой в район замка. Дверь пошатнулась, жалобно задрожав, и чуть приоткрылась, омерзительно проскрежетав по полу. Охотник ударил еще раз, треснуло дерево в местах крепления петель, и дверь наконец-то открылась.

Пошарив по помещению лучом фонаря, Семен проскользнул внутрь. Густав остался прикрывать тыл, потому что подставляться под неизвестность вдвоем было бы слишком опрометчиво.

– Проходи, – сказал Семен. – Только осторожнее, коленом не ударься.

Войдя, странник отметил, что эта комната обжита гораздо больше, чем те, что они видели до сего момента.

Больше всего Густава поразили ковры, которыми здесь было покрыто буквально все: начиная с кушетки и пола (открытая дверь вздыбила, чуть не порвав, первый из них) и заканчивая стенами.

– Смотри, – тихо сказал Семен, показывая за спину Густаву.

Тот обернулся. К двери прижимался тяжелый, почти квадратный комод с множеством ящиков и ящичков. Странник попробовал подвинуть его – тяжелый, еле шелохнулся.

– Его приставили сюда специально? – Странник тоже перешел на шепот, хотя это и было самым нелогичным поступком на свете, учитывая тот шум, с которым они уже в течение получаса ходили по дому, переговариваясь и между делом выбивая двери.

– А ты как думаешь? Это еще не все. Приглядишься.

Семен пнул ковер, лежащий на полу, подцепил его носком ботинка и приподнял. Под ним оказался другой.

– Верхний явно свежее, – сказал Семен. – Да и другие, ты посмотри, одни пыльные и старые, как дерьмо мамонта, а другие новее. Их принесли сюда совсем недавно.

– Кто?

– Очевидно, тот, кто находится в следующей комнате. Любитель ковров. Других вариантов у меня нет. Чертов маньяк любит эти пестрые никчемные покрывала.

Густав тяжело вздохнул, уперев руки в бока. Выглянул на улицу через окно. Да, именно отсюда кто-то наблюдал за ними. Квадроциклы стояли как раз напротив этой комнаты, только чуть впереди и дальше. На улице было пустынно, и им ничего не угрожало, тем более что завести или снять их с ручного тормоза никто бы и не смог, разве что какой-нибудь заезжий странник с полным дубликатом ключей.

– Открываешь? – спросил Густав, кивнув на дверь.

– А почему опять я? Может, ты попробуешь? – прошипел Семен.

Густав отметил, что охотник волновался, но не хотел показывать виду.

– Почему бы и не я? – легко согласился Густав.

Он примерился к замку и уже хотел выбить его на манер Семена, но остановил себя в последний момент. Подошел к двери и повернул ручку. Она легко поддалась, и дверь приоткрылась.

Густав согнул руку с пистолетом на уровне груди, максимально удобно, так, чтобы ее нельзя было сбить в момент прицеливания или выбить оружие, и толкнул дверь, открывая ее до конца.

Прежде всего он почуял плохой, тяжелый запах, вырвавшийся из комнаты. Его источник был очевиден, и сперва Густаву даже показалось, что на кровати, в тряпичных лохмотьях, укрытый разноцветными слоями одеял, лежит труп.

Но когда он заглянул внутрь комнаты, то «труп» застонал, приоткрыв рот с одним-единственным гнилым зубом. Это была старуха, очень древняя. Кожа совсем истончилась и стала восково-мертвенной. Заостренный нос, провалившиеся черные глаза и выдающиеся далеко вперед кустистые брови говорили о прошедших годах лучше, чем кольца на срезе дерева.

Она зашевелилась, беспорядочно двигая тонкой рукой. Вернее, тем, что от нее осталось – костью и конопатой кожей, под которой виднелись набухшие черные вены с узелками.

Над ложем старухи висели часы с ходиками. Когда Густав открыл дверь, они еще шли. Но уже через полминуты остановились.

Густав махнул Семену, и они медленно вошли в комнату, которая оказалась последней и самой большой в этом доме. Ведущих куда-то дальше дверей тут уже не было – замкнутое помещение с одним-единственным большим окном. Кровать с живым трупом, часы, полосатый сине-красный половичок и низкий потертый столик с объедками.

Старуха все шарила рукой, издавая бессвязные звуки, и странник понял, что она ищет еду. Столик отодвинулся от кровати слишком далеко, и Густаву пришлось ногой подпихнуть его. Старуха длинными пальцами с отросшими ногтями, под которыми полукружками сидела грязь, неловко взяла кусок то ли крекера, то ли печенья, положила его в рот и начала медленно обсасывать, довольно чавкая.

– Фу, – только и сказал Семен.

Он прошелся по комнате, но больше ничего примечательного не обнаружил. Склонился над старухой, но она никак не отреагировала и не открыла сморщенных век, под которыми поблескивала какая-то студенистая белая масса, похожая на гной.

– Привет-привет, – сказал Семен, но ответа не добился. Старуха шумно дышала и обсасывала крекер. – Слушай, странник, а твой друг Марков нашел бы с ней общий язык.

– Думаешь? – усмехнулся Густав.

– Ну да. По возрасту они недалеко друг от друга ушли. Прямо одногодки. И она вполне

еще ничего себе, симпатичная, не без недостатков, но все же. Только у твоего зубов побольше, еще загордится.

– Хорошая шутка, но негодная в данном случае. Что нам с ней делать, Семен?

– Что-нибудь. По-моему, сейчас главное вообще не это. Мы можем с ней ничего не делать, в прямом смысле взять и уйти отсюда. Но остается одна досадная загадка, которую я никак не могу решить. Во-первых, глядя на это тело, никак не подумаешь, что оно может стремглав бегать по дому, запирать двери, двигать тумбочки и так далее. Во-вторых, – Семен обвел комнату руками, – кто все это содержит? Приносит еду, заводит часы, наливает воду, ухаживает за ней, в конце концов? Да, тут запах не как у розового куста в цветущем палисаднике, но и не воняет так, что скулы сводит. За ней прибирают, это факт. Кто и зачем?

– Я не знаю, – сказал Густав.

– Я тоже.

Семен присел перед столиком и, оттопырив мизинец, поворошил то, что на нем находилось. Помимо крошек, грязи и пары засушенных трупиков насекомых, там лежало штук пять крекеров, явно протухший кусок рыбных консервов, заботливо положенный на картонку, и стеклянная бутылочка с водой. Охотник взял ее, поболтал и принюхался.

– Не тухлая, свежая, – сказал он.

Старуха, услышав звук плещущейся воды, замычала и опять потянула руку, почему-то высунув толстый белесый язык, на котором виднелись желтые крошки крекера. Семен брезгливо сунул ей бутылочку прямо в ладонь, и она присосалась к горлышку, жадно глотая.

– Вечно тут не просидишь, ухаживая, – сказал Густав. – Или она тем и живет, что к ней приходят разные случайные люди и помогают попить, поесть, сходить в туалет?

– Не думаю. Прошли те времена, когда такое могло случиться. Хотя я не исключаю, что она может их еще помнить.

Семен еще раз оглядел комнату. Все ровно и гладко, идеальная композиция ненужных вещей и умирающего человека в умирающем городе. Вот только при всей этой идеальности что-то тревожило охотника. Как больной зуб или разбитая губа – даже привыкнув, ты все время касаешься их языком, потому что они нарушают привычный ритм существования твоего организма.

Так и эта комната. В ней что-то слегка выбивалось из общего порядка, словно прыщ на красивом, идеальном женском лице.

И вдруг Семен понял. Он щелкнул пальцами, привлекая внимание Густава, и показал на потолок. Там висела лампочка в темной цилиндрической оправе, которая крепила ее к потолку. Семен встал под ней, потянулся, но достать не смог. Тогда он подпрыгнул и коснулся футляра. Лампочка вспыхнула на короткое мгновение.

– Видишь? – спросил Семен.

Он подпрыгнул еще раз. Старухин столик дрогнул и стукнул ножками, как маленький пони, желающий унести вскачь. Лампочка опять зажглась и потухла.

– Это лампочка на фотоэлементе, ты понял? Все остальное освещение, что мы видели, было когда-то запитано от станции или генератора, не знаю точно, но то обычные лампочки накаливания. А эта на солнечном свете и срабатывает, когда я закрываю ее фотоэлемент, имитируя сумерки или ночь. Закрыли – и она зажигается. Странно, да? Ее явно сделали после Большого Взрыва, кто-то монтировал ее специально, смотри, совсем свежие шурупы. Только зачем?

– Слишком много вопросов, а ответов на них нет, – сказал Густав.

– Вот это ты верно заметил.

Семен подпрыгнул еще раз, хлопнул по элементу, улавливающему свет. Лампочка вспыхнула, погасла, он приземлился и почти тут же буквально провалился в пол. Густав видел это как при замедленной съемке и сначала не понял, что произошло. Его глаза лишь автоматически зафиксировали случившееся, но мозг-то оказался к этому готов и «увидел», вернее, предположил развитие ситуации иным способом, успев смоделировать ее по своему разумению.

Итак, Семен с треском провалился. На месте, где он должен был стоять, теперь вместо красно-синего коврика зияла черная квадратная дыра.

Густав бросился к ней, встал на колени и заглянул внутрь. Свет до определенной степени проникал вниз, но не до конца, освещая лишь маленький пяточок на глубине трех-четырех метров. И на этой арене размытого слабого света лежало скрюченное тело Семена. По бокам черного провала на петлях покачивались две створки, и было件нятно, что коврик скрывал вход в какой-то погреб или подвал.

– Ты как? – крикнул Густав.

Семен зашевелился, открыл глаза и посмотрел на странника оловянным взглядом.

– Нормально... кажется.

Он сел и провел ладонью по затылку, груди, ногам, пояснице, диагностируя себя таким образом. Видимо, все у него действительно было в порядке, поэтому Семен встал, сделал шаг в сторону, практически выходя из зоны видимости, но быстро вернулся обратно, осматривая теперь свой поднятый дробовик, который вылетел из рук при ударе.

– Там есть кто-нибудь? Или что-нибудь? – спросил Густав.

– Не знаю, тут темно. Хотя погоди. – Семен включил вырубившийся фонарик и осветил им в разные стороны, поворачиваясь вокруг своей оси. Его лицо практически не меняло выражения в двух третях поворота, но вот он дошел до какой-то точки и увидел что-то, что даже на расстоянии встревожило не только его, но и Густава.

– Что там, эй?! – спросил он.

– Тут какая-то дверь, и за ней есть проход. Погоди. – Семен выставил руку ладонь вперед. – Оттуда тянет холодным воздухом, знаешь ли. Тебе лучше спуститься.

– Может, мне лучше вытянуть тебя наверх, а? – сказал Густав.

– Нет. Мне это место не нравится все больше и больше, и именно поэтому я хочу узнать, что здесь происходит. Давай прыгай быстрее.

– Хорошо. Только прыгать я не собираюсь.

Густав огляделся. Единственным вариантом была веревка – спуститься по ней, а потом без проблем подняться наверх. Но из чего ее сделать? Старуха продолжала грызть крекер, и странник подумал, что ее бесчисленные одеяла могли бы послужить неплохим материалом. Его останавливали только жалость к ней и вонь. Поэтому он решил сделать веревки из одного из ковров в соседней комнате.

Густав достал нож и располосовал ковер на длинные узкие полосы, ширина которых вполне годилась для того, чтобы выдержать вес взрослого мужчины и при этом не позволяла материалу потерять гибкость. Если разрезать его на более широкие части, то их будет довольно трудно связать вместе, если же сузить – то велика вероятность обрыва.

Когда с импровизированной веревкой было покончено, Густав из оставшихся частей ковра сделал узлы, за которые можно было цепляться. Кровать с панцирной сеткой, на которой лежала старуха, оказалась довольно тяжелой и устойчивой и послужила естественным якорем для веревки.

Густав привязал один конец за толстую квадратную ножку, другой сбросил вниз. Затянул потуже лямки рюкзака, спрятал нож и полез в подвал. Старуха при этом что-то жалобно воскликнула, видимо недовольная тем, что опять осталась в одиночестве, но на нее уже было не времени.

Спуск оказался делом непростым. Ворс и пыль из ковра настойчиво лезли в нос, а ладони постоянно норовили соскользнуть. И тут действительно помогли грубые узлы, на которые странник становился ногами или за которые цеплялся, как за спасительные ограничители. Он прополз по канату примерно полпути, и на оставшуюся часть у него просто не хватило терпения – разжал пальцы и довольно ловко приземлился на ноги, правда получив в полете одним из узлов веревки по лицу.

– У меня нет фонаря, поэтому светить будешь ты, – сказал он Семену.

Тот кивнул и начал с того, что осветил ту самую дверь, из-за которой тянуло холодной сыростью.

Большая часть подвала скрывалась в темноте. Тем не менее Густаву удалось заметить, что пол здесь земляной, хотя кто-то и вытоптал землю до состояния твердого асфальта и на ней явно различались следы множества ног. Семен просто не мог наделать здесь такое количество отпечатков, и уж точно не он являлся автором следов голых ступней.

Густав взялся за ствол дробовика и повел лучом фонаря по стенам. Они были кирпичными, темными от времени и в подтеках от сырости. Кое-где виднелись размашистые надписи на русском языке, а в правом дальнем углу стоял покрытый пылью и паутиной вентилятор, грустно опустивший сетчатую голову.

– Здесь явно кто-то живет, – сказал Густав. – Или жил.

– Живет, – уверенно сказал Семен. – Кто-то решил тут от нас спрятаться, я Богом клянусь.

– Андрей?

– Похоже, что нет. Но как знать, вдруг мы найдем тут Божьих детей, которые, помимо бескорыстного ухода за старухой, еще и занимаются чем-то пристойным?

– Вряд ли, – сказал Густав.

– А давай посмотрим.

Луч фонаря опять уперся в маленькую дверку, они переглянулись и двинулись к ней. По мере приближения запах сырости исчезал, а вот ветер, вернее, что-то похожее на сквозняк, то усиливался, то пропадал.

Семен вышел вперед, ногой подцепил дверь и открыл ее до конца. За ней оказался узкий коридор с низким потолком, а в конце него виднелась еще одна дверь.

В коридоре не было ничего интересного, кроме закопченного потолка, поэтому они быстро прошли его и вышли через опять же незапертую дверь в довольно большое помещение с колоннами.

– Что за мать твою? – сказал Густав. Здесь было прохладно, если не сказать холодно. Еще немного, и из рта пошел бы пар.

Помещение действительно было большим, высотой в два человеческих роста, а по площади... Это не поддавалось определению, потому что фонарь не светил так далеко. По крайней мере, впереди было еще метров двадцать, а то и двадцать пять свободного пространства, теряющегося в многочисленных граненых колоннах, подпирающих потолок.

– Куда мы попали? – спросил странник.

– Без понятия, – сказал Семен.

Их шаги негромким эхом отдавались в помещении. Дышать было легко, особенно после дикой жары там, наверху. Они шли между колонн, как заблудившиеся дети в каком-то таинственном каменном лесу из злой сказки. Пол здесь уже был бетонным, и кое-где валялись ржавые железки неизвестного назначения. Густав поднял одну, и при внимательном рассмотрении это оказался перекрученный металлический уголок со следами оторванного крепления. Зачем он был нужен и как тут очутился – оставалось загадкой.

Наконец они достигли конца помещения, где обнаружили еще три двери и большие короба сплит-системы, размещенные практически под потолком. Именно они генерировали тут свежий воздух и кондиционировали довольно большое помещение. И, что самое удивительно, система пребывала в рабочем состоянии – неторопливо гудела, мигала тусклыми лампочками, и легкие бумажные полоски бодро развевались от потока воздуха, выходящего из них.

– Опять. Я ненавижу двери, – сказал Густав. – Сегодня с ними просто какой-то перебор. Что на них написано?

– Тут по-русски, – ответил Семен, водя фонарем по табличкам. – Директор, бухгалтер и заводские помещения. Это на последней.

– Что такое «бухгалтер»?

– Если честно, я и представить себе не могу, – сказал Семен. – А ты знаешь, что такое «директор»?

– Вроде начальника, хозяина, да, я слышал. Есть у меня один приятель, Крек, он

держит гостиницу для странников. Так вот он называет себя директором и живет в комнате, на которой нарядная табличка «Директор» и черным маркером под ней еще криво приписано «Крек». Очень смешно выглядит.

– Начальник, значит, – пробормотал Семен, – хозяин, говоришь. Ну, пойдем, значит, к директору в гости. Узнаем, зачем он держит все это хозяйство, кондиционеры и заодно старушку.

И охотник без сомнений выстрелил в район замочной скважины. Это подействовало, дверь приоткрылась, хотя Густав сомневался, была ли она изначально заперта на ключ. Они заглянули внутрь, но комната была пуста.

За «бухгалтерской» дверью оказалось еще тоскливее: нагромождение какого-то хлама, поломанных стульев, пыльных коробок и сворачивающихся в трубочку пачек исписанной бумаги, когда-то столь нужной немалому количеству людей.

Семен пару раз чихнул, наглотавшись пыли, вытер нос и произнес:

– Делаем ставки, господа, что окажется за следующей дверью. Выиграем ли мы приз или уйдем отсюда с голой задницей и без штанов?

– А если и то и другое? – спросил Густав.

– Такого не бывает, господин хороший. Так не принято. Сразу и всего не бывает.

– Ну, тогда я за голую задницу.

Семен кивнул и без раздумий выстрелил в замок двери «Заводские помещения». Она жалобно зазвенела, дрогнула и открылась. Семен ногой распахнул ее, шагнул внутрь и тут же отпрыгнул назад, прячась за стену. Вместе с этим гроыхнули звуки выстрелов, весьма громким эхом разнесшиеся по всему большому полутемному залу.

– Там муты! – крикнул Семен.

Он закрыл фонарик ладонью, и, хотя свет слабо проникал через нее, странника и охотника тут же окутала непроницаемая темнота, в которой теперь слышались свист пуль и звуки выстрелов. Но это длилось совсем недолго и спустя полминуты прекратилось.

– Что там? – недоуменно спросил Густав, прижавшись к спасительной стене. Неожиданное нападение и неожиданная тишина. Он не понимал, что происходит. Неужели муты умеют пользоваться оружием? Может, он ослышался? Либо Семен бредил, либо просто чего-то недоглядел.

– Муты! – Охотник опять открыл фонарь, освещая площадку перед входом в заводские помещения. – Сам посмотри.

Густав кивнул и быстро, насколько было можно, заглянул в дверной проем. Этого оказалось достаточно, чтобы увидеть и оценить обстановку. Но и не помешало пуле, выпущенной чьей-то меткой рукой, выбить из стены приличный кусок кирпича из-под металлического каркаса для двери.

То, что увидел странник, поразило его. Потому что Семен оказался прав на сто процентов – в них стреляли муты. Это было настолько невообразимо, что Густав вдруг подумал: не спит ли он? Как в тот раз, во время прихода черной девочки? Может, это очередной кошмар и следует просто проснуться?

Но все было более чем реально. Как и те муты, что засели в десяти метрах от них. Когда Густав заглянул внутрь, то увидел прямоугольное помещение с трубами на потолке. Его освещал слабый желтый свет от ламп в защитных кожухах, висевших на стенах на приличном друг от друга расстоянии. Еще там были повалены столы в два ряда, а за столами прятались муты с оружием.

Густав увидел минимум шесть штук. Два за первым правым столом и один за левым, еще двое за следующим рядом столов и один, самый последний, в третьем ряду. Именно он, насколько мог судить странник, и стрелял в него. Ему хватило лишь какой-то доли секунды, чтобы навести длинноствольное ружье на цель и нажать на курок.

И все бы ничего, мало ли кто умеет стрелять с кошачьей реакцией, но их внешний вид... Он просто ужасал. Это были муты во плоти, со всеми своими уродствами и необратимыми изменениями в организме. Густав успел заметить, что у одного мутанта

вытянутая голова с огромными надбровными дугами, которые практически закрывали глаза и бросали на них непроницаемую тень. Другой имел странную волнистую кожу, дающую отблески и свисающую с его челюсти и подбородка неровной гирляндой. В принципе это все, что отложилось в мозгу странника. Мгновенный отпечаток, который нельзя вставить в рамку, но, пока он еще горячий и только проявленный на сетчатке глаз, его можно вертеть, рассматривать и использовать для своих целей.

Семен выжидающе посмотрел на Густава. Тот кивнул в ответ и крикнул:

– Эй, кто вы такие?! Мы не хотим стрелять, мы с миром пришли!

В ответ послышалось невнятное бурчание, которое перекрыл чей-то визгливый крик. Страннику почему-то показалось, что его издал именно тот снайпер, что стрелял в него.

– Они не понимают тебя, – сказал Семен.

– А если по-русски? – предложил Густав.

Охотник крикнул пару слов на своем родном языке, но в ответ не услышал даже визга, только напряженная, звенящая тишина. Густав нервно облизнул губы. Одно дело – развлекаться с бестолковыми мутами, не имеющими даже понятия о страхе или чувстве мести, а другое... Страннику некстати вспомнилось, как муты плакали над своим убитым товарищем, и по его спине побежали мурашки.

Может быть, их бестолковое существование – лишь отклик на эту бестолковую жизнь? Зачем бороться за что-то, если ты урод? Зачем любить, зачем ненавидеть, если все изначально упущено и ничего с этим поделать нельзя? Не придут к тебе добрые дяди-доктора и не сделают из тебя человека. Но если какие-то муты находят цель в жизни, почему они не могут взять себя в руки? Ведь факт их уродства не означает умственную отсталость.

Да, Густав всегда был уверен, что муты – это ярко выраженные дебилы, никчемное, брошенное судьбой отребье, но сегодняшние факты говорили сами за себя. Здесь нельзя ничего прибавить или убавить: да, они такие, как есть.

Из заводских помещений раздался странный скрежет. Семен вздрогнул, свет фонаря тоже задрожал, метнулся, и звук резко оборвался.

– Эй! Мы будем стрелять! – на всякий случай крикнул Густав.

Семен посмотрел на него и покрутил пальцем у виска.

– Поосторожнее со словами не хочешь? – тихо произнес он.

– Они же нас не понимают.

– Откуда ты знаешь? Мы сейчас у них в гостях, а не они у нас, и как знать, что они тут приготовили.

– А, понял. Один раз ты уже побывал в гостях у мут, да? – нарочито равнодушно сказал Густав. – И, если мне не изменяет память, это была не очень приятная встреча, после которой лишь один ты вернулся домой. Но... дай я припомню. Ты же говорил, что произошла досадная ошибка, мутам просто повезло...

– К чему ты клонишь? – нервно сказал Семен.

– К тому, что имеется все больше и больше свидетельств, что в Тисках не совсем правильные муты. Они убивают охотников, плачут по своим близким и стреляют так, как будто у них не член, а маленькое самозарядное устройство под названием револьвер. Как ты все это объяснишь?

– А надо объяснять? – спросил Семен.

Странный скрежет не умолкал. Густав нахмурился:

– Не надо. Сейчас надо действовать.

Он сел на корточки, повернулся лицом к стене и чуть боком прыгнул вдоль дверного проема, одновременно с этим выстрелив. Судя по деревянному треску, его пуля попала в стол, но сейчас не это его заботило, он понял причину беспокоивших его звуков – муты двигали столы и теперь приблизились к двери, расположившись примерно в двух с половиной метрах от нее.

– Они уже почти здесь! – крикнул он Семену, и тот его моментально понял.

Нужно отступать. Самой главной проблемой для них сейчас был свет. С ним они

представляли для мутов отличную мишень, хочешь – стреляй, а хочешь – жди и потом стреляй. В любом случае свет являлся самой настоящей приманкой, как электрический фонарь-ловушка для мотыльков.

Но без него невозможно было отступать. Укрыться от мутов – это да, но вот полноценно двигаться и держать ситуацию под контролем без света было нереально. Они не знали размеров этого помещения и не знали его в принципе. В темноте им оставалось либо терпеливо выждать, что не гарантировало безопасности, либо медленно и кропотливо продвигаться подальше от мутов. А что, если здесь где-то в полу есть еще один люк? Или еще какая-нибудь импровизированная или случайная ловушка?

Нужно было принимать оптимальное решение, которое помогло бы выйти из этого проклятого дома целыми и невредимыми. И именно поэтому Густав решил, что без света шансов у них будет больше. Он привлек внимание Семена, указал на фонарь и отрицательно покачал головой, сложив указательные пальцы крестом. Затем показал назад, в глубь заводского помещения, на ближайшие к ним колонны, и растопырил пальцы, которые тут же начал загибать. Это символизировало обратный отсчет, и он очень надеялся, что Семен не побежит на счет «три», а дождется, когда загнется последний, пятый палец.

Так и случилось. Как только мизинец присоединился к своим братьям, охотник тут же потушил свет и они рванули с места уже в темноте, укрываясь за колонны. Со стороны мутов слышались какие-то крики, и началась беспорядочная стрельба. Пули летели не очень кучно, имея большой разброс по высоте, по вертикали, так как дверной проем был достаточно узким, и все они не могли стрелять через него разом, да и, куда стрелять, им, собственно, выбирать не приходилось.

Колонны оказались сделаны из довольно прочного материала. Да, пули выбивали в них щербины, но это не грозило опасностью. Хотя отсидеться за ними тоже не получилось бы, потому что, как ни слабы были пули, раз за разом они выщепляли все больше бетона, а муты при этом двигались вперед, уже толпясь у двери, о чем свидетельствовали их слабые тени, лежащие в проходе.

Предосторожность с их стороны была не слишком обоснованной, Семен и Густав даже не думали отстреливаться. Слишком уж ресурсозатратным это было для них с учетом того, что они даже примерно не знали, каков запас патронов у мутов. Если судить по их яростной, агрессивной и растратной манере ведения огня, то много. Но возможен был еще и другой вариант: муты просто не задумывались над тем, сколько у них патронов. Как дети, они могли бездумно палить из всех стволов и искренне удивиться, услышав вместо «бах!» лишь пустое щелканье бойка.

К тому же дробовик Семена на дальних расстояниях превратился в бесполезную штукуну, только создающую шумовое оповещение и широко, слишком широко разбрасывающую дробь.

Один из мутов что-то гортанно выкрикнул. Густав выглянул – муты, вышедшие было наружу, спрятались, а мут, обладающий командирским голосом, ловко выкинул перед собой лампу в кожаной сумке на длинном оранжевом шнуре. Она со свистом проскользила по полу и остановилась в полуметре от колонн, за которыми укрывались Густав с Семеном. Лампа светила довольно ярко, образуя полусферу с размытыми краями, возникшую посреди темноты, словно по волшебству.

Густав, запомнив и прикинув ее месторасположение, снова резко выглянул из-за колонны и выстрелил. Но пуля, жалобно клацнув, отскочила от лампы и ушла в потолок. Муты встревоженно загалдели.

– Не попал? – шепотом спросил Семен, следивший за происходящим с возрастающим беспокойством.

– Попал. Она закрыта пуленепробиваемым стеклом. Бесполезная трата патронов. Тебе, наверное, придется...

Странник не успел договорить, потому что муты снова начали стрелять. Он пригнулся, прикрыв голову руками. На этот раз огонь на подавление возымел свое действие, потому что

производился точно и колонны стали вполне конкретно крошиться, обваливаясь с боков и обнажая арматуру. Пришло время снова отступать. На беду, оказалось, что колонны стоят не рядами, а в шахматном порядке. Поэтому, перебегая к ним по диагонали, они, в особенности Семен, рисковали быть подстреленными.

– Ни в коем случае не включай фонарь! И побежали, быстро! – приказал Густав.

Семен не стал перечить, и они ринулись за следующие колонны, как можно ниже пригнувшись к полу. Их топот встревожил мутов, но они ничего не видели в темноте без своей мощной лампы. Да, природа наградила их лишь уродствами, а не кошачьими глазами или слухом летучих мышей.

Несмотря на исправно работающие кондиционеры, Густав жутко вспотел от волнения и напряжения. Кожу лица неприятно защипало под уже довольно длинной щетиной, и страннику жутко захотелось побриться, снять с себя эту неприятную, колючую гадость.

Но было не время размышлять о бритье. В конце концов, странник сможет сделать это, только вернув свой корабль, а чтобы его вернуть, нужно уйти отсюда живым.

Он встал в стойку низкого старта и, перекачиваясь с пятки на носок, бесшумно перебежал к Семену.

– Не бойся, это я, – шепотом сказал он.

Густав ничего не видел в темноте, как и охотник, но знал, что Семен сидит именно за этой колонной. Еще до того, как пройти примерно половину этого помещения, странник отметил расстояние между всеми колоннами. Оно равнялось примерно десяти шагам. Это помогло ему не налететь на охотника и не разбить лоб о колонну.

Семен нащупал подол футболки Густава и потянул его вниз.

– Что делать будем? – прошипел он ему на ухо.

Муты тем временем вышли из дверного проема и сгрудились возле горящей, словно маяк, лампы. Оказавшись на виду, они еще больше смутили Густава, так как выглядели не очень грозно, а скорее смешно. У одного из них практически отсутствовала нижняя челюсть и не было левой руки. Но он уверенно держал в правой хромированный револьвер с длинным нарезным стволом. «Черт возьми, а ведь этот урод может всадить пулю прямо в лоб любому, кто посмеется над его внешним видом!» – подумал Густав.

– Я думаю, нам нужно просто бежать, – сказал он Семену. – У них не получится нас догнать, потому что это не для них, я уверен.

– Точно уверен-то?

– Да, не сомневайся, – сказал Густав.

– Ты прав. Иначе они убьют вас, – тихо сказал кто-то из темноты.

Сначала ни странник, ни Семен не поняли, что произошло.

– Только не бойтесь и не кричите, я вам помогу, – сказал тот же тоненький, чуть ли не детский голосок.

Густав вскинул пистолет, целясь на удачу и звук. Семен шевельнулся, но странник остановил его, шикнув и положив руку на плечо. Охотник замер.

Странник закусил нижнюю губу, пот катился с него градом.

– Опустит пистолет, пожалуйста. – Теперь голос переместился за спину Густава.

Тот вздрогнул и резко развернулся, переведя пистолет на новое местоположение цели. Бетонная пыль и крошка под его ботинками излишне громко хрустнула, и это привлекло внимание мутов.

Тот мут, что держал лампу, пробросил ее вперед, и она уперлась в колонну, за которой прятался Густав.

– Вот черт, – пробормотал он.

Все шло не так, чтобы можно было поверить в благоприятное разрешение проблемы. Что еще за помощник нарисовался тут у них? Густав огляделся. Колонна отбрасывала на них довольно хорошую, насыщенно-темную тень, но странник все равно видел лишь бледное перепуганное лицо Семена, а вот обладателя тонкого голоса поблизости не наблюдалось. Между тем муты медленно приближались.

Они действовали согласно классическим законам ведения боя. Шли вереницей, каждый был на виду у каждого, и никто не попадал под огонь своих же. Удивительно, кто же они такие, подумалось Густаву. Откуда у них столько знаний и сообразительности? Ладно, оружие, его можно просто найти, и можно натренировать лапу даже медведю, если он поймет, с какой стороны вылетает пламя и не попытается засунуть себе дуло в пасть. Но вот качественные знания... Их можно только привить, приобрести и затем передать.

Очевидно, кто-то вымуштровал этих мутов, передал им свои знания, и уж наверняка не за просто так. Они что-то сторожат здесь. Охраняют.

Шаги, шаги, шаги, приближающиеся шаги.

Справа что-то мелькнуло. Затем из-за колонны высунулась маленькая ручка и указала куда-то вдаль. Странник с изумлением понял, что она показала на сдвоенные колонны, которые поддерживали стык плит, или из чего там состоял потолок этого помещения. И, если рассуждать логически, то ряд их шел не диагональю, а по ровной прямой.

За ними можно было бежать до конца, до упора в стену, не опасаясь быть подстреленным. К тому же Густав не исключал возможности вести ответный огонь.

Ручка исчезла, затем появилась вновь, на этот раз держа что-то в кулаке. Густав напряг зрение, чтобы рассмотреть предмет, но тут рука размахнулась и бросила в его сторону камень. Правда, бросок был слишком сильным, камень пролетел мимо Густава, звонко ударился о пол и запрыгал, как лягушка. Муты, уже практически подошедшие к месту укрытия Густава и Семена, встрепнулись и вскинули оружие, всей командой бросившись на звук упавшего камня.

Странник толкнул Семена, и они побежали в указанном направлении. Когда Густав проносился мимо колонны, из-за которой выглядывал их спаситель, там никого не оказалось.

Они достигли места, к которому стремились, и упали на пол.

Муты кружили, инспектируя место, где им послышался новый звук. Они перетаскивали туда лампу, и в ее свете Густав прекрасно видел все их действия. Также он улавливал их переговоры. Они разговаривали словно не языком, а маленьким язычком («боксерской грушей») над глоткой – этаким диалект полоскания лечебным настоем от простуды.

– Сейчас поднимаем задницы и бежим вперед. Фонарь не включай, условия старые, все понял? – спросил Густав у Семена.

– Да, но как мы без него побегим-то? Дальше темнота жуткая, – сказал охотник.

– Просто будешь касаться колонн вытянутой рукой. По идее они тут идут в ряд, но...

– Но ты не уверен, так?

– Почти, – сказал Густав. – Я думаю, что они идут в ряд, потому что иначе зачем бы их мне показал тот тип?

– Какой еще тип?! – Семен начал озираться по сторонам.

– Наверное, тот, который говорил с нами.

– Он прав, – опять раздался голосок, на этот раз совсем близко, в районе левого плеча присевшего на одно колено странника.

Он медленно направил пистолет в сторону голоса, но не поворачивая головы. Семен в свою очередь еще более энергично завожился с чем-то, и Густав не видел, что он там делает, но голосок все объяснил:

– Убери свое ружье, пожалуйста, я все вижу. Я не желаю вам вреда. Я хочу вас спасти.

– Кто ты, твою мать, такой? Клянусь Богом, я вышибу тебе мозги, если... если... если ты не скажешь, – прохрипел Семен.

– Я хочу вам помочь. Если вы будете сидеть, это плохо. Они позовут подмогу. Они зачистят территорию. Они не дадут вам уйти.

– Эти муты? – спросил Густав.

– Да. Я один из них, но я не желаю вам зла.

– Что? Что?! Ты – мут и хочешь, чтобы мы пошли за тобой?!

Если бы не спазмы в мышцах, скрутившие Семена, он бы закричал, задавая этот вопрос. Но у него получился лишь хрип. Густав выглянул из-за колонны: похоже, что к

мута́м подошло подкрепление – еще двое, и тоже с фонарем. Тот, что был с волнистым лицом, указал в сторону сдвоенных колонн, и к ним направились вновь прибывшие. У одного из них в руках была дальнобойная винтовка с коррективным прицелом. Он вскинул ее и посмотрел через прицел куда-то в сторону, но этого было достаточно, чтобы понять: дела у Густава и Семена плохи. Густав знал, что такие штуки видят в темноте, улавливают тепло и, что самое главное, корректируют захват и выпуск пули по мишени. Когда-то ему предлагали купить винтовку этой серии, но у него банально не хватило денег. А вот у мут, судя по всему, хватило.

Да, муты оказались здесь явно не случайно. Поэтому необходимо было уносить отсюда ноги, и поскорее, приняв помощь маленького мута. Вверить свои жизни существу, которого они пока что в глаза не видели.

– Уводи нас отсюда, – решительно сказал Густав.

– Хорошо, – коротко сказал голосок. – Бегите за мной.

Странник хотел спросить, как им бежать за ним, если в крошечной темноте ничего не видно, но ответ на вопрос пришел сам собой. Их незримый спутник чем-то щелкнул, и в пятидесяти сантиметрах от пола вспыхнул маленький оранжевый огонек. Он был настолько маломощным, что высветил совсем небольшую площадь грубого зеленого материала, в который был облачен незнакомец.

Судя по всему, мут воспользовался лампочкой на солнечной батарее. И вот он включил ее и побежал.

Густав с Семеном последовали за ним, стараясь соблюдать тишину и конспирацию.

У Густава колотилось сердце, но не от нагрузки, а от давящей атмосферы. Только сейчас он понял, что находится черт-те пойми где, под землей, что было для чего даже хуже квартир или домов.

Квинтэссенция страхов, огромный гроб с червями. Ведь какая разница, где тебя хоронят – в крохотном ящике, в котором даже повернуться негде, или в помещении в несколько сотен квадратных метров? В любом случае исход малопрятен и мысль о нем вызывает стойкий рвотный рефлекс.

Но делать было нечего. Бежать, только бежать, что странник с успехом и делал. Пока не зажглись фонари. Они длинными гирляндами загорались на стенах и потолке по всему периметру помещения и сначала светили тускло, а затем все ярче и ярче. На лампах потрескивала старая паутина.

Густав понял, что это если не конец, то очень приближенная к нему ситуация. В темноте еще можно было надеяться хоть на что-то, но отныне... Густав испытал разочарование, когда смог разглядеть их неожиданного спасителя. Мут был небольшого роста, очень худой, с абсолютно безволосой головой, безгубым ртом и синяками под глазами. Он резко затормозил и повернулся к ним с глазами, до краев наполненными испугом.

А вот на Семена он произвел другое впечатление. Охотник расхохотался, не останавливаясь и еще продолжая бежать, держась за правый бок. Он смеялся, пальцем указывая на маленького мута, и пытался что-то сказать.

Странник вдруг заметил, что на полу нарисованы прерывистые линии и какие-то знаки, цифры, наверное оставшиеся от ушедшего мира.

К ним уже бежали муты с оружием. Сталкиваться с мутантами, которые вполне осознанно и умело ведут себя в боевых действиях, страннику еще не приходилось.

Внезапно маленький мут, вместо того чтобы бежать дальше, крикнул:

– Бой!

И хотя из-за его сорвавшегося на фальцет голоса это слово прозвучало как «бй!», странник все понял. И пока Семен все никак не мог справиться со своим хохотом, Густав высунулся из-за колонны и выстрелил. Ему потребовалась лишь секунда, чтобы понять, куда следует послать пулю.

Выстрел получился точным. Густав не знал, куда попала пуля, потому что тут же снова

спрятался за колонну, но, судя по истошному визгу, кому-то из противников не повезло.

Маленький мут и Семен уселись рядом с ним, и он хотел им сказать, что бесконечно бой продолжаться не может, но тут раздался выстрел со стороны мут. Пуля с оглушительным треском вошла в бетон и пробила колонну почти насквозь на уровне головы сидевшего Густава. Там, где она должна была выйти, вспучилась лаковая краска и разбежались трещины, как от зарождающегося вулкана. Густав с удивлением повернулся, чтобы воочию посмотреть на столь точный выстрел, как вдруг маленький мут крикнул:

– Падай!

Он бросился к страннику, схватил его за плечи и шею и притянул к земле. В этот момент раздался второй выстрел и из отмеченного первой пулей места вылетел кусок бетона размером с два кулака. Всех осыпало каменной крошкой, и, не сговариваясь, они вскочили и побежали.

– Они видят нас за колоннами, – выдохнул на бегу Густав.

– Каким образом?!

Семен бежал, придерживая тяжелый дробовик двумя руками, и поэтому не мог поспевать за несущимся во весь опор впереди них маленьким мут. Густав, без труда догнав, решил остаться сзади и прикрывать обоих.

Он оглянулся. Трое мут вышли из-за ряда двойных колонн, но среди них не было видно самого на данный момент страшного – с робовинтовкой. Эти муты, в отличие от своего маленького собрата, двигались медленнее, и на то имелся ряд причин физического характера. Странник по собственному опыту знал, что иногда муты выглядят совсем как люди, но внутри у них обязательно что-то сломано. Причем сломано от рождения.

В том, что маленький мут знал это помещение как свои шесть пальцев, Густав убедился, когда увидел, что они приближаются к той самой заветной двери. Она маячила справа, между колоннами, и до нее оставалось совсем ничего. Но преследователи снова открыли огонь. Так как они стреляли на бегу, а манера их передвижения не слишком способствовала меткости, то первые пули прошли мимо. Семен вскрикнул, втянув голову в плечи. Густав выстрелил назад, даже не целясь, наугад, и крикнул:

– Уходим направо!

Они практически синхронно убежали за колонну и вышли с другой стороны – сначала маленький мут, затем Семен, а потом и странник. Но тут раздался роковой выстрел. Густав по звуку понял, что это заговорила робовинтовка. И она нашла себе жертву – пуля прошла перед носом странника, обдув его горячим воздухом, и попала в плечо Семена. Его развернуло, как от сильного тычка, он упал, проехался на спине по бетонному полу, оставляя на нем кровавый след и трогательно прижав дробовик к груди. Густав машинально отметил искаженное болью лицо охотника и нелепую фигуру маленького мута. Тот бежал задом наперед, не останавливаясь, в отличие от Густава. Его лицо приняло умоляющее выражение, он как бы хотел сказать: «Извини, прости, мне очень жаль, что так вышло, но так уж вышло».

Все эти наблюдения отняли у странника даже не секунду, а меньше. Затем он остановился, развернулся и застрелил мута с робовинтовкой, не приняв, правда, в расчет возможности этого оружия.

Мут шел по диагонали, выцеливая людей через колонны. Дверь, к которой они стремились, была у него на виду, и при удачном стечении обстоятельств он смог бы застрелить сразу троих, если бы они, построившись гуськом, попытались вбежать в дверной проем.

Густав видел, как «Семенова» гильза уже практически падает на пол, а затвор вгоняет новый патрон в дуло умной винтовки. Сейчас он ощущал себя как в бреду, когда попадаешь в вязкое, прозрачное желе, в котором все движения твои неторопливы и медлительны, даже если прилагаешь усилия. Странник никогда еще не стрелял с таких больших расстояний, к тому же в полутьме, и никогда еще от его решения не зависело сразу несколько жизней, включая собственную. Но когда он вскинул руку и нажал на курок, было уже поздно решать что-то еще. Он только смог отпрыгнуть в сторону, потому что мут тоже выстрелил. Они

стартовали одновременно – странник, пуля странника и пуля мута.

Последняя предназначалась сердцу странника. Сердца любят подобные подарки, они заходятся в оргазме, фонтанируя литрами крови, и клокают, трепеща. И только благодаря тому, что Густав успел вовремя уйти с траектории полета собственной смерти, пуля вбила свое свинцовое тело в стену, примерно в полуметре от испуганного маленького мута.

Густав вскочил, мельком удостоверившись, что мут с робовинтовкой не умеет жить, лишившись верхней половины черепа, и схватил Семена за шиворот.

– Бог ты мой! – заорал охотник. – Больно же!

– Терпи.

Странник начал рывками подтягивать охотника к двери. Маленький мут, стоя в проеме, беспокойно крикнул:

– Быстрее!

– Без тебя знаю, – огрызнулся Густав. Он поднял голову и увидел, что муты с обычным оружием выбежали из-за двойных колонн, мешавших им видеть людей, и теперь быстро приближались.

Одной рукой придерживая Семена за одежду, Густав выстрелил в мута с длинноствольным ружьем. Пуля прошла через горло, разорвав сонную артерию, и эффект от этого был сродни лопнувшему воздушному шарiku, наполненному красной краской. Такое большое кровавое облако, оросившее все вокруг. Остальные муты бросились врассыпную.

Он успел подстрелить еще одного, пока тот решал, к какой колонне бежать – правой или левой, и теперь их оставалось не более пяти. Густав не мог точно сказать, тем паче, что никто не отменял подкрепления. Вряд ли за ними сейчас охотилось все население этих подземных заводских помещений, возможно, где-то ожидал своего звездного часа резерв.

– Да помогай же мне! – прикрикнул странник на Семена, который совсем обмяк и лежал на полу, словно кусок расплавленной резины.

Охотник застонал и начал сучить ногами, отталкиваясь от шершавой пыльной поверхности. Так дело пошло лучше, странник даже приподнял Семена повыше, и теперь ему приходилось лишь поддерживать верхнюю часть его туловища. Этакая продуктовая тележка с костями и кишками, в кожаном плаще.

Но когда из-за колонны выглянул еще один мут и выстрелил, Густаву снова пришлось бросить Семена, чтобы выстрелить в ответ, но попал он лишь в укрытие мута, отщепив скромный кусок бетона, совсем не сравнимый с тем ущербом, который делала робовинтовка.

Семен, упавший на свое простреленное плечо, тихо матерился. Густав поднял его вновь и сделал последний рывок, дотащив до коридора. Маленький мут услужливо пропустил их внутрь и захлопнул железную дверь, закрыв ее на засов, которого Густав с Семеном изначально не заметили. Некоторое время ничего не происходило, а затем на дверь словно обрушился свинцовый град. Пули не пробивали прочную поверхность, но оставляли на ней вмятины, а это означало, что отпереть дверь через какое-то время муты сумеют.

– Уходим, уходим, – сказал маленький спаситель.

– Легко сказать, – пробормотал Густав. – Ну-ка вставай, дорогуша, Семен, у тебя же, в конце концов, плечо, а не ноги прострелены.

Он помог Семену подняться, закинул его здоровую руку себе на шею, и они довольно быстро пошли по коридору и добрались до подвала. Сразу после этого мут закрыл еще одну дверь, надежно защитив их от беснующихся преследователей.

Здесь за время их отсутствия ничего не изменилось, только стало темнее. День заканчивался, наступал вечер, а за ним и ночь. Густав терпеть не мог проводить ночи в городах, темнота здесь казалась ему куда более черной, чем где-нибудь на трассе, вдалеке от всех этих островков дикарской цивилизации.

Но тут возникла новая проблема: вряд ли Семен сможет вылезти из подвала по сплетенной из ковра веревке. Густав усадил его на колченогий стул, стоявший в углу, включил подствольный фонарик для проверки, не случилось ли что с ним после удара, и спросил у маленького мута:

- Как мы поднимем его наверх?
- Лестница, – просто ответил мут.

Он прошел мимо странника, подошел к стене и снял с нее что-то. Густав посветил туда лучом – в руках у маленького мута оказался провод, ведущий куда-то наверх. Странник проследил его путь фонарем и, к своему удивлению, увидел прикрепленную к потолку короткую лестницу.

Мут дернул за провод посильнее, практически повиснув на нем, и лестница начала медленно отходить от потолка на хорошо смазанных петлях с пружинной доводкой. Густав помог ему установить ее в вертикальное положение, так, чтобы на место встали фиксаторы, а затем дернул за нижнюю ступень – лестница легко разложилась, протянувшись от верхнего входа в подвал вплоть до пола.

- Пожарная лестница. Специально установили, – сказал маленький мут.
- Предусмотрительно, – сказал Густав.

Семен, наблюдавший за всем этим, усмехнулся:

– Чего я еще не знаю о вас, мут? Что ты еще подкинешь мне на сегодня, а? Искусное владение вязальной спицей?!

– Я не очень хорошо понимаю, о чем ты говоришь, – кротно сказал маленький мут. – Меня зовут Филя. Или Филин. Это из-за глаз.

- Бог ты мой! – Семен сплюнул. – У мута есть имя! Да еще какое!
- Заткнись, – тихо сказал Густав.

Семен недобро посмотрел на странника, в тусклом свете фонарика сверкнули его белки. Штурм двери мутантами все продолжался. Нужно было поскорее сматывать удочки.

Поэтому Густав обратился к Филе:

- Залазь туда наверх и принимай его, я буду подталкивать снизу.
- Хорошо.

Маленький мут ловко вскарабкался по лестнице и замер на самом краю, выжидаясь смотря вниз.

– Давай, двигаем отсюда. – Густав поднял Семена, перехватил его под руку и подвел к лестнице.

– Я сам могу! – Охотник отпихнул странника, взялся за поручень и тут же вскрикнул от боли: – Блин!

– Говорю же, давай ползи, я помогу. Потихонечку.

Стараясь держать здоровую руку как можно ближе к телу и не поднимать ее слишком высоко, Семен начал восхождение. Густав держал охотника за ноги, упираясь плечом в его ягодицы, таким образом одновременно подталкивая и подстраховывая.

Филин принял Семена наверху. Вся операция по транспортировке раненого была проведена за считанные минуты.

Густав выбрался наружу вслед за охотником и поднял створки входа, скрепив их гвоздем, который предусмотрительно дал ему Филя.

В комнате было достаточно светло, так как за окном горизонт еще примерно наполовину разрезал багровый солнечный диск. Лампочка не разгорелась на максимальную мощность, что случилось только в полной темноте, но она освещала комнату довольно сносно, поэтому странник решил поскорее осмотреть рану Семена.

И, пока маленький мут возился с проснувшейся старухой, Густав занялся охотником.

Снять с него плащ оказалось довольно легко, но тонкая кофта из-за подсохшей крови прилипла к голому телу охотника, и избавиться от нее было не так-то просто. Густав достал нож и вспорол ее от горла до плеча, обнажив бурую, вспухшую по краям дырку.

Осмотрев рану, Густав пришел к выводу, что пуля не задела костей, пройдя лишь по мягким тканям.

– Тут есть чистые тряпки? – спросил он у маленького мута.

Филя молча поднял кусок одеяла, лежавший на старухе, и протянул его страннику.

– Считаешь, что это точно подходит под определение «чистая»?

- Других нет, – сказал мут. – Мне нужно сменить ей памперс. Вы не против?
- Что, прости, сменить?
- Вот это.

Филин поднял одеяла, и Густав поморщился от едкого запаха и неприглядного зрелища. Если лицо старухи было не очень притягательным, то тело смотрелось просто отвратительно. Она лежала в задравшемся халате, из-под которого торчали толстые белые трусы и худые желтые ноги. На бедрах виднелись красные, как будто вытертые пятна.

- Прележни, – пояснил маленький мут.

Он поднял халат старухи и расстегнул то, что Густав принял за странные трусы. Несмотря на свою щедедушность мут сумел приподнять старуху и принялся стягивать с нее памперс.

* * *

Густав туго перемотал плечо Семена, и вместе с Филей они закутали охотника в плащ, так как кофту пришлось выбросить, а без нее было все же прохладно, да к тому же раненого начало знобить.

Семена нужно было как можно быстрее везти домой, но перед этим Густав решил выяснить для себя пару вопросов.

Маленький мут взял использованный памперс двумя пальцами и куда-то ушел. Когда он вернулся, странник спросил:

- Кто ты такой, Фил?

– Я мутант. Мут. – Он посмотрел на Густава широко открытыми совиными глазами и улыбнулся.

- И зачем ты помог нам, мут? – спросил Семен.

- Даже не знаю. Я помогаю людям. Делаю это всю жизнь.

- А сколько тебе лет?

- Не помню. Около тридцати, наверное.

Густав присвистнул. Выглядел мут лет на двенадцать.

– Но почему ты помогаешь людям, Фил? Как я понимаю, вытащив нас оттуда, ты поставил себя против своих же товарищей?

- Поставил. Это не имеет значения, – равнодушно сказал мут.

Старуха утробно замычала, и он привычно подал ей бутылочку с водой.

– Как это не имеет? Я просто не знаю, что нам делать дальше. По идее, мне нужно отвезти Семена, – Густав показал на охотника, – домой, чтобы его осмотрел настоящий, опытный доктор. Но при этом я не могу оставить тебя тут просто так. Ты можешь хотя бы объяснить, что это было вообще? Куда мы попали?

- Я плохо говорю. Мне нужно подбирать слова, – сказал Фил.

– Ничего, я пойму, у тебя складно выходит, между прочим. Ты начни и продолжи, а я уж как-нибудь догоню, – ответил Густав.

Маленький мут кивнул и уже открыл рот, чтобы начать рассказывать, но тут в разговор опять вмешался Семен:

– Эй, если ты не хочешь услышать проклятия, то хоть дай напиться перед смертью, у меня во рту сохнет, когда слышу, как чавкает эта старуха.

Густав вопросительно посмотрел на Филю, тот взял у старухи бутылочку и передал ее охотнику. Когда тот начал пить мелкими глотками, предварительно обтерев горлышко, маленький мут продолжил:

- Хорошо. Я постараюсь объяснить.

Странник кашлянул и засунул руки в передние карманы джинсов.

– Не все муты живут, как животные. Мы разные, – строго, с учительской интонацией сказал Фил. – Мы понимаем, что мы не такие, как вы. Это плохо. Вы нас боитесь и ненавидите.

– Это так! – сказал Семен, оторвавшись от питья.

– Но мы тоже хотим жить. Поэтому когда-то мы объединились. Те, кто имеет вот тут, – мут шлепнул себя по лбу, – немного мозгов, стали жить вместе. Мы выбрали подземелье.

– Как вы на него вышли? – спросил Густав.

– Не знаю. Это случилось давно. Я здесь родился. Мы живем мирно. И оберегаем себя от людей. У нас есть много полезных вещей. Оружие, припасы, жилище... эээ... электроника.

– Электроника?

– Да, разные штуки. На электричестве.

– И всем этим вы умеете пользоваться? – уточнил Густав.

– Конечно. Мы умные. Я же говорил об этом. Мы не такие, как городские.

– Ладно, допустим, я понял, что вы стали жить сообществом, под землей. Это удивительно, но, честно говоря, меня мало интересует. – Странник неловко улыбнулся. – Мне интересен ты в данном случае. И этот дом. И эта старуха. Что вас всех объединяет?

– Дом – точка выхода. Их много, очень много, по всему городу и даже за ним. Их построили люди, давным-давно, не мы. Эта женщина – старая и больная. Я должен ухаживать за ней. Она мне никто.

– Почему должен-то?! – воскликнул Густав.

– Я люблю людей, – просто сказал Фил. Он погладил сморщенную руку старухи, и та беззубо и блаженно улыбнулась ему в ответ.

– В каком это смысле любишь? – спросил Семен. – Жрать? Или трахать?

– В смысле любить. Я против насилия, боли. Она лежала в своем доме. Умирала. Сходила с ума. Наши хотели убить ее. Я запретил. Никого нельзя убивать просто так. Ее, вас, меня, никого. Я перетащил ее сюда. Стал ухаживать.

– Понятно, – сказал Густав. – В этом мире твои взгляды на жизнь обречены на провал, Фил, вот что я могу гарантировать тебе с полной уверенностью. Как ты вернешься домой?

– Я не вернусь. Я уйду. Из города.

– Но куда?!

– Куда угодно. Она совсем плоха. – Мут кивнул на старуху. – Пока я останусь с ней здесь. А потом уйду. У нас там слишком жестоко. Стало. Пришли новые муты, странные. Они научились убивать.

– Вот те новость! А ты чего ж не научился-то?! Тебя прикончат, не пройдешь ты и пары шагов, – просипел Семен. – Ты урод, понимаешь?

– Прекрати, – резко сказал Густав, но охотник успокаивающе поднял здоровую руку:

– Я не хочу его обидеть, странник. Мне хочется объяснить ему, с чем он столкнется там, наверху. Услуга за услугу, да?

– Слушаю внимательно, – сказал маленький мут.

– Ну слушай, слушай. Так вот, как только ты окажешься снаружи, пойдешь по асфальту или земле, не важно, на тебя будут смотреть люди. Злые люди из укрытий, для них ты будешь либо едой, либо развлечением. Им плевать, насколько ты их любишь. Ты никому не объяснишь, что в твоей дурацкой голове есть мысли и чувства, усваиваешь? Ты никому не нужен. Даже я, увидев тебя, не раздумывая, пристрелил бы.

– За что?

– Просто так. Как твои дружки-муты, которые прострелили мне плечо.

– Они защищали свой дом, – возразил Фил.

– Считай, что тут у каждого свое понятие о доме, – сказал Семен. – Вот у этого парня, который метко стреляет из пистолета, дом на колесах, представляешь? Он садится в него и едет. У меня дом – две комнаты на высоте тридцати метров. Ты наступишь в говно, и тебе выпустят кишки. И ты никогда не узнаешь, что это произошло потому, что это говно было чьим-то домом. Никогда. Улавливаешь?

– Да.

– Поэтому я бы не советовал тебе выходить наружу. Прижми жопу, останься дома.

– Назад мне пути нет. Я принял решение, – сказал Филя.

– Ты принял решение расстаться со своим мозгом, оказавшимся в твоей голове по какой-то нелепой случайности? Оригинально. – Семен рассмеялся.

– Не слушай его, – сказал Густав, глядя на маленького мута, который сникал на глазах, слушая доводы охотника.

Он ссутулился, его крохотные плечи, на которых не уместилась бы и зажигалка, ушли вперед, взгляд погрузнел, и он больше не держал старуху за руку. Теперь он нервно щипал себя за широко расставленные пальцы, которых росло по шесть на каждой руке.

– Кого же слушать? – спросил Филя. – Вы лучше знаете внешний мир.

– Слушай себя. Во многом Семен прав, там, внизу, тебе было бы безопаснее. Но раз уж ты решил порвать со своим удивительным миром... а он действительно удивительный, я не знаю, есть ли еще подобные общины мутот на этой планете, то тебе нужно подготовиться к испытаниям. Быть готовым, понимаешь? Будет сложно. Если хочешь, то я помогу тебе, отвезу в соседний город или еще куда, ты же не прямо сейчас уходишь. Коли сложится, то смогу хоть как-то вернуть свой долг за спасенную жизнь.

– Спасибо. Посмотрим. – У маленького мута посветлело лицо. – Вам уже пора. Кровь. Плохо.

Густав посмотрел на Семена и действительно увидел кровь, проступавшую на повязке. Совсем недавно ее не было, а теперь она быстро пропитывала ткань. Видимо, открылось кровотечение. Семен побледнел, глаза у него закатывались, на лбу выступила испарина.

Странник поднял его и тем же способом, что вел по коридору, потащил из дома. Маленький мут следовал за ними, осторожно неся дробовик с горящим фонариком и освещая путь, так как в остальном доме ламп не имелось.

Они вышли на улицу и побрели к квадроциклам. Слава богу, никто не воспользовался временным отсутствием их хозяев. Луна на темно-синем безоблачном небе светила ярко, поэтому маленький мут выключил фонарь на дробовике.

Самостоятельно ехать Семен не мог. Густав посадил его на свой квадроцикл и завел двигатель. Вспыхнула передняя фара, тут же привлекая к себе целые тучи мелкой мошкеры.

– Код, скажи код магнитного замка. – Густав легонько потряс Семена.

– Двадцать шесть ноль два, – пробормотал тот.

Странник отсоединил все оружие с квадроцикла охотника, прицепил его к своему, включая отданный мутот дробовик. Потом завел аппарат Семена, заехал в близлежащие кусты и спрятал его там, тщательно укрыв ветками и листвою.

– Я вернусь за ним завтра, – сказал он Филе.

– Хорошо. Я присмотрю.

– Ты прямо как ангел-хранитель. Жаль, что тебя не было со мной рядом, когда я заглянул в аптеку города Тисок.

– Что тогда случилось? – с интересом спросил Филя.

– Кое-что, чего я не ожидал. Но в принципе это уже неважно. Мне пора. Береги себя по максимуму, понимаешь? Не вылезай никуда и... Постой! А что, если твои друзья сломают дверь и вылезут наверх?

– Я спрячусь. У меня хороший слух.

– Отлично. – Густав потянулся. В свежем ночном воздухе витали запахи каких-то цветов и топлива квадроцикла. И если бы у странника спросили, какой запах ему нравится больше, то он не смог бы определиться. Оба. Со всей очевидностью, оба. – Ладно. Я вернусь завтра, не позже полудня.

– Буду ждать.

Густав пожал протянутую руку маленького мута, сознавая, что осуществляет фактически внеземной контакт – соприкосновение двух параллельных вселенных. Рука у Фили была слабой, легкой и как будто сделанной из поролонa. Но, к своему собственному удивлению, никакой брезгливости или неприятных чувств при этом Густав не испытал.

Маленький мут развернулся и пошел обратно в дом.

Семен лежал в квадроцикле, откинувшись на сиденье, поэтому пришлось его приподнять и зафиксировать.

Странник вырулил на середину дороги и поехал медленно, не разгоняясь. Как говорил охотник, эта дорога вела напрямик ко двору. В конце концов, заблудиться на ней нельзя, а если ехать так до упора и до самого конца, авось куда-нибудь она выведет.

Семен пребывал то ли в беспокойном сне, то ли без сознания. Густав прикоснулся к его лбу и чуть не отдернул руку. Температура у охотника поднялась градусов до сорока, так что следовало торопиться!

Густаву приходилось вести квадроцикл, поддерживать Семена, следить за выхватываемым фарой полотном асфальта и не забывать прислушиваться и смотреть по сторонам.

Минут через десять такая езда ему даже начала нравиться. Прохладный ветерок, тишина, полная самостоятельность, которая являлась для Густава чуть ли не синонимом свободы. Да, сейчас его связывал по рукам и ногам раненый друг, но это была его миссия. Его задание. Он тут отвечал за все и мог принимать любые решения, которые нравились только ему.

Точно так же он поступал в своих путешествиях, в той жизни, которую потерял. Теперь Семен уж точно должен сказать ему, где находится Бояр, потому что сегодня странник доказал ему свою человеческую состоятельность и спас его от смерти. После такого не сообщить Густаву нужную информацию для Семена было бы... непростительной ошибкой. Он, как настоящий боец и воин, должен это понять. Иначе просто никак.

Когда на дороге стали попадаться выбоины и квадроцикл перестал с ними справляться, Семен начал вскрикивать от каждого рывка или удара пробитой подвески. Его голос звучал как-то по-особенному жалобно и тоскливо.

– Держись, дружище, мы уже близко, – весело сказал Густав.

Он хотел подбодрить охотника, но вдруг понял, что они и в самом деле добрались до цели: посреди бесконечной гребенки черных силуэтов домов выделялся один – с горящим на крыше маленьким маячком. Это была вышка дозорного, посеребренная по контуру луной, и находилась она как раз над квартирой, где жили Семен с Густавом.

Скорость из-за отвратительного асфальтового покрытия увеличить было нельзя, но, когда Густав понял и определился со своим дальнейшим маршрутом вплоть до точки назначения, время побежало значительно быстрее.

– Терпи, еще чуть-чуть, – сказал он, выезжая на финишную прямую к заветным воротам.

Глава 23

Густав въехал во двор, ожидая, что на него обрушатся проклятья: за то, что он убил Андрея, за то, что не уберег Семена, за то, что наврал, за то... В общем, странник знал, что его есть в чем обвинить, и обвинить вполне обоснованно.

Но обошлось.

Конечно, его появление на одном квадроцикле с практически бесчувственным и окровавленным Семеном вызвало переполох: еще бы, их брат пострадал и как можно было тут не волноваться?! Матушка Мария упрекнула Густава в том, что он не предупредил их о случившемся, но странник в этом был абсолютно не виноват, так как понятия не имел, как пользоваться мобильной станцией.

Семена отнесли в лазарет, который находился при докторе Шомове. Еще, помимо этого, во дворе располагалась больница, в третьем доме, но там лежали в основном те, у кого два доктора не нашли ничего серьезного, – температура, кашель, насморк и так далее. В этом мире тяжело заболеть было нельзя, просто категорически, и все, от странников до пиратов, боролись даже с мельчайшими признаками недуга, никому не хотелось оставаться

беспомощным на пустынной дороге. Но тут, в семье, любой симптом вел их напрямик к доктору, для того чтобы пообщаться с умным человеком, узнать о себе и о других событиях и, в конце концов, получить ту порцию заботы, которой практически никому не хватало.

К сожалению, Семен оказался наедине с доктором не из-за недостатка общения.

Шомов сухо поблагодарил Густава за то, что он сделал правильную повязку и остановил кровь. Семена напичкали обезболивающим, провели дезинфекцию, сгустили кровь парой таблеток и заштопали двухстороннюю дырку на операционном столе. На нем доктор Шомов и лечил, и принимал роды, и осматривал, а вот теперь исправлял последствия встречи с умными мутами, которой не должно было случиться.

Ночь Густав провел в пустой квартире. Его приглашал к себе Марков, но он отказался, так как уснуть в чьей-то компании странник не смог бы.

Он измотался настолько, что отмахнулся от всех расспросов Игоря, Захария и прочих любопытствующих. Только рассказал в общих чертах, что именно произошло, и пошел к себе спать. Поднялся на верхний этаж уже в полудреме, крепко держась за перила, чтобы не скатиться кубарем вниз.

На следующее утро, проспав службу, Густав сразу же пошел навестить Семена. На завтрак он выпил только пару стаканов холодной воды, как делал это раньше, дабы ничем не набивать желудок с утра – так учили его родители. Вполне вероятно, что этот их урок был обусловлен не желудком, а отсутствием нужного количества необходимых продуктов, но странник до сих пор верил в полезность сего способа.

Семен лежал в кровати, укрытый толстым одеялом, бледный и притихший. Кроме него, в палате никого не было. Когда вошел Густав, он улыбнулся и с хрипотцой произнес:

– А вот и мой спаситель.

– Привет. – Странник протянул охотнику руку, и тот крепко пожал ее.

– Как себя чувствуешь?

– Нормально, только слабость. Шомов сказал, что я потерял много крови, повязку, которую ты мне сделал, даже выжимать не надо было, с нее текло ручьями. Ты спас мне жизнь. – Семен серьезно посмотрел на Густава серыми глазами.

– Перестань. – Густав взял табуретку, поставил ее около кровати и сел. – Ты бы тоже так поступил, тем более, что ничего особо страшного не произошло, с кем не бывает.

– Нет, произошло. Ты вел себя как герой, честное слово. Я не знаю, смог бы я сделать все так же, как ты, смог бы я защитить тебя? Я даже стрелять-то толком не умею. – Семен отвернулся, но Густав успел заметить слезы, выступившие на его глазах.

Увиденное просто парализовало его, ведь он не помнил, когда плакал сам. Слезы, пусть и благодарности, на глазах мужчины были для него чем-то диковинным, ему вдруг стало неловко, будто он застал Семена за рукоблудием.

– Перестань, – повторил странник. – Ты сделал свое дело, я сделал свое, короче, это не стоит обсуждения.

– Меня уже расспросили обо всем. – Семен здоровой рукой вытер глаза. – Я рассказал все, как было, и про тебя, и про того маленького мута. И про то, что мы нашли.

– Что же они сказали? Или он? Кому ты рассказывал?

– Да тут собрались с утра отец Захарий, матушка, доктор, охрана, охотники... Пришлось рассказать все, как было.

– А ты не хотел рассказывать? – удивленно спросил Густав.

– Я хотел, чтобы вместе с тобой, чтобы не один. Но они настаивали. Они вообще как-то не очень хорошо к тебе относятся, странник.

– Ну, я в курсе.

– Нет, раньше все было иначе. А вот сегодня матушка и отец как-то напряженно, что ли, о тебе спрашивали. Вернее, даже выспрашивали и переглядывались все время. Только они, именно они, я заметил.

– Наверное, подозревали, что это я тебя подстрелил, – улыбнулся Густав.

На самом деле он так, конечно же, не думал. Вполне возможно, что бог, или кто там

еще, нашептал отцу Захарию на ухо толику неприятных фактов из личной жизни странника. Но пока что все удерживалось в рамках приличий и прежнего его спокойного существования внутри двора не нарушало, потому что если бы они узнали про несчастную смерть Андрея, то никто не стал бы ждать у моря погоды. Все решилось бы в следующий миг после получения информации. Избавиться от надоедливого, самостоятельно думающего странника, имея на руках такие козыри, – да это подарок небес!

«Кто же ведет эту игру против тебя, Густав? – подумал странник. – Кто этот человек? Бог? Вряд ли. Кто знает о тебе все и даже чуть больше? Тот, кого ты не знаешь, ответ очевиден». Но есть ли связь между неизвестным человеком, тем голосом с бензозаправки, и отцом Захарием? Если мыслить логически, то голос опекал странника, заботился о нем, и не в его планах было бы сдавать Густава религиозным фанатикам. Получалось, что так.

– В общем, я все им рассказал, как было и как ты меня спас, – пробормотал Семен.

– Как нас спас мут, – уточнил Густав.

– И про это тоже. Ты знаешь, они с большим трудом поверили мне. Я бы тоже не поверил на их месте. Рахитичный мут спасает охотника и странника – вот так история! – Семен заворочался и устроил подушку под головой поудобнее.

– Им ничего не оставалось, кроме как поверить, – сказал Густав, все еще думая над тем, какие же варианты плана с другим содержанием у них есть. И какую роль в этих вариантах играет он сам?

Но его мысли прервало неожиданное появление Вики. Странник отметил, что она была одета все так же, но со времени их последней встречи сильнее загорела. Сегодня она показалась Густаву просто очаровательной, сногшибательно яркой и необычной. В руке она держала белый непрозрачный кулек, а одна бретелька ее платья немного сбилась, показывая вертикальную полоску белой, незагорелой кожи.

– Добрый день, – произнесла она весело. – Я вот навестить пришла. Не помешала?

– Нет, что ты. – Густав вскочил с табуретки и жестом предложил Вике сесть.

Она не стала отказываться и опустилась на стул. Подол ее платья задрался немного выше, обнажив стройные, опять-таки загорелые колени и часть бедра.

Семен молча наблюдал за ней, нахмутив брови.

– Я вкусенького принесла, – сказала Вика, раскрывая шуршащий пакет. – Тут персики, я знаю, что ты их любишь. Я утром, на рассвете, все равно ведь очень рано просыпаюсь, сходила и сорвала те, что низко росли. Помнишь, в том нашем секретном месте, которое ты мне показывал?

– Оно не наше. Оно *мое*, – сказал Семен с нажимом на последнее слово.

– Ну хорошо, хорошо, твое.

Вика вела себя непринужденно, и Густав отдал ей должное за это, потому что охотник всем видом показывал, как ему неприятно ее общество. И, чтобы не мешать им разговаривать, странник решил уйти. Возможно, это развязало бы языки когда-то любящей друг друга паре.

– Я пойду, вы тут без меня разберетесь, – сказал он.

– Нет, останься! – одновременно воскликнули Семен и Вика, переглянулись и умоляюще посмотрели на странника.

Он развел руками и остановился, опершись спиной о дверной косяк.

– Я ненадолго, – быстро выпалила Вика. – Мне только узнать, как ты себя чувствуешь, Семен, и все.

– Зачем тебе это?

– Как зачем? Я же волнуюсь!

– Кто я тебе такой, чтобы волноваться за меня? У тебя есть за кого волноваться, – сказал Семен, меланхолично глядя в потолок.

– Да, у меня есть Дима, но это не мешает мне волноваться за тебя. Как и за других... мужчин, – сказала Вика, запнувшись. – Зря ты так думаешь о себе, что один такой, уникальный.

– Прекрасно. Вот и волнуйся за других мужчин, меня только трогать не надо.

– Я неправильно выразилась, Семен! Перестань вести себя как ребенок. Может, повзрослеешь уже, не настала ли пора?!

– А я не хочу взрослеть. – Семен, помогая себе одной рукой, принял полусидячее положение и наконец посмотрел в глаза Вике.

Густав по-настоящему огорчился, что не сумел уйти в нужный момент, потому что присутствовать при ссоре двух людей, еще недавно не мысливших себя друг без друга, ему не хотелось. Но Семену и Вике необходима была помощь беспристрастного арбитра, судьи, не позволяющего спортсменам сбиться в клубок из тел и как следует отдубасить каждого, кто попадется под горячую руку. Его присутствие волей-неволей помогало им сдерживать себя, чтобы не ляпнуть чего-нибудь лишнего, о чем в дальнейшем, остыв и поразмыслив на свежую голову, они могли бы пожалеть. Короче, он скрестил руки на груди и принялся наблюдать за столь диковинным для одинокого странника зрелищем.

– Если ты не повзрослеешь, то тебе придется плохо, – грустно сказала Вика. Она нервно теребила в руках шуршащий пакет.

– Что с того? Плохо мне, хорошо мне, тебе-то какая разница?! Я исчез из твоей жизни, исчез, понимаешь? Я пытался вернуться, все наладить, пытался простить, но ты не хотела, и ничего не получилось. К чему сейчас эти игры в благородные чувства и сострадание? Ты хочешь, чтобы все видели, какая ты добрая и не помнишь прежних обид? Объясни мне! – Семен говорил тихо, спокойно, но, судя по жилам, вздувающимся на его шее, ему стоило большого труда удерживать себя в рамках приличий.

– Я просто хочу, чтобы у нас с тобой были отношения человеческие, все же мы с тобой не чужие друг другу люди когда-то были. Но сейчас я понимаю, что ошибалась, идя сюда с такими мыслями. Ты на самом деле уже чужой мне человек. Уже, понимаешь? Здесь и сейчас. – Вика встала. – Я ошиблась в тебе, Семен, но все равно хочу попросить у тебя прощения.

Семен дернул головой и устало закрыл глаза.

– За что? Ты мне не сделала ничего плохого, – сказал он монотонно.

– Просто за все, целиком и сразу. Густав, ты можешь покормить его? – обратилась Вика к страннику.

Он встрепенулся, скинув с себя образ отстраненной безразличности, и ответил:

– Да, конечно.

– Тогда вот, держи, их не нужно мыть, я уже помыла, просто порежь, чтобы он не обрызгался соком.

Она протянула Густаву пакет с одуряюще вкусно пахнущими персиками, на бархатных боках которых еще блестели капли воды.

– Никаких проблем, накормлю и напою нашего героя, ни к чему не придерешься!

– Спасибо. У тебя сильные руки, ловкое тело, не сомневаюсь, что ты не оставишь его в беде. – Вика улыбнулась и быстро прошла мимо странника, задев его плечом.

От этих ее слов и касания у Густава внутри что-то щелкнуло, а в паху он почувствовал приятное шевеление и тепло.

Он вдруг осознал, что уже довольно давно не вкушал женской ласки. Именно ласки, флирта, потому что почитать за подобное мимолетные сношения с гостиничными шлюхами, коих в ночлежках для странников водилось великое множество, ему даже не приходило на ум.

За всю свою жизнь он мог припомнить и буквально по пальцам пересчитать небольшое количество таких отношений, от которых в груди вспыхивал и разгорался жаркий костер, трещавший и разбрасывавший по сторонам раскаленные угольки.

Обычно после таких встреч Густав надолго оставался в одном месте, потому что путешествовать вдвоем с любимой женщиной ему не хотелось. В такие дни он был чертовски уязвим в плане целостности и нерушимости собственной философской теории. Странники существа одинокие, но и ранимые этим самым одиночеством. Как рыцари, чьи

доспехи намертво приварились к коже воина. Кажется, что он защищен с ног до головы, но стоит слегка нажать на броню, как она надавит на оплавленную, изуродованную кожу. И станет больно. Не смертельно, но...

Густав знал, что такое внутренняя боль. Не то чтобы это было слишком уж сокрушительно, нет, иначе он остепенился бы еще лет пять назад и завел бы себе жену и ребенка (обязательно мальчика), благо в корабле достаточно места для троих. Просто эти чувства и воспоминания нельзя было навсегда выбросить из памяти. Забыть на время – да, но стереть – никогда, они имели свойство всплывать в самый неподходящий момент.

И именно поэтому странник удивился, когда Семен отчетливо и с ненавистью произнес, глядя вслед ушедшей Вике:

– Долбаная шлюха.

– Ты о чем, дружище?

Густав опять сел на табурет, взял с прикроватной тумбочки тарелку и выложил на нее пару персиков. Достал нож, который, в отличие от пистолета, всегда носил тут с собой, и взрезал первый плод. Тот действительно брызнул липким соком, которого вылилось очень много. Странник протянул Семену янтарную дольку, и охотник не стал отказываться, видимо, любовь к персикам пересилила нелюбовь к Вике.

– О ней, об этой суке. Терпеть ее не могу. Видел, как она флиртвала с тобой?

– Нет. О чем ты?

– Да ладно! – Семен засунул весь кусок себе в рот и теперь злобно и сосредоточенно чавкал, впитывая прохладный сок. – Она же чуть ли не отсосала у тебя прямо тут, несмотря на то что любит своего Димочку! Если у тебя не встал после того как она призывно смотрела своими коровьими глазами, то ты импотент, странник, спешу тебя огорчить.

– Нет, ну как, я немного почувствовал, конечно, но чтобы называть ее шлюхой...

– А кто она есть?! Она же со всеми себя так ведет! Ей все интересно, разве ты не слышал? – Кусочек персика вылетел изо рта Семена, но он этого не заметил. – Все мужчины ее заботят, со всеми можно мило посмеяться. Но выбирает она тех, кто сильный и имеет какое-то значение в нашей семье. Зато флиртовать может с любым, с любым уродом, понимаешь?!

– Я понимаю, конечно, – уклончиво сказал Густав, – но уродом себя не считаю.

– Речь не о тебе, а о ней. Об ее отношении ко всему. Она жизнь мне испортила. Нет, ну ушла бы от меня, ладно, я же понимаю. Жила бы с этим доктором, трахалась, рожала детей, строила семью, восстанавливала бы новый мир. Так нет! Ей надо прийти ко мне, заявиться мне на глаза, и зачем? Чтобы смиренно попросить прощения? Или после всего, что между нами было, она рассчитывала на дружбу? Я не понимаю.

– Честно сказать, это ваше с ней личное дело, в которое я лезть не хочу, – ответил Густав. Он разрезал еще один персик и сложил нож.

– Мне бы только правду узнать.

– Ее, скорее всего, и нет. Она сама ее не знает, делает так, как велит сердце. У женщин так принято.

– У женщин да, а вот у нее нет сердца. У нее есть только компьютерный жизненный навигатор в голове, который мерзким голосом говорит, в какой поворот лучше заехать, – уныло сказал Семен, опять принимая лежачее положение. – Я посплю, ладно? Что-то глаза слипаются. Ночью вроде и спал, и не спал, как будто под веки песка насыпали. А сейчас прям набросилось на меня все и сразу, включая эту суку. Не обидишься?

– Нет. Мне тоже пора. Нужно забрать твой квадроцикл, который там остался. А тот, на котором мы вернулись, надо отмыть от крови. Если забросить это дело, она протухнет и вонять будет неслабо.

– Точно! – Семен ухмыльнулся, потирая глаза. – Один-то квадро там остался, я и забыл. Передавай привет нашему маленькому другу. Скажи, что он хороший человек, несмотря на то что мут.

– Обязательно.

Густав поднялся, отсалютовал, приложив ладонь козырьком к виску, как видел это в одном из старых фильмов, и ушел. В коридоре, как ему показалось, еще витал слабый аромат Вики. Запах женщины. Или персиков? Странник уже не мог сказать точно.

Глава 24

Квадроцикл стоял у ворот с прошлой ночи, когда Густав привез Семена к подъезду, где охотника уже приняли люди. Времени и сил на то, чтобы перегонять квадроцикл в гараж, у странника тогда не было. Да и глупо это выглядело бы с учетом того, что он нужен был Густаву на следующий день.

Тем не менее все обошлось и охрана довольно успешно отразила атаки детворы, не дав им ничего потрогать, рассмотреть и, конечно же, снять какую-нибудь детальку ради чистого и бескорыстного интереса.

Едва Густав подошел к квадроциклу с двумя ведрами и тряпкой на плече, как сразу же решил снять футболку. Странник любил легкий загар, бледная кожа казалась ему наполненной какими-то изынами, а вот коричневая, с бронзовым сиянием, выглядела чуть ли не идеальной в его глазах. Но сегодня дело было совсем не в принятии солнечных ванн, а в дикой жаре, липкой одежде и неприятной возможности изгваздаться в крови Семена.

Последней, к счастью, оказалось немного, она запачкала лишь переднюю часть сиденья.

С хрустом расправив плечи, Густав принялся смывать кровь. Ничего особенно тяжелого в этом занятии не было, в крайнем случае на помощь всегда мог прийти нож. Но первым пришел Марков.

Густаву казалось, что он так давно не видел старика, что тот должен был как-то измениться за время их разлуки. Однако этого не случилось – морщины у Маркова не исчезли, не изменился цвет глаз. Разве что он немного поправился и подстриг свои седые космы у местного парикмахера.

– Привет, – сказал он, подойдя к Густаву. В руках Марков держал грязноватый желтый зонтик, защищаясь от солнечных лучей.

– День добрый, Марков. Как спалось?

– Нормально. Хотя я, как и все, был разбужен вашим внезапным появлением.

– Стало быть, наше внезапное исчезновение не помешало тебе лечь в уютную кровать и видеть в ней сладкие сны? – спросил Густав.

– Не передергивай, странник, ты прекрасно понимаешь, что к чему. – Марков присел на переднее крыло квадроцикла, положив ручку зонтика на плечо.

– Еще бы, мне ли не понимать? Я слышал, что ты обратился к богу. Или это всего лишь нелепые слухи? Твои соседи очень хорошего о тебе мнения, говорят, мол, наш новый брат трудолюбив и богобоязнен.

Густав попытался ножом расширить щель, в которую затекла кровь, но это было не так-то просто, потому что эластичный материал сиденья восстанавливал свою форму, как только странник убирал лезвие ножа.

Поэтому, так и не найдя решения, как забраться в эту узкую глубину, странник решил отмыть остальную часть квадроцикла, легко доступную и видимую глазу.

– Я не боюсь Бога, странник, – сказал Марков. – Я лишь начал понимать, что Он существует.

– Это почему же?

– Много знаков окружают нас, мы живем в мире знаков, но по-настоящему счастлив тот, кто их видит.

– Скажи, – Густав оперся на руль и наклонился, разминая затекшую спину, – а ты не врешь мне о своем счастье? Если бы наш любимый отец Захарий не разговаривал с богом, то поверил бы ты в него так, как веришь сейчас?

– Конечно! Безусловно! Его разговоры не имеют никакого отношения к моей вере! –

воскликнул Марков. – Раньше я, как и ты, верил только в машины, в энергию. Но теперь я отчетливо осознаю, что есть что-то, что создало все эти машины и всю эту энергию. Сила, породившая силу. В голове не укладывается, но я стараюсь смириться и с каждой службой отца Захария понимаю все больше и больше.

– Да, да, да. Сказать тебе, Марков, почему я не верю в бога? – спросил Густав.

– Почему же? – Старик начал крутить зонтик, и кончики спиц, к которым крепился желтый нейлон, мерно загудели.

– Потому что моя вера ничтожна. Я могу верить в закон притяжения. Могу верить в то, что мой корабль пройдет на одном баке тысячу километров. Но я могу во все это и не верить. Что изменится от этого? Ничего. Всем плевать на мою веру, вещи живут сами по себе.

– Нельзя сравнивать такое! – гневно сказал Марков. – Нельзя! Это...

– Это богохульство, ага. Но погоди, я еще не закончил. Эти дикари, эти люди переводят в разряд веры такую ситуацию, что если им будет плохо, то придет мама и разрешит их проблемы. Они хотят верить в то, что находятся под чьей-то защитой и стараются сделать бога как можно более человеческим, приземленным. Я читал и видел, я не такой тупой в этом плане, как ты мог бы подумать.

– Я и не думал, странник.

– О да, ты просто знал, – сказал Густав, яростно оттирая кровь с поверхности квадроцикла. – Я видел множество храмов, у разных народов. Фильмы видел, книги читал. Везде отношение к вере как к спасительному якорю. Что для них бог, Марков? Это дедушка, который сидит на облаке и только и делает, что наблюдает за тем, правильно ли человек перекрестился или нет. Это же смешно!

– Смешно, если это надуманно. А что, если все эти законы такие же естественные, как, например, законы физики или химии? Только ты, Густав, из-за своей гордости веришь в химический закон и бросаешь в воду тестовую таблетку, чтобы не отравиться. Это в твоей крови. Ты въезжаешь в любой город с опаской и старательно бежишь от зимы, потому что для странника снег – это погибель. Ты исполняешь эти законы беспрекословно, но когда встает вопрос о законах Бога, тут ты начинаешь ругаться и вставать на дыбы. Разве это правильно? – спросил Марков, остановив круговерть зонтика.

– Да.

– Почему?

– Потому что я испытал это на себе, в плане города или воды. И, уж уволь меня, с богом не разговаривал, не приходилось.

– Все с тобой понятно. – Марков прыгнул с крыла. – Невежество, которое не знает границ. Настоящий странник. Кстати, к тебе идет один из дикарей. Будь с ней повежливее.

И, указав на приближающуюся Вику, Марков побрел в сторону скотного двора, опять начав крутить зонтик.

Густав выпрямился и отжал тряпку. С нее к ногам потекли мутные струи с красноватым оттенком. В воздухе пахло мокрой пылью и медью, странник ощущал ее вкус на языке, хотя этого ну никак не могло быть. Все же запах крови ему никогда не нравился. Было в нем что-то низменное, пробуждающее инстинкты, но какие-то неправильные и нехорошие. Странник помнил, когда первый раз столкнулся с кровью, тогда ему пришлось выбросить всю свою одежду. А еще он помнил этот медный запах вперемешку с вонью дерьма, когда размазал палатку с любовниками по шоссе.

Интересно, почувствовал бы он его снова, прикоснувшись носом к колесам своего корабля? Или там остался только запах горячего асфальта да резины?

Во всяком случае, странник знал одно – Вика пахнет гораздо лучше крови. И сейчас она была бы идеальным заменителем этого запаха, лежащего на самом дне ущелий мозга. К тому же то, что она сразу же протянула Густаву, говорило как раз в пользу этого довода.

– Вот, я из окна увидела, как ты моешь квадро, и взяла у нас с кухни специальное средство. Лимонное, отлично посуду отмывает. И... ну, и кровь, да? Ее тоже должно растворить.

– Спасибо.

Густав взял белый флакон и щедро залил зеленоватой густой жидкостью щель между сиденьем и панелью. Затем вылил немного на тряпку и намылил остальные части квадроцикла, которые пострадали от обильного кровотечения Семена. В принципе теперь оставалось только подождать реакции, затем смыть химическое средство и отправляться в путь за вторым квадроциклом.

– Спасибо еще раз. – Густав протянул флакон Вике, но та выставила вперед ладонь и покачала головой.

– Нет, оставь себе, у меня еще есть, а тут вдруг да пригодится. Тем более оно уже кончается.

Странник кивнул и нагнулся, ставя пластиковую бутылку на землю. В этот момент он почувствовал прохладные пальцы на своей спине и вздрогнул, как от укола.

– Ой, извини. – Вика засмеялась. – Просто я увидела у тебя татуировку. Что она означает?

– Мой путь. Бесконечность странствий. – Странник выпрямился.

Вика стояла совсем близко, слишком близко, чтобы не нервничать. Он не любил нарушений собственного личного пространства, но такое вторжение ему нравилось, хоть и заставляло чувствовать себя не в своей тарелке.

– Она у всех странников есть, да?

– Не знаю. – Густав пожал плечами. – Я делал ее только для себя. Может, кто-то еще и набил такую же, но никаких традиций насчет татуировок у нас нет.

– А какие есть?

– Разные. В принципе их немного. Я, наверное, и не все их знаю, мы ведь не часто общаемся друг с другом. Странников не очень много, потому что мало кто решится жить в этом мире одиночкой. Тем более что рабочие корабли сейчас большая редкость. Все, что были, давно разобрали. Но у нас, например, есть такая традиция – при встрече спрашивать «Сколько километров?» вместо приветствия.

– Ого. И что это означает? – Вика опустила глаза и кокетливо поправила оборку платья, которую поднял внезапный порыв горячего ветра.

– Да тут все логично. Некоторые даже просто говорят: «Сколько?» Это означает, мол, сколько километров ты проехал без поломок? Если много, значит, хороший период жизни. Если мало, значит, тоже хороший период, потому что совсем недавно плохой преодолел. А вот если «на сносях», вот это плохо, значит, у странника со дня на день что-то отлетит или сломается. В таких случаях мы друг другу помогаем.

– Очень интересно, – задумчиво сказала Вика. – Нет, в самом деле. А у нас тут, во дворе, событий мало. Иногда настолько скучно, что мне кажется, что я схожу с ума. Каждый занимается своим делом, работой, но это не совсем то, чего мне хотелось бы.

– У тебя же есть любимый мужчина, – заметил Густав.

– Да. Но я не об этом. Твоя жизнь на самом деле бесконечна, как мне кажется. С тобой ведь все время что-то происходит. А мы тут проживаем один и тот же день, раз за разом.

– Я заметил. Но у странников тоже не все так сладко. К примеру, едешь, и каждый день одно и то же – руль, сиденье, приборная панель, ветровое стекло...

– Ну, а ведь за ветровым стеклом всегда что-то новое? Я ведь права? – Вика нетерпеливо топнула ногой, как маленький ребенок, которому требуется подтверждение его доводов и догадок.

– Это да.

Густав кивнул и начал тщательно смывать моющее средство. Крови больше нигде не осталось, вымытая часть квадроцикла блестела на солнце, как улыбка самого счастливого на свете человека.

– Этому-то я и завидую. Я же никогда не видела мир, тот внешний мир, что за пределами Тисок. Порой я вдруг осознаю, что никогда и не увижу, что это мой предел и моя судьба.

– Знаешь, чем дольше я нахожусь с вами, тем больше думаю точно так же, – сказал Густав. – О себе, конечно же, как о некоем зверьке, попавшем в западню. И мне хочется побыстрее отсюда вырваться. У меня нет любимой женщины, нет настоящих друзей, одни приятели. Но у меня был корабль – мой дом. И я верну его обратно, совсем скоро. Если есть желание, то я возьму тебя с собой, и ты увидишь мир. В нем нет ничего особенного, поверь мне, в основном он страшен, пуст и сер, но ты, по крайней мере, узнаешь хоть что-то новое.

Густав произнес эту тираду и вдруг понял, что тем самым взял на себя еще одно обязательство. А ведь их уже накопилось достаточно много. Марков, маленький мут и вот теперь еще Вика. Троим поместиться в кабине можно, еще куда ни шло, но корабль вряд ли выдержит четверых. Впрочем, мут и Вика наверняка не примут его предложение – так ему почему-то казалось.

Но встревожило и удивило странника совсем другое: он приглашал к себе в корабль абсолютно разных, мало знакомых ему людей. Обещал им показать мир и защитить, что само собой разумеется. Могло ли такое случиться с ним раньше? Естественно, нет. Сколько раз корабль странника оставлял за собой в клубах пыли людей, просивших подвезти или помочь? Но для них у Густава не находилось времени, и не возникало у него желания пообщаться с ними, узнать их беду или радость. А тут как прорвало.

Или это опять влияние города?

Странник все еще не хотел ни к кому привязываться. А вот Густав несколько иначе к этому относился. И когда Вика сказала «нет», странник возликовал, а глаза Густава затуманила невесть откуда нахлынувшая грусть.

– Точно нет? – спросил он, вешая тряпку на край полупустого ведра.

– Точно. Это мечты глупой женщины.

– Я бы не назвал тебя женщиной, ты молодая девушка.

– Ну да, я женщина. И потребности у меня женские. Муж, семья, будущие дети, затем внуки, если повезет – правнуки. – Вика грустно улыбнулась. – Ты бы хотел увидеть своих правнуков, Густав?

– Я – да. Но я бы не хотел, чтобы они увидели меня.

– Это еще почему?

– К тому времени я буду старым, сморщенным старикашкой. Зачем мне это? Зачем им? Да и не будет у меня никогда правнуков, потому что и внуков не будет, и детей.

– Зря ты так. – Вика вдруг сделала шаг вперед, встала совсем близко и поправила мокрые волосы Густава, отведя их со лба. – Ты красивый, странник, тебе говорили об этом? Многие бы мечтали находиться рядом с тобой и родить тебе ребенка. Такие, как ты, нынче редкость.

– Я надеюсь, что ты ошибаешься, – тихо сказал Густав. – Потому что я, как сказал один умный человек, несу всем только боль и слезы. Я не стану объяснять тебе, почему так случилось, но поверь на слово – я очень плохой.

– Сам себя не суди, Бог осудит, когда придет время.

– Его время в моей жизни никогда не придет.

Густав замолчал, секунду подумал, затем отодвинул ведро и сел на квадроцикл. Завел двигатель, пристегнул шлем к рукояти управления, потому что в такую жару надевать его совсем не хотелось. Снял квадроцикл с ручного тормоза и медленно тронулся. Вика отшатнулась, с испугом и непониманием смотря на странника, который так резко оборвал их разговор.

– Извини, но мне пора ехать, – сказал Густав.

– Но мы же еще поговорим с тобой? – спросила Вика.

– Без проблем.

Странник нажал на газ и рванул к воротам. Дети, игравшие на специально обустроенной площадке, закричали от восторга, а один, самый эмоциональный, даже подбросил в воздух белую панамку.

Густав остановился у ворот, возле Игоря. Тот молча сдвинул засов, открыл замок и

распахнул створки. Но странник не спешил выезжать.

– Что еще? – спросил Игорь недовольным тоном в ответ на внимательный взгляд Густава.

– Мне нужен напарник, чтобы забрать квадроцикл. В одиночку два аппарата не довезти. Поможешь мне?

– Я?! Тебе?

– Да, ты – мне. Просто больше некого попросить из толковых.

– Гм. – Игорь выглядел растерянным. – Я даже и не знаю.

– Знаешь ты все. Съездим, возьмем квадроцикл и назад.

– Ну... ладно. В конце концов, это же вещи семьи, их бросить нельзя. – Игорь махнул рукой и неожиданно улыбнулся.

Он крикнул ближайшему сторожевому, чтобы тот заменил его, и прикрыл ворота. Затем положил свою винтовку поперек квадроцикла и уселся за спину Густаву. На высокой скорости они буквально выпрыгнули за невидимую черту между последним оплотом человеческого добротерпения и злой пустотой города с символическим названием Тиски.

Глава 25

Уже где-то на полпути Густав понял, что что-то не так. В этот раз он придал квадроциклу ускорение, какое только было возможно, ловко лавируя между рытвин, но это не мешало ему улавливать запахи, приносимые ветром со стороны дома маленького мута.

И чем ближе, тем явственнее они становились. Пахло гарью.

Сначала странник подумал, что источником является квадроцикл, что где-то замкнуло проводку, но, когда они взобрались на очередной взгорок и в лицо Густаву полетели тучи пепла, он понял, что встревожился не зря.

Еще несколько десятков метров, и квадроцикл подъехал к черному пепелищу, на котором поблескивали оранжевые всполохи огня. Дом маленького мута выгорел почти до основания, превратившись в жалкую грудку обгорелых балок и закопченного фундамента.

Густав заглушил двигатель, слез с квадроцикла и подбежал к кострищу. От него тянуло зыбким жаром, лицо мгновенно покрыл соленый пот. Ничего не уцелело. Дом, трава, забор, близлежащие деревья – все сгорело аккуратным квадратом. Даже странно аккуратным.

Странник сложил ладони рупором и крикнул:

– Эй! Фил! Ты здесь?!

Но ему никто не ответил, слышался только обозленный треск углей. Казалось, они перешептывались о чем-то своем, передавая друг другу слухи, недоступные ушам человека.

Игорь тоже покинул квадроцикл и теперь шел к Густаву, опасливо озираясь по сторонам. Он редко выходил из двора, а в последнее время так вообще не покидал его без особой надобности, сваливая все дела на своих подчиненных, постоянно оставаясь в доме за старшего.

Теперь ему было немного страшно. Он ехал сюда, чтобы просто забрать второй квадроцикл, в качестве провожатого, но все вышло совсем не так, как обещал странник. И сама ситуация с пожаром ему ой как не нравилась.

– Ну, и где квадроцикл? – нервно спросил он.

– А, квадрат... – Странник рассеянно провел по лицу, оставляя на нем темные и белые разводы от пепла. – Нет его, сам видишь. Цикл, цикл, квадроцикл.

– Я-то вижу, что его нет. Где ты его спрятал?

– Возле дома.

– Возле... – Игорь посмотрел на пепелище и прерывисто выдохнул: – Ну ты и кретин! Это же надо было додуматься! Оставил его на одну ночь, а он и сгорел!

– Откуда я мог знать? Я похож на провидца?

– Ты похож на идиота, странник. Знаешь, на что это все смахивает? Что ты прошлой ночью спрятал квадроцикл не возле этого сарая, а где-то подальше. Потом отъехал и поджег

сарай. А теперь, когда вся суета во дворе закончится, ты уйдешь за ворота типа пописать и не вернешься, потому что у тебя будет свой собственный квадроцикл. Я так и скажу матушке и святому отцу. Слово в слово!

– Можешь хоть запятые повторять, мне все равно. Я никого не обманываю.

Густав снял футболку и обвязал ей лицо. Чуть подумав, вытащил пистолет и положил его в рюкзак, который пристегнул лямками к квадроциклу. Затем осторожно вошел на еще горячее, даже немного гудящее от жара кострище и направился в то место, где еще вчера находилась комната со старухой.

Он ожидал увидеть там обгорелый скелет в хлопьях трухи и рой жалящих углей, но, видимо, огонь оказался настолько сильным, что спалил абсолютно все, оставив лишь железный остов кровати, который все же не преминул развалиться. Но самым странным было не это, а то, что случилось со входом в подземные жилища мутов. Естественно, деревянные дверцы сгорели вместе с полом, но внутри, в подвале, все еще гудел огонь, как в плавильной печи. И когда Густав осторожно заглянул туда, ему в лицо пыхнуло жаром такой силы, словно он попытался проникнуть в преисподнюю.

Да, в подвале бушевало пламя, облизывая целую кучу каких-то балок, досок и прочих горючих вещей. И еще здесь вполне ощутимо пахло керосином или бензином, Густав не мог разобрать точно. В общем, каким-то топливом.

С каждой секундой стоять на углях становилось все горячее, даже через толстую подошву ботинок Густаву казалось, что он находится на раскаленной сковороде. Поэтому он поспешил покинуть кострище, буквально выпрыгнув из него, задирая ноги и стараясь не наступать на подозрительные, кажущиеся хрупкими предметы. Как знать, вдруг здесь еще есть парочка входов в адское подземелье?

Игорь смотрел на странника с презрением, важно выпятив нижнюю губу. Ждал.

– Поехали каяться? – сказал он, небрежно поигрывая винтовкой.

– Погоди.

Густав сдернул футболку с лица на грудь и вдруг увидел на земле что-то очень интересное. Он опустился на одно колено и погрузил пальцы в теплый песок, которого, вперемешку с пеплом и пылью, здесь лежало предостаточно. На песке прекрасно отпечатывались любые следы, и так как вчера не было ни дождя, ни сильного ветра, то все пребывало практически в первозданной сохранности. Идеальная карта событий. Вот следы его квадроцикла. Вот следы квадроцикла Семена, показывающие, как странник закатил его в кусты. И, судя по следам, кто-то успел и выкатить машину обратно. Но кто?.. Но не это волновало сейчас Густава, потому что он нашел более интересную информацию.

Дорога сообщила ему то, чего не могли рассказать угли. Как всегда, ведь иначе и быть не может, дорога помогала страннику на протяжении всей его жизни, иногда подкидывая подянки, но чаще их совместный быт носил положительный характер.

– Смотри, видишь? – спросил Густав у Игоря, показывая на песок.

– Что я должен видеть?

– Вот, смотри, следы протекторов. Шесть штук на развороте, потом уходят в одну колею. Это шины моего корабля, он был тут.

– Чего? Твой корабль? Не носи чушь! – Игорь поморщился, но, тем не менее, внимательно следил за грязным пальцем Густава, порхающим над следами, испещряющими землю перед домом. И чем больше он указывал на конкретные точки, тем яснее становилась картина произошедшего здесь совсем недавно, как будто странник нашел нужный конец в запутанном клубке и теперь тянул его на себя.

– Тут нет никакой чуши, ты присмотришься. Следы от ног, и все разные. Раз, два, три, четыре, пять... Восемь минимум! Абсолютно разные пары подошв. И следы от протекторов шин, разве я не узнаю свой корабль?! Да я с закрытыми глазами его определю, в любом виде.

– Ну, допустим. Что же это тогда означает?

– Здесь был Бояр. И они сожгли дом вместе с его обитателями, к тому же основательно запалив выход.

– Бояр? – Игорь задумался. – Он и его люди ненавидят мутлов, это точно. Какое-то время они даже устраивали на них облавы, отслеживая их на свалке. Они думают, что муты мешают нормальной жизни людей, совсем как твой дружок охотник. Хотя, надо признаться, в этом плане я с ним согласен. Муты – это дьявольские твари, не Божьи создания.

– Тогда получается, они поняли, что мы нашли логово мутлов, и решили от него избавиться раз и навсегда, уничтожив тут все огнем? Правильно я говорю?

– Выходит, что так. Только непонятно, как они узнали о том, о чем узнали вы, странник? – Игорь сощурился и внимательно посмотрел на Густава.

В ответ странник лишь пожал плечами.

Действительно, откуда ему было знать? Но факты говорили о том, что Бояр в самом деле появлялся здесь. Вот же незадача, корабль и странник разминулись той ночью, и последний даже не почувствовал близкого присутствия своего родного дома! Нелепая ирония судьбы и просто дурацкая случайность. И к тому же эти подонки забрали минимум две ни в чем не повинные жизни. Маленький добрый мут и выжившая из ума старуха – зачем было их убивать? Кому они могли причинить вред?

Странник четко представлял, как испугался Филя, когда к ним подъехал весь этот сброд.

Наверное, маленький мут думал, что это вернулся добрый дядя странник, но вместо широко улыбающегося небритого лица увидел некоего парня в шляпе, который любит убивать. Особенно мутантов. Особенно таких умных. Потому что хорошо давить тараканов по одному, но слаще всего найти их логово, расковырять, оторвать плинтус и раздавить верещащее месиво жестким незрячим ботинком.

Не получилось, не получилось у Густава выполнить свое обещание и забрать маленького мута из этого проклятого города. И поиски корабля теперь тоже откладывались...

Густав со злостью ударил кулаком в след от протектора.

– Я же мог вернуть корабль и остановить этих отморозков!

– В одиночку? – сказал Игорь. – Ты уже один раз имел возможность не отдавать корабль, но по-имели именно тебя. Что изменилось бы в этот раз?

– Моя ненависть помогла бы мне. Или я бы просто умер, меня бы пристрелили, но я хотя бы знал, что попытался.

– Никчемный героизм.

– А я уже устал, – сказал Густав, садясь прямо на землю и сложив руки на коленях. – Я устал так жить, но тебе этого не понять. У меня душа сейчас натянута, как струна, – кинь на нее яблоко, и разрежет на две части. Брось кусок мяса – порежет на ломтики. Вроде бы сила, да? Ан нет. Надави на нее, дерни пальцем – и порвется, лопнет. Дурацкое, дикое напряжение.

– Зря ты думаешь, что я тебя не понимаю. Отчаяние – глубокая пропасть. Ты пытаешься ее обойти, но она такая длинная и бесконечная, что в конце концов, тебе надоедает и ты решаешься перепрыгнуть. Но срываешься и падаешь вниз. Я бывал в твоей ситуации, странник, и не раз. Упокойся.

Игорь протянул Густаву руку и помог ему подняться с земли.

– Просто ты должен принять решение, которое будет единственно правильным. Решить для себя, куда тебе идти дальше.

– А если и там и там – хреново? – спросил Густав.

– Выбирай то место, где хреновей, – просто ответил Игорь.

– Почему так-то?

– Потому что впечатлений больше. Ты неправильно себя ведешь, странник. Ты сильный, здоровый мужик. Тебе, казалось бы, жить и радоваться, но ты включаешь слабость и говоришь о своей душе, которая даже не может посметь вручить себя Богу. Сколько времени ты колесишь по земле? Четверть века?

– Около того.

– И нашел ли ты за это время смысл жизни?

– Да, конечно, это мой корабль, дорога, горизонт...

– Стоп! – Игорь ласково и снисходительно улыбнулся, словно Густав говорил какую-то несусветную чушь. – Ты говоришь о том, что для тебя *сейчас* смысл жизни. После того как ты потерял корабль, правильно? А что было им раньше, смыслом этим? К чему ты стремишься?

– Получается, что к дороге, к новым открытиям, ощущениям.

– Вот видишь.

Охранник отвернулся и зашагал к квадроциклу. Густав продолжал рассматривать следы, оставленные людьми Бояра. Он надеялся, что тот не располагает слишком уж большими человеческими резервами.

Он пошел вслед за Игорем, на ходу надевая футболку.

– Ну, продолжай, скажи, что я вижу, по-твоему? – спросил он у охранника.

– То, что нет у тебя никакого смысла в жизни. Мой смысл – Бог. Единственный, других нет, все остальное – просто мои желания, потребности, мечты. Как и твой корабль или вот это шоссе, уходящее далеко-далеко вперед. Это не смысл жизни, странник, нет. Это не то, за что ты готов беспрекословно отдать жизнь. Потерял корабль? Да и черт с ним, верну попозже! Вот как ты мыслишь. Но когда ты начнешь в реальности думать о корабле как о частичке себя, более совершенной, вот тогда тебе станет спокойно на душе. А на данный момент, вернешь ты его или не вернешь... Для тебя ведь есть сотни способов продолжить свое путешествие, не так ли?

– Я не знаю.

Игорь вдруг спросил:

– Хочешь, чтобы я помог тебе вернуть корабль?

– Что? – удивление, выраженное одним лишь словом, буквально вырвалось из легких Густава упругой резиновой пулей.

– Помощь. Тебе нужно помочь, я прав? Когда я сказал, что понимаю тебя, то имел в виду, что у нас одинаковые характеры. Схожие. Я люблю действие, я люблю участвовать в чем-то, люблю помогать. Но в последнее время жизнь превратилась в рутину. Я настолько обленился, что мне иногда кажется, что я *на самом деле* ничего не хочу. Да только это неправда. Я хочу чего-то нового.

– Похоже, что проблема эта у вас весьма распространенная, – пробормотал Густав, вспоминая Вику.

– Ну так что? Согласен на мои услуги? Бог свидетель, я не стрелял по-настоящему уже целую вечность!

Игорь с надеждой посмотрел на Густава, и тот, недолго думая, ответил ему положительно:

– Да без проблем, мне пригодится твой опыт в этом деле.

– И когда мы пойдем за твоим кораблем?

– Точно не знаю, потому что Семен мне еще не сказал, где живет Бояр.

– Что?! Где живет Бояр?! – Игорь расхохотался. – Да об этом в курсе практически любой человек в нашем дворе, кого ни спроси. Лучше скажи мне – когда? А уж куда тебя отвезти, я знаю.

В голове у Густава загудела кровь. Похожие ощущения он испытывал, когда первый раз занялся сексом. Вернее, даже не когда занялся, а когда все к тому медленно, но уверенно пошло. Какая-то дикая эйфория, заполняющая все сосуды организма бурлящей энергией, включая и самый главный в этом деле орган.

И вот сейчас, когда в течение секунд почти решилось возвращение корабля и все зависело только от его слов, Густава переполнила подростковая, щенячья радость.

– Ночью, сегодня! – сказал он.

– Ночью?

– Да, я думаю, это самое лучшее время для такой операции.

– Ну что ж. – Игорь почесал свой гладковыбритый подбородок. – Вполне годится.

Ночью так ночью. Кого еще возьмем?

– Маркова и парочку твоих самых лучших людей.

Густав сел на квадроцикл, Игорь уселся сзади. Сиденье вновь изогнулось, максимально удобно подстраиваясь под пассажира и водителя, и странник тронулся в одно из последних своих путешествий по этому городу.

«Прощай, маленький Фил, прости, что так получилось. И помоги этому событию дикарский бог, чтобы все у нас получилось сегодняшней ночью».

Знать бы ему, как изменится ситуация к вечеру и что выйдет из их совместной с Игорем затеи... Но всему свое время.

Глава 26

Говорят, что порой что-то вдруг меняется в мире и происходит нечто сродни волшебству. Густав не видел в этом высказывании какой-то особенной мудрости. Меняется все и всегда. Каждую минуту и секунду. Человек движется к смерти, смерть движется за человеком, небо наползает на тучи, тучи расползаются по небу, земля втягивает нити дождя, а дождь сегодня отражается в лужах, завтра же там только сухой, как кошачий язык, асфальт.

Нет ничего постоянного. Странник смотрел на жизнь, как на колышущийся на ветру стяг. Мало кто может назвать его спокойным, и мало кто может подсчитать количество его колыханий хотя бы в минуту.

Еще вчера Густав просто отправился за компанию с Семеном на Мутов день, и вот уже сегодняшним вечером он сидит один, в сарае, рядом с квадроциклом, чистит пистолет и размышляет над тем, каким образом лучше действовать при стычке с Бояром.

А стычка произойдет, сомневаться тут не осмелится даже самый отсталый и дебильный мут. Но проблема заключается в том, что операцию по возвращению корабля нельзя четко распланировать. Нельзя расписать ее на листке и далее просто следовать по пунктам, вычеркивая уже исполненные и готовясь к следующим.

Пистолет был горячим и скользким от смазки и пота. Жара даже к вечеру не отпускала Тиски, окутывая город тяжелым удушливым саваном.

Густав аккуратно собрал пистолет и протер его тряпочкой, это был как бы завершающий штрих. Прошелся по гладкому черному стволу, затем ласково дернул курок вниз, как женский сосок, вытер рукоятку и, по традиции, дунул в дуло. Когда-то он имел привычку после чистки насвистывать в дуло какие-то незамысловатые мелодии, символизирующие его победу над этой жизнью. Но однажды это увидел один случайный странник.

Густав сидел тогда за столиком в баре и, несмотря на выпитые две бутылки вина, выменянные им за десяток ламп дневного света, чистил пистолет. Когда он закончил, то откинулся на спинку стула, поднес пистолет ко рту и начал насвистывать мотивчик одной неприличной песенки, которую ему не раз и не два пел отец.

Странник, сидевший за соседним столиком, встал, подсел к Густаву и поделился одной замечательной мыслью, после которой тот решил раз и навсегда избавиться от своей привычки. «Оттуда, – сказал незнакомый странник, – должно только вылетать. Влетать туда ничего не должно».

Он похлопал Густава по локтю трехпалой ладонью и вернулся на свое место.

С тех пор странник относился к пистолету с подобающим трепетом.

Со временем он понял, что монотонность и неизменность бытия – фикция, срез на общей кривой жизни, извивающейся под всеми возможными углами. Чем больше лет оставлял он за спиной, тем больше уверялся, что жизнь любого человека пусть и построена на моментах, которые в минуты их создания кажутся вечным, незыблемыми и застывшими на века, но это всего лишь фотографии. Собрав которые в будущем и быстро пролистав, можно заглянуть в свое прошлое.

Перебирая эти пожелтевшие бумажки, когда-нибудь можно будет усмехнуться над

ними. Практически над всеми. Кроме редких, специальных, помеченных зарубкой при помощи грубого грязного ногтя (Густав представлял себе этот процесс именно так). Эти фотографии всегда выбиваются из общей ленты. И над ними нельзя смеяться, можно лишь плакать.

Смысл в том, чтобы знать в момент съемки, что сейчас проявится на фотографии. То, что забудется? Или то, из-за чего ты надорвешь уголок фотографии и постарайся как можно дольше не вытаскивать ее из комода своей памяти?

Но все приходит с опытом. И сейчас, как ни старался Густав и ни напрягал фантазию, он понятия не имел, чем станет для него город Тиски.

Поэтому он просто шел к цели, зная, насколько изменчив и извилист путь. Иногда, даже если конечная точка маршрута видна невооруженным глазом, это еще не значит, что до нее рукой подать. Все ведь зависит от маршрута. Как и в жизни. Родившись, человек в любой момент может достигнуть конечной точки бытия, для этого не нужны сверхмощные двигатели. Нужно просто найти подходящее высокое здание и шагнуть с крыши вперед, к концу. Но мало кто делает это. Потому что практически всем интересен маршрут.

А уж проложенный или прокладываемый – это неважно. Ты ведь идешь по нему впервые.

Густав поднялся с квадроцикла и положил тряпочку в задний карман джинсов. Пистолет, чистый и умытый, переместился за скрипучий ремень. Странник прикрыл его футболой, чтобы не смущать жителей двора, и вышел из сарая на скотный двор.

Уже темнело, но ночь и день еще не знали, кто из них победил. Густав не любил это время суток, когда глаза плохо различают детали в серо-голубом пейзаже. Когда он ехал на корабле, то врубал дальний свет вместе с противотуманными фарами, и это помогало избавиться от ощущения, что ты в тумане, который накачивают прямо в глаза. Это время считается периодом размытия границ сути.

Коровы спали, куры, нахохлившись, сидели плотным рядом на жердочке и то ли тоже спали, то ли медитировали по-своему.

На огороде сновали две или три фигуры. Вечерний полив закончился, и сейчас, видимо, рабочие собирали уже созревшие овощи, потому что в жару это делать было невозможно.

Густав вышел на жилой двор и направился к своему подъезду. Но тут его остановил странный шум. Сначала он даже не поверил своим ушам, потряс головой и замер в нелепой позе, прислушиваясь.

Звук приближался. И это, безо всяких сомнений, слышался гул моторов. Такой шум мог издавать только один источник.

Странник бросился к воротам. Охрана, очевидно, уже была оповещена о приближающемся объекте, вернее, объектах, поэтому все, кто сторожил внешнюю часть забора, поднялись на свои посты и встревоженно смотрели в одну сторону.

Когда Густав подбежал к воротам, его встретил там взволнованный Игорь.

– Это то, о чем я думаю?! – спросил странник.

Но начальник охраны не успел ответить, потому что с крыши дома раздался хрип рупора и дозорный сказал в него всего лишь несколько слов: «Внимание! К нам приближаются корабли!»

И в этой короткой фразе для Густава смешалось все самое лучшее, о чем он мог только мечтать, томясь в этом жарком, плавящемся от зноя и собственной обреченности городе.

Он сбросил засов и крикнул Игорю:

– Открывай! Быстрее!

– Но ведь там могут быть...

– Быстрее! Открой и выпусти меня! Я сам разберусь, если ты боишься.

Игорь пожал плечами и открыл замок.

Странник выбежал наружу.

Звук приближался справа. Оттуда, куда шли в свое время Марков и Густав, стремясь найти хоть что-то, могущее спасти их жизни.

Уже была видна пыль, поднятая десятками колес. Шум усиливался. По всей видимости, в город въехала очень крупная община.

Густав вышел на середину дороги и замер. Вот показались проблески фар. Корабли шли достаточно уверенно. За забором, во дворе, слышались крики – это охрана, конечно же, не пускала никого на забор и за его пределы. Игорь, скорее всего, приказал держать оружие наготове и стрелять после первого предупреждения.

Но если бы Густава попросили оценить происходящее, он не стал бы говорить, что следует опасаться кораблей. И дело тут было не в том, что он странник и машины для него всегда были чем-то родным, вроде старой кружки, из которой он в детстве пил по утрам воду комнатной температуры, чтобы желудок правильно работал. Нет, как и любой человек, проживший в мире странников более двадцати лет, Густав знал практически все о формированиях кораблей.

Опасаться можно было лишь одинокого странника или пиратов. Но первые никогда и не ходят группой, а вторые не появляются в городах в открытую, да и передвигаются обычно на трех-четырёх машинах, не больше, – так легче координировать действия при налетах.

Нет-нет, это явно приближалась община. Но какая! Кораблей пятьдесят! Целый двор на колесах, чуть ли не маленькая деревня!

Фары уже слепили. Гул двигателей и шорох покрышек ласкал слух. Густав отошел на обочину и, по старому обычаю жителей дорог, вытянул левую руку с поднятым большим пальцем, а правую поднял вверх, с открытой ладонью. Этот жест означал, что он просит остановиться и у него нет при себе оружия, которым он хотел бы воспользоваться.

Община приближалась. Контраст света и сумерек резал глаза, и Густав отвернулся, всем сердцем надеясь, что головной корабль не промчится мимо или, что было бы еще хуже, не собьет его своим железным усиленным каркасом.

Раздался резкий гудок, Густав вздрогнул от неожиданности и медленно помахал руками. Еще один гудок, и рядом со странником проскочила первая машина. За ней вторая, третья, четвертая...

Он стоял в клубах пыли, проникающей всюду и оседающей даже на зубах, при том что челюсти его были крепко стиснуты.

Пятая, шестая.

Они ехали мимо, а он все протягивал руку с оттопыренным большим пальцем, используя древний жест просьбы об остановке. Сколько раз он проезжал мимо таких вот людей, стоявших на дороге? Не сосчитать. И никогда не испытывал угрызений совести, потому что всегда полагался на интуицию. Если она говорила, что этот пеший путник не опасен, то странник притормаживал и, по крайней мере, хотя бы интересовался, в чем дело. Такое случалось лишь несколько раз, всего ничего, хватит пары вечеров, чтобы рассказать.

А вот моментов, когда Густав, если даже и сомневался самую капельку, давая один процент из ста, что дело тут нечисто, насчитывалось множество. Все эти люди, как и он в данный момент, оставались позади, с им одним известными мыслями в голове. Среди них в свое время был парень, который придерживал за талию подружку, явно без сознания, так как голова у нее моталась так, как будто из шеи убрали все кости. Но Густав успел заметить какой-то предмет у нее под платьем, засунутый в трусы, пояс или чулки, неважно. Он выпирал оттуда, и это могло быть чем угодно – начиная от ножа и заканчивая револьвером. Конечно, этим предметом, так встревожившим его тогда, могла оказаться и фляга с водой, но зачем было рисковать?

Так и сейчас.

Пролетела десятая или двадцатая машина, он сбился со счета.

Зачем этой общине было рисковать и останавливаться возле какого-то мужика, рискуя жизнями нескольких десятков человек?

Густав опустил руку и провел тыльной стороной ладони по губам, стирая пыль. Сплюнул и оглянулся. Увиденное породило некий диссонанс в его голове, потому что он уже уверился, что община проедет мимо. Но нет, длинная вереница машин начала тормозить. На

некоторых загорались стоп-огни, другие просто, судя по движению, замедляли ход, при этом никто не глушил двигатели. И когда последняя машина колонны, поравнявшись со странником и проехав чуть вперед, остановилась, удивлению его не было предела.

Замыкающий корабль общины был легким и компактным: джип, максимум на два человека, плюс место сзади для сна и принятия пищи. Густав знал такой тип кораблей, обычно они использовались в общинах для их защиты или, наоборот, нападения, если случится вдруг вести боевые действия.

Грязное, все в разводах и царапинах, стекло окна корабля опустилось, и из-за наваренных прутьев безопасности прозвучал вопрос на иньере:

– Кто ты такой?

Густав сглотнул ком, неожиданно подступивший к горлу, и ответил:

– Странник. Сколько километров?

В кабине корабля раздался треск рации, собеседник Густава что-то ответил, прослушал, снова ответил и опять обратился к страннику:

– Оставь свою неуклюжую вежливость. Что тебе нужно от нас, странник без корабля?

– Послушайте, я не смогу объяснить это в двух словах...

– Попытайся. У нас мало времени.

– Ладно. – Густав нервно потер грубую щетину на шее. – Если по существу, то я въехал в этот город дней десять назад и наткнулся на бандитов, которые отняли у меня корабль. Вместе с моим другом мы нашли вот этот двор, где живут дикари.

Странник показал себе за спину.

– Они приняли нас, спасли, можно сказать, от смерти, потому что воду в этом городе нужно хорошенько поискать, если не хочешь красиво и эффектно помереть от обезвоживания.

– Так. А что тебе от нас-то надо? – спросил водитель патрульного корабля.

– Помочь мне вернуть мою машину, потому что один я не справляюсь, дикари не в счет, мне нужны люди дорог.

– О, нет. – Водитель хохотнул. – Мы тут, видишь ли, уже для помощи. Настоящему страннику, не такому оборванцу, как ты. Уж извини, может, после того как поможем ему, как-то постараемся помочь и тебе, хотя бы добрым словом. Так что радуйся тому, что есть на данный момент. Мы не остановились бы даже перед тобой, если бы не знак.

– Погодите. – Густав сделал шаг вперед и оперся на дверь машины. В тот же момент из-за прутьев высунулось оружейное дуло, но странник не обратил на него внимания. – Вы приехали в город по SOS?

– Ну да. Сделай шаг назад, уважаемый, иначе придется помочь тебе пулей.

– Нет-нет, стоп, подождите! Какой позывной у вашего странника, которому требуется помощь?!

– Зачем тебе это нужно?

– Мне это необходимо! – закричал Густав.

– Хорошо, ладно, не ори.

Водитель опять обратился к кому-то по рации. Среди неразборчивого бурчания и треска странник различил слово, о котором, к своему ужасу, догадывался, но ему требовалось подтверждение.

– Так, значит, позывной у него такой: эс, тэ, и, два, и. «Sti2i» на иньере.

– Это мой позывной, – удрученно сказал Густав.

– Что? Не понял.

– Это мой позывной. Вернее, моего корабля. Значит, вас пытаются заманить в ловушку. С помощью моего корабля. Твою мать, чертов мутов сын воспользовался SOS.

– Не заливай. Не может такого быть. – Дуло в окне шевельнулось, стукнув о кромку стекла.

– Не веришь? Я могу рассказать все технические данные просящего корабля. Кто у вас принимал сигнал?

– Да не верю я тебе, оборванец.

– Кто сигнал принимал?! – Густав приблизился к окну практически вплотную, и дуло в ответ на это выдвинулось вперед, больно ударив его по губам. – Скажи тому, кто принимал, что SOS подавал sti2i, бортовой компьютер 0510NO, шестиколесная модель, стационарный пулемет среднего калибра, примерное количество пройденных километров...

– Отойди! – рявкнул водитель и втянул оружие в кабину корабля.

Дверь открылась, и к Густаву вышел тот, с кем он разговаривал и на кого сейчас возлагал очень большие надежды. В сумерках было плохо видно, но на первый взгляд водителю не было еще и сорока пяти: лысый, с торчащими по бокам головы волосами и оттопыренными квадратными ушами, весьма плотного телосложения. Он оглядел Густава с головы до ног, взял рацию с сиденья и сказал:

– Всем отбой на привал, сторожевых – на крышу. Заноза, ты мне нужен, подойди к хвосту побыстрее. Теперь доволен? – последние слова были обращены к страннику.

Тот кивнул.

– Вот и хорошо. Значит, ты по-настоящему вроде бы странник? Гм. Сейчас подойдет наш умник, который занимается всеми этими сигналами, навигаторами и прочим. Ему и расскажешь.

– У меня есть что рассказать. Я же вам жизнь сейчас спасаю. Здоровье как минимум, – сказал Густав.

– Спасибо. А это кто такой? – Водитель указал назад, и Густав обернулся.

Из ворот к ним со всех ног бежал Марков, а за его спиной у ворот толпилась охрана во главе с Игорем, но выступить вперед они не решались. Странник успокаивающе махнул им рукой и обратил свой взгляд на Маркова.

Старик вел себя странно. Он то переходил чуть ли не на прыжки, то замедлял шаг и брел, умоляюще прижав руки к груди. Подойдя к последнему кораблю, он рассеянно, словно в пустое место, посмотрел на Густава и сразу же задал вопрос водителю:

– Какая вы община, номер?

– Ноль восемь двадцать три.

– Бог мой... Вы, это вы...

– Кто они? – непонимающе спросил Густав у Маркова.

– Они! – Старик широко улыбнулся. – Это они, странник! Та община, о которой я тебе говорил, которую мы ехали спасать от Легиона. Они выжили! Скажи, пожалуйста, где находится пятнадцатый корабль?

– Пятнадцатый это который общий? – уточнил водитель.

– Да, он!

– Ближе к головному. Темно-серый такой. А зачем он тебе?

Но водитель не успел закончить свой вопрос, потому что Марков как сумасшедший побежал вдоль стоящих друг за другом кораблей.

– О чем он говорит, я не понял. Вы ехали *нас* спасать от Легиона? – спросил водитель у Густава.

– Да, но это долгая история. Хорошо, что все обошлось.

Странник нервно улыбнулся.

Со стороны первой машины к ним подошел парень субтильного вида, неся под мышкой светящийся прямоугольник, очевидно работающего переносного компьютера.

– А вот и Заноза, – сказал водитель. – Сейчас ты расскажешь ему все, что обещал.

Глава 27

Заноза отвернулся от Густава и кинул компьютер на сиденье джипа. Водитель, имени которого странник так и не узнал, стоял в выжидающей позе, скрестив руки на груди.

Уже окончательно стемнело, и в тусклом свете габаритных огней, расположенных на крышах некоторых кораблей, плохо различались вооруженные сторожевые, следившие за

окружающей обстановкой. Самый ближний к Густаву имел при себе очки ночного видения, такие же были и у остальных. Почти во всех кораблях открыли двери, но никто не выходил из них, продолжая сидеть внутри. Эта община явно отличалась от других, с которыми когда-либо сталкивался Густав, хотя бы по характеру обороны и общей структуре организации. Они действовали четко, слаженно, как хорошо сбалансированный механизм.

И еще у них было что-то такое важное, столь нужное неизвестному голосу. То, ради чего, пусть и косвенно, Густав убил Андрея, находилось совсем рядом. И ведь голос оказался прав – странник нашел общину. Даже нет, не так, все вышло еще лучше – община нашла странника. Ему не пришлось проводить бессонные ночи в бесконечных поисках, стараясь разглядеть на экране навигатора движущиеся точки, могущие помочь ему рассказать о судьбе давно потерянного отца.

Но вот что странно: именно сейчас Густав в определенной степени плевать хотел на отца. Он даже не задумывался, каким образом голос сообщит ему о вещи и передаст хотя бы примерное ее описание, потому что главным для него стало найти корабль. Густава вообще не заботило, выйдет ли голос на связь с ним или навсегда забудет о существовании странника, чей талисман на шее притянул к себе общину, действуя словно магнит. К черту все, к черту эти игры неизвестных Густаву людей с им одним известными правилами и секретами.

Если община поможет ему вернуть корабль, то он умчится из Тисок сразу же, как только сможет. Улетит на крыльях радости, стараясь до конца своей жизни не вспоминать о позорном его порабощении этим обыденным, мертвым городом.

Именно ради этого он выложил Занозе все как на духу, рассказав о своем корабле даже то, чего этот парень и знать не мог, но что являлось стопроцентным подтверждением правоты его слов.

Искренность сработала. Заноза важно кивнул, явно переоценивая свою значимость в жизни общины (а может, и нет) и сказал водителю:

– Не знаю, почему вы решили остановиться возле него, но все, что он говорит, верно, вплоть до технических характеристик источника сигнала. Я бы ему поверил.

– «Бы» или на самом деле? – переспросил водитель.

– На самом деле. Потому что иных вариантов я не вижу. Если бы он оказался левым человеком, не странником, то ничего не знал бы о корабле, просящем помощи, так? Если же он знает о нем столько и не терял его, то, спрашивается, зачем он нас остановил и теперь пытается убедить в том, что это ловушка? Организует новую? Но к чему, если мы практически добровольно чуть ли не заехали в уже готовую?

– Я не пытаюсь вас убедить в чем-либо или просить поверить мне, ползая на коленях, потому что все серьезно, как никогда, – сказал Густав. – Этот Бояр, он, скорее всего, хочет поиметь все корабли вашей общины. Этот жирный кусок он постарается не упустить из рук, тем более что вы сейчас в *его* городе.

– Не так-то просто, странник, забрать наши корабли, – сказал водитель. – У нас много оружия, мы люди опытные, живем вместе уже много лет, силы будут неравными.

– Только в том случае, если вы в одинаковых условиях. Но я не знаю, что задумал Бояр. Никто не знает. Он может придумать что-то хитрое, потому что человек он умный. Да, ничто крепкое легко не ломается, но в конце концов идет ведь на излом после приложенных усилий? Даже отбей он лишь половину ваших кораблей или даже треть, это уже перевело бы его на новый уровень. Целая армия на колесах, летучий отряд, представь!

– Верно излагаешь. Но что нам теперь делать, раз так уж вышло? Возвращаться? – спросил водитель.

– Это ваши дела, я не могу в них влезать, но, пожалуйста...

Густав замер, стараясь подобрать наиболее убедительные в данный момент слова. Потому что от них зависело многое. Такое важное и значительное, что никогда легко не ставится на карточный кон. А если и ставится, то лишь от отчаяния. Либо когда есть реальный вариант выиграть. На лице его читалось смятение. Ведь скажи он сейчас что-то

неверное, неподобающее, и партия будет проиграна, это раз и навсегда поставит жирный крест на его корабле и всей его прежней жизни. Поэтому, окончательно решив, что витиеватые фразы о гордости, чести и достоинстве здесь только помешают, странник просто сказал:

– Помогите мне, пожалуйста.

– В чем помочь-то? Вернуть корабль нашими силами? А ты в курсе, скольких мы людей потеряем на этом мероприятии ради одного тебя, странник? – спросил водитель. – Ты ведь сам не знаешь, что там будет. Может, нас отравят каким-нибудь газом или подожгут колеса, закидают коктейлями Молотова? Кто за это ответит?

– Я отвечу. Но мне нужна всего лишь одна ваша машина, – сказал странник.

– Что?! Одна?! И как же ты собрался воевать на одной машине с человеком, которому не страшны пятьдесят кораблей?! – воскликнул водитель.

Заноза хмыкнул, сорвал сухую травинку и начал ее жевать, с интересом смотря на Густава.

– Я объясню, все и сразу, но сначала огласите свое решение. Мне нужно знать, могу я рассчитывать на вас или нет. Иначе я буду искать другие пути, потому что времени остается мало.

– Что скажешь, Заноза? – спросил водитель.

– С одной стороны, он странник. То есть у них свои взгляды на жизнь. Одиночество, расчет, пятое-десятое, сам знаешь. С другой стороны, он тоже с дороги. Иначе говоря, вместе с нами по одному и тому же асфальту колесит. Ну и, в-третьих, мы ехали сюда на помощь страннику. Что изменилось? Только условия сделки и плюс еще то, что мы стали знать больше, чем до этого. Так почему бы не оказать этому несчастному посильную помощь? Один корабль – это не так уж и страшно, а в случае выигрыша... Что мы получим, странник, если все сложится?

– Я покажу, где в городе есть две цистерны с топливом. Почти полные, – не раздумывая сказал Густав.

– О! – Водитель радостно хлопнул в ладоши. – Это другой разговор! Что ж ты раньше молчал?

Он опять вытащил рацию с приборной панели и сказал в нее:

– Вольфыч, нам нужно поговорить, сейчас подъеду. – Затем быстро заскочил в кабину, убрав с сиденья компьютер, и спросил у Занозы: – Со мной поедешь или тут побудешь?

Парень кивнул в ответ, обошел джип с другой стороны и уселся на пассажирское сиденье. На немой вопрос Густава водитель ответил просто:

– Мне нужно посоветоваться с главными. Это быстро. Жди тут и никуда не уходи.

Загудел двигатель, джип сдал чуть назад, затем вывернул колеса и съехал на обочину. Включился дальний свет, и джип довольно быстро поехал вдоль кораблей к самому первому, где находились главные.

Густав сел на еще горячую после жаркого дня, чудом уцелевшую траву. У него немного подрагивали пальцы, и в кончиках их что-то покалывало, словно крохотные искорки тока. Казалось, что взмахни он сейчас рукой, и в воздухе останутся светящиеся следы, как царапины от когтей. Просто-напросто Густав нервничал. В который раз за эту неделю он отдавал свою жизнь и судьбу в чужие руки.

Что скажут уважаемые члены общины и какое решение примут? Неизвестно.

Он поправил пистолет, больно давивший на живот, и повернул голову налево, высматривая джип. Да только увидел не его, а двух людей, идущих к нему. Это был Марков, а рядом с ним девушка небольшого роста, чуть полноватая брюнетка.

«Что это, – подумал странник, – неужели Марков нашел себе подружку? Но она же слишком молода для него, совсем еще юная, ей не больше двадцати лет». Густав хотел уже спросить, что, собственно, происходит, потому что странная парочка молчала, но первым сказал сам Марков:

– Знакомься, это Таня. Моя дочь.

Голос у Маркова дрожал, и, невзирая на темноту, которая скрывала некоторые мелкие детали, Густав заметил, что старик плачет. Его руки цепко держали девушку за локоть, и он, не отрываясь, глядел на нее, лишь иногда бросая быстрый взгляд на Густава, чтобы узнать его реакцию. И реакция эта обязательно должна была быть положительной, потому что Марков, несомненно, гордился своей дочерью. Странник пребывал в недоумении. Какая еще к черту дочь?! Откуда?! Следовало как можно деликатнее это выяснить. Густав поднялся, вежливо пожал девушке руку и даже слегка поклонился.

— Очень приятно, меня зовут Густав. Приветствую тебя в этом дрянном городишке. Стало быть, этот симпатичный старик считает тебя своей дочерью? Или я чего-то не понимаю, Марков?

— Она действительно моя дочь, Густав! — Старик обнял девушку, и та неловко прижалась к нему, очевидно не зная, как вести себя правильно.

Страннику вдруг все стало ясно. Одно дело — искать общину для того, чтобы предупредить людей и спасти их от Легиона. И другое дело — скрывать, что у тебя там, вот прям в этой проклятой общине, живет дочь. Хренов кобель!

Но все же откуда дочь?! Ведь он жил в совсем другой общине. Как и когда?!

— Послушай, ты мне никогда не рассказывал о своей дочери, — сказал Густав. — Выходит, что мы искали общину лишь по одной причине — чтобы ты встретился со своей дочерью. Поправь меня, если я не прав. Но какого... почему же ты отговаривал меня от поездки на запад? Пытался спасти дочь?

Таня удивленно посмотрела на Маркова, но тот обнял ее еще крепче.

— Да! — крикнул он. — Да, именно для этого! Я беспокоился из-за того, что в этой общине жила моя дочь! Нельзя было говорить тебе истинную причину. Ты другого сорта человек, ты странник. Пришлось закрутить все так, чтобы ты решил ехать спасать эту общину от Легиона. Все из-за дочери. Стал бы я рисковать и обманывать тебя ради чужих людей?!

— Ах вот оно что. Получается, ты всю дорогу меня подставлял, не сказав ни слова о дочери?

— Откуда я мог знать, что они сами приедут в Тиски, а не мы найдем их?! — воскликнул Марков.

— Да при чем тут город? Я про доверие тебе говорю. Про то, что ты просто мог бы мне сказать, что опасаясь за свою дочь и тебе нужно удостовериться в ее безопасности. Все. Никаких проблем. Разве это так трудно? Зачем плести сети, зачем делать из меня дурака?

— Ну, пойми меня правильно, Густав, я же не мог знать, как ты среагируешь. А если бы ты рассердился, мол, что за дурацкая цель? И не поехал бы в ту сторону, а? Что бы я тогда делал без корабля? — умоляющим тоном сказал Марков. — Густав, ты же умный человек. Проницательный, опытный. Ты должен понимать, что я просто перестраховался.

— Ага, перестраховался. Логично для старика с хитринкой. Может, пока я тут жду великодушного решения от главных, расскажете, как вы вообще оказались по две стороны этого мира?

— Папа расстался с мамой, — вдруг сказала Таня на удивление низким, грудным голосом.

Марков вздрогнул и опустил голову, как будто нашел под ногами что-то очень интересное.

— Они поссорились и разошлись. Но папа не мог жить в одной общине с ней и уехал. Если вкратце, то история на этом заканчивается.

— Я не хотел, честное слово. — Голос Маркова дрожал совсем уже по-стариковски. — Но иначе никак нельзя было поступить, никак иначе нельзя... Будь у меня хоть один шанс из ста, что я смогу начать нормальную жизнь, снова смогу спать по ночам, я бы остался. Но это было нереально. Я слишком переживал нашу разлуку, слишком любил тебя, Танюша! Мне было больно видеть вас каждый день и знать, что мы, втроем, уже не вместе, а по отдельности. Слишком больно...

– И поэтому ты решил удрать, – сказал Густав, вспоминая тот день, когда неизвестно куда пропал его отец.

– Я понимаю папу, – ответила вместо старика Таня. – И не осуждаю. Так ему было нужно. И получается, что и нам. Хорошо, что мы встретились снова. Очень хорошо.

Она чмокнула Маркова в щеку, и тот заплакал навзрыд, уткнувшись в ее плечо. Теперь она обнимала его, а старик плакал и бормотал:

– Прости, прости...

Густаву внезапно подумалось: а что будет, если он тоже вдруг встретится когда-нибудь с отцом? Будет ли отец рыдать, как Марков? Или это будет встреча двух взрослых, зрелых мужчин, которые давно не виделись и им есть о чем рассказать друг другу? Возможно, он даже осмелится сказать отцу, что все эти годы только и мечтал увидеть его, наяву, а не в снах, которые были столь же редкими, как и дождливые дни в нынешнем году.

Но ведь все может оказаться совсем иначе. И тогда плакать придется Густаву. Просто от осознания того, что отца больше нет и некому рассказать, какое ты дерьмо, потому что... Отца на самом деле нет. Реально. Без скидок на неизвестность. Смерть – однобокая штука. Голос не обещал хорошего конца истории, он просто обещал историю. И если она окажется совсем не той, как представлял ее Густав, то выйдет уж совсем печально. Обычно в такие моменты осознаешь, что все, баста, трубопровод фантазии и надежды перекрыт. У тебя на руках только главная магистраль, по которой стремительным коричневым потоком течет горе, а брошенному туда человеку ничего не остается, как открыть рот и нахлебаться сполна.

– У тебя хороший отец, – сказал Густав Тане. – Мы искали вашу общину и вот застряли здесь. Когда вырвались бы на волю, то продолжили поиски, я тебя уверяю. Марков от меня не отстал бы, как оказалось, он нормальный родитель, хотя и чуть-чуть сбрендивший.

– Я верю, – улыбнулась Таня.

– Теперь я понимаю, как сложно ему было скрывать свои чувства. А я уж было поверил, что он останется циником до конца жизни. Но теперь-то я уверен, что наш старый добрый Марков ничуть не изменил своим принципам, а ловко подогнал их под ситуацию. Где-то соврал, где-то умолчал. В итоге же случился хороший конец. Блудный отец вернулся к дочери, что может быть лучше? Я вас поздравляю, без всякой там язвительности, честно и открыто.

Густав легонько приобнял обоих. Марков всхлипнул.

– Хорошо с вами, уютно как-то. Но мне пора, – сказал странник. – Потому что в данный момент ко мне мчатся новости. Хорошие или плохие – сейчас узнаю. А вы идите во двор.

Странник пошел по обочине навстречу слепящим фарам джипа, который возвращался обратно, подпрыгивая на бугристой земле, покрывшейся от жары глубокими трещинами. Двести пятьдесят лошадиных сил везли разводной ключ, которым можно было либо перекрыть тот самый вентиль ароматной надежды, либо, наоборот, открыть кран с едким и вонючим огорчением.

Густав был готов к любому исходу.

Глава 28

Машина ехала по темным улицам города, аккуратно объезжая ямы и другие препятствия. Немного замешкавшись возле длинного ряда старых разбитых автомобилей, которых не пожалело ни время, ни Большой Взрыв, она все же проехала вперед, высвечивая яркими фарами рыжий от расползшейся ржавчины и сверкающий от осколков стекла зернистый асфальт.

На капоте крайнего автомобиля лежал труп человека, чья плоть буквально слилась с покореженным металлом. В глазницах его к утру от росы набиралась темная вода, и туда слетались, чтобы утолить жажду, осы с ближайшего гнезда, расположенного на покосившемся светофоре.

Ночная машина затормозила под светофором, нависающим над дорогой. Осы в темном

бумажном коконе, расположенном под козырьком желтого сигнального цвета, спали, и их ничуть не потревожил столь поздний гость. За свою жизнь они видали вещи и пострашнее.

Утробно заурчав, джип медленно стартовал от светофора и свернул налево, в проезд, когда-то специально сделанный в разделительном ограждении людьми до Большого Взрыва.

Прямо от проезда дорога поднималась чуть вверх и вела на весьма обширную территорию, огороженную простеньким, но высоким забором. Мощные фары позволяли водителю машины делать вот такие не слишком продуктивные выводы, но это было хоть что-то, в остальном же он полагался на экран навигатора, где красным ярлычком мерцал сигнал SOS.

Машина находилась уже очень близко к своей цели. Двести-триста метров, и противный женский голос-робот скажет: «Вы достигли точки назначения».

Посредине огромного пустыря, заросшего жесткой серебристой полынью и изборозжденного потрескавшимися полосами асфальта, располагался целый комплекс разноуровневых зданий с большой парковкой под боком.

Джип проехал мимо нее, лишь краем фар выхватив несколько пустых коробов-кузовов. Голый металл. Эти скелеты автомобилей лежали на парковке как попало, и было четко видно, что никто даже не пытался увезти их отсюда после того, как Большой Взрыв уничтожил хозяев. Нет, какие-то автомобили явно умчались отсюда своим ходом, но не эти бедняги. В новом мире целым не оставался ни один сложный механизм, брошенный без присмотра. Сколько бы миллиардов людей ни погибло в момент рождения этой новой эры запустения, всегда оставались те, кому повезло. Родиться или выжить – не важно. Именно они стали потребителями продуктов ушедших столетий.

Когда-то, лет тридцать назад, в городах еще встречались бесхозные машины, вполне себе пригодные для ремонта и последующего использования. Но дело в том, что даже если бы подобная, казалось бы, удачная закономерность продолжалась до сих пор, то с каждым последующим сезоном она превращалась бы в настоящую пытку для искателей.

Те машины, вернее, корабли, на которых ездили странники и общины, всегда находились под пристальным присмотром владельцев. О них заботились, их любили, их ценили. Некоторым экземплярам насчитывалось по пятьдесят лет и более, и за время эксплуатации в них менялась вся начинка, от и до, включая части кузова. Но вот душа... душа у кораблей оставалась неизменной.

Что же касается «брошенок», то они массово поумирали в первые десять-пятнадцать лет после Большого Взрыва. Солнце, ветер, холод, жара – все это действовало на автомобили как яд, медленно вводимый в вены. Резина рассыпалась, жидкости испарялись, и сгнивали на улицах миллионы автомобилей только потому, что спрос перестал превышать предложение.

Да, существовали, конечно, специальные бригады ремонтников, колесивших по городам в поисках запчастей. Но даже с их помощью люди просто не могли обработать и прибрать к рукам огромное количество ничейного транспорта, вдруг свалившегося на их голову.

И транспорт сгнивал заживо.

Сейчас уже не оставалось целых «брошенок», но по дорогам ездили очень хорошие корабли, находившиеся во владении их хозяев продолжительное время. За ними шла охота. Не явная, нет. Но жители дорог, исходя из собственного опыта и знания этого мира, понимали, что счастливые дни, когда у тебя ломалась машина, ты бросал ее, шел пару сотен метров, подбирал себе новый подходящий вариант и ехал спокойно дальше, прошли.

Джип двигался медленно, словно ощупывал каждый сантиметр дороги своими грубыми шинами. Красная прямая на навигаторе, тянувшаяся от белой точки, определяющей местонахождение машины, до красного ярлыка, становилась все короче. В темноте салона водитель толстым пальцем постучал по сенсорному экрану, увеличивая масштаб, но это было и не нужно, так как фары уже освещали въезд в здание, из которого шел сигнал.

Кто-то, обладающий хорошим воображением, мог бы даже представить противный писк, доносившийся изнутри здания, чей черный проем входа походил на ленивый зевок

беззубой кошки.

(Мышиный писк.)

На крыше джипа что-то тихо треснуло, и на рампе вспыхнуло пять ксеноновых ламп. Дорогу впереди осветило так ярко, словно наступил день. Ослепительно мерцая, джип продолжил свой путь, въезжая в здание, которое было очень похоже на гараж или склад.

В самом конце помещения виднелся шестиколесный корабль, стоявший поперек и чуть боком, с открытой дверью. Возле него, на полу, сидел человек, закрыв голову руками.

Джип, замедлив ход в большом воротном проеме, опасливо переехал невидимую черту и даже немного ускорился, так как ничего страшного после его въезда внутрь не произошло.

Машина остановилась в десяти метрах от корабля. Сразу стали видны несоизмеримые масштабы этих транспортных средств. На фоне корабля джип казался малюткой.

Человек, сидевший у корабля, поднял руку, закрываясь от света фар, и что-то промышчал, так и не встав с земли.

Водитель джипа выключил зажигание и опустил окно.

– Что случилось, странник?! – крикнул он, не выходя из машины.

И в этот момент сзади что-то загремело. Глянув в зеркало заднего вида, водитель увидел, как стремительно исчезает вертикальный проем, через который он только что въехал внутрь. Он включил заднюю скорость, вспыхнула одинокая фара на корме, и, хоть ее света не было достаточно, водитель увидел двух людей, опускающих и крепящих за скобы в полу гибкие стальные ставни.

Джип попал в ловушку.

– Может, объяснишь? – спросил водитель, по-прежнему не покидая джипа.

Человек только молча встал, продолжая щуриться и прикрывая глаза рукой. Затем где-то поблизости послышались хлопки, топот, и вдруг помещение начал озарять слабый свет.

Это зажигались вертикальные лампы солнечного света. И, судя по тому, как они не хотели этого делать, по тому, что вспыхивала максимум одна из трех и как нещадно и раздражающе они моргали, система освещения дышала на ладан.

– Выключи фары, экономя электричество! – раздался зычный голос откуда-то сверху.

Водитель наклонился над приборной панелью, заглядывая вверх, но из-за плохого обзора ничего не увидел, кроме кирпичной стены, основания металлического балкона, крепящегося к ней и идущего по всему периметру, и грязных ботинок людей, стоящих на нем.

Тот, кто выдавал себя за странника, которому требуется помощь, уже успел куда-то скрыться, поэтому водитель не долго думая рванул назад и резко остановился. Это было сделано для того, чтобы увидеть, с кем он имеет дело. Но когда он увидел этих людей, то понял, что его маневр показался им неоправданно дерзким. Несколько винтовок, пара ружей и револьвер, направленные на его джип, говорили об этом с пугающей откровенностью.

– Я бы не советовал тебе дергаться, – сказал мужчина в широкополой шляпе и с торчащими из-под нее нечесаными прядями волос. Еще у него были диковинные для нового мира, в котором никто особенно не следил за собой, аккуратные усы и борода, тогда как остальная часть лица удивляла свежесбритой синевой. Кто мог осмелиться на такое, если не пижон? Или парень, которому абсолютно некуда девать свое время. Справа и слева от него стояли по пять вооруженных людей.

– Я и не дергаюсь! – произнес водитель как можно более веселым тоном. – Хотя мне следовало бы это делать, потому что я не знаю, кто вы такие и что вам от меня нужно.

– Нам нужен ты, – сказал мужчина в шляпе. – Но не один. Где все твои друзья, приятель? Где община? Мне кажется, вы должны были прибыть сюда на подмогу бедному страннику, или я не прав?

– Помогать ему прибыл я, – сказал водитель. – Один. И правильно, что один, потому что интуиция подсказывает мне, что помогать тут некому.

– А ты догадливый. Люблю таких. Ладно, вылезай из машины. – Владелец парадоксальных усов нетерпеливо махнул револьвером и наклонился к одному из своих

товарищей, что-то сказав ему на ухо.

– Не собираюсь я вылезать, – ответил водитель, и Бояр, а это был именно он, вздрогнул.

Но тут же взял себя в руки, придав лицу испуганное выражение подростка, которого застукали за просмотром порнографического журнала с пожелтевшими девочками, большая часть из которых давно умерла.

– Почему же ты не хочешь выходить из своей прекрасной машины?! – воскликнул он, тараща глаза. – Мы бы тебя напоили, накормили, одели.

– Я одет и сыт. Лучше откройте ворота, и я уеду.

– О, нет. К сожалению, после «накормили и одели» следует еще один важнейший пункт, и он относится к твоей персоне. – Бояр ткнул пальцем в сторону джипа, за бликами грязного лобового стекла которого он слабо различал фигуру водителя.

– Какой же, будь добр, поясни?

– Такой: ты сообщаешь своим друзьям из общины, что тут без них не обойтись. Мол, целиком и полностью зависишь от опытных старых друзей. Зовешь их сюда. А сам в это время сидишь в нашей теплой компании, ешь мясные, заметь, мясные, а не рыбные, консервы и пьешь самый настоящий сок. Затем твои друзья появляются и заезжают в это помещение. Далее мы вежливо объясняем им, что их корабли нам гораздо нужнее, и отпускаем вас всех с миром, сказав огромное спасибо. Как тебе план?

– Не пойдет.

– Ну же! – Бояр всплеснул руками, едва не заехав стволом револьвера стоявшему рядом с ним Серому, своему сыну-уроду, по выступающей верхней челюсти. – Ты боишься, что тебя будут ругать и, возможно даже, кто-то на тебя обидится? Не волнуйся! Мы обыграем все как надо, как будто тебя заставили, как будто ты сопротивлялся, но тебя немного побили, нажали на больные места, и ты был вынужден согласиться. Теперь супер?

– Нет, – сказал водитель.

– Что ж ты такой упрямый мудака? – Бояр облокотился на перила и, наставив револьвер на водителя, прицелился.

Тот было дернулся, схватившись за руль, и уже положил палец на кнопку зажигания, но вовремя остановился.

– У тебя есть полное право пристрелить меня, – сказал водитель, – но, сделав это, ты не получишь корабли.

– Еще как получу. – Бояр медленно провел языком по жесткому пучку волос, растущих у него под нижней губой.

– Тогда позволь заметить, просто на всякий случай, что моя правая рука сейчас лежит на алярме. Ты знаешь, что такое алярм?

– Нет. – Бояр покачал головой, не убирая револьвер.

– Это такая специальная функция. Чтобы ее активировать, достаточно, чтобы мои пальцы опустились на экран сенсорной панели. Бац и все – в общину уходит сигнал, алярм, о том, что им надо уезжать отсюда куда подальше и не думать обо мне. Поверь, алярм для общины значит очень многое. Это самопожертвование, если хочешь, тревожная кнопка собственной совести. Но она действует, потому что никто и никогда не пользуется ею просто так. Каждый знает, что кричать «волки!» нужно только тогда, когда тебя окружает стая.

Водитель почувствовал, как холодная капля пота неспешно потекла у него по виску. Пальцы правой его руки лежали на пластике передней консоли, и, конечно же, никакого алярма там и в помине не было. Весь расчет опирался на то, чтобы потянуть время и представиться Бояру важной фигурой, которую нельзя щелчком сбить с шахматной доски.

И, похоже, расчет подействовал.

Бояр убрал револьвер и почесал рукояткой нос. Он не спешил. Он думал. Он любил думать. Потому что чем больше думаешь, тем больше шансов, что проскочишь тот момент, когда в тебя должна ударить молния. Задержишься на месте, подумав на минуту больше, и на твоём пути не встретится что-нибудь закономерно гадкое.

Водитель нетерпеливо побарабанил пальцами по ободу руля, хотя спешить ему тоже

было некуда. Основная часть разыгрываемого спектакля проходила за кулисами, и в данный момент его успех зависел от осветителя, а не от ведущих актеров.

Бояр еще немного подумал, почесывая нос револьвером, затем шумно выдохнул, облегченно запрокинул голову и приобнял двух ближайших к себе людей за плечи.

– Я пойду у тебя на поводу, – сказал Бояр. – Но учти, что выпускать тебя отсюда никто не собирается. Нам нужно получить срединный результат. Который удовлетворит и тебя, и меня. И моих парней.

Люди Бояра засмеялись вместе со своим хозяином, да так громко, что металлический балкон, на котором они стояли, мелко задрожал, ухая старыми, проржавевшими и потерявшими жесткость листами железа.

– У тебя есть конкретные предложения? – спросил водитель, понимая, что долго вести эту беседу ни о чем вряд ли получится.

– У меня? Да! Естественно, да! – крикнул Бояр и подался вперед, перевесившись через перила. – Это будет моим последним и самым верным предложением, с учетом твоей жалкой душонки и тупорылой любви к друзьям. Я ведь учел и это. Не забывай, что я великодушный человек и забочусь обо всем, даже о самых ненужных человеческих слабостях. Итак, ты готов меня выслушать и ответить – да или смерть?

– Готов. – Водитель вцепился в руль так сильно, что у него побелели костяшки пальцев.

– Я не займу у тебя много времени. Слушай и прикидывай: ты зовешь сюда девять самых лучших машин своей общины. Мы никого не убиваем, просто они приезжают и идут на выкуп тебя, родимого. Нам не нужна кровь или рабы для анальных утех. Нам нужны корабли. Всего лишь десять штук. – Бояр поднял руки, широко растопырив пальцы, револьвер повис на большом. – Они приезжают, вылезают из кабин, оставляя ключи, и уходят. А мы отпускаем тебя. Никакой крови, никаких страданий, сходимся на маленьком жертвоприношении каменному богу славного города Тиски. Согласен?

Водитель откинулся на сиденье и провел пальцами по мокрым от пота вискам. Бояр же застыл в выжидательной позе, сдвинув шляпу на затылок и расставив руки, словно манекен из магазина одежды.

– Ладно, хорошо, хорошо! – крикнул водитель. – Только нам нужно обговорить гарантии.

Глава 29

Когда джип только остановился, от его борта отделилась малоприметная темная фигура и быстро скрылась под навесом возле стены. Это был Густав. Он специально надел свою черную толстовку с капюшоном, чтобы ничем не выделяться на фоне безлунной ночи.

Теперь же вопрос состоял в том, как поведут себя люди Бояра. Странник видел человека, сидевшего перед его кораблем, и испытывал при этом какое-то двоякое чувство. С одной стороны, он тут явно был ни при чем, то есть и корабль, и этот неизвестный – их абсолютно ничто не связывало. С другой же стороны, Густав чувствовал себя так, как, наверное, чувствует себя человек, любимая женщина которого находится во власти чужого человека, причем абсолютно обнаженная и беззащитная.

Он сжал кулаки и осмотрелся вокруг при помощи компактного бинокля ночного видения, который ему, вместе с водителем и джипом, выделили главные. В целом склад с точки зрения маневров представлял собой не самое удобное место. Большое помещение с высоким плоским потолком, балкон, идущий по периметру, под которым сейчас сидел Густав, железная лестница, ведущая на него, и дверь на втором уровне. Все.

Конечно, в своих мечтах странник мог поступить как душе угодно, например броситься к кораблю и, преисполненный любви к его угловатым контурам, торжествующе вырваться из плена Бояра, не забыв при этом про стационарный пулемет на крыше.

Но реальность в этом плане давала весомую и оглушительную оплеуху. К сожалению, чтобы хотя бы попытаться уехать отсюда, страннику нужен был ключ от замка зажигания

корабля.

А его не было, и единственным связующим элементом для его добычи являлся Бояр. Так что цели, по мере их исполнения, менялись. И если до этого целью Густава было нахождение корабля, то теперь ему требовалось отыскать Бояра.

Он трусцой подбежал к лестнице и начал осторожно по ней подниматься. Из-за неожиданного хлопка, прозвучавшего сзади, ступня Густава чуть не попала между прутьев, из которых были сварены ступени, но в последний момент он сохранил равновесие и вытащил из столь ненужного плена носок ботинка, лишь слегка потянув связки в ступне.

Ворота, через которые они въехали сюда с водителем, быстро закрывались. На джипе сзади загорелась фара, на мгновение ослепившая Густава. Но все же он успел заметить людей, копошившихся на выходе, как и услышать топот, доносившийся откуда-то из-за стены. Этого еще не хватало! Похоже, мышеловка захлопнулась и коты бегут на трапезу.

Густав бросился вверх по лестнице, уже не беспокоясь о шуме, так как закрывающиеся створки производили жуткую какофонию, скрипя ржавыми роликами по износившимся полозьям.

Дверь на балкон открылась, и из нее посыпались люди. Странник сразу различил широкополую шляпу Бояра. Конечно же, все выходило ровно так, как он и предполагал. Старый лис вздумал заманить к себе целую общину, но как он поступит, узрев перед собой один лишь джип?

Бояр и его люди встали возле перил, и позади них оставалось примерно полметра свободного пространства до стены. Чисто теоретически за спинами бандитов можно было бы проскочить к двери либо нежно взять Бояра за шею и, не менее ласково, приставить к его спине пистолет. Но когда Густав увидел, что один из бандитов берет пульт, намотанный на перила, то подобные мысли разом вылетели у него из головы.

Остался лишь порыв. Который воплотился в поистине спринтерском броске к двери.

И когда на складе начали загораться безжалостные лампы, странник уже скрылся за дверью и оказался в соседнем помещении, чьи размеры удивляли. Наверное, здесь мог поместиться целый двор во главе с отцом Захарием и даже часть церкви. Но, естественно, ничего такого в помещении не наблюдалось. Мраморные полы, колонны из белого камня...

Странник знал, где он находится. Бояр выбрал для своей резиденции комплекс, в котором когда-то располагалась государственная автоинспекция России. Говорили, что, помимо забора, удобной территории и вполне себе уютного жилища, Бояра привлекли в этом месте разные технические штуки типа автоматов по штамповке лицензионных номеров на машины, приспособленных нынче под иные нужды, и прочих неведомых агрегатов.

Да и в оружии тут не было недостатка.

Густав прошелся мимо окон, за которым когда-то сидели государственные служащие. Об автоинспекции в среде странников ходили легенды, часто в виде шуток, потому что рассказы о том, как кого-то когда-то наказывали за превышение скорости или разворот через намалеванную краской линию на дороге в неположенном месте, ничего, кроме смеха, вызывать не могли.

Через большие окна во всю стену, заложенные снизу чем-то вроде мешков с песком, внутрь проходил совсем уж слабый свет, разве что от звезд. Но глаза Густава уже привыкли к темноте, и поэтому он, даже без прибора ночного видения, мог разглядеть две шикарные и величественные лестницы, ведущие на третий этаж. Они расходились из одного места и образовывали красивую окружность в виде сердца, если посмотреть на нее сверху.

Наверное, в свое время через это здание проходило множество людей. И автоинспекция просто не могла оставить это людское броуновское движение без внимания, сделав двухстороннюю лестницу по всем канонам дорожных правил, разграничив потоки.

Странник поднялся на третий этаж, ведя рукой по гладким светло-серым перилам из явно дорогого камня.

Здесь, на последнем уровне этого здания, тоже не было практически ничего примечательного. Ряды с выбитыми приемными окнами, шикарные люстры с поредевшими,

словно зубы от старости, хрустальными подвесками, и двери. Много дверей, и все они были закрыты, кроме одной, напротив лестницы, но почти в самом конце коридора этого каменного святилища.

Из-под двери выбивалась полоска драгоценного света. Густав уверенным шагом, при этом стараясь держаться ближе к стене и то и дело озираясь, пошел к ней.

Конечно, в солнечные дни лампы могли набирать огромное количество энергии, чуть ли не на целый год вперед, но странник, привыкший жить в условиях электроснабжения корабля, не мог представить, что кто-то оставит свет просто так и уйдет куда-то по делам.

Такого не могло случиться в мире, живущем по правилам странника, в мире, где любое потребление сводилось к рациональному использованию источников, а не бессмысленной их трате.

Поэтому он достал пистолет и медленно потянул за дверную ручку. Дверь не открылась. Заперта. Возле ручки висел плоский короб. Густав присел, чтобы разглядеть его, и понял: это же электронный замок, как он сразу не догадался, что именно ему напоминает ключ из головы Андрея!

Он быстро, практически не расшнуровывая, снял с ноги ботинок, поднял стельку и достал плоский пластиковый ключ. Провел им по узкой щели в коробе, что-то пискнуло, и дверь приоткрылась, спасибо *голосу* ...

Густав заглянул в увеличившийся проем.

В комнате никого не было. Она оказалась не таких уж и больших размеров, чтобы в ней можно было надежно спрятаться хотя бы одному человеку, но, тем не менее, Густав принял все меры предосторожности, заходя внутрь. Кресло слева, а напротив, возле мерцающего лампочками и тусклыми экранами пульта, офисный стул с ортопедической спинкой, справа шкаф и возле стены узкая кушетка, на которой лежит чья-то недавно снятая рубашка с еще не высохшими пятнами пота под мышками.

Густав стянул капюшон, прикрыл дверь и подошел к пульта. И пусть с потолка нерационально светили три солнечные лампочки, ему показалось, что основную часть освещения в этой комнате создает именно пульт, потому что он был грандиозен по своей сложности.

Пульт представлял собой двенадцать экранов, каждый из которых делился на четыре зоны. Под каждым находилась пара кнопок общего управления, какие-то разъемы и короткие надписи-инструкции на русском. Но не это было главным, потому что теперь Густаву стало ясно практически все: вот откуда Бояр узнал об их с Марковым прибытии в Тиски, и о том, где находилась точка выхода умных мутов, и даже, наверное, о том, что мимо города проходит большая община, годная для донорства кораблей в пользу команды Бояра.

Странник не был на все сто процентов уверен в последнем, но насчет остального мог бы дать руку на отсечение. Потому что на экранах пульта показывалось изображение с камер слежения, расставленных по всем Тискам.

Экраны работали в режиме экономии, отображая размытую зеленоватую картинку, но странник сразу же увидел на них те точки, в которых успел побывать. Свалка, окружающая дорога, въезд и выезд из города, какие-то улицы, часть наружного забора и ворота двора отца Захария, и еще множество мест, каких он не знал в Тисках.

Бояр, имея подобный инструмент, в буквальном смысле имел весь город, держа его под контролем. Ему была подвластна любая информация о приезжающих, отъезжающих и живущих. Он окутал Тиски многоуровневой паутиной и, наверное, чувствовал себя в центре ее подобным хищному, сильному пауку.

Густав задумчиво нажимал сенсорные кнопки под экранами. Камеры начали переключаться, показывая новые картинки. Правда, некоторые не работали, передавая вместо сигнала белый шум, но в целом поразительная осведомленность Бояра нашла свое объяснение.

Странник еще хаотично попереключал камеры, но нигде не обнаружил видеосъемки двора, кроме той, что захватывала его частично. Наверное, именно поэтому люди Бояра пока

не вмешивались в жизнь семьи – они не знали ее распорядка, уклада и структуры охраны. Но если представить камеры нацеленными на двор, то им хватило бы и месяца, чтобы вывести все слабые и сильные стороны охраны во главе с Игорем. И никакие вышки с дозорным, вооруженным хрипящим рупором, не помогли бы.

Что же делать сейчас и где искать ключ? К сожалению, камеры не могли дать подобную информацию.

Густав потер лоб и повернулся к шкафу. Открыл его. В нем оказались пара небрежно повешенных грязных штанов, скомканная красная футболка в углу и закрытый картонный ящик. Странник присел, подтянул ящик к себе и осторожно открыл его.

Никакого ключа от корабля в ящике не было. Его целиком заполняли компактные глянцевые журналы с изображениями голых девушек. Густав быстро пролистал один из них, с наслаждением вдыхая аромат типографской краски, сохранившийся до сих пор, но и между страниц не завалилось ничего похожего на ключ. Скорее всего, эти русские журналы стали добычей кого-то из людей Бояра после очередного рейда. На рынке они не стоили практически ничего. Густав даже не знал, что можно выменять на один такой, но на всякий случай взял верхний и засунул его за ремень, ощутив приятную прохладу скользкой обложки.

Нужно было уходить отсюда, искать дальше. Они договаривались с водителем, что странник решит ситуацию на месте. Да, водитель мог потянуть время, разговаривая и споря с Бояром. Странник даже предложил, чтобы он натолкнул бандитов на мысль о том, что им без него никак не заманить сюда общину. Но сколько будет продолжаться этот разговор? Бояр не из тех, кто любит светские беседы за чашечкой хорошо сохранившегося чая вприкуску с чипсами.

Нет, он человек действия. И вести себя с ним тоже нужно с помощью действий.

Густав закрыл шкаф и шагнул к двери, но вдруг его сердце остановилось на мгновение, потом снова завелось, яростно подпрыгнув и погнав кровь по венам. Он быстро отскочил к шкафу.

Из-за двери послышались шаги. Кто-то направлялся в комнату, по крайней мере в эту сторону, и страннику необходимо было спрятаться. Единственным местом, куда влезало его немаленькое тренированное тело, оказался промежуток между шкафом и кушеткой. Густав быстро втиснулся туда, прижавшись к стене, и замер. К счастью, окно, ставшее ночью прекрасным матовым зеркалом в освещенном помещении, находилось чуть левее, не отражало странника и не выдавало весь его тактический перформанс как на духу.

Он направил пистолет в сторону входа и замер.

Дверь открылась, ухнув о шкаф, словно ее ударили пинком.

В комнату вбежал Бояр, и странник тут же взял его на прицел, не меняя позы, лишь отрегулировав положение пистолета.

Бояр оперся на пульт, шумно выдохнул и положил револьвер на край стола. Затем звонко ударил кулаком в ладонь и крикнул:

– Черт! Чертов мудака! Я же заставлю тебя ссучиться, всех мне заложишь!

Он склонился над пультом, всматриваясь в экраны, потом, видимо, найдя нужный, начал переключать камеры, не отрывая глаз от мелькающих картинок. Со стороны казалось, что Бояр клюет своей шляпой пульт, как злобная черная ворона.

Густав осторожно вытянул шею и посмотрел в отражение стекла. Дверь почти уже закрылась сама на доводчике. Больше никого, судя по всему, Бояр пришел сюда один. Страннику ничего не оставалось, как воспользоваться этим подарком судьбы.

Он сделал шаг из-за шкафа и левой рукой резко толкнул дверь, одновременно с этим наставив пистолет на Бояра. Тот обернулся на хлопок английского замка и, увидев странника, кинулся к своему револьверу, но Густав действовал быстрее. Удар ногой пришелся аккурат в солнечное сплетение, и Бояр отлетел в другой конец комнаты, сбив кресло и хлопнувшись о стену. Его шляпа, к удивлению Густава, не слетела, а лишь слегка слезла на макушку, приоткрыв лоб.

Некоторое время Бояр непонимающе вращал глазами, хватая воздух руками и ртом, как выброшенный на берег дельфин, а затем вдруг успокоился. Сглотнул, кашлянул, медленно поправил шляпу, потер живот и начал вставать.

– Не вздумай, – сказал Густав, подходя к пульту и забирая с него револьвер. Он был достаточно тяжелым, но странник не хотел убирать его куда-либо, поэтому просто оставил в опущенной левой руке.

– Я и не думаю, – ответил Бояр.

Он поднялся на ноги, взял кресло за спинку и вернул его в правильное положение. Отряхнул и уселся, небрежно положив ногу на ногу.

– Что привело тебя сюда, мой друг? – спросил Бояр, по-кошачьи улыбаясь, словно ничего такого и не случилось, просто встретились случайно два старых приятеля где-то на перегоне от Лондона до Осло.

– Кое-какая вещичка, которую ты у меня взял и почему-то не захотел отдавать, – в той же вежливой манере принял подачу Густав.

– Вроде как должок?

– Он самый. Мне нужен ключ от корабля, Бояр.

– Мне он тоже нужен, вот какая незадача. – Бояр улыбнулся и переложил ноги, откинувшись в кресле. – Мне вообще много чего нужно в этом мире, но основная идея-фикс сейчас – это корабли. Много кораблей. Твой – всего лишь часть. Я уже подарил его своему сыну. Кстати, Серый передает тебе привет и большое-пребольшое спасибо.

– У тебя есть сын? – спросил Густав. – Уж не тот ли урод без челюсти?

– Что?! – У Бояра вспыхнули щеки, и он рванулся вперед, но Густав направил ему в грудь пистолет, и это его моментально успокоило. Он нервно провел рукой по усам и вдруг улыбнулся.

– Чего лыбишься? – спросил Густав.

– Да так. Ты ведь прав, странник. Он урод, что тут скрывать. Я вижу это прекрасно, и все видят, только не хотят говорить, обходят вопрос стороной, понимаешь ли. А этот сучонок и в самом деле думает, что он обычный человек, что не урод. Вот смех, да?

– К чему ты это все говоришь?

– К тому, что тебе меня не пронять. Я непробиваемый. Ты даже можешь порассуждать о моей мамочке, о ее сучьей жизни, я не обижусь, – сказал Бояр. – Не веришь? Попробуй!

– Не буду я ничего пробовать. Мое единственное желание сейчас, чтобы ты вернул мне ключ. Вот и все. Вернешь – и мы расстанемся, больше меня никогда не увидишь, – холодно проговорил Густав.

– Нет, так не пойдет. – Бояр отрицательно покачал головой.

Его шляпа при этом двигалась вместе с ним, но из-за однородности и пропорциональности ее форм создавалась оптическая иллюзия, что она неподвижна. Странник, как загипнотизированный, смотрел на это. Забавно. Бояр, отмороженный убийца и грабитель, сейчас казался ему забавным. И даже немного жалким, потому что находился полностью в его власти.

– Не тебе решать, пойдет или нет, – сказал странник. – У меня лишь один выход из этого здания, ты знаешь. Грубо говоря, скоро мне придется уходить. И представь тот выбор, который ты мне даешь: пристрелить тебя и срулить либо оставить тебя в живых, после того как ты отдашь мне ключ. Затем ты меня тихо-мирно проводишь до корабля, мы проедемся в недалеком далеко и я тебя выпущу. Ты даже не запыхаешься, когда вернешься домой.

Бояр внимательно посмотрел на Густава.

– А ведь ты тоже урод, странник, – вдруг сказал он.

– Отлично. – Густав обреченно махнул рукой с револьвером. – Мне не хочется уходить отсюда без корабля и записывать еще один труп на свой счет, но ты меня вынуждаешь.

– Ты урод, потому что ты человек, – продолжил Бояр, не обращая внимания на пистолет, переставший вдруг играть роль постороннего свидетеля их разговора.

– Вот оно что. Ты же у нас красавчик, да?

– Возможно.

– И почему же? Ноги, руки, голова, вроде тоже человек и, следуя твоей логике, урод. Разве не так?

– Не-а. Взять хотя бы то, что я тебя переиграл, – улыбнулся Бояр. – Во всем. С кораблем, с талисманом этим. А ведь я даже не думал о тебе, ты сам заявился, попытался надругаться над моим бытом, внеся в него свои коррективы, и проиграл! Смешно!

– С талисманом? Я что-то не пойму...

– Сейчас все поймешь! Ты искал общину, чтобы найти часть талисмана, как тебе, безмозглой шавке, приказали. Талисман этот болтается на груди дочери твоего друга, седого старика. Разве ты не почувствовал его присутствие? А?! Вроде как тебе наболтали, что ты стал частью талисмана и только ты, один во всем мире, ну такой уникальный и единственный, сможешь его отыскать! – Бояр расхохотался. – Отчасти это правда, но смешно, ей-богу смешно!

Густав растерянно сделал шаг назад и покачал дулом пистолета, подбирая правильные слова, которые вдруг вылетели у него из головы.

– Ты знаешь про голос, и про талисман, и про...

– Да я обо всем знаю! – крикнул Бояр. – Потому что я не пешка, как ты, а ферзь!

Он вскочил и скинул шляпу. Густав с ужасом увидел жуткий фиолетово-бордовый неровный разрез, идущий у него от брови через весь лысый череп, полукругом. В слипшейся комками крови застряла часть волос. Странник видел даже грязную кромку черепа и сколотую на кости длинную борозду, словно от удара топором. И при всем при этом ранение выглядело довольно свежим, как будто его нанесли не больше часа или двух назад.

Бояр широко улыбнулся, и оборванные края кожи в месте разреза зашевелились, улыбаясь вместе с ним.

Густав поднял револьвер, целясь в Бояра с двух рук.

– Что это? – тихо спросил он.

– А ты не понимаешь, да? Это незаживающая рана, дурацкое приложение к человеческой сущности, которую я не очень-то и люблю. Потому что я – Легион. Я часть целого и целое частного. И поэтому я не урод, странник, потому что я – не человек.

Бояр ринулся вперед, по-бычьему наклонив голову, и Густав выстрелил из своего пистолета, потому что до мелочей знал его поведение, вплоть до дрожи в момент отдачи. Револьвер же напряженно замер в его руке, как пчела, пойманная в кулак и вот-вот готовая выпустить свое жало вне зависимости от того, умрет она или нет после этого.

Пуля попала Бояру в плечо, пробив насквозь, отшвырнула обратно, будто пригвоздив его к стенке, и теперь он сползал вниз, оставляя на светло-коричневой поверхности кровавый след.

Бояр сел почти на корточки, одна нога подогнута, другая выпрямлена, и посмотрел на плечо. Затем повернул голову к Густаву, пристально следящему за ним, и гавкнул:

– Гав!

Странник вздрогнул. Бояр хрипло рассмеялся, коснулся раны и облизал пальцы.

– Боишься собак, странник? Это я тоже знаю. Я бы с радостью принял форму собаки, но это низкий для меня уровень, я, так сказать, сложный, я умею забирать сущности людей.

– О чем ты, мать твою, я не понимаю?

– Не прикидывайся дурачком. Мне больно, кстати. Чем больше живешь человеком, тем большим становишься уродом, тем меньше в тебе от Легиона. Жаль, что ничего не заживает. Ну да ладно, я в этом образе не намерен всю жизнь провести. – Бояр потер плечо и брезгливо вытер руку о куртку.

– погоди. Если я правильно понимаю и это не бред, то что же я вижу своими же глазами? Получается, что ты – не человек, а коровья улитка, что ли?

Бояр удивленно поднял бровь и искренне рассмеялся:

– Вы так их называете, да?! Коровья улитка! Ну, ты почти угадал. Только улитки – это... улитки! Как скот, догоняешь? Они не сложнее той же коровы, поэтому и могут

принимать сущность всяких животных. Я – другая песня. Такие, как я, мы сыновья Легиона. И пока улитки постепенно занимают место в человеческом быту, мы проникаем в человеческое общество, странник.

– Но зачем? Зачем вам это нужно? – стараясь не показывать волнения, спросил Густав.

– Ты прострелил мне плечо и затем пытаешься разговорить, провести на кураже светскую беседу, странник?

– Я просто пытаюсь понять, в какое говно я вляпался и стоило ли мне в него вообще наступать.

– О, да! Если хочешь оставить след в этой жизни – постарайся не вляпаться в говно. – Бояр осклабился. – Это как раз про тебя. Ты, правда, в жизни этой пока что ничего толкового не сделал, но вроде бы должен кое-чем полезным заняться, когда тебя приведут, как марионетку, к нужному рычагу и заставят на него нажать. Ты привык нажимать на педали, странник, вот только не осознаешь, что нажимают-то на тебя. Но не огорчайся, вас много. Например, святой отец, которому прямо в голову льют нужную информацию, а он жрет. И радуется.

Густав кивнул:

– Загадки – это хорошо.

Он нацелил пистолет на колено Бояра и выстрелил. Тот мгновенно сложился пополам и коротко взвыл, схватившись за ногу. Под ним по вытертой паркетной доске быстро начала растекаться лужа очень темной крови. Джинсы разорвало, и коленная чашечка вместе с суставом превратилась в малоприятное месиво.

– Вижу, что тебе больновато, да? – спросил Густав.

Бояр мелко закивал, сжав челюсти и не отпуская ногу, держа руки чуть выше колена.

– Заметь, у тебя еще много разных мест, в которые я могу выстрелить. Яйца, живот, ступни. Поверь мне, ощущения не доставят тебе удовольствия. Так что будь добр – ответь на вопрос. Зачем ты здесь?

– Затем, чтобы повести людей за Легионом. – Бояр тяжело сглотнул и плюнул на пол, между ног. Тягучая слюна неловко зависла у него на нижней губе и частично упала на живот длинной серебряной ниткой.

– Куда повести?

– Куда угодно. Неужели ты думаешь, что я один такой? Нет, нас много. Больше, чем тебе хотелось бы. Правда, меньше, чем хотелось бы нам. Пока. Но это дело поправимое, тем более что сейчас вы слишком увлечены собой, в том числе и уничтожением друг друга. Плохая тенденция, потому что Легиону нужны живые люди. Вы для нас – корм. Вкусные чипсы в дерьмовой упаковке. Что ты знаешь о Большом Взрыве, странник?

Густав пожал плечами.

– Что-то случилось, взорвалось, наверное, – сказал он.

– Ты смешной, – пробормотал Бояр. – Постараюсь донести до твоего скудного умишки, что Большой Взрыв, как вы его называете, охарактеризовал наш приход. Мы не хотели подобного эффекта, но почти всегда вторжение проходит именно так, ваш мир не стал исключением, странник. Время, пространство, разум... все это одновременно смешивается и одновременно же уничтожается, потому что сталкивается с нами. Это как ядерный взрыв, тут ты прав, но направлен он через очень маленькое отверстие, не больше игольного ушка. Оттуда и поражение, метастазы, в мгновение разорвавшие большинство людей на атомы. Но нам невыгодны последствия в виде человеческих смертей. Именно поэтому мы не жрем вас, как овец в оскудевшем стаде. Мы готовим...

Бояр смолк и потянулся за своей шляпой. Подтащил ее к себе, но надевать не стал.

– К чему вы нас готовите? – спросил Густав.

– К возрождению. Придет время, не сейчас, не завтра и даже не через десять лет, когда люди начнут восстанавливать свою жизнь. Образовывать общество. Семьи, дворы, называя как хочешь. И во главе каждого из них будет лидер. В момент вашего подъема вдруг откуда ни возьмись появится Легион. Но лидеры смогут справиться с этими исчадиями ада. Увести

свой народ, уберечь и спасти. Историческая память этого не забудет. Пройдут еще десятки лет, людей станет больше. А лидеры останутся неизменными. Все пройдет – горе, страдания, а вот лидеры нет, потому что они будут точно такими же, как и в момент их появления. И что сделают люди? Заподозрят неладное? Нет, знаю я вас. Вы провозгласите лидеров богами, посланниками небес. Вот тогда-то и произойдет нужное нам действие, включится нужный тумблер. Тогда вы сами превратите себя в удобную для Легиона ферму, с радостью посадите себя на грядку, под парник, а мы будем вас жрать, жрать и жрать. Мы установим правила.

Бояр облизнулся и весело посмотрел на Густава.

– С каждым миром, в который мы приходим, происходит именно это. Не тотальное разовое уничтожение, а моральное и духовное подчинение с расчетом на тысячелетия, чтобы мы могли пользоваться плодами вашей ограниченности в виде сытых и здоровых миллиардов. Мы поможем вам расплодиться в огромных количествах, а лидеры за это время введут отбор на поедание. И ты ничего с этим не сможешь поделать. Я посвящен в вашу историю: когда-то вы жрали друг друга, затем было всякое – святая инквизиция, охота на ведьм, нацизм, войны, наркомания, самоубийства, долговые ямы, это естественно для вас. Потому что вы – люди. Уроды. Ущербная пища. – Бояр хихикнул и надел шляпу. – Теперь все понял?

– Почти. Ты сказал, что наш мир не исключение... а что, их много – миров?

– Забудь об этом, странник, не твоего ума дело. Если я расскажу тебе все, что знаю, твой разум просто не выдержит и заикнется на безумных для тебя мыслях. Самоуничтожится. Сейчас эти знания не играют никакой роли. Поверь, мне не нужно чего-то особого. Я просто хочу сыграть свою роль, не подвести.

– Боюсь, что тебе не удастся это сделать.

Густав засунул свой пистолет за пояс и взялся за револьвер Бояра двумя руками, взведя холодный курок. Он подозревал, что отдача будет довольно сильной, поэтому морально и физически подготовился к ней, чтобы револьвер не выбил ему зубы или не отлетел в лоб при выстреле.

Бояр, увидев эти приготовления, только махнул рукой и разочарованно щелкнул по шляпе. Раздался глухой звук.

– Если ты убьешь меня, ничего не изменится, странник. Поймав на строганину одну рыбу из косяка, ты не остановишь весь косяк. Это бесполезное занятие. Глупое и никчемное, лучше побереги силы.

– Я берег их уже достаточно долго.

– Ну, хочешь, я тебе ключ от корабля отдам? – Бояр медленно отвернул подол куртки и осторожно, двумя пальцами, вытянул из внутреннего кармана ключ от замка зажигания. Подбросил на ладони и положил на край пульта, до которого смог дотянуться. – Что, сойдет такая сделка? Все ведь по-честному, я – тебе, ты – мне. Уточнять, что именно ты мне, мы ведь не будем, и так все ясно?

Густав посмотрел на ключ. В мозгу у него бурлила круговерть сомнений, взбунтовавшаяся в голове, словно плохо перевариваемая пища в желудке. Информации, которой он наглотался, было столь много, и казалась она ему настолько невероятной, даже бредовой, что он просто не знал, как поступить дальше. Хорошо, когда в темной комнате вам дают фонарик. Вы просто зажигаете его и идете дальше. Но когда вместо этого кто-то предлагает вам в пользование целый завод по производству солнечных ламп дневного света, то это, по крайней мере, настораживает и делает вас уязвимым. Потому что по-прежнему ничего не видно, но при этом у вас вроде бы есть какая-то надежда, причем весьма перспективная.

Что делать? Что делать...

Странник качнул револьвером. Бояр дружелюбно смотрел на него.

«Вот сейчас я возьму ключ и уйду отсюда, – подумал Густав. – А что дальше? Выйду, скажу парням Бояра, что корабль снова мой, и уеду? Так не получится, так не пройдет. Тем более что Бояр непростой человек. Да и не человек он вовсе. Чего ожидать от улитки

Легиона? Ничего хорошего. Может, спросить у него еще о чем-то? Но о чем? Если он не сказал ни слова правды, то к чему тогда разговоры?» Густав и так уже жалел, что узнал слишком многое из того, чего знать не хотелось бы. Вполне возможно, что Бояр лгал, да, но зачем ему это? По всем признакам выходило, что он – улитка или что-то вроде того. Не важно, кем он себя считал, более сложным или менее противным, факт оставался фактом – он не человек. Все раны на его теле почти не кровоточили уже через пару минут, не заживали и приносили не такую сильную боль, какую следовало бы.

Он просто был *частью*, куском Легиона, принявшим форму человека. И если Густав сейчас оставит его живым, то в скором времени он обязательно захочет избавиться от странника. Легион своим появлением уничтожил человечество. Чего же им стоит найти одного странника, не самого ловкого и умудренного опытом?

Когда на кону стоит такой чудесный рассадник для пищи, то все средства для отлова медведки хороши.

Густав прицелился в голову Бояра. В живых его оставлять было нельзя. Сжечь, как коровьих улиток, было нечем. Но Густав рассчитывал пойти другим путем.

– Похоже, что мы не договоримся, – сказал он.

– Но!.. – воскликнул Бояр ровно в тот момент, когда свинцовая пуля мягко вошла ему в правый глаз.

Шляпа подпрыгнула у него на голове, и на стене расцвел алый цветок с черным пестиком-дыркой посередине. Бояр засучил ногами, что-то промышал и попытался встать.

Когда он это сделал, то его нога с простреленным коленом подломилась и он начал падать на Густава. Странник сделал шаг назад и успел выстрелить еще раз, попав Бояру ровно в макушку. Пуля прошла ему голову, выбив все зубы с левой стороны, и вышла в грудную мышцу, порвав ее на части.

Бояр забился в конвульсиях, разбрызгивая по полу кровь, судорога двумя волнами пронеслась по его телу, и он пополз к Густаву. Странник, уже привыкший к отдаче револьвера, которая оказалась не столь мощной, как он ожидал, спокойно прицелился и начал методично стрелять в голову Бояра, разнося ее на куски.

Третий-четвертый, пятый-шестой, седьмой...

Последний патрон сделал свое дело. Бояр все еще полз, загребая по полу окровавленными руками, но теперь на месте его головы было свекольное пюре вперемешку с тканью шляпы.

Он еще существовал, мог двигаться и как бы жить, если иметь в виду традиционное описание этого понятия. На самом же деле Густав сделал из него бесполезный биологический организм. Не важно, мог он ходить или нет, главное, что странник лишил его лица. Буквально, вместе с головой и всеми важными органами восприятия и речи. Теперь, если это чудовище найдут его холуи, то именно они же и сожгут его или сделают еще что-нибудь еще более эффективное. Густав не сомневался в этом, потому что ничего, кроме отторжения, Бояр у него не вызывал.

Он брезгливо перешагнул через этот живой труп, взял ключ и надел кольцо, на котором он держался, на большой палец. Класть его в карман джинсов было бы опрометчиво.

Еще раз оглядел комнату. Все, что можно было отсюда взять, он уносил в своей памяти и руках. Револьвер, теперь уже ненужный, с пустым, приятно пахнущим порохом барабаном, полетел в сторону Бояра и приземлился к нему на спину.

Безголовое тело встрепенулось, дернулось вперед, упершись плечом в шкаф. Ноги забуксовали на скользком полу, руки истерически забились. Странник вышел из комнаты (на выходе ключ не требовался), аккуратно закрыв за собой дверь, и побрел к лестницам, держась за стену.

Что, если отец Захарий – тоже отпрыск Легиона? Ведь он стал лидером общины в одночасье. Все эти его разговоры с богом, знание о том, о чем другие только могут догадываться... Густав имел свой взгляд на эту личность, причем весьма приземленный. Размышления об информации, которую кто-то заливал внутрь святого отца, заставила его

посмотреть на Захария немного иначе.

Легион, шептавший ему на ухо истину? Возможно такое или нет?

Хотя вряд ли. Густав вспомнил те отнюдь не наигранные мучения, которые отец Захарий испытывал, когда к нему в голову вселялся голос божий. Ничего подобного с Бояром не происходило, насколько это понимал странник. Даже больше – Бояр старался вести себя как обычный человек, ничем не выделяться, потому что для этого еще не пришло время. Захарий же уже стал лидером, но не на попрание спасения общины от Легиона, а немного в другом ключе.

Тогда кто же ты, отец Захарий? Представитель полярной силы? Бояр говорил, что она существует, эта сила, и речь шла не о Легионе, а о неведомых голосах, или нет, одном конкретном *голосе*, потому что именно он начал дергать Густава за веревочки, словно потешную тряпичную куклу. Именно с него началась цепь событий, падающих друг за другом, и все на голову странника, словно костяшки домино размером и весом с бетонное перекрытие.

А может быть, все началось намного раньше? Например, с момента потери отца или даже с рождения странника? Подумать только, если...

Густав сбился с шага и потряс головой, отгоняя от себя ненужные в данный момент мысли. Ни к чему, абсолютно не к месту забивал он сейчас многочисленные секретные ящики своего мозга зыбким и липким материалом.

Время, когда можно будет по-настоящему поразмыслить над произошедшим и предаться анализу в тишине уютного салона корабля, вдалеке от города и людей, еще придет. Совсем скоро, стоит лишь подождать.

Пока же следовало срочно нужно выбираться из логова Бояра.

Он начал спускаться по лестнице, и вдруг, уже почти в самом конце, дверь, ведущая на балкончик склада, распахнулась. Мелькнула длинная тень, дверь мягко затворилась на автопроводчике, и кто-то направился в сторону странника.

Густав достал пистолет и бесшумно перепрыгнул через перила. Приземлился на пол и чуть не упал, поскользнувшись на мокрых от крови подошвах.

Человек спешно шел прямо к нему, чем-то щелкал и чертыхался. Он шел, не глядя по сторонам, очевидно очень хорошо знакомый с пролегающим в темноте маршрутом. Странник сделал шаг в сторону, пропуская его на темную лестницу, а затем, когда тот наступил на первую ступень, ударил его кулаком в висок, схватил за шею борцовским захватом, притянул к себе и приставил пистолет к голове.

Молодой мужчина на мгновение потерял ориентацию в пространстве, выронив из рук барахлящий фонарик, который он так и не успел включить до встречи с Густавом. Но страннику было на это плевать. Потому что план дальнейших действий уже созрел у него в голове, и действовать нужно было решительно.

Никаких сомнений и колебаний.

– Закричишь – убью, – коротко сказал он на ухо человеку Бояра, развернул его и вместе с ним пошел к двери, надежно прикрывая себя взволнованно дышащим человеческим щитом.

Время Легиона для Густава на данном этапе его жизни закончилось. Дальше придется иметь отношения с людьми.

Глава 30

От спутанных и сальных волос пленника пахло чем-то отдаленно напоминающим протухшие консервы, которые размазали по сырой заплесневелой одежде.

Они двигались шаг в шаг, направляясь к двери. У странника в детстве был большой двухцветный плюшевый медведь с перевязками-тесемками на всех четырех лапах. Густав вставал сзади него и просовывал руки с ногами в эти тесемки, чувствуя и себя медведем. Ходил и видел отражение своих действий в этом плюшевом ушастом медведе.

Иногда странник даже ложился спать вместе с ним, не вынимая руки из тесемок. Он засыпал, дыша в затылок медведю, а его мать потом аккуратно убирала игрушку, потому что эластичные резинки могли перетянуть сосуды и приостановить правильную циркуляцию крови у ребенка. Но самое главное – Густав засыпал *медведем*, пусть и маленьким, но настоящим.

Сейчас же, следуя логике, он превратился в одного из людей Бояра.

Пленник глубоко и часто дышал, его пробирала дрожь. Слабые попытки податься вперед или куда-то вбок странник пресекал, посильнее вдавливая пистолет в висок, и тогда парень успокаивался.

Так они дошли до двери.

– Открывай, – приказал странник. – Только без танцев, у меня палец чересчур отзывчивый.

Пленник коротко кивнул. Даже не кивнул, а по-голубиному дернул шеей и потянул дверь на себя. Густав подтолкнул его коленом, и они вышли на балкон.

Люди Бояра даже сначала не поняли, что произошло. Они не сводили глаз со стоящего внизу джипа, поэтому появившаяся на балконе странная парочка осталась без должного внимания.

– Эй, парни, – тихо сказал Густав, и это возымело свое действие.

Сначала обернулся один, другой, и в течение тридцати секунд странник сумел этими двумя словами перевернуть ситуацию ровно в противоположную сторону. В другой раз он бы огорчился, но сейчас все шло так, как и надо.

Серый засуетился и вскинул маленький дамский пистолет. Это оружие, несмотря на скромные размеры, смотрелось в его рахитичной руке весьма достойно и даже немного угрожающе. Но у Густава не было времени подмечать такие тонкости, он только сказал:

– Бросьте оружие с балкона, или я его убью.

– Что?!

Здоровенный мужик, стоявший у самых перил, поднял винтовку. Это заняло у него примерно столько же времени, сколько обычному человеку нужно для того, чтобы взять вилкой кусок пищи со стола и поднести его ко рту. То есть не слишком много.

Но Густаву этого оказалось вполне достаточно. Он нажал на спусковой крючок и вышиб своему пленнику мозги. Пахнуло гарью, кровь оросила страннику лицо. Он убрал локоть из-под подбородка пленника, и парень выскользнул из его объятий, упав на пол безвольным мешком. Густав сделал выпад вперед, схватил пистолет Серого и вывернул его вместе с кистью.

Серый вскрикнул и попытался избавиться от хватки странника, но это было бесполезно. Густав поднажал сильнее и притянул Серого к себе, разворачивая его на ходу, словно заправский танцор партнершу в каком-то сумасшедшем па.

Пистолет вылетел из пальцев сына Бояра, и он оказался в борцовском захвате у Густава, совсем как предыдущий парень.

Попытка номер два.

Странник, щуря левый глаз, в который попала кровь, рявкнул:

– Оружие бросаем! Я повторять не буду! Или он тоже сдохнет. Как и все вы! Кто хочет быть следующим?!

Напряжение вспыхнуло в воздухе ледяным ожерельем игл. Все замерли в ожидании действий друг друга, не решаясь начать первыми.

Большой мужик первым бросил свою винтовку вниз. Его примеру кто с неохотой, а кто с огнем подбострастия, разгорающимся в глазах, последовали остальные. Серый скулил и хныкал, пуская слюни на предплечье Густава, но пистолет, больно давивший ему в ухо, не позволял вести себя по-другому. Сын могущественного Бояра, он никогда в жизни не сталкивался с ситуациями, в которых ущемлялась бы его свобода или мужское достоинство. Всегда он, несмотря на внешний вид, был на коне. Все уважали и боялись Бояра, опасаясь его чудовищного нрава. И вот теперь юношу прилюдно окунули в общий сортир, и никто не

спешил к нему на помощь.

Оружие с металлическим звуком падало на бетон. Густав внимательно следил за бандитами и прислушивался: не выстрелит ли какой-нибудь ушатанный дробовик от удара? Но все обошлось.

Вместе с Серым они переступили через труп, из головы которого склизкой студенистой массой вытекали мозги, и пошли мимо шеренги перепуганных и обеспокоенных негодяев.

– Ты жив?! – крикнул Густав водителю.

В джипе открылась дверь, водитель выглянул, поднял руку, показывая большой палец, и крикнул в ответ:

– Все нормально!

– Собери их пушки и закинь ко мне в корабль.

Водитель кивнул и прыгнул с высокого порога джипа.

– Кто из ваших еще здесь? – спросил Густав у стоявшего самым последним (или первым, это как считать) в шеренге носатого худого мужика лет сорока.

Он глянул на странника, так же быстро отвел глаза и промолчал. Густав тряхнул Серого, ударил его в ухо, и тот вскрикнул.

– Кто, я тебя спрашиваю, из ваших еще находится в этом здании?!

– Все тут, – ответил носатый. – Больше никого. Бояр ушел в свою комнату.

– Про него я знаю, – спокойно сказал Густав, но в его тоне послышалось нечто, заставившее бандитов переглянуться, а Серого притихнуть. – Ты пойдешь с нами, вниз.

Носатый дрогнул и переступил с ноги на ногу, потупив взгляд.

– Я не хочу, – сказал он.

– Никто тебе не причинит вреда, – сказал странник. – Просто откроешь нам ворота, вот и все. А если не пойдешь, то я пристрелю тебя. Договорились? Ты же видел, я слов на ветер не бросаю.

Густав дружелюбно улыбнулся и начал пятиться к лестнице. Носатый оглянулся на своих товарищей, но, не увидев с их стороны поддержки, медленно пошел за странником.

– Проходи первым. – Густав остановился, прижавшись к стене и прикрываясь Серым.

Носатый прошел мимо и легко сбежал по лестнице вниз. Там его принял водитель, грубо взяв за шиворот и приставив короткоствольный дробовик к затылку.

– А вы – без шуток, – обратился Густав к большей части когда-то грозного отряда, державшего весь город Тиски в своих руках. – Я шуток не люблю, а стреляю более чем хорошо. Если кто-то дернется или хотя бы попытается открыть дверь и убежать, я начну палить без разбора. Без разбора – это означает, что убью если не всех, то многих. Так что решать вам. Стойте и не двигайтесь.

Густав оглядел отрешенные лица, старавшиеся не смотреть ни на него, ни на мертвое тело, в обоих висках которого зияло по большой дыре, и удовлетворенно кивнул.

Вместе с Серым они спустились вниз. Последний запинался чуть ли не на каждой ступени. Но чем больше он противился Густаву, тем сильнее дуло пистолета вдавливалось ему в ухо. Странник знал, что боль в этой точке не из самых приятных. Начиная с середины лестницы Серый перестал испытывать судьбу, смирился и зашагал правильно.

Они прошли мимо водителя с носатым и остановились возле корабля. Трофейное оружие лежало на пассажирском сиденье.

– Так, – сказал Густав Серому, – залезай внутрь, в салон, и не трогай там ничего. Про шуточки ты, надеюсь, уже слышал.

– Д-да, – пробормотал Серый, втянув голову в узкие плечи.

– Ладненько.

Густав толкнул Серого в спину. Тот влетел в салон корабля, зацепившись ногами за порог и чуть не ударившись головой о противоположную стенку. Странник взялся за дверь, потянул ее и захлопнул. Сам же повернулся к водителю, державшему носатого на прицеле, и сказал:

– Разворачивай джип. А ты, нос, давай, беги к входу и открывай створки.

Водитель пинком в зад придал водителю ускорение, указав направление в сторону ворот. Тот потрусил к выходу, явно стараясь сохранить хоть какое-то достоинство в данной ситуации.

Джип загудел, дал задний ход и развернулся с помощью ручного тормоза. Похоже, у водителя значительно улучшилось настроение по сравнению с тем, каким оно было весь этот вечер, начиная с момента принятия главными решения спасти корабль Густава.

Странник задрал голову к балкону и крикнул:

– Я сейчас сяду в корабль, но у него есть стационарный пулемет. Вам ничего не остается, как ждать, когда мы уедем. Минут через пять к вам вернется ваш друг – Серый. Только тогда вы сможете вздохнуть свободно. И я даже не буду спрашивать, до всех ли дошло. Я просто сажусь в свой корабль. Свой. Корабль!

Густав подошел к кабине своего корабля. Серый сидел в салоне и испуганно смотрел на странника.

Он открыл дверь и вошел в кабину. Здесь ничего не изменилось, все было по-прежнему, даже запах, даже уютная кожа сидений, даже часы на зеркале заднего вида. Густав с интересом прислонил к ним ухо – они тикали.

– Ура, – тихо сказал он и вставил ключ в замок зажигания. Корабль вздрогнул и ожил, заурчал. – Любишь своего папочку? Соскучился?

Странник ласково провел руками по рулю, приборной панели, стирая с нее пыль, и остановился на хромированной рукоятке переключения передач. Включил передний ход, вывернул руль, нажал на газ, и корабль плавно тронулся с места.

Это было ни с чем не сравнимое ощущение. Нет, пожалуй, его можно было сравнить со встречей с любимой женщиной после целого года разлуки, и вот тыходишь в нее, и все вроде бы знакомо до самых мелочей, до ее прерывистого дыхания, горячей мягкой плоти, пальцев, сжимающих твои плечи. Но все это напоминает дежавю, все как-то нереально, впечатления накладываются на воспоминания, которые совсем недавно еще были впечатлениями. Одна фотография на другую, полупрозрачными слоями, и получается странный коллаж, который тебе нравится...

Густав поднажал на газ, и машина набрала скорость, большой двигатель неплохо раскручивал все шесть колес. Квадроциклы с их бешеным нравом снаряда, выпущенного из гаубицы, были совсем другой песней. Сидя за рулем корабля, странник с удивлением думал о том, как он мог поставить квадроциклы на один уровень со своей машиной.

Носатый уже открыл ворота, и насыщенная синим темнота особо четко контрастировала с интерьером слабо освещенного склада. С улицы внутрь целыми роями устремились разнообразные насекомые, начиная с мошкар и заканчивая крупными мотыльками.

Они летели навстречу движущемуся кораблю, словно снежинки в пургу, и странник вдруг понял, почему их так много – они соскучились. Так же, как и он соскучился по своему кораблю, эти твари на каком-то генетическом уровне тосковали по свету. И если раньше его для них было достаточно, на каждый миллиард человек приходилось по десять миллиардов источников света, то что сейчас? Сейчас у них были лишь солнце да луна. Нелепая замена оригиналом, смешно.

Густав обогнал джип, но водитель не спешил уезжать со склада. Странник притормозил, не понимая, в чем дело. Носатый же прижался к стене и теперь отходил по ней вбок, все дальше и дальше от входа.

Странник посмотрел в боковое зеркало, но оно оказалось перенастроенным, и через него ничего не было видно, кроме борта корабля. Густав чертыхнулся и открыл дверь, высовываясь наружу.

У джипа тоже открылась дверь, и в проеме показался водитель. Он встал одной ногой на порог, обернулся назад, сделал резкое движение и вдруг бросил что-то в сторону балкончика со стоящими на нем людьми. Затем так же быстро исчез в салоне и рванул с места, моргая фарами и противно сигналя.

Не вдаваясь в подробности, Густав двинулся вслед за ним, еще не до конца понимая, что случилось.

Но когда они были уже на выезде, понимание пришло само собой. Раздался взрыв, и зад корабля подпрыгнул от волны воздуха, буквально выплюнувшей его со склада. Странник вцепился в руль, стараясь не потерять управление, и посмотрел в зеркало заднего вида. Там он смог разглядеть лишь Серого, всем телом прикинувшегося к заднему окну. Мимо просвистел кусок какой-то арматуры или облицовочного листа, Густав не понял этого, едва уловив краем глаза белый смазанный штрих.

Он ехал за джипом, не слезая с его хвоста, и старался не думать, зачем водителю понадобилось кидать гранаты в безоружных людей. Кем бы они ни были, странник заключил с ними словесный договор, пообещал не трогать. Он в принципе и не тронул, а вот водитель постарался на славу.

Густав еще раз посмотрел в зеркало и увидел Серого. Тот стоял на коленях, на полу, схватившись за голову, и смотрел куда-то вдаль через грязное стекло, но явно не видел там ничего, кроме своего отражения. Ночь была безлунной.

Они вырулили к светофору, и странник остановился, моргнув фарами. Джип, проехав чуть вперед, тоже затормозил, осветив все пространство позади себя ярко-алым светом стоп-сигналов.

Странник выбрался наружу. Отсюда было хорошо видно, что склад горел. Несильно, неярко, так как там просто нечему было взрываться. Часть здания рухнула, как провалившийся внутрь нос сифилитика, и над ним неспешно поднимался столб бетонной пыли.

Густав распахнул боковую дверь и сказал:

– Выходи.

В проходе появился Серый. Он держал руки возле груди, как будто баюкал младенца, и нервно грыз ногти. Странник показал пистолетом на асфальт:

– Спускайся и иди.

Серый спрыгнул, держась за вертикальный поручень, которым сам Густав никогда не пользовался. Разве что по пьяни, но в такие редкие моменты он сам не помнил, что делал, а что нет.

– Я тебя не держу, иди, – сказал Густав.

– Зачем вы их убили? – шепеляво спросил Серый.

– Я не хотел, это все он. Ты же видел, что я...

– Зачем вы их убили?! – крикнул Серый.

Зачем? Густава внезапно охватила дикая злоба. Он посмотрел на корабль, ткнул в него пальцем, схватил Серого за ворот рубахи и заорал:

– Затем, что ты, долбоеб, вместе со своим папашей отнял у меня дом! И я, придурок этакий, после этого хотел оставить тебя в живых. И оставил! Ты насрал мне в душу, по полной программе, и теперь я даже не ударю тебя, мудацкое ничтожество! Иди вперед! Живи! Только знай, что отец твой... – Густав запнулся, – отец твой... умер раньше, чем твои дружки. Я лишил его лица! Усвоил?! Пошел вон!

Странник потянул Серого за рубашку и швырнул его на асфальт. Парень кубарем покатился по пыльной дороге, жалобно крича и захлебываясь в слезах. Густав плюнул, вытер руки о штаны и залез в корабль.

Он рванул вперед, обойдя джип, и даже не удосужился взглянуть, успел ли водитель поехать за ним или нет. Не бестолковый же, в конце концов, сам найдет дорогу.

Густав выжал педаль акселератора на полную, разгоняя корабль, стараясь успеть до того момента, как закончится нормальная дорога. Ему не хотелось сейчас думать ни о чем. В тот приснопамятный миг, когда к тебе возвращается давно и горячо любимая женщина, у тебя не возникает желания заботиться о внешнем мире. В тот миг у тебя есть своя собственная вселенная, заключенная в ее глазах. И ты упиваешься возможностью не только любоваться ею, но и управлять. Это управление абсолютно бесконтрольное.

Странник включил всю иллюминацию, тщательно и досконально высвечивая дорожное полотно, стелившееся перед ним. Двигатель мягко гудел, теплый ветер ласково обтекал кузов. Корабль пел. Пел и странник, мыча с закрытым ртом какую-то одному ему известную песню. *Веселей, веселей, ну же, хочу, чтобы стало веселей!*

А Серый лежал на шоссе и смотрел в звездное небо, задыхаясь от неведомой ранее боли.

Мотыльки, видя спешащий куда-то прекрасный сверкающий источник света, из всех сил стремились к нему, но либо отставали, либо превращались в серые кляксы на лобовом стекле и носу корабля.

Вот так и всегда. Стремишься к чему-то идеальному и нужному, а погибаешь еще на подлете. Только странник не погиб. А добрался, долетел, докарабкался до своего идеала.

Уже на подъезде ко двору он спохватился, сбавил скорость и, взявшись за руль одной рукой, залез в бортовой компьютер, убирая оттуда активированный пункт в меню «Коммуникация» под названием SOS. Тотчас у водителя в джипе исчез с экрана красный ярлычок на карте, но он этого не заметил. Слишком устал.

Сегодня устали все, а кто-то получил и вечный отдых.

Глава 31

Два корабля общины остались ночевать во дворе, благо места в нем под стоянку имелось предостаточно. Не уезжать из города решили главные, на своей четырехместной машине, а также общий корабль номер пятнадцать, в котором жила дочь Маркова. Старик не хотел с ней расставаться, а так как в общем корабле проживало около десяти женщин разных возрастов, то они с радостью согласились провести ночь на удобных кроватях, искупаться, поесть и хоть как-то сменить привычную обстановку.

Верхние этажи третьего дома двора не совсем были подготовлены для зимовки, но в такую погоду в его квартирах могли жить даже младенцы. Кровать и открытые настежь окна – вот и все, что нужно для идеального сна на свежем воздухе, под крышей, на мягком чистом покрывале, которое выделила лично матушка Мария, предварительно перекрестив его и снабдив добрым словом на русском.

Остальная часть общины выехала за город, остановившись сразу после стационарного пункта ДПС. Это было немного символично, учитывая место дислокации Бояра, куда отправились водитель со странником, но никто не придавал этому особого значения. Автоинспекция так автоинспекция. Подумаешь, тоже мне новость.

Вообще, в новом мире мало обращали внимания на то, что успело потерять всякий смысл. Тени прошлого исчезают из памяти очень быстро. Здание ДПС превратилось в обычное здание, вот и все, никакой магии, только сооружение, похожее на круглый инопланетный звездолет, потерпевший крушение в этом захолустье. Архитектор постарался придумать его оригинальным, построив что-то вроде перевернутого конуса, водруженного на множество перекрещенных балок, делая его как будто парящим в воздухе.

Корабли общины расположились вокруг этого знака дорожной власти, потерявшего силу много лет назад, – зады внутрь, а носы наружу. Так легче было бы в случае чего стартовать с места, не зацепив и не сбив никого из своих. Все же никто еще не знал, чем обернется операция, на которую Густав подбил общину то ли благодаря природному обаянию, то ли посулив возможность разжиться внушительным запасом топлива.

Но теперь все решилось. Водитель сообщил по рации, что корабль странника возвращен и все могут спокойно спать до утра, не беспокоясь об их судьбе. В первую очередь сигнал ушел во двор, к главным, а затем водитель связался с другими кораблями, находящимися буквально на краю Тисок, но в пределах досягаемости сигнала.

Машины подъехали к воротам, и Густав посигналил. Створки открылись, пропуская их внутрь.

Густав знал, что их будут встречать, но не ожидал, что в таком количестве. Похоже, что

во двор вышли все жильцы. Одиноким фонарь на высоком телескопическом столбе освещал их тусклые фигуры и лица. Большинство было легко одето, чуть ли не в пижамах.

Странник осторожно проехал еще чуть-чуть вперед и остановился рядом с кораблем номер пятнадцать. Это был вместительный автобус со всеми удобствами, предназначенный для того, чтобы возить лучшую, цветущую и молодую часть, то есть женщин. О будущих матерях жители дорог заботились с особым усердием. Единственной проблемой таких автобусов было то, что они не годились для езды по бездорожьям нового мира и любое более или менее серьезное препятствие представляло для них непреодолимый барьер. Но, в силу того что общины никогда не сходили с давно проложенного кольцевого маршрута, подобные корабли практически не знали никаких проблем.

Фары потухли, и странник вышел на улицу. Кожа на лице, куда попала кровь Бояра, немного стянулась и доставляла не очень приятные ощущения, скорее моральные, чем физические. Густав потер веко, понимая, что так от засохшей крови не избавиться, нужно хорошенько умыться, как вдруг к нему навстречу из толпы вышел отец Захарий.

Он был при полном параде, даже борода казалась специально вычесанной, вымытой и опрятно уложенной.

Густав улыбнулся и сказал, обращаясь одновременно к Захарии и ко всем, кто вышел его встречать:

– Ну, здравствуйте. Или доброй ночи?

– Ты, – святой отец без всяких сантиментов ткнул пальцем в грудь страннику, – ты еще смеешь говорить нам слово «доброй»?!

– А что, злой, что ли, надо? – поинтересовался странник.

– Ты! – Захарий сжал кулак и потряс им перед лицом Густава. – Ты, убийца, думаешь с нами шутки свои гнилые шутить?!

– Убийца? – спросил странник. – Я убивал кое-кого в своей жизни, каюсь, да, но ведь фактически каждый из нас в этом мире не без греха. В чем же мой-то?

– Ты! Убил! Нашего! Брата! – выпалил отец Захарий. Его глаза налились кровью, и в них бурлила такая ненависть, что страннику стало страшно.

Он сделал шаг назад, но тут раздался еще один знакомый ему голос, приковавший его к месту:

– Ты убил Андрея, странник.

Люди расступились, и Густав увидел Семена, опирающегося на самодельный костыль, сделанный из двух толстых тополиных веток и увенчанный сверху сложенной вдвое и простроченной для крепости подушкой.

Он держался неловко, задрал раненое плечо вверх и наклонив голову, но в каждом движении читался вызов.

– С чего вы решили, что это я его убил? – спросил Густав.

– Бог сказал мне об этом, – холодно произнес Захарий. – И мы проверили. Один из охотников этой ночью съездил на заправочную станцию. Сходил на задний двор. Знаешь, что он там обнаружил?

Святой отец смотрел Густаву прямо в глаза, но страннику не было ни стыдно, ни обидно. Даже страх прошел. Люди, много людей, стоявших перед ним, молчали и ничего не спрашивали. Не перешептывались, не кричали, что он достоин смерти и что нужно его тут же прикончить. Внимательные и настороженные, в утреннем сумраке, который преломлял свет фонаря, они казались Густаву какими-то ненастоящими. Призраками без лиц. *(Я лишил его лица, усвоил?!)*

Он скрестил руки на груди и ответил:

– Знаю, что он там обнаружил. Это я убил его, да.

Отец Захарий вскинул руки и порывисто повернулся к людям, как коршун, бросающийся вниз за раненой, исчерпавшей последние силы птахой.

– Вы слышали?! Мы приютили убийцу нашего брата! Кормили, поили, дали ему кров, спасли от смерти. Бог сказал мне, что он безжалостное существо, которое не знает

сострадания. И, что самое страшное, я не до конца поверил нашему Богу, хотя всегда с подозрением относился к этому страннику! Но теперь, когда он признался в содеянном, из его рта потянуло могильным холодом! Он – убийца!

Густав напрягся. Сзади хрустнул гравий, странник обернулся – водитель стоял возле джипа, переминаясь с ноги на ногу, и растерянно смотрел на него. Со стороны ворот к нему подходили с ружьями наперевес охранники во главе с Игорем. Они остановились возле кораблей. Густав спокойно подмигнул им и слегка улыбнулся.

– И что теперь со мной будет? – спросил он.

Отец Захарий встрепнулся.

– Теперь ты умрешь, – отстраненно сказал он.

– То есть вот так, без суда и следствия, вы меня убьете?

– А ты что, убивал Андрея по какой-то другой причине?! По Божественному разумению, может быть?!!

Когда отец Захарий кричал, то получалось это у него отменно. Голос, натренированный в ежедневных проповедях, выходил из его легких и обширной груди скоростным составом, как корабль с турбированным двигателем, идущий на всех парах по прямой от старта до праздничной красной ленточки.

Густав понимал, что крик – это оружие Захария, и только его. Против святого отца следовало действовать немного иначе, мягче, с доказательствами, приводящими к неоспоримому преимуществу. Странник надеялся уйти в отрыв в этой гонке, имея на руках не мощный двигатель, а карту с указанием кратчайшей дороги до финиша.

– А если я скажу, что бог приказал мне убить Андрея? – сказал Густав.

– Что-о-о?! – воскликнул Захарий, а Семен хмыкнул и покачал головой, показывая, что не одобряет этот ход странника.

Даже толпа, до этой поры находившаяся в режиме ожидания, всколыхнулась. Кто-то испуганно засмеялся, кто-то охнул. Густав заметил, что матушка Мария схватила за голову, как только он произнес эти слова.

– Я это не просто так сейчас говорю, – сказал странник. – Я полностью признаю свою вину и могу признаться, что искренне сожалею, что так получилось. Но, послушайте меня, я же не беспричинный убийца. Никогда в своей жизни я не убивал просто так, да и не просто так – тоже! Сколько раз я встречал людей, которые не хотели расставаться с тем, что они держали при себе и что позарез нужно было мне. Разве я превращал их в трупы, как это принято повсеместно? Нет, я просто уходил, потому что живу справедливо, не по кодексу странников, а по кодексу чести. Своей, внутренней. Но убить Андрея меня заставили. И мне кажется, что это был ваш бог.

– Тебе *кажется* ? Как у тебя язык вообще повернулся сказать такие слова! – рявкнул отец Захарий.

– Давайте я просто вам покажу?

– Что ты нам покажешь?! Сейчас тебя выведут за эти ворота и там, под дулами ружей праведных братьев, ты сможешь показать все, что хочешь! Времени тебе дадут пять секунд. Успеешь?!

Отец Захарий призывно махнул Игорю, стоявшему за спиной странника, и Густав почувствовал движение – то, как охранники пошли к нему. Он уже дернулся к поясу, чтобы достать пистолет, но тут заговорил Семен:

– Погодите, люди, постой, святой отец. У меня возник вопрос к страннику: как ты можешь доказать нам, что с тобой говорил Бог?

– О чем ты?! Прекрати эту бессмысленную затею, Семен! – закричал Захарий. – Или ты встанешь на один уровень с грешником, чьи руки в крови по самые плечи? С Богом говорю только я, что может быть дано этому убийце, какая благодать?!

– И все же я могу предположить, что ты, святой отец, не единственный, с кем хочет говорить Бог. Если странник имеет возможность нам что-то показать, то почему бы не дать ему шанс? Вдруг это что-то божественное? Или ты возгордился и решил, что ты лучше нас,

твоих братьев и сестер, умнее нас и лучше всех знаешь об этой жизни?

Семен хмуро посмотрел на Захария. Тот ответил ему все тем же бешеным взором, могущим гнуть металлические балки, и коротко ответил:

– Ладно. Пускай. Я не против.

– Действуй, странник, – сказал Семен.

Густав кивнул и направился к джипу.

– Эй!

Игорь вскинул винтовку, но угрозы в его окрике было столь мало, а смятения и желания разобраться в ситуации – столь много, что страннику не пришлось ничего объяснять. Он просто сказал:

– Я сейчас, – и открыл пассажирскую дверь. Пролез за сиденье назад и достал оттуда свой рюкзак.

Нужная вещь нашлась в рюкзаке сразу, потому что Густав четко помнил, куда ее положил – в особый мягкий карман, чтобы она не повредилась в пути.

– Смотрите, – сказал он, показывая всем на открытой ладони черный плеер, тот самый, который когда-то нашел на заправочной станции. – Эту вещь перед смертью вручил мне Андрей. Он сказал, что она предназначена мне. Я же вышел на вашего брата совершенно случайно, нам нужно было пополнить запасы бензина, и на колонке я встретил Андрея. В стельку пьяного. Он почему-то сказал, что ждал меня и должен передать вот эту штуку. Мол, кто-то мне ее оставил. Тогда я включил ее и прослушал запись, как сделаете это сейчас и вы. А потом я задам вам всего два вопроса, после чего убивайте меня, стреляйте, творите что хотите.

Странник замолчал и без промедления включил плеер. Батарея оказалась почти разряженной, но ее должно было хватить на проигрыш монолога голоса. Густав хотел, чтобы люди слышали его от начала и до конца. Он быстро нашел нужный трек, выкрутил громкость на максимум и развернул динамик к толпе, вытянув и подняв повыше руку.

В динамике кто-то кашлянул и раздалось: «Раз-раз, раз-два...7»

Запись кончилась, Густав выключил плеер и бросил его в рюкзак. Закинул лямку на плечо и, переводя взгляд с лица на лицо, задал первый вопрос:

– Как бы вы поступили в моем случае, зная всю предысторию?

Люди молчали. Отец Захарий, нахмурившись, теребил бороду, пребывая в каком-то трансе. Захарий всей душой хотел прогнать абсурдный страх, проникающий в его душу все глубже с каждым словом, которое произносил *знакомый* голос.

Семен смотрел в землю, матушка Мария крестилась правой рукой, а левой держала свой нагрудный крестик в крепко сжатом кулаке.

– Похож ли этот голос на голос бога, святой отец? – Это был второй вопрос.

Отец Захарий открыл глаза и вдруг начал медленно оседать. Он упал на колени, тряхнув бородой и смотря в одну точку.

– Похож? – повторил Густав.

– Откуда у тебя это? – прошептал Захарий.

– Я уже говорил, – сказал странник. – Ничего не приукрасил. Я убил Андрея только потому, что этот голос оказал на меня громадное влияние. Не гипноз, нет, я не буду оправдывать свой грех влиянием бессознательного. Но думаю, что, если бы такое произошло еще раз, я бы повторил свои действия. Но ты не ответил на мой вопрос, святой отец. Похож ли голос?

– Бог... – Отец Захарий шумно сглотнул и перекрестился. – Бог звучал сейчас из этой вещи. Ровно как и в моей голове всего лишь несколько часов назад. И там, и там – Бог. Я не знаю, как это объяснить... Не для моего ума это дело, скрывать не могу, лгать тоже вера не позволяет. Как земля тебя носит еще, странник, удивляюсь, потому что за суетным не видишь ты вечного и все рушишь... Думаешь, что бьешь ногой по зеркалу, а ударяешь-то себе в лицо... Сложный ты слишком для счастливого человека, по дурости существуешь. И

не требуй от меня разъяснений, я и сам понять не могу, как ты получил эту запись и почему Он так с тобой разговаривает.

Люди молчали, слушая Захария, и только Семен следил за странником, не спуская с него глаз.

– Зато я знаю, как объяснить, – сказал Густав. – Я почти с самого начала догадался. Дело в том, Захарий, что это не бог.

– Как это – не Бог? – еле выдавил святой отец.

– Очень просто. Я долго думал, и выходит, все сводится к одному. Предыстория вашей семьи, двора или общины, называйте как хотите, слишком сладкая. Для чуда – в самый раз. Но посмотрите на вещи прямо, не искажая их глупым воображением. Эта церковь, – странник показал на здание, где всегда горела маломощная желтая лампочка над входом, – была построена до вашего появления здесь. И не случайно, нет. Я считаю, что специально для таких, как ты. Мне приходилось слышать о подобных вещах из рассказов странников, но тогда это больше походило на страшилки у костра, чем на реальность. Черт, я и о Легионе когда-то думал точно так же! Теперь вот, когда самолично столкнулся с этим, я склонен им верить.

– О чем же говорится в этих «страшилках»? – спросил Семен, сделав ударение на последнем слове.

– О том, что кто-то потрошит людей, вшивая им датчики, как в машины. Странники называют его хирургом. Не знаю, почему так, мне это слово ни о чем не говорит. Но вроде бы однажды пропал странник, а потом очнулся вдалеке от своего корабля, с зашитой брюшиной. Он как-то добрался до машины и прожил после этого год, хотя некоторые говорят, что и все пять лет. А в один прекрасный день решил включить общий навигатор... Это такая штука, которая отслеживает любые источники сигнала, а не только нашу волну. И он обнаружил, что сам является источником. – Густав замолчал и задумался, а затем продолжил: – Его каким-то чудом аккуратно вскрыли и вытащили из живота маячок. Он-то и давал сигнал. Странник говорил, что то место, где сидел датчик, у него болело и как будто током било, когда он к чему-нибудь металлическому прикасался.

– При чем тут Бог и церковь? – спросил отец Захарий.

– Вот при чем. – Густав щелкнул пальцами, стараясь подобрать слова и выстроить логическую цепочку. – Семен рассказал мне историю о том, как у тебя появился шрам. Я вспомнил, что ты держался за металлическую дверь церкви, когда говорил якобы с богом. Потом я осмотрел церковь изнутри и увидел там проводящие пластины, которые ведут наверх, к антенне стало быть, крест на верхушке очень для этого подходит. Все это сделано для усиления сигнала. Кто-то зашил в тебя передатчик, Захарий. Вернее, не кто-то, а обладатель этого голоса, который знает много обо мне и обо всех. Все было предопределено. Он ведь и привел вашу общину именно сюда, чтобы легче было с тобой общаться и нести людям определенную информацию. Он и меня хочет вести, просчитывая каждый шаг. В этом плане мы с тобой вроде родственников, только в мои кишки или мозги ничего не впихнуто, что не может не радовать. Скажи, ведь изначально голос плохо слышался? Почему ты стал прикасаться к церкви при контакте?

– Поначалу я слышал его как будто издали, с помехами, с треском, – ответил Захарий. – А когда мы переехали в этот двор, стало легче. В церкви я слышал его хорошо, а однажды утром упал, коснувшись алтаря, и меня как будто лучом света пробило. Его голос заполнил всю мою голову, все тело, до кончиков пальцев на ногах, весь разум. Это было... прекрасно, божественно. На меня спустилась благодать.

– Это был человек, который затеял странную игру, Захарий, – сказал Густав.

– Но погоди. – Святой отец поднял руку. – Где же во мне этот передатчик зашит и как он действует?

– Где шрам – там и передатчик. – Густав постучал себя по лбу. – В голове, стало быть.

– В голо...

Отец Захарий ощупал свою голову и провел пальцем по шраму. Потом посмотрел на

Густава, повернулся к людям, ища поддержки, и вдруг упал на руки, встав на четвереньки. В горле у него заклокотало, и его вырвало тугой жидкой струей. Люди отшатнулись, и лишь матушка Мария бросилась к святому отцу, заботливо взяв его за плечи, как и тогда, при его очередном приступе «разговора с Богом».

Густав поморщился, учуяв кислый запах непереваренных консервов вперемешку с морковью и свекольно-чесночным салатом.

– Я не верю, – прокаркал Захарий, и его снова вырвало.

– А я верю, – громко выкрикнул Семен и заковылял к Густаву.

Подошел к нему, убрал руку с костыля и протянул ее страннику.

– Все это выглядит очень странно, но я верю тебе, Густав, – сказал он. – И все, что я услышал из этого плеера, не очень хорошо тебя характеризует как человека. В самом деле, ты настоящий говнюк. Но... ты такой, какой есть. И Бог, этот голос, для многих из нас это настоящее потрясение.

Отец Захарий попытался подняться с колен, у него это не получилось, и он закричал, тряся кулаками и задыхаясь:

– Я не верю, Господи! Я не могу поверить в это!

Матушка Мария обняла его, присев рядом, недалеко от расползающейся лужи зловонной блевотины, и тихонько заплакала. Ей вторило еще несколько голосов из толпы.

Густав пожал руку Семену и сказал:

– Прости меня, что так вышло.

– Тебе не нужно просить прощения. Помнишь, ты сказал, что не надо быть благодарным тебе за спасенную жизнь. Так вот, считай, что мы в расчете.

– Спасибо. – Странник улыбнулся.

– Честно признаться, я всегда колебался в вере, вопрос ведь сложный. Иногда на меня нападало что-то жуткое, засасывающее в трясину неизвестности, и я готов был отдать Богу свою жизнь, целиком, без остатка. А иногда охватывали тоска и неверие, которые я старался порубить на мелкие куски с помощью разума и выкинуть куда подальше. Но не получалось, я всего лишь прятал эти чувства под половичок, что лежит у меня возле кровати. Потом, проснувшись, наступал на них, находил, собирался обратно, и все начиналось заново... Ладно, это уже в прошлом. – Семен досадливо махнул рукой. – Лучше скажи, что там с твоим кораблем, удачно все прошло?

– Пойдем сядем возле подъезда на лавочку, и я тебе все расскажу, – сказал Густав.

И они пошли, как старые друзья, вместе, плечом к плечу.

Люди расходились по домам, поодиночке и группами. Кто-то оставался возле отца Захария, но на расстоянии, не подходя ближе. Он же лежал на земле, а его борода торчала вроде бы горделиво, но одновременно с этим и как поверженный стяг. Матушка Мария сидела рядом и гладила его по голове, что-то быстро, судя по движению губ, проговаривая.

Некоторые жители двора задерживались возле Густава, кивая или говоря ему что-то будничное, другие проносились мимо, неся за собой шлейф ненависти и страха, словно это странник лишил их веры в сказку. Впрочем, так оно в принципе и было, если опустить некоторые моменты.

Густав не обращал на них внимания. Он рассказывал Семену о том, что произошло на территории автоинспекции, и охотник слушал его и, казалось, был полностью погружен в разговор. Но иногда в его глазах мелькало что-то туманное, какая-то пасмурная морозящая туча заслоняла их, и тогда, Густав видел это, Семен не слушал его, а пытался наладить контакт с своим внутренним Я.

Охотник тихо боролся с тем, что сводило с ума отца Захария.

Прошел к себе Игорь. Он не сказал страннику ни слова, только холодно улыбнулся.

А Густав все говорил и говорил, между делом стараясь ногтями оттереть багровые пятна крови у себя с лица.

Рассветало.

Глава 32

Светло-серый дымчатый купол неба. Предрассветные часы. Еще минут тридцать или даже сорок пять, до пробуждения двора. Коровы сонно хлопают глазами, козы трясут кургузыми хвостами и лижут прохладную металлическую сетку забора.

Охрана дремлет на своих местах в полусонном ожидании пересменки. У одного по длинному стволу помпового ружья стекает роса, прокладывая зеркальные дорожки на черной матовой поверхности.

Город находится в состоянии человека, который знает, что скоро прозвенит будильник, но пока что он еще спит с блаженным осознанием того, что у него есть *время*. Время... в новом мире его сколько угодно. Огромное количество, целое цунами часов и минут, обрушившееся на планету.

Раньше людям всегда не хватало времени. На множество вещей, от мелких до очень крупных. Время постоянно ускользало, за ним гнались, его пытались усмирить, отрезать себе кусочек побольше, направить в нужное русло. Но никогда не получалось. Время сбивало людей, как широкая равнинная речка с сильным течением и холодными, сводящими ноги стремнинами. Теперь же их, вернее, те жалкие остатки, что населяли новый мир, буквально взяли и окунули во время. На, пей, дыши, захлебывайся, выплевывай, глотай.

Но вот что странно – сразу же после этого время утратило свою ценность. Человек получил бразды правления временем. Легион пробил плотину, которая жадно держала весь этот океан тикающих растрат. Время... Да, в какой-то мере оно по-прежнему оставалось независимым и плевать хотело на людские потуги, без промедлений и остановок неся каждого от истока до устья. Но теперь ко времени относились без должного пиетета.

Стало меньше причин для того, чтобы дорожить им. Стало больше возможностей обходить эти самые причины. И появилось множество дорог, на которых значение времени можно было бы сильно принизить, если не исключить вовсе.

Странник стоял возле своего корабля и протирал лобовое стекло. В эту ночь он не спал, посвятив ее глобальной мойке. Он помыл машину, а затем и сам встал под душ, после чего тщательно побрился, и теперь нижняя половина его лица смешно контрастировала с верхней, более темной от загара.

Детальный осмотр корабля показал, что Бояр практически ничего в нем не тронул, только постельное белье на кушетке было грязным. Густав с омерзением выбросил его, заменив тем, на котором ночевал в квартире. С разрешения Семена.

Охотник не стал его провожать, после их разговора на лавочке он пошел спать, так как действительно ослаб и плохо себя чувствовал из-за потери крови. Хотя если бы он подозревал, что больше никогда в жизни не увидит странника, то не поступил бы так. Густав не решился сказать ему, что уезжает столь скоро.

Он вообще никому об этом не сообщил, кроме Маркова и водителя, под щетку «дворника» которого засунул записку с подробным указанием местоположения топливных резервуаров.

Старик же был здесь. Тоже не дремавший ни минуты, всю ночь общавшийся с дочерью, он угрюмо сидел в салоне на пассажирском сиденье и протирал панель влажной губкой.

Вычищенный, пусть и не до блеска, корабль смотрелся отлично. Странник с досадой потер пальцем пятно от птичьего помета, который буквально въелся в краску, но с ним уже ничего нельзя было поделать.

Он не стал сразу садиться за руль, подошел к Маркову, прислонился плечом к стойке дверного проема и спросил равнодушно, смотря куда-то вдаль, на серое небо, на волнистую дорогу, выкатывающуюся ему навстречу из туманного горизонта:

– Ты со мной?

Марков остановился, сжал губку в кулаке и откинулся на спинку сиденья.

– Наверное, я не смогу, странник, – сказал он, немного подумав.

– Почему?

– Из-за дочери. Я больше не хочу оставлять ее одну. Мне не так уж много осталось жить, если подумать. Я не слишком здоров, да и не в этом даже дело. Не в годах, которые впереди, а в годах, которые я упустил по собственной воле. Она... Я должен быть рядом с ней.

– Понимаю. – Странник засунул мокрые руки в передние карманы джинсов. – А если вы поедете вместе со мной?

– Втроем? Нет, это не вариант, ей нужна спокойная жизнь. Она член общины, с тобой же... Да что тут говорить, ты сам все знаешь, – грустно сказал Марков.

– Угу. Ты точно решил?

– Конечно, куда уж точнее. Спасибо тебе за все, что ты сделал для меня. Без тебя я вряд ли встретил бы дочь и вообще вряд ли остался бы в живых. Люди говорили о вещи, которая нужна тебе от общины. Они знают, что это за вещь, и если тебе...

– Мне не надо, – сказал Густав. – Я не буду ее забирать, пускай останется у них. Не знаю, что в ней такого особенного, но им она пригодится больше, чем мне.

– Но как же твой отец?

– Что отец? Я уже почти не помню его, воспоминания слезают, как обои в сырой комнате. Скоро останутся одни голые стены. Ты нашел дочь, я вернул себе корабль. Ты получил жизнь, о которой мечтал, а я – мечту, которой жил. Все нормально, старик, все хорошо.

Старые джинсы спадали с Густава, он подтянул их. За время проживания в городе он похудел килограммов на пять, и ему требовалось проколоть новую дырку в ремне. Тут помог бы нож. Или новый ремень. Или новые джинсы. Теперь странник мог позволить себе что угодно, мир, полный еще невиданных и неношенных вещей, снова оказался открытым перед ним.

Но почему-то ему было слегка грустно.

– Вы сегодня уедете из города? – спросил он у Маркова.

– Да. Они собираются сегодня, набрав нужных продуктов и лекарств. Я вроде как знаю места, да и Семен обещал подсказать.

– Жаль, что не смогу поехать с вами. Мне в другую сторону.

– Мне тоже жаль, странник.

Марков оперся на плечо Густава и вылез из кабины. Оглядел странника с головы до ног и улынулся:

– Ты хороший парень, несмотря на то что происходило в твоей жизни. Я даже немного тебе завидую. Не подумай, если бы не обстоятельства, я бы поехал с тобой и дальше стеснял бы тебя своим присутствием. Но у меня есть дочь, Густав. Дочь. Появилась у меня Таня внезапно, как будто только что родилась. И смех и грех.

– Это здорово. – Густав обнял Маркова и похлопал его по спине. – Передавай привет всем, кто про меня спросит. И, если получится, увидимся еще.

– Попросим у богов, – сказал Марков.

Странник отпустил его и внимательно посмотрел в лицо:

– У богов? Ты вернулся к своей вере, старик?

– Наверное. – Марков пожал плечами. – Одно ясно: если Бог и существует, то не в головах всяких там святых отцов, а в наших. В твоей, моей... И разговаривает он одним нам известным и слышимым голосом. Я так считаю.

– Правильно.

Густав сделал шаг назад.

– Ну, пока? – сказал Марков. Глаза его заблестели, покраснели старческие расширенные капилляры, затряслись морщинистые веки.

– Пока.

Взмахнув рукой, странник обошел корабль вокруг и сел на водительское сиденье. Завел двигатель, включил кондиционер. В холодильном бардачке у него лежала бутылка с водой, и уже минут через пятнадцать работы двигателя она должна была стать ледяной. Тогда Густав

впервые за долгое время попробует настоящую холодную воду, ломящую зубы, а не ту теплую мочу, которой наполняли резервуары в домах.

Ровно через пятнадцать минут Тиски исчезнут из его жизни.

Солнце поднялось еще немного выше, постепенно рассеивая серую пелену облаков. Марков помахал рукой, развернулся и пошел к воротам. Там, внутри двора, его ждал Игорь, который пожелал сохранить нейтралитет, не зная, как правильно вести себя с Густавом. К сожалению, времени на то, чтобы узнать это, у него не было, но он и не думал об этом.

Щелкнули блокираторы дверей, включился навигатор, сзади, под кушеткой, громыхнуло охапкой сложенной оружие. Корабль разогнался, оставляя все дальше и дальше двор, на какой-то промежуток жизни ставший для странника вторым домом.

Там же оставались его надежды найти отца. Но он сознательно пошел на такой шаг. Быть ведомым в этой игре без правил ему не хотелось. Черная повязка на глазах и мыслях давила сильнее, чем боль о потерянном детстве.

Странник оставался странником всегда, даже и в самых затруднительных ситуациях.

Он посмотрел на себя в зеркало заднего вида и улыбнулся.

Послесловие

Отец Захарий лежал в кровати и смотрел в потолок. Ему было жарко. Ночь, темно. Он разделся догола, повесив трусы на изголовье кровати и укрыв бедра одной лишь тонкой простыней.

Иногда он прикасался к своей голове и тут же отдергивал от нее руки.

Захарию было страшно.

Он постоянно прислушивался, каждую секунду все ресурсы его мозга работали на то, чтобы слышать. Услышать, уловить. Но ничего не происходило. И это дарило мимолетное облегчение.

Странник давно уехал, и это радовало отца Захария, потому что терпеть рядом с собой человека, принесшего смуту в семью, он не намеревался. Жить с тем, кто лишил его веры, было выше его сил.

Тишина внутри головы.

Отец Захарий перевернулся на бок, подложил подушку под щеку и задумался. Почему все так? Кто и зачем воспользовался им? Кто все это время с ним разговаривал и доносил до него истину, с которой Захарий почти всегда соглашался на все сто процентов?

Он верил, что это был Бог. В какой-то момент отец Захарий даже подумал, что не Бог говорит с ним, а это он, Захарий, говорит с Богом и вовсе может обходиться без Него. Конечно, он гнал подобные мысли куда подальше, но иногда это не удавалось, и святой отец впадал в сладкие размышления на тему своей уникальности.

Он думал о том, какой фигурой останется в памяти потомков. Ведь именно для того, чтобы оказать должное и возвышенное впечатление, он на проповедях всегда подбирал специальные слова и старался говорить красиво. Он наловчился излагать примитивные вещи так складно, что они, выходя из его уст, превращались в настоящее откровение.

Отец Захарий ловил на себе восхищенные взгляды и понимал, что люди видят в нем Бога, а он при этом знает, что это почти правда, ведь он имеет ни с чем не сравнимую возможность *слышать Бога в себе*.

И вот все закончилось. Он перестал быть Фигурой.

Когда он услышал слова из плеера странника, то сразу понял, кто это говорит. Поначалу он даже подумал, что и на странника вышел Бог, но чем дольше звучал голос, чем больше страшных вещей он рассказывал, ничуть не стесняясь в выражениях, тем больше отец Захарий понимал, что это говорит обычный человек.

Пускай даже не совсем обычный, так как его действия и знания не укладывались в нормальные рамки восприятия, но все же человек. Бог не позволил бы себе такой речи. О, нет, никогда. Бог...

Отец Захарий перевернулся на другой бок. Скрипнула кровать.

* * *

Вика пристроилась на плече Димы. Ее самый любимый на свете мужчина крепко спал, без храпа, тихо дыша и радуя жену гладкой бритой щекой. Он всегда брился на ночь, и это чрезвычайно нравилось Вике.

Вообще ей нравилось в докторе все. Любая одежда, какую бы они ни находили, сидела на нем просто отлично. Он умно рассуждал. Он мог успокоить и мог устроить ей какой-то совершенно невероятный сюрприз, даже не подарок, а некое событие, о котором она и мечтать не могла.

Он обладал знаниями и статусом в семье, но при всем при этом Вика чувствовала себя с ним королевой, а не служанкой при самодовольном принце.

Она погладила Диму по груди и нежно подула ему в ухо. Доктор заворочался, смешно сморщил нос, но не отстранился.

Еще один плюс в их отношениях. Нежность и взаимопонимание.

Вика улыбнулась. Уже поздно, и ей пора было спать, но сон все не шел. Она немного сожалела, что не успела попрощаться со странником, хотя ей хотелось это сделать. Ей казалось, что он был бы рад увидеть ее перед отъездом, потому что она произвела на него положительное впечатление. Женское чутье подсказывало Вике, что странник даже немного влюбился.

Это грело душу, потому что странник был красив.

Но Вика любила положительного и основательного доктора. Странник явился из другой жизни, в которую интересно заглянуть, но в ней нельзя оставаться надолго, даже на минуту, иначе засосет.

Ветер через открытое окно пронесся по ряду цветков в горшках, стоящих на подоконнике, и донес до супружеской кровати опьяняющую ночную прохладу. Вика сладко потянулась и вдруг вздрогнула, уловив краем глаза, что дверь в их комнату начала медленно открываться.

Сначала девушка не поняла, что происходит. Вика поморгала, думая, а не спит ли она и не чудится ли ей это, но дверь продолжала уверенно открываться.

Вика потрясла Диму за плечо, но он не проснулся, а лишь что-то пробурчал во сне. Тогда девушка протянула руку к выключателю. Мягко вспыхнул и начал разгораться ночник. Дверь прекратила свое движение. Вика, не сводя с нее глаз, включила второй ночник, который полагался им по статусу, как семейной паре.

Комнату озарил свет. Если бы кто-то посмотрел на дом с улицы, то единственный желтый квадрат на монолитной темной громадине как раз и был бы квартирой доктора.

Дима сонно приоткрыл глаза и спросил:

– Ты чего?

– Тут кто-то есть! – прошептала Вика.

– Кто? – Доктор протер глаза и огляделся. Остановил взгляд на двери. – А почему дверь открыта?

– Я про нее и го...

Но Вика не успела договорить. Дверь неожиданно снова пришла в движение и открылась настежь. В комнату ввалилась чья-то фигура, и девушка взвизгнула. Дима вскочил, сбросив одеяло, но тут же упал на кровать, так как человек, ворвавшийся к ним, ударил его.

Щелкнул затвор. Свет ночников вполне четко освещал бледное лицо Семена. Он стоял, слегка шатаясь, и улыбался.

Вика вцепилась в руку Димы, но он только потряхивал головой, разбрызгивая по груди кровь, которая шла из сломанного носа. Приклад дробовика пришелся ровнехонько туда.

– Ну, ночи доброй, – сказал Семен. – Не спится?

– Что ты делаешь, придурок?! – взвизгнула Вика.

– Тсс! – Семен прижал указательный палец к губам. – Заткнись, или я тебя заткну.

– Что?! Что ты вякаешь тут, козел?! – Вика и не думала убавлять громкость.

Семен внезапно сделал резкий выпад и ногой ударил Диму в голову. Доктор не успел закрыться, голова с хрустом дернулась на шее, и он обмяк прямо на руках Вики. Девушка широко открытыми глазами посмотрела на Семена.

– Еще раз повысишь голос, я и убью его, – почти ласково сказал он.

Дима зашевелился и застонал. Вика наклонилась к нему, стянула с подушки наволочку и углом вытерла кровь с лица доктора.

– Тише, тише, – прошептала она, – все будет хорошо.

– Хорошо? – оживился Семен. – У вас-то – да! У вас все хорошо, просто отлично. Доктор и жена доктора. Я умилен. Ты гордишься своим статусом, Вик?

– Что тебе от нас нужно? – прошипела девушка. Страх постепенно исчезал, на его место пришли злость и женская ненависть, на уровне инстинктов, на уровне самки, в чей дом забрался непрошенный гость и пытается разрушить ее так уютно устроенный быт.

– Поговорить, вот и все.

– О чем можно говорить в таком формате? Между нами все уже давно решено, придурок! За то, что ты сделал, тебя выгонят из семьи, если не хуже!

– Нет, ты ошибаешься.

– Я не ошибаюсь, я точно это знаю!

– Не торопись. И это, прости за мужа. – Охотник дружелюбно подмигнул девушке.

– Да пошел ты! – крикнула Вика.

Семен сразу же погрузился и сосредоточился. С лица его селевым потоком смыло благодушие, обнажив дно, целиком состоящее из камней решительности и песка раздражения.

Он плотно закрыл дверь, обошел кровать и со всей силы ударил Вику по лицу кулаком. Она взвизгнула, подавившись выбитым зубом, который буквально влетел ей в горло, и закрылась руками.

– Я же сказал – без криков, – прошептал Семен и опять улыбнулся.

На белой простыне расплзлась кровавая абстракция.

* * *

Отец Захарий пел. Сначала он мычал про себя, затем начал негромко произносить отдельные фразы, потом перешел на полное и цельное исполнение, стараясь целиком сосредоточиться на песне.

Но у него не получалось.

А шум в голове усиливался.

Его тошнило и мутило. В ушах трещало, как в радиоэфире, но отец Захарий закрыл уши и пел. Пел, пел, пел.

Лежать было уже невыносимо, и он встал. Подошел к окну и начал жадно глотать свежий воздух, продолжая выть свою грустную песню.

Шум не прекращался.

Захарий убрал руки от головы, и ему показалось, что теперь и в пальцах его что-то шебаршит, как музыка в испорченном динамике. Он с ужасом посмотрел на них и упал животом на подоконник. Из недр желудка ко рту опять подступила рвота, от мерзкого привкуса которой он не смог до конца избавиться за целый день, прошедший как в бреду.

Шум возростал.

Это был голос, так он появлялся всегда. Отец Захарий уже приучился к мысли, что никакого голоса нет. Что это его фантазии. Что никто ничего не вшивал ему в голову. Что он чист. Перед Богом и перед самим собой. Заставил себя поверить в это.

Шум прекратился.

Возникла чистая, пронзительная тишина. Казалось, ее можно было брать, резать на тонкие дынные ломти и с наслаждением поедать.

Отец Захарий счастливо рассмеялся. Неужели прошло?! Неужели голос отступился?!

Он поднялся с подоконника. Ноги и руки дрожали. Отец Захарий, забыв, что он голый, включил свет и снова подошел к окну. Там легче дышалось и думалось.

Рвотная масса все еще курсировала где-то в районе глотки, но уже не столь настойчиво просилась наружу.

– Благодарю, – прошептал отец Захарий и тут же согнулся от боли, которая пронзила его черепную коробку. Во рту снова возник вкус блевотины, и голос, тихий, потому что святой отец не пользовался усилителем сигнала, произнес: *«Раб мой, я в гневе, ты не остановил братоубийцу и богоотступника!»*

* * *

Семен сидел на корточках и держал между большим и указательным пальцем истекающее кровью вперемешку со слюной и соплями лицо Вики. Дробовик он уткнул дулом в пах Димы, который лежал ни жив ни мертв, быстро вращая глазами, и тщетно пытался найти выход из сложившейся ситуации.

Но выхода не было.

– Что же ты наделала? – говорил Семен. От него сильно пахло алкоголем. – Я пустил тебя внутрь своей души, дал тебе все, что в ней было, а ты взяла и растоптала, обоссав углы. Я думал, что ты мудрая женщина, что ты сумеешь просто сказать мне, по-хорошему, как обстоят дела. Не обманывать, не вести себя как настоящая стерва и блядь. Но ты этого не сделала. Ни-че-го ты не сделала для меня. Почему же?

– Прости, – Вика шепелявила. Подбородок ее, скользкий от крови, прыгал и вырывался из пальцев Семена, но он держал крепко, как волчий капкан.

– Это уже ни к чему. – Семен расстроенно покачал головой. – Ты не заслужила прощения, потому что это твоя натура. Ты шлюха. Ты живешь с этим замечательным доктором, да?

Охотник дернул дробовиком, и Дима вздрогнул, покосившись на него заплывшим глазом.

– Да, – прошептала Вика.

– А зачем ты клеилась к страннику? Зачем ты крутишь хвостом перед каждым мужиком в нашем дворе, включая меня, ущербного?

– Я не... кручу... хвостом.

– Хватит врать. Хватит врать!

Семен сжал пальцы так сильно, что челюсть у Вики хрустнула и из глаз в буквальном смысле брызнули слезы. Дима попытался помочь ей, но Семену достаточно было лишь поднять ствол дробовика повыше, заехав ему в кадык. Дима схватился за горло и со свистом, страшно, как будто задышался, начал шумно втягивать воздух.

– Ты врешь всю жизнь, – сказал Семен, не обращая внимания на судороги Димы. – Достойна ли такая потаскуха жить на этом свете, поделись соображениями?

Вика опустила голову и зарыдала во весь голос.

* * *

Отец Захарий стоял на подоконнике, держась за раму открытого окна. Ветер приятной прохладой скользил по его потному голому телу.

Голос в голове говорил, не останавливаясь. Он то пропадал, то появлялся вновь и требовал, требовал ответа.

Но Захарий молчал.

Единственное, чего ему хотелось сейчас, – избавиться от этой чешущейся твари в своей

голове.

Он взглянул вниз. Седьмой этаж, твердый асфальт. Святой отец любил подниматься по лестнице, это способствовало профилактике одышки, что при его серьезной комплекции являлась старой и серьезной проблемой.

Голос не умолкал.

Захарий посмотрел вниз, затем наверх, на небо. Перекрестился.

* * *

Семен закончил бить Диму по голове. Доктор лежал на кровати, обезображенный и недвижимый. Он перестал сопротивляться уже после третьего удара, но охотник и не думал прекращать избиение.

Наконец, когда в чертах лица этой мясной куклы, лежащей на кровати, уже нельзя было узнать успешного доктора, к которому ходило больше половины семьи, Семен слез с кровати, на которую забрался с ногами, и удовлетворенно крикнул.

Вика сидела, забившись в угол, и молчала, тупо уставившись в стену. На щеке у нее расплывался огромный синяк, порванная майка и трусы ничуть не скрывали те места, которые так сильно когда-то любил Семен.

Он подошел к ней, одеялом стирая с дробовика кровь. Затем, когда цевье и спусковой крючок были очищены, упер приклад в плечо и прицелился девушке в голову.

– Я долго думал, – сказал он. – И решил, что не могу жить без тебя. Но я не могу допустить, чтобы и ты жила без меня.

Семен снова подмигнул Вике, но она этого уже не увидела.

* * *

Отец Захарий закрыл глаза и сделал шаг вперед.

Его тело с рыбьим хрустом распласталось на асфальте ровно в тот момент, когда в предутренней тишине прозвучал выстрел из дробовика.

И когда святой отец в последний раз в своей жизни конвульсивно пошевелил сломанной рукой, размазывая липкую кровь по гладкому бордюру, грянул второй выстрел.

Двор проснулся.

«Ты угроза для этого мира, Густав, для мира, который пропитан смертью, ты – угроза ! Только вдумайся! Тебе не страшно?

Мне вот страшно».